

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

Май — Июнь

1984

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Н. Чижикова (Москва). Особенности этнокультурного развития населения Воронежской области	3
Т. А. Николаева (Киев). Народные конструктивно-художественные приемы в традиционной и современной весенне-осенней верхней одежде украинцев	14
И. М. Линдер (Москва). Шахматные реалии в былинах	29
О. Ю. Артемова (Москва). Индивидуальная специализация в обществе аборигенов Австралии	40

Дискуссии и обсуждения

Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры: Вопросы. Ответы на вопросы: Б. Н. Путилов (Ленинград); А. К. Байбурин (Ленинград); В. Е. Гусев (Ленинград); Ю. И. Смирнов (Москва); Э. А. Рикман (Москва)	51
---	----

Этнография в музеях

Т. В. Станюкович (Ленинград). Музеи Болгарии	64
Р. Г. Кузеев, А. Х. Пшеничнюк, Н. В. Бикбулатов (Уфа). Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР	75

Из истории науки

С. Б. Лебедев (Ленинград). А. Н. Пыпин и его проект историко-этнографической экспедиции на Балканы	83
Э. А. Рикман (Москва). Этнографические аспекты работ Бухарестской социологической школы между первой и второй мировыми войнами	92

Сообщения

Н. П. Борзых (Фрунзе). Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов	101
Г. М. Давыдова (Москва). Подход к изучению популяций в антропологии	112
А. Мардонова (Душанбе). Обычаи и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зеравшана в прошлом и настоящем	120
Э. Ю. Джавадова, Г. Д. Джавадов (Баку). Народный земледельческий календарь и метеорология азербайджанцев в XIX — начале XX в.	128

Восски, факты, гипотезы

В. И. Жельвис (Ярославль). Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях)	135
---	-----

Хроника

- А. Е. Тер-Саркисянц, И. Ю. Заринов (Москва). Работа Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1983 году 144

Научная жизнь

- С. Бадамхатан (Улан-Батор), А. М. Решетов (Ленинград). Первый советско-монгольский этнографический симпозиум 153
В. И. Васильев (Москва), Н. А. Томилов (Омск). Всесоюзная конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов» 157
В. Г. Стельмах (Москва). Совещание, посвященное формированию паниндийской общности в США 160
Коротко об экспедициях 161

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- А. С. Мыльников (Ленинград). Проблемы формирования наций в Восточной Европе в оценке современной венгерской историографии 164

Народы СССР

- В. М. Кулемзин, Н. А. Томилов (Омск). *Этническая история народов Севера* 168
С. А. Арутюнов (Москва). *Е. И. Деревянко. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры* 170
А. Г. Козинцев (Ленинград). *Л. И. Тегако, И. И. Саливон, А. И. Микулич. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья)* 172

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Л. Н. Чижикова

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Воронежская область, расположенная в пределах более обширной русско-украинской этноконтактной зоны, представляет значительный интерес для изучения закономерностей и тенденций развития этнических традиций, процессов культурного взаимодействия между разными этноами. Сложившиеся здесь группы русского и украинского населения не были однородными в этнокультурном аспекте, поскольку в их состав в период длительных миграционных движений вливались переселенцы различного социально-сословного статуса из разных мест России и Украины. Результатом сложных историко-социальных процессов явилось многообразие местных локальных вариантов бытовой культуры, сформировавшихся в разное время под влиянием комплекса факторов, взаимодействующих между собой. В статье рассматриваются тенденции этнической и культурно-бытового развития русского и украинского населения на территории современной Воронежской области со второй половины XIX в. до настоящего времени, процессы культурного взаимодействия между различными этническими группами населения¹.

Воронежские, как и другие земли центрально-земледельческого района, были древней территорией расселения славянских племен². В течение нескольких столетий здесь происходили столкновения земледельческого славянского населения с тюркоязычными кочевниками. В XIV—XV вв. эти районы были известны под названием «дикого поля» в связи с сильным опустошением их в результате ордынских нашествий. Однако в стороне от «татарских шляхов» отдельными островками могли уцелеть местное славянское население этого края³.

В начале XVII в. уже было много селений по берегу Воронежа, особенно по Дону и Усмани. Систематическое заселение воронежских земель как русскими, так и украинцами происходит лишь во второй половине XVII — начале XVIII в., после того как на южных границах Русского государства была создана военно-сторожевая служба с системой оборонительных сооружений, сыгравших большую роль в освоении юга страны. Были построены города-крепости: в 1585 г. — Воронеж, в середине XVII в. — Ольшанск на речке Ольшанке, Коротояк и Урыв на Дону. Острогожск на Тихой Сосне. Примерно в то же время или несколько позже в этих районах постепенно возникают и сельские поселения, здесь обосновывались русские служилые люди, беглые крестьяне и холопы из соседних, ранее заселенных мест, и более отдаленных, центральных районов России. Так, например, Коротояк и его ближайшие слободы были построены и заселены в 1647 г. детьми боярскими, казаками, стрельцами и пушкарями, переведенными из Ельца, Чернавска, Данко-

¹ Статья написана по материалам экспедиционных обследований сельских жителей Воронежской обл., проведенных сотрудниками Института этнографии АН СССР в 1977 и 1980 гг. в Нижнедевицком, Острогожском, Подгоренском и Павловском районах (б. Нижнедевицкий, Коротоякский, Острогожский, Павловский уезды Воронежской губернии). Используются данные переписей населения, литература, архивные источники, коллекции из фондов Государственного музея этнографии народов СССР (далее ГМЭ) и Воронежского областного краеведческого музея (далее ВОКМ).

² Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура). Воронеж: Изд-во воронежск. ун-та, 1981.

³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 415—422.

ва, Ефремова, Талицы, Епифани и Лебедяни⁴. Нижнедевицкий уезд заселялся служилыми людьми из ближайших уездов Воронежской, Курской и Орловской, а также из Черниговской, Московской и других более отдаленных губерний⁵.

Большую роль в заселении южных районов Воронежской области играли переселенцы с Украины. Массовый переход украинцев в пределы русских земель объяснялся жесточайшим угнетением украинских народных масс польско-литовской и украинской шляхтой, особенно усилившимся во второй половине XVI в. после создания Речи Посполитой, в состав которой вошли центральные и западные районы Украины. Наиболее массовое переселение украинских казаков относится к 1652 г., когда около 1000 казачьих семей были размещены в городе-крепости Острогжске, самом южном оплоте воронежских земель. В 1664 г. был образован Острогжский казачий полк⁶, к которому были приписаны все выходцы с Украины, поселившиеся к северу от Острогжска. Со временем к полку приписываются огромные территории к югу от Острогжска по правобережью Дона в бассейне Тихой Сосны, Черной Калитвы, Богучара и Айдара.

По мере укрепления южных рубежей России и уменьшения опасности набегов из Крымского ханства расширялось стихийное заселение Воронежской земли казенными и беглыми крепостными крестьянами, казаками, оставшими солдатами. Возникали селения дворянских и монастырских крестьян. В XVIII в. происходила интенсивная помещичья колонизация. Если в северные и центральные районы современной Воронежской области с севера и запада двигалось русское население, то южные районы осваивались выходцами из правобережной и левобережной Украины⁷.

Интенсивное заселение Воронежской губернии продолжалось до 20-х годов XIX в. Позднее усиливаются обратные переселенческие движения из этой губернии на Кавказ, в Нижнее Поволжье, Южное Приуралье.

Не было однородным сельское население и в социальном отношении. Сословные группы воронежского крестьянства феодального периода — однодворцы, экономические, дворцовые, помещичьи крестьяне, военные обыватели (бывшие украинские казаки) — отличались друг от друга характером землевладения, повинностей, размерами платежей в пользу государства и правовым положением⁸. Одной из наиболее многочисленных сословных групп русского населения Воронежской провинции, а затем губернии были однодворцы — потомки низших служилых людей, выполнявших в XVII в. сторожевую службу на южных окраинах государства. Их землевладение первоначально подчинялось нормам помещного права. В 1724 г. однодворцы были причислены к государственным крестьянам⁹. По данным I ревизии (1719 г.), в ряде северных уездов, заселение которых происходило в XVII в., население состояло преимущественно из однодворцев. К концу XVIII в., по данным IV ревизии (1782 г.), в связи с распространением помещичьего землевладения, а также появлением экономических и дворцовых крестьян удельный вес однодворцев уменьшился. Наибольший процент населения они состав-

⁴ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1969, с. 37, 42, 50, 128.

⁵ Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии. — Зап. Русск. геогр. о-ва, кн. XII. Спб., 1857, с. 274, 275, 280, 285.

⁶ Халимонов А. Д. Острогжск. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1978, с. 4—6.

⁷ Скиада М. М. Войсковые обыватели Воронежской губернии. — Памятная книжка Воронежской губернии на 1865—1866 гг. Воронеж, 1867, с. 121; Второв Н. О заселении Воронежской губернии. — В кн.: Воронежская беседа на 1861 год. Спб., 1861, с. 262—265.

⁸ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.). — Сов. этнография, 1982, № 4, с. 21.

⁹ Подробнее см.: Очерки истории Воронежского края. Т. I. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1961, с. 127—132.

¹⁰ См. Вазинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж: Воронежский пед. ин-т, 1974.

ляли на севере и в центре правобережья Дона — в Нижнедевицком (75%), Воронежском (60%), Землянском (58%) и Коротоякском (45%) уездах¹¹. Большинство обследованных нами русских сел в прошлом были однодворческими.

Существовавшие в эпоху феодализма сословные различия крестьян в своеобразие их этнического состава отражались на культурно-бытовом развитии населения в последующие периоды. У русского населения отдельных (мелких или более крупных) ареалов формировались локализмы в говорах, одежде и других компонентах культуры, следствием чего явились особые этнонимы для жителей тех или иных районов. По данным местных краеведов второй половины XIX — начала XX в., в восточной половине Нижнедевицкого и в западных правобережных районах Коротоякского уездов однодворцев называли *щекунами* или *талагаями*¹². Однодворцам-талагаям в Коротоякском уезде противопоставлялись бывшие монастырские, позднее экономические крестьяне, жившие по левобережью Дона в бассейне р. Хворостань, которых называли *цуканами*. Эта группа населения переселилась сюда во второй половине XVIII в. из Московской, Калужской и других центральных губерний и отличалась от местных однодворцев по говору, наружности и одежде¹³. В Ясеновской волости Нижнедевицкого уезда, в селах Першино, Ясенки, Кучугуры, Богородицкое, Ключи, Горшечное и др., исследователи прошлого века выделяли однодворческую группу населения, которую по особенностям говора называли *ягунами*. По свидетельству местного краеведа середины XIX в., ягуны сильно отличались от живших в соседних селах (Новая Ольшанка, Верхнее Турово, Нижнее Турово и др.) щекунов «в наречии, в наружности и более всего в покрое одежды», жили эти группы обособленно друг от друга¹⁴. Последние две группы населения имели различия в некоторых бытовых чертах, наиболее четко они прослеживались в традиционном женском костюме. Сами наименования ягуны, щекуны, цуканы в настоящее время сохранились в памяти лишь старшего поколения.

Особенности национального состава населения Воронежской области сложились, как мы видели выше, в результате миграционных процессов. Численное преобладание в южных уездах губернии украинцев, а в северных — русских, создавшееся еще в XVII—XVIII вв., длительное время оставалось неизменным. Соотношение русских и украинцев на исследуемой территории, тенденции их этнического развития с конца XIX в. до наших дней показывают данные статистики.

По материалам первой Всеобщей переписи населения в 1897 г., среди сельского населения Воронежской губернии русский язык считали родным 63,3%, а украинский — 36,2% населения¹⁵. Русское население преобладало в северных, центральных и восточных уездах: в Задонском (99,9%), Нижнедевицком (98,9%), Воронежском (98,3%), Землянском (96,2%), Новохоперском (84,6%), Коротоякском (83,4%), Бобровском (83,2%). Более всего лиц, считавших родным языком украинский, проживало в южных уездах: Острогожском (90,3%), Богучарском (81,8%) и Бирючинском (70,7%)¹⁶. Эти уезды были расположены на территории

¹¹ Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке. — Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та, 1955, т. XIX, с. 107—108.

¹² По мнению Д. К. Зеленина, слово это занесено в Воронеж переселенцами с севера, в Ружском уезде оно, например, означало «упрямец», «своенравный». — См.: Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неограниченным и непреходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. М., 1913, с. 77; Второв Н. Указ. раб., с. 269; Архив Географического общества (дальше АГО), р. 9, оп. 1, ед. хр. 15.

¹³ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19; 27; Зеленин Д. К. Указ. раб., с. 80—86.

¹⁴ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 50; Зеленин Д. К. Указ. раб., с. 92, 96—98.

¹⁵ В переписи населения 1897 г. учитывалась не национальность, а родной язык, который, особенно в сельской местности, обычно совпадал с национальностью.

¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. IX. Воронежская губерния. Спб., 1903, тетрадь 2, с. VI (Территория бывшего Бирючинского, также Валуйского уездов по современному административному делению относится к Белгородской области).

бывшего Острогожского казачьего полка. Здесь украинцы жили сплошным этническим массивом, который граничил с юго-запада с украинскими и русскими поселениями Харьковской губернии. Русские поселения в этих уездах встречались на севере Острогожского уезда и занимали компактную территорию севернее р. Тихой Сосны в Бирючинском уезде. В двух уездах — Павловском и Валуйском — украинский назвала родным языком почти половина всего сельского населения (41,9 и 51,1%)¹⁷. Украинские и русские поселения в этих уездах нередко располагались вперемежку, были также и национально-смешанные селения. Украинские поселения встречались и в некоторых волостях более северных «русских» уездов. Так, в Землянском уезде украинцы (3,7% сельского населения) жили в Ендовищенской волости. Они были потомками казаков Гвоздевско-Ендовищенского казачьего войска — самого первого украинского поселения на Воронежской земле. Интересно, что украинцы из сел Ендовищ, Шумейки, Латаного и Точилина еще в 1920-е годы сохраняли свою самобытность. В то же время жители двух других сел, основанных ендовищенскими казаками, — Касторного и Гвоздевки — полностью обрусели и говорили на «местном русском наречии»¹⁸.

По материалам Всесоюзной переписи 1926 г., среди сельского населения Воронежской губернии насчитывалось 33,2% украинцев. Поуездную статистику за период с 1897 по 1926 г. сравнивать трудно, поскольку значительно изменились административные границы уездов. Тем не менее можно констатировать, что сплошной украинский этнический массив по-прежнему находился в южных уездах губернии. В Россошанском уезде (южная территория бывшего Острогожского уезда) украинцы составили 90,9% всего сельского населения, в Богучарском — 72,7, в Валуйском — 54,8, в Острогожском — 50,4%¹⁹.

Значительное уменьшение доли украинцев в сельском населении Воронежской области произошло в послевоенные годы. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., русские составляли 90,9%, а украинцы — только 8,7% всего сельского населения Воронежской области²⁰, что отчасти можно объяснить изменением административных границ исследуемой территории.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., украинцы составили 7,6% всего сельского населения Воронежской области²¹. Материалы Всесоюзной переписи населения 1979 г. показали только 5,4% украинцев среди всего населения области²². В настоящее время украинцами продолжают себя называть лишь жители юго-западных районов области: Подгоренского и Кантемировского (~40%), Ольховатского и Россошанского (~90%). Эти районы входили прежде в состав Острогожского и Богучарского уездов, и именно на этой территории по данным переписи 1897 г. была расположена сравнительно компактная зона украинских поселений.

Как свидетельствуют данные Всесоюзных переписей населения последних десятилетий, а также материалы полевых этнографических исследований, в настоящее время большинство жителей Воронежской области называют себя русскими.

Изменения в определении национальной принадлежности лицами украинского происхождения, произошедшие на территории Воронежской области за сравнительно короткий отрезок времени, были обусловлены сложной совокупностью причин. Проведение ленинской национальной политики, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, социалистическое строительство, усиление урбанизации, рост подвижно-

¹⁷ Там же, с. VI.

¹⁸ Архив АН СССР (Ленингр. отд.), ф. 135, оп. 2, ед. хр. 175, л. 10—11.

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III, отдел 1. М.: Изд. ЦСУ СССР, табл. VI — с. 19, табл. X — с. 72—73 (проценты вычислены нами).

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963, табл. 54, с. 368 (проценты вычислены нами).

²¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV. М.: Статистика, 1974, табл. 6, с. 83 (проценты вычислены нами).

²² Вестник статистики, 1980, № 7, табл. 4, с. 57.

населения, увеличение дисперсности в расселении — эти и многие другие факторы способствовали созданию экономического и культурного единства всего населения, утверждению новых форм межэтнических отношений и взаимодействий, закономерных для социалистического общества. Процесс этот облегчался давней родственной языковой и культурной близостью русских и украинцев.

Большое значение имел фактор расселения. Важную роль в формировании современного национального самосознания жителей украинского происхождения сыграло то, что Воронежская область, где всегда преобладало русское население, входит в состав Российской Федерации. При определении национальности нередко решающими становятся место рождения и район длительного проживания. Важное значение этого фактора мы наблюдали также в восточных и южных областях Украины, где происходили обратные процессы: изменялось национальное самосознание русских, живущих среди численно превосходящих их украинцев²³.

Процессы этнического смешения населения на территории Воронежской области, как и в других районах русско-украинского пограничья, значительно сильнее выражены в местах дисперсного расселения украинцев среди русских, а также в тех селах, где вместе издавна жили и русские, и украинцы. Здесь уже до Великой Октябрьской социалистической революции нередко заключались национально-смешанные браки. Постепенно нарушалась обособленность, происходило интенсивное сближение говоров и быта местных жителей. В этих районах (например, Павловском, Бутурлиновском, Репьевском) быстрее трансформировалось национальное самосознание у украинских групп населения, что ярко отразилось уже во Всесоюзной переписи населения 1959 г. В настоящее время, как показали этнографические наблюдения, процессы изменения национального самосознания активно развиваются и в юго-западных районах со сравнительно компактными украинскими поселениями. Так, например, в одном из юго-западных районов — в Подгошском, где в 1979 г. почти половина сельского населения назвала себя украинцами, многие потомки украинских переселенцев затрудняются определить свою национальную принадлежность: одни называют себя русскими, другие — украинцами. До настоящего времени по отношению к жителям сел, где преобладает население украинского происхождения, употребляется этноним *хохол*, широко распространенный в прошлом²⁴.

Изменение национального самосознания отражает изменения в других объективных определителях этнических групп, прежде всего в языке. Местные говоры на территории Воронежской области формировались в условиях тесного общения русских и украинцев. Взаимопроникновение русских и украинских говоров, по-видимому, началось вскоре после заселения этих районов. За годы существования Советской власти значительно усилились процессы взаимодействия и взаимообогащения русского и украинского говоров, а также развитие бытового двуязычия, что обусловлено широким распространением различных видов русско-украинских контактов. В последнее время местные говоры как с ганорусской основой, так и с украинской подвергаются заметному влиянию русского литературного языка. Во всех школах Воронежской

²³ Чижикова Л. Н. Об этнических процессах в восточных районах Украины. — Сов. этнография, 1968, № 1, с. 23, 24; *ее же*. Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины. — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 19, 20.

²⁴ В Воронежской губ., как и во многих других районах поздней украинской колонизации, выходцев из Украины называли хохлами. Украинцы русских именovali кацалами, кацапами. Эти наименования благодаря их широкому распространению устойчивому бытованию превратились в своеобразные этнонимы, потеряв характер одного прозвища (П-ский Б. Воронежские хохлы. — Киевская старина, т. XI, Киев, 1885, с. 632—633; Кубанские станицы. М.: Наука, 1967, с. 31—32).

области обучение всегда велось и ведется на русском языке. Поэтому потомки переселенцев с Украины хуже понимают украинский литературный язык, чем русский. Книги и газеты они предпочитают читать на русском языке, который считают родным.

В этнически смешанной зоне с преобладающим русским населением, где издавна влияли друг на друга генетически родственные русские и украинские говоры, развитие русского языка шло естественным путем. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., преобладающее большинство сельских жителей Воронежской области, в том числе 82,4% украинцев называло родным языком русский²⁵. Примерно такая же этноязыковая ситуация сохранялась и в последующих переписях, с некоторым возрастанием доли лиц, считающих родным языком русский, в том числе и среди жителей, называющих себя украинцами²⁶.

По нашим наблюдениям, во многих украинских селах, в том числе и тех, где жители называют себя русскими и родным считают русский язык, еще сохраняются говоры с украинской основой при весьма заметном влиянии местных южнорусских говоров и русского литературного языка. В одних селах украинские говоры бытуют преимущественно среди людей пожилого возраста, в других стойко держатся во всех возрастных группах. Последнее особенно характерно для юго-западных районов Воронежской области, где, как указывалось выше, была расположена более компактная зона украинских поселений. Так, в селениях Подгоренского района почти всюду наблюдается двуязычие, т. е. более или менее свободное владение местным украинским диалектом и русским языком, близким к литературной норме²⁷.

Таким образом, как свидетельствуют этнографические материалы, на определение национальной принадлежности в обследованных районах влияют следующие факторы: компактность заселения и численность национальной группы, этническая среда, ее окружающая, степень этнических смешений, активность хозяйственно-культурного общения и взаимовлияния, проживание на территории РСФСР, обуславливающие язык местного делопроизводства и обучения в школе.

Традиционно-бытовая культура, сформировавшаяся на исследуемой территории ко второй половине XIX в., представляла собой сложный сплав одновременно возникавших компонентов. Длительные миграционные процессы, происходившие на данной территории, и разнородный этнический, сословный и социальный состав населения не могли не отразиться на формировании локальных, специфических этнографических особенностей у разных групп населения этих районов. Вместе с тем на традиционно-бытовую культуру влияли родственное происхождение русских и украинцев, сходные социально-экономические и природные условия их жизни, активные экономические контакты, непосредственное взаимовлияние культур в районах смешанного русско-украинского расселения. Эти факторы способствовали выработке культурной общности населения.

В результате взаимодействия разнообразных факторов в быту различных этнических групп сформировалось сложное сочетание общих и этноспецифических особенностей, по-разному выраженных в отдельных сферах бытовой культуры.

Культурные взаимовлияния между русскими и украинцами отчетливо прослеживаются в развитии традиционного жилища. На юге в Острожском, Богучарском, Валуйском, частично в Павловском и Бирючинском уездах бытовало жилище, основные особенности которого были характерны также для Харьковской и южной части Курской губер-

²⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., табл. 54, с. 368 (проценты вычислены нами).

²⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., табл. 6, с. 83.— Вестн. статьи, 1980, № 7, с. 57.

²⁷ Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Южнорусского отряда Восточнославянской экспедиции (далее АИЭ МЮОВЭ), 1980, л. 401—403.

ний²⁸. В зоне русско-украинского пограничья, в русских и в украинских селениях сложился тип жилища, в котором прослеживались черты построек лесостепной Украины и пограничных южнорусских районов²⁹. Срубные стены домов здесь снаружи и изнутри обмазывали глиной и белили — традиция, типичная для Восточной Украины. Бытовала планировка внутреннего помещения хаты, называемая в литературе «украинско-белорусской», «западно-русской»³⁰. Она была распространена по всей территории Украины и Белоруссии, в западных русских губерниях, в Кубанской и Терской областях, на юге Курской губернии.

В более северных уездах — Нижнедевицком, Задонском, Землянском, Воронежском, Бобровском, северной части Бирючинского — сложился другой тип жилища³¹, который этнографы относят к южнорусскому комплексу жилища восточного варианта. Он бытовал также в соседней Тамбовской, частично в Пензенской, Рязанской, Тульской губерниях³². В северных районах влияние украинского домостроительства сказывалось меньше³³.

Центральные уезды Воронежской губернии — Коротоякский, частично Бобровский — были, по-видимому, переходной зоной между двумя отмеченными типами жилища. Полевые записи Е. Э. Бломквист, сделанные в 1920-е годы в русских селах Оськино, Сторожевое, Мастюгино, Платава, Прилепы (Коротоякский уезд), свидетельствуют, что в этот период здесь бытовали оба типа жилища. Так, в селе Прилепы, где в 1927 г. уже преобладала украинская планировка хаты, по сообщениям старожилов, в конце XIX в. больше строилось домов с южнорусской планировкой³⁴. В этих районах, по-видимому, дома с украинской планировкой постепенно распространялись с юга на север и вытесняли южнорусский тип жилища.

Общие традиции, в равной мере свойственные и русским, и украинцам, прослеживались на этой территории в пище, в некоторых элементах одежды, в отдельных особенностях семейного быта, обрядах. Многие черты сложившейся в обследованных районах культурно-бытовой общности были свойственны всем восточным славянам и свидетельствуют об общем их происхождении. Эта общность восходит еще к периоду раннего и развитого феодализма, например техника сооружения срубного жилища, двухкамерный план жилого дома, приемы и способы плетенья, вышивки, крашения тканей, мужская туникообразная рубаха с прямым разрезом ворота, женская рубаха с поликами и рукавами, типы девичьих и мужских головных уборов, украшения из бисера и птичьих перьев, верхняя плащевидная одежда и др.³⁵ К древности восходят и многие обычаи свадьбы, в частности знакомство родственников жениха и невесты, обряды «свода» (соединения) жениха и невесты, состав свадебных чинов и свадебного поезда жениха, выкуп невесты, обряд наде-

²⁸ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 9; *Веселовский Г. М.* Город Острогжск (Воронежской губернии) и его уезд. Воронеж, 1867, с. 142—144; *Ткачев Г.* Этнографические сведения Богучарского уезда. — В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1866 г. Воронеж, 1867, с. 162—164.

²⁹ Подробнее см.: *Чижикова Л. Н.* Развитие жилища в селах Белгородской области. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии, 1979. М., 1982; *ее же.* Жилища русских. — В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на территории. Жилище. М.: Наука, 1979, с. 57—61, 77.

³⁰ АИЭ МЮОВЭ, 1977, л. 203—204; 1980, л. 317, 323; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 32, ед. хр. 54, л. 2; *Ткачев Г.* Указ. раб., с. 161—164.

³¹ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 4, 16; 55, 63, 66.

³² Об этом комплексе жилища см.: *Русские. Историко-этнографический атлас.* М.: Наука, 1967, с. 154, карта 26.

³³ См.: *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд. — В кн.: Воронежский литературный сборник. В. 1. Воронеж, 1861, с. 275.

³⁴ АИЭ, Ленингр. отд., ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2. Материалы Е. Э. Бломквист, л. 1—5, 28, 45, 49, 92.

³⁵ См.: *Маслова Г. С.* Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды. — Сов. этнография, 1954, с. 43, 49, 52—54; *Приходько Н. П.* Некоторые вопросы истории жилища на Украине. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975, с. 248, 249, 263—264; *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв. — Там же, с. 164—166, 177—187.

вания на нее женского головного убора — «повивание», обсыпание лодых хмелем и зерном, публичное одаривание, «постельные» обряды и др.³⁶

Некоторые традиции, общие для русских и украинцев, сложились сравнительно поздно, после заселения русско-украинского пограничья XVII—XVIII вв., и в значительной степени отражают процессы межнациональной интеграции и этнокультурных взаимовлияний. Эти взаимовлияния заметно проявлялись в земледельческой технике и жилищах (одинаковые орудия пахоты, уборки, молотбы, обмазка сруба глиной и побелка, развитие украинско-белорусской внутренней планировки, характер расположения дома по отношению к улице и др.), а также в деталях, некоторых деталях одежды и др.

Формирование общих традиций регионального характера прослеживается в отдельных компонентах свадебного обряда. В XIX в. на данной территории отмечались различия в последовательности обрядов главного дня свадьбы. В большинстве русских сел, как и в районах северной и среднерусской полосы России, а также во многих южнорусских уездах, акт венчания был органично включен в систему народных свадебных обрядов³⁷. В украинских селах Воронежской губернии, по данным литературы и архивных источников, бытовал другой вариант порядка свадебных действий, распространенный в XIX в. на значительной территории Украины и в некоторых русских селах южнорусских губерний³⁸. Венчание совершалось до свадьбы (иногда за несколько дней до нее), и только после возвращения жениха и невесты из церкви в родительские дома жених снаряжал торжественный свадебный поезд за невестой, основные обряды этого дня происходили в доме невесты³⁹.

Интересно, что в начале XX в., по данным информаторов старшего возраста, в обследованных украинских селах Сергеевка, Сагуны, Дожики (бывший Острогжский уезд) соблюдался также и описанный выше порядок свадьбы, характерный для большинства районов северной и среднерусской полосы России⁴⁰. В то же время старожилы обследованных русских сел Першино, Новая Ольшанка (б. Нижнедевицкий уезд), Шубное, Коротояк, Солдатское (б. Острогжский и Коротоякские уезды) отмечали последовательность обрядов главного дня свадьбы, более характерную для украинцев⁴¹. По-видимому, это объясняется активными процессами культурных взаимовлияний в начале XX в. в районах чересполосного русско-украинского расселения. Теми же причинами объясняются широкое бытование в русских селах «каравайного» ритуала и многие обрядовые действия послесвадебного цикла, типичные для украинцев, а также появление в некоторых украинских селах (Дожики, Сергеевка, Сагуны и др.) обычая кладки (денежный взнос от жениха на свадебные расходы родителям невесты), более характерный для русских⁴².

В то же время в свадьбе потомков украинских переселенцев сохранялась этническая специфика, придававшая свадьбе типично украинскую окраску. Это особенно ярко проявлялось в предсвадебных обрядах

³⁶ См.: Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда. — Сов. этнография, 1957, № 1, с. 58—60; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 225—240.

³⁷ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19, лл. 5—6; ед. хр. 25, л. 3; ед. хр. 27, лл. 7—9; Полкарпов Ф. Бытовые черты из жизни крестьян села Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. — В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 Воронеж, 1906, с. 14—16.

³⁸ См.: Чистов К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 228—229.

³⁹ Веселовский Г. М. Указ. раб., с. 133—141; Ткачев Г. Указ. раб., с. 200—21; Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогжского уезда. — Живая старина, в. IV, 1906, с. 176; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 51, лл. 3—6; ед. хр. 54, лл. 9—10; ед. хр. 32, л. 14.

⁴⁰ АИЭ МЮОВЭ, 1980, лл. 312, 313, 365—366, 370, 372.

⁴¹ Там же, лл. 41, 58, 59, 183—186, 232—236, 273.

⁴² Яковлев Г. Указ. раб., с. 176; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 32, л. 13; АИЭ МЮОВЭ, 1980, л. 365.

(на платки, сватання, заручини, могорич). По своим функциям они отличались от русского пропоя или сговора, т. е. играли роль помолвки, но имели и особенности: гостей на этот вечер (так же как и позднее на свадьбу) созывала невеста с венком на голове, которую сопровождали дружки, угощение ставили родственники невесты (у русских родители жениха привозили в дом невесты полный обед). Здесь, как и во многих районах Украины, невеста одаривала платками или рушниками ближайших родственников жениха. Согласно традиции, характерной для украинцев, проходили молодежные вечера накануне свадьбы черины, дружбины, підвесілок), насыщенные песнями и обрядами. Украинская специфика проявлялась также в обычае прятать невесту перед прибытием поезда жениха в доме у соседей, в послесвадебных обрядах (перезва), в более жизнерадостном игровом характере всей свадьбы, в свадебных песнях, в терминологии свадебных чинов, отдельных элементов обряда и др.⁴³

Этнодифференцирующие свойства хорошо прослеживаются в таком сравнительно устойчивом компоненте культуры, как женская одежда, которой отразились сложные напластования, свидетельствующие об этническом и сословном своеобразии населения в прошлом.

В большинстве русских сел Воронежской губернии бытовал комплекс одежды с поневой — одним из наиболее древних элементов русской одежды, которая в XIX в. была характерна главным образом для южнорусских губерний. Интересно, что здесь понева была основной пошивной одеждой у всех категорий крестьянства. Если, например, в соседней Курской губернии для женской одежды бывших однодворцев были более характерны сарафан и домотканая юбка, а поневы бытовали у бывших помещичьих и монастырских крестьян⁴⁴, то в Воронежской губернии, наоборот, потомки однодворцев ходили в поневах и в домотканых шерстяных юбках, сарафан же чаще носили бывшие монастырские помещичьи крестьяне⁴⁵. Сарафан, как известно, первоначально был характерен для северных и центральных губерний России. В Курской губернии он появился, по-видимому, в XVI—XVII вв. вместе с переселением сюда русских служилых людей из центральных губерний России. Воронежская губерния, бывшая до конца XVII в. далекой окраиной Московского государства, первоначально осваивалась служилыми людьми, переводимыми часто из других южнорусских районов, заселенных ранее воронежских земель. Поэтому, видимо, в одежде воронежских однодворцев сильнее проявлялось влияние южнорусского костюма. Монастырские и помещичьи крестьяне появились в воронежских землях в большинстве случаев позднее служилых людей. Многие из них, как указывалось выше, были выходцами из центральных губерний России. Они принесли с собой сарафан, кокошник и другие элементы одежды, характерной для этих губерний⁴⁶. Традиция ношения домотканой шерстяной юбки, более типичная для украинцев, белорусов, народов Прибалтики и Центральной Европы, на территорию Воронежской губернии, как и в другие южнорусские районы, могла быть принесена служилым населением из западных губерний. Полосатая и однотонная шерстяные юбки наиболее распространены были в бывших однодворческих селах северных уездов Воронежской губернии⁴⁷.

⁴³ Ткачев Г. Указ. раб., с. 189—214; Веселовский Г. М. Указ. раб., с. 132—141; Фовлев Г. Указ. раб., с. 177—183; АИЭ МЮОВЭ, 1980, лл. 367, 353—358, 371—374.

⁴⁴ Добротворский Н. Саяны. Историко-этнографический очерк. — Вестн. Европы, 188, т. V, с. 208; Чижикова Л. Н. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области. — Сов. этнография, 1978, № 4, с. 83—85.

⁴⁵ Гринкова Н. П. Однодворческая одежда Коротаевского уезда Воронежской губернии. — Изв. Пед. ин-та им. А. И. Герцена (Л.), 1928, в. 1, с. 153—158; ее же. Женская одежда в бывших однодворческих селах Задонского и Землянского районов Воронежской области. — Сов. этнография, 1937, № 1, с. 141—143.

⁴⁶ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3; ед. хр. 10, л. 3; ГМЭ, колл. № 424—205, 217; Гринцова А. О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии. — Живая старина, 1906, в. 1, с. 96.

⁴⁷ Гринкова Н. П. Женская одежда..., с. 141—143; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 16, 66; АИЭ, колл. № 465—26, 28; 587—1, 13; 3159—6, 13; ВОКМ, колл. № 4889.

В воронежских русских селах в XIX — начале XX в. наблюдались значительные различия в покрое, украшениях, цветовых сочетаниях понев, юбок, рубах, передников, головных уборов. Отдельные виды этой одежды имели сравнительно широкий ареал бытования и за пределами региона. Однако костюм в целом (или комплекс одежды) характеризовался своеобразными чертами, являясь местной особенностью населения тех или иных районов Воронежской области⁴⁸. Это отражает сложные исторические и социально-экономические условия формирования отдельных групп населения в прошлом.

Как показали исследования в целом, в воронежских русских костюмах преобладали древние элементы, характерные для южнорусской одежды: женская рубаха с косыми или прямыми поликами, пришитыми по основе; глухая понева; сложный головной убор, состоящий из кички, сороки и платка; туникообразный передник с рукавами; украшения из бисера, разноцветного гаруса, селезневых, петушиных перьев; своеобразная яркая, построенная на контрастных сочетаниях цветовая гамма и др. Более поздний пласт составляли виды одежды, принесенные, по-видимому, переселенцами из центральных и отчасти западных губерний России (разные типы сарафанов, домотканых шерстяных юбок, головной убор с кокошником и др.).

В украинских селах в начале XIX в. преобладал украинский национальный костюм. Однако в украинских слободах, где в XIX в. интенсивно развивались ремесла и мелкие промышленные предприятия, значительно раньше, чем во многих русских селах, началось разрушение традиционных форм одежды и появление черт костюма, более свойственного в это время городскому населению. Национальная украинская одежда: рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку, *дерга*, *запaska*, *плахта* (несшитая или частично сшитая поясная одежда), *очинпок* в конце XIX — начале XX в. все чаще заменялись рубахой на кокетке, кофтой, юбкой и платком из фабричных тканей. Уже с середины XIX в. корреспонденты в своих сообщениях с мест квалифицируют *дергу*, *запаску*, *плахту* как одежду, уходящую из быта, которая «редко употребляется», носится в будни, чаще пожилыми женщинами⁴⁹. В обследованных нами украинских селах информаторы в большинстве случаев не помнят старинную поясную одежду из домотканины. Только в отдельных селах старожилы называли *дергу* и *запаску* как одежду бабushек, реже матерей⁵⁰.

Во второй половине XIX — начале XX в. с развитием капиталистических отношений в деревне, с одной стороны, усиливаются процессы унификации быта, появляются новые черты культуры, общие для широкого круга народов. С другой стороны, возникают различия, порожденные растущей имущественной дифференциацией сельского населения. В более состоятельных крестьянских хозяйствах появляются усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, улучшается строительная техника, усложняется планировка домов за счет добавочных комнат (пятистенки, дома с прирубами, многоквартирные дома и др.).

За годы Советской власти в ходе осуществления социальных и экономических преобразований вместе с общим подъемом материального благосостояния и культурного уровня происходит дальнейшее развитие национальной культуры.

По мере расширения и углубления хозяйственно-экономических и культурных межэтнических контактов происходит активный процесс бытового и культурного сближения этнических групп, сопровождающийся постепенной нивелировкой прежних локальных особенностей быта, унификацией и стандартизацией в сфере материального производства и потребления. Внедрение в быт широких масс не только городского, но

⁴⁸ Описание местных комплексов русской одежды см.: АИЭ МЮОВЭ, *Чижикова Л. Н.* Научный отчет о работе Южнорусского отряда в 1980 г., с. 11—23.

⁴⁹ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19, л. 5; *Веселовский Г. М.* Указ. раб., с. 147; *Ткачев Г.* Указ. раб., с. 171 и др.; АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, ед. хр. 113, л. 14.

⁵⁰ АИЭ МЮОВЭ. 1980, л. 385.

сельского населения различных видов профессиональной культуры — школы, литературу, кино, радио, телевидение за счет сужения функций традиционных бытовых форм культуры также способствует культурному сближению русских и украинцев.

Новые культурно-бытовые особенности, сложившиеся за годы социалистического строительства, в равной степени характерны и для русских и для украинских сел; ими в первую очередь определяется современный образ жизни сельского населения. Общие закономерности развития социалистического общества стимулируют формирование общесоветских черт культуры, которые становятся характерными для всех народов СССР, свидетельствуют об интеграции советского народа.

Развитие общесоветских черт культуры не исключает сохранения ее национальных форм. Степень устойчивости этнической традиции проявляется по-разному в отдельных элементах материальной и духовной культуры русского и украинского населения и зависит от сложного сочетания факторов социально-экономического, этнического и психологического характера.

Продолжают сохраняться общие культурные традиции регионально-особые свойства, характерные в прошлом как для русского, так и для украинского населения данных районов. Преобладающим типом сельского жилища повсюду остается многоквартирный дом в сочетании с дворовыми постройками и приусадебным участком. В индивидуальном сельском жилищном строительстве часто используются местные строительные материалы и локальные технические приемы возведения стен срубных, каркасных, саманных построек, обмазка стен глиной и побелка, некоторые детали внутреннего убранства комнат. Отмечается устойчивость народных традиций в приготовлении пищи, режиме питания, ассортименте блюд. В повседневную и праздничную трапезу наряду с новыми, общераспространенными в последние десятилетия кушаньями включаются и традиционные для русской и украинской кухни этих районов борщ, *кулеш* (жидкая пшенная каша с картофелем, луком и салом), лапша, студень, вареники, пироги, блины, *пампушки* (сдобные пресные лепешки), компоты, кисели и др. Прежней остается и функциональная направленность обрядового, ритуального питания. Так, на свадьбу повсюду выпекают *каравай* — круглый большой хлеб, украшенный фигурками из теста, и *шишки* — булочки, по форме напоминающие сосновые шишки. Как и раньше, с пирогом ходят на сватовство, караваем украшают свадебный стол и оделяют гостей во время одаривания молодых, с караваем (или пирогом) встречают молодых в доме жениха, шишками угощают всех гостей. В Воронежской области, как и в других районах русско-украинского пограничья, в современной свадьбе сохраняется значительная часть обрядов, сложившихся в далеком прошлом⁵¹.

Все перечисленные выше, как и многие другие, компоненты культуры, сформировавшиеся в разное время, в определенных природных и социально-экономических условиях, в процессе длительного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния, передаваясь из поколения в поколение, стали традиционными для всех обследованных групп населения, что отражает межэтническую интеграцию.

Значительно сузилась сфера проявления этнодифференцирующих функций культуры. Специфические этнические особенности русских и украинских групп населения в большей мере продолжают сохраняться в говорах, в народно-поэтическом творчестве, в свадебной обрядности, в отдельных видах народного искусства. Один из наиболее «этнических» в прошлом компонентов культуры — одежда под воздействием городской моды и распространения в сельской местности фабрично-заводских изделий стал наиболее изменчивым элементом. Вместе с тем, как показа-

⁵¹ Чижикова Л. Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области). — Сов. география, 1980, № 2, с. 15—24.

В воронежских русских селах в XIX — начале XX в. наблюдались значительные различия в покрое, украшениях, цветовых сочетаниях поев, юбок, рубах, передников, головных уборов. Отдельные виды этой одежды имели сравнительно широкий ареал бытования и за пределами региона. Однако костюм в целом (или комплекс одежды) характеризовался своеобразными чертами, являясь местной особенностью населения тех или иных районов Воронежской области⁴⁸. Это отражает сложные исторические и социально-экономические условия формирования отдельных групп населения в прошлом.

Как показали исследования в целом, в воронежских русских костюмах преобладали древние элементы, характерные для южнорусской одежды: женская рубаха с косыми или прямыми поликами, пришитыми по основе; глухая понева; сложный головной убор, состоящий из кички, сороки и платка; туникообразный передник с рукавами; украшения из бисера, разноцветного гаруса, селезневых, петушиных перьев; своеобразная яркая, построенная на контрастных сочетаниях цветовая гамма и др. Более поздний пласт составляли виды одежды, принесенные, по-видимому, переселенцами из центральных и отчасти западных губерний России (разные типы сарафанов, домотканых шерстяных юбок, головной убор с кокошником и др.).

В украинских селах в начале XIX в. преобладал украинский национальный костюм. Однако в украинских слободах, где в XIX в. интенсивно развивались ремесла и мелкие промышленные предприятия, значительно раньше, чем во многих русских селах, началось разрушение традиционных форм одежды и появление черт костюма, более свойственного в это время городскому населению. Национальная украинская одежда: *рубаха* с прямыми поликами, пришитыми по утку, *дерга*, *запaska*, *плахта* (несшитая или частично сшитая поясная одежда), *очипок* в конце XIX — начале XX в. все чаще заменялись рубахой на кокетке, кофтой, юбкой и платком из фабричных тканей. Уже с середины XIX в. корреспонденты в своих сообщениях с мест квалифицируют *дергу*, *запаску*, *плахту* как одежду, уходящую из быта, которая «редко употребляется», носится в будни, чаще пожилыми женщинами⁴⁹. В обследованных нами украинских селах информаторы в большинстве случаев не помнят старинную поясную одежду из домотканины. Только в отдельных селах старожилы называли *дергу* и *запаску* как одежду бабushек, реже матерей⁵⁰.

Во второй половине XIX — начале XX в. с развитием капиталистических отношений в деревне, с одной стороны, усиливаются процессы унификации быта, появляются новые черты культуры, общие для широкого круга народов. С другой стороны, возникают различия, порожденные растущей имущественной дифференциацией сельского населения. В более состоятельных крестьянских хозяйствах появляются усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, улучшается строительная техника, усложняется планировка домов за счет добавочных комнат (пятистенки, дома с прирубами, многокомнатные дома и др.).

За годы Советской власти в ходе осуществления социальных и экономических преобразований вместе с общим подъемом материального благосостояния и культурного уровня происходит дальнейшее развитие национальной культуры.

По мере расширения и углубления хозяйственно-экономических и культурных межэтнических контактов происходит активный процесс бытового и культурного сближения этнических групп, сопровождающийся постепенной нивелировкой прежних локальных особенностей быта унификацией и стандартизацией в сфере материального производства и потребления. Внедрение в быт широких масс не только городского, но

⁴⁸ Описание местных комплексов русской одежды см.: АИЭ МЮОВЭ, *Чижикова Л. Н.* Научный отчет о работе Южнорусского отряда в 1980 г., с. 11—23.

⁴⁹ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19, л. 5; *Веселовский Г. М.* Указ. раб., с. 147; *Ткачев Г.* Указ. раб., с. 171 и др.; АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, ед. хр. 113, л. 14.

⁵⁰ АИЭ МЮОВЭ, 1980, л. 385.

сельского населения различных видов профессиональной культуры через школу, литературу, кино, радио, телевидение за счет сужения функций традиционных бытовых форм культуры также способствует культурному сближению русских и украинцев.

Новые культурно-бытовые особенности, сложившиеся за годы социалистического строительства, в равной степени характерны и для русских и для украинских сел; ими в первую очередь определяется современный образ жизни сельского населения. Общие закономерности развития социалистического общества стимулируют формирование общесоветских черт культуры, которые становятся характерными для всех народов СССР, свидетельствуют об интеграции советского народа.

Развитие общесоветских черт культуры не исключает сохранения ее национальных форм. Степень устойчивости этнической традиции проявляется по-разному в отдельных элементах материальной и духовной культуры русского и украинского населения и зависит от сложного сочетания факторов социально-экономического, этнического и психологического характера.

Продолжают сохраняться общие культурные традиции регионально-го свойства, характерные в прошлом как для русского, так и для украинского населения данных районов. Преобладающим типом сельского жилища повсюду остается одноквартирный дом в сочетании с дворовыми постройками и приусадебным участком. В индивидуальном сельском жилищном строительстве часто используются местные строительные материалы и локальные технические приемы возведения стен срубных, каркасных, саманных построек, обмазка стен глиной и побелка, некоторые детали внутреннего убранства комнат. Отмечается устойчивость народных традиций в приготовлении пищи, режиме питания, ассортименте блюд. В повседневную и праздничную трапезу наряду с новыми, общераспространенными в последние десятилетия кушаньями включаются и традиционные для русской и украинской кухни этих районов борщ, *кулеш* (жидкая пшенная каша с картофелем, луком и салом), лапша, студень, вареники, пироги, блины, *пампушки* (сдобные дрожные лепешки), компоты, кисели и др. Прежней остается и функциональная направленность обрядового, ритуального питания. Так, на свадьбу повсюду выпекают *каравай* — круглый большой хлеб, украшенный фигурками из теста, и *шишки* — булочки, по форме напоминающие сосновые шишки. Как и раньше, с пирогом ходят на сватовство, караваем украшают свадебный стол и одевают гостей во время одаривания молодых, с караваем (или пирогом) встречают молодых в доме жениха, шишками угощают всех гостей. В Воронежской области, как и в других районах русско-украинского пограничья, в современной свадьбе сохраняется значительная часть обрядов, сложившихся в далеком прошлом⁵¹.

Все перечисленные выше, как и многие другие, компоненты культуры, сформировавшиеся в разное время, в определенных природных и социально-экономических условиях, в процессе длительного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния, передаваясь из поколения в поколение, стали традиционными для всех обследованных групп населения, что отражает межэтническую интеграцию.

Значительно сузилась сфера проявления этнодифференцирующих функций культуры. Специфические этнические особенности русских и украинских групп населения в большей мере продолжают сохраняться в говорах, в народно-поэтическом творчестве, в свадебной обрядности, в отдельных видах народного искусства. Один из наиболее «этнических» в прошлом компонентов культуры — одежда под воздействием городской моды и распространения в сельской местности фабрично-заводских изделий стал наиболее изменчивым элементом. Вместе с тем, как показав-

⁵¹ Чижикова Л. Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области). — Сов. география, 1980, № 2, с. 15—24.

ли экспедиционные обследования, в отдельных русских селах (Першино, Новая Ольшанка, Андреевка Нижнедевицкого района, Шубное, Терновое Острогожского района и особенно Ерышевка Павловского района, Пузево, Гвазда Бутурлиновского района) во многих семьях имеется полный комплекс традиционной женской одежды, который еще и в 1920—1930-е годы служил здесь повседневной одеждой. С 1960-х годов происходит процесс как бы вторичного возрождения традиционной одежды: стало модным надевать ее в праздник и на свадьбу. Старинный костюм широко используется и местными самостоятельными фольклорными коллективами. Это характерно также и для обследованных нами ранее русских сел Белгородской и Курской областей. До настоящего времени в традиционных формах одежды здесь хорошо прослеживаются многообразные локальные варианты ее, характерные для данных районов в прошлом.

Этническое своеобразие традиционной культуры украинских групп населения сохраняется благодаря их особой приверженности к национальной кулинарии, национальному народному искусству, национальным свадебным торжествам. В современной украинской свадьбе, например, продолжают участвовать под прежними названиями традиционные свадебные чины. Женидьба не обходится без сватовства, в котором хотя и модифицированно, но сохраняется традиционная линия поведения сватов, инсказательная манера обращения их к родителям невесты и т. п. По старинным обычаям совершаются предсвадебные обряды (сватання, могорич), по-прежнему неоднократно в домах жениха и невесты одаривают ближайших родственников платками, рушниками, отрезами тканей, прячут и отыскивают невесту и др.

Изученные материалы показывают, что общий процесс современного этнокультурного развития населения Воронежской области сложен и противоречив. В группах жителей украинского происхождения выявляется тенденция к слиянию с преобладающим по численности русским населением. Эта тенденция прослеживается в таких важных этнических определителях, как язык и национальное самосознание. Вместе с тем именно в языке — в этнонимах, в местных диалектах, как и в некоторых компонентах бытовой культуры, довольно стойко сохраняется украинское своеобразие. Одновременно с утратой части отживших традиционных элементов повседневной культуры сельского населения развиваются ее современные урбанизированные формы, происходит взаимное проникновение инноваций и национальных традиций прошлого. Значительно усилившиеся в последние десятилетия процессы культурных взаимовлияний способствуют дальнейшему этническому сближению групп русского и украинского населения Воронежской области. Современная бытовая культура в районах русско-украинского пограничья отличается определенной этнорегиональной спецификой, и в то же время в ней отражаются общие закономерности этнокультурного развития народов Советского Союза в эпоху зрелого социализма.

Т. А. Николаева

НАРОДНЫЕ КОНСТРУКТИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ВЕСЕННЕ-ОСЕННЕЙ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЕ УКРАИНЦЕВ

Изменения в традиционной одежде, происходящие в советский период, обусловлены рядом причин, в частности характером и направленностью процесса взаимодействия культуры и быта братских советских народов. Поставленная в настоящее время задача — «сделать еще более плодотворным взаимное обогащение культур, открыть всем людям еще более широкий доступ ко всему лучшему, что дает культура каждого из

наших народов»¹ — находит практическое выражение и в таком виде материальной культуры, как одежда. Одним из путей обогащения прогрессивных традиций, представляющих органическую составную часть современной культуры, является взаимопроникновение форм профессионального и народного творчества, воплощающееся в практике моделирования современной одежды.

Изучение видов одежды, сформировавшихся в дореволюционный период, и процессов, обуславливающих изменения в этом элементе национальной культуры в советское время, приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Традиционный костюм, отражая этническую принадлежность и процесс исторического развития народа в целом или его отдельных групп², одновременно концентрирует в себе разные виды творческой деятельности народа, ярко раскрывая специфику художественного вкуса, выразительность и отточенность конструктивно-художественных приемов.

Сегодня советскими этнографами созданы монографии об одежде разных народов СССР, в которых представлены некоторые сведения о верхней одежде сельского населения Украины³. Проблема связи традиционной и современной одежды впервые была поставлена в этнографической литературе еще в начале 50-х годов⁴, что, несомненно, стимулировало исследования и публикации в этом направлении не только этнографов, но и других специалистов по костюму⁵. Вместе с тем еще недостаточно разработаны вопросы использования традиций, применения народных приемов в современных условиях, что вызывает необходимость проведения сравнительно-типологических исследований традиционной одежды различных народов, выявления ареалов ее отдельных элементов.

Цель настоящего исследования — анализ украинской верхней одежды конца XIX—XX в., изучение ее этнической специфики и выявление общности с одеждой других, в первую очередь, восточнославянских народов, а также рациональных и художественных приемов народного моделирования. Собранные автором полевые материалы, наряду с архивными, литературными и музейными источниками позволили сделать некоторые обобщения по типологии верхней традиционной одежды сельского населения Украины конца XIX—начала XX в., а также показать пути использования положительного опыта народного моделирования в современной практике. Данная работа — продолжение разработки вопросов, поставленных автором в предыдущих публикациях⁶.

Исследование верхней одежды обусловлено ее значительным типологическим многообразием, наиболее ярко отражающим специфику природно-климатических условий, характер хозяйственно-трудовой деятельности, социальное неравенство крестьянства в прошлом, а также этнокультурные взаимовлияния⁷. Мужская и женская верхняя одежда не-

¹ Ю. В. Андропов. Шестьдесят лет СССР. М.: Политиздат, 1982, с. 13.

² Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977, с. 159, 205.

³ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX — начале XX в. — Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии. Т. XXXI. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Матейко К. І. Український народний одяг. Київ: Наук. думка, 1977; Беларускаяе народнае адзенне. Мінск: Навука і тэхніка, 1975; Русские. Историко-этнографическое атлас. М.: Наука, 1967; Раманюк М. Беларускаяе народнае адзенне. Мінск: Беларусь, 1981; Зеленчук В. С. Основные типы традиционной молдавской одежды. — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972 и др.

⁴ Шмелева М. Н., Семенова Е. В. Народные традиции в моделировании современной одежды. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1952, № 1.

⁵ Горина Г. С. Народные традиции в моделировании одежды. М.: Легкая индустрия, 1974; Мерцалова М. П. Поэзия народного костюма: Молодая гвардия, 1975.

⁶ Николаева Т. А. Народное моделирование женской одежды и применение его традиций в современной практике. — СЭ, 1977, № 3; ее же. О направлениях использования народного опыта в современной одежде. — Швейная промышленность, 1976, № 3.

⁷ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. — Киев: Наук. думка, 1975, с. 24*—244; Чижикова Л. Н. Об этнических процессах в восточных районах Украины. — СЭ, 1968, № 1, с. 21; Дворникова Н. А. Одежда населения северо-восточных районов Украины. — СЭ, 1968, № 1, с. 120.

Рис. 1. Комплексы традиционного украинского костюма с верхней одеждой (реконструкция автора, рисунок З. А. Васиной): а — *свита-кущина* (Киевское Полесье), б — *баевая юпка* (Центральная Киевщина)

значительно различалась покроем, а одежда разных возрастных групп — главным образом длиной, отделкой, украшениями. Сложность изготовления и обработки материалов и пошива верхней крестьянской одежды в домашних условиях требовали коллективного труда, что в известной степени послужило причиной развития народных промыслов, связанных с ее производством⁸. Верхняя одежда, как наиболее долговечная и дорогая, бережно сохранялась крестьянами, и ее образцы можно и в настоящее время найти даже в наиболее промышленно развитых районах центральной части Украины. В западных же районах еще до недавнего времени широко бытовали *сердаки* из домотканого сукна и меховые *кожущанки*.

Верхнюю одежду можно разделить на весенне-осеннюю и зимнюю. В особую группу следует выделить плащевую одежду, надеваемую в непогоду, а также в дорогу поверх первых двух. В связи с климатическими особенностями региона наибольшее распространение у украинцев получила весенне-осенняя верхняя одежда, которая отличалась разнообразием используемых материалов, форм (пропорций, длин) конструктивно-художественных приемов и названий.

К концу XIX — началу XX в. на Украине не сохранилась архаичная глухая верхняя одежда, получил развитие распахной вариант ее. Такой же признак, как наличие или отсутствие рукавов, оказался устойчивее. К одежде без отверстий для рук можно отнести старинный гуцульский плащ-накидку — *гугля* и набрасываемую на плечи *гуню* с фальшивыми рукавами. Сердак-петик, хотя он и с рукавами, гуцулы носят внакидку. К одежде без рукавов можно отнести и безрукавки из меха с отверстия-

⁸ Бодник А. А. Сукнарство Бойківщини. — Народна творчість та етнографія, 1978, № 3, с. 59—62; Горінь Г. И. Традиційне кушнірство українських Карпат. — Народна творчість та етнографія, 1979, № 5, с. 50—56.

и для продевания рук, бытовавшие в горных районах Западной Украины, и удлинненные безрукавки из ткани — в Приднестровье⁹.

На рис. 1 представлены реконструированные автором два комплекса традиционного женского украинского костюма, включающие один из элементов верхней весенне-осенней одежды: *а* — свита-кущина из самодельного сукна и *б* — баевая юбка из фабричного материала.

На основе проведенных исследований обобщены типы и выявлен характер эволюции кроя верхней одежды из домотканого сукна (рис. 2, 3) и фабричных материалов (рис. 4, 5), а также показаны богатые художественные приемы ее оформления.

Форма распашной весенне-осенней одежды из самодельного сукна в конце XIX — начале XX в. зависела от типа кроя спинки и способа соединения передней полки и спинки по плечевой линии. Одежда могла быть прямая (рис. 2, *а, б*), расширенная книзу вставленными продольными клиньями (рис. 2, *в—з*); приталенная: с неотрезной спинкой (рис. 2, *и—л*) и с частично или полностью отрезной спинкой (рис. 2, *м—р*). Архаичная одежда из самодельной ткани не разрезалась по линии плеча, т. е. кроилась из полотнища, перегнутого на плечах (в перекидку). Прямой покрой сохранился в конце XIX — начале XX в. в короткополом гуцульском сердачке-петике и длинноворсовой гуне, в удлиненной гугле, сходной с древнерусской плащевидной накидкой — *корзно*; в *сарийке, чуге и манте*, которая в XX в. чаще всего использовалась как обрядовая одежда и набрасывалась на плечи (рис. 2, *а, б*).

В процессе развития верхняя часть одежды прямого покроя не изменялась (ширина ее соответствовала размеру валяного сукна—45—52 см), нижнюю же расширяли, вшивая по бокам клинья (рис. 2, *в, з*). Покрой, расширенный книзу вставленными боковыми продольными клиньями, со временем получил распространение в плащевой одежде. Название *опонча*, сохранившееся в украинском языке для одежды такого типа в XIX в., имеет, очевидно, общеславянские корни и восходит к термину *япончица*, упомянутому в «Слове о полку Игореве»¹⁰. Широко бытовавшая на Украине в XIX в. плащевая одежда однотипного покроя *керея, сиряк, затула, кобеняк, бурка, свита с кобеняком* шились чаще из серого или двух перегнутого на плечах длинных полотнищ домашнего сукна худшего качества — *ряднини* черного или серого цветов (рис. 2, *в, з*). Застежек эта одежда чаще не имела и подвязывалась поясом; к небольшому воротнику или к горловине пришивался украшенный вышивкой и обшивками капюшон — *відлога, затулок, кобка, каптур, богородиця (бородиця)*, которым покрывали голову.

Расширенная книзу боковыми клиньями одежда такого типа с большим отложным воротником в Приднестровье называлась *халат*. На левом берегу Днепра преобладало название *сиряк* (из серого сукна); на правом — *кобеняк*; по всей Украине бытовал термин — *керея*. У русских аналогичная одежда называлась *армяк, азам, халат*, свита с шиворотом¹¹, у белорусов — *сярмяга, бурка*¹², у молдаван — *манта ку глугэ*¹³, болгар — *менте, гуня, опанджак, япунджак*¹⁴.

Одежда, близкая к украинскому кобеняку из валяного сукна с капюшоном, была распространена в XIX в. на Северном Кавказе среди пастухов и овчаров: у кабардинцев, адыгейцев, карачаевцев и балкарцев она

⁹ Ташихіна Л. В. Російський верхній народний одяг другої половини XIX — початку XX ст. — Народна творчість..., 1963, № 1, с. 90—93.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Фотокопия издания 1880 г. Київ: Художня література, 1962, с. 11.

¹¹ Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды. — СЭ, 1954, № 2, с. 57.

¹² Помінікі етнграфії/Під редакцією Бандарчука В. К. Мінск: Навука і тэхніка, 1980, с. 133.

¹³ Молдаване. Кишинев: Штиинца, 1977, с. 177.

¹⁴ Прилипка Я. П. Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян (на матеріалах Румунії). Київ: Наук. думка, 1964, с. 66, 76.

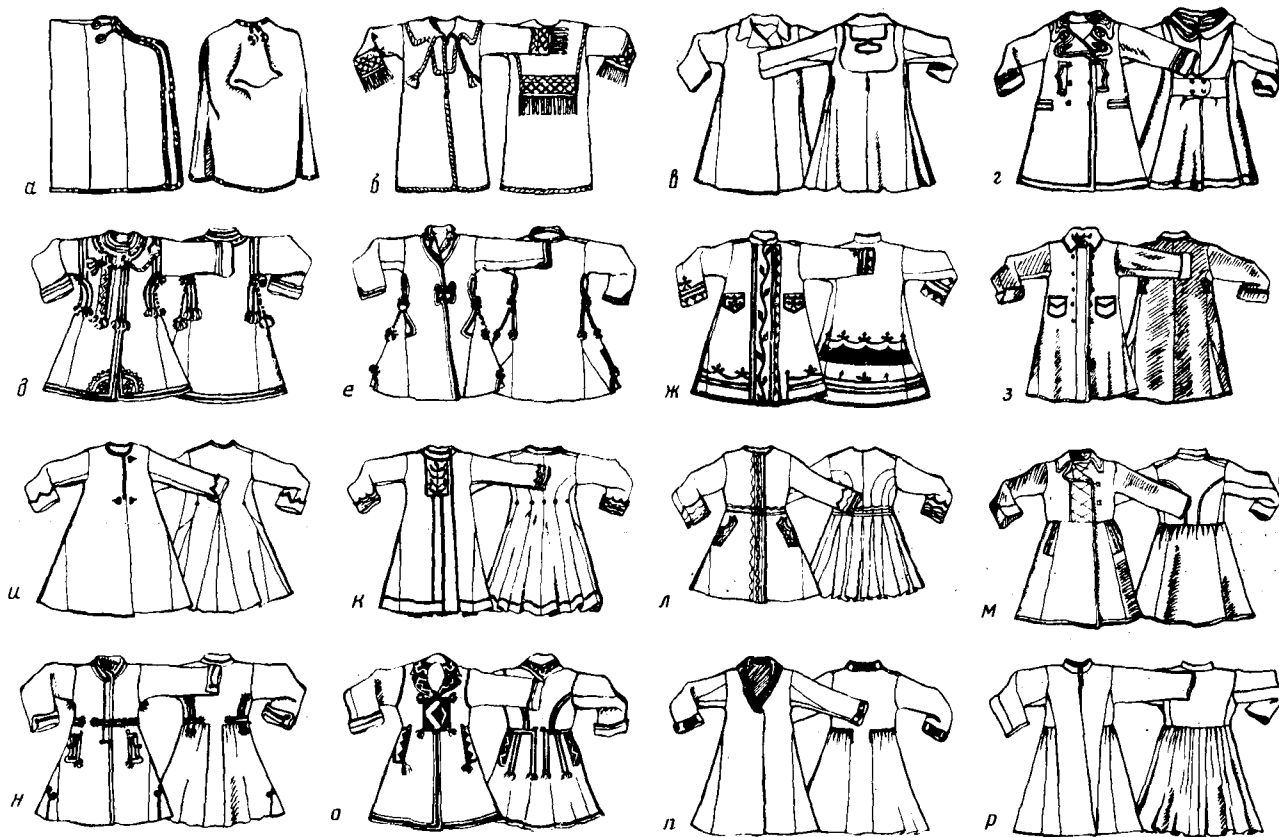

Рис. 2. Традиционные народные конструктивно-художественные приемы и эволюция кроя верхней одежды из домотканого сукна: а — *гугля* из белого сукна, Ивано-Франковская обл., конец XIX — начало XX в.; б — *чуга* горных районов Западной Украины, конец XIX — начало XX в.; в — *чекміль* (кобеняк з кобкою), Черниговская обл., Менский р-н, с. Блистова, конец XIX — начало XX в.; г — *бурка*, Киевская обл., Белоцерковский р-н, с. Потиевка, конец XIX — начало XX в.; д — *петик* (*сердак*), Ивано-Франковская обл., с. Олеша, конец XIX — начало XX в.; е — *латух*, Ровенская обл., конец XIX — начало XX в.; ж — *полька*, Кировоградская обл., с. Мартыновка, начало XX в.; з — *гунька*, Киевская обл. Белоцерковский р-н, начало XX в.; и — *суконная юпка*, Киевская обл., Переяслав-Хмельницкий р-н, с. Подсинное, начало XX в.; к — *свита*, Полтавщина, начало XX в.; л — *свита*, Черниговская обл., Менский р-н, с. Блыстова, конец XIX — начало XX в.; м — *бекеша*, Черкасская обл., Шполянский р-н, с. Лебедин, XX в.; н — *куртак*, Волинское полесье, с. Березана, конец XIX — начало XX в.; о — *чугайка*, Винницкая обл., с. Озаринцев, конец XIX — начало XX в.; п — *свита*, Киевская обл., Бородянский р-н, с. Мирчье, конец XIX — начало XX в.; р — *свита до брузів*, Черкасская обл., Звенигородский р-н, с. Шевченко, конец XIX в.

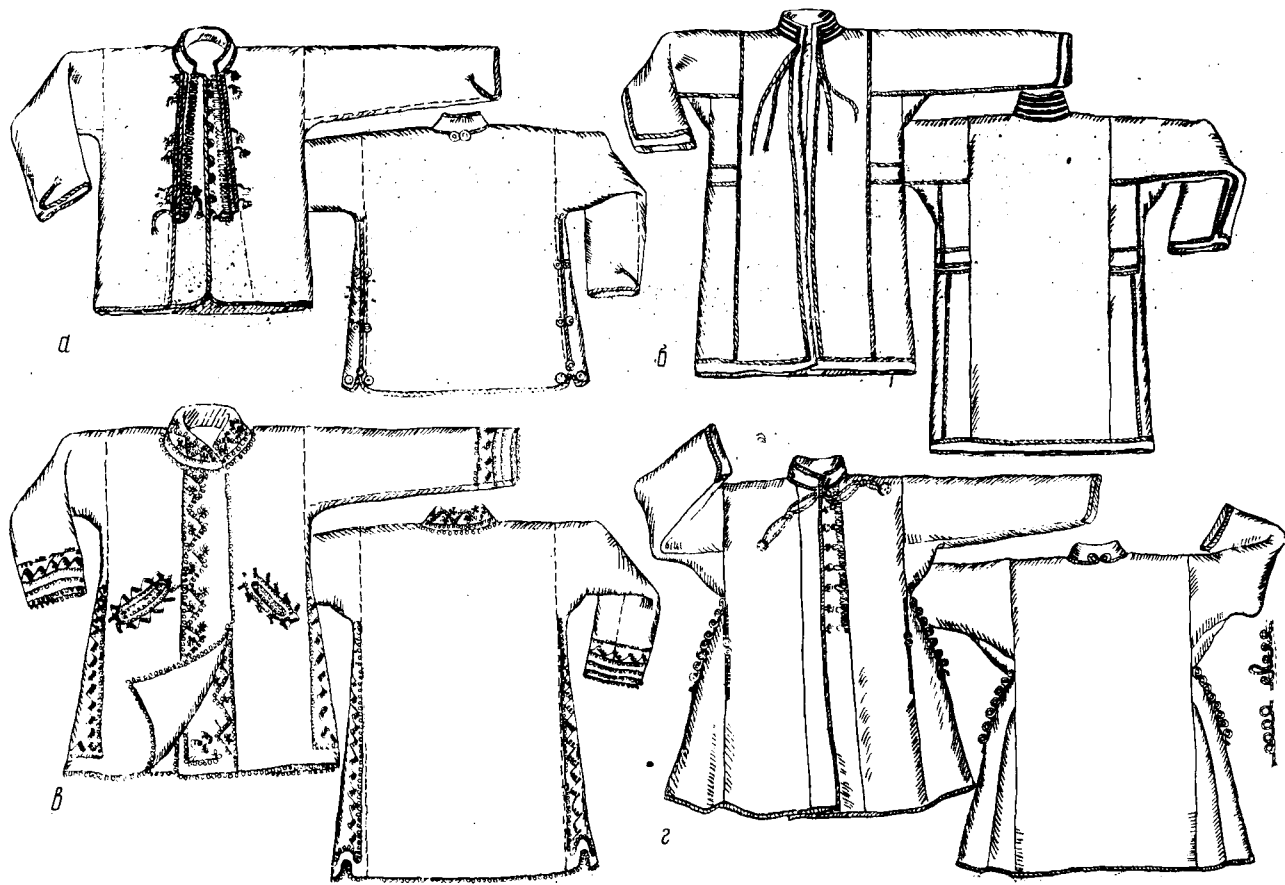

Рис. 3. Одежда из домотканого сукна: а — *петик* (*петичина*) из коричневого сукна, украшен разноцветными шнурами и кисточками (*гетичьями*), Ивано-Франковская обл., Надворнянский р-н с. Яблуница, 30-е годы XX в.; б — *сарійка* из черного сукна, украшена синим шнуром, Черновицкая обл., Сокирянский р-н, с. Кобальчин, начало XX в.; в — *сердак* из коричневого сукна, украшен шнуром одного цвета с тканью, Черновицкая обл., Вижницкий р-н, с. Долишний шепит, 30-е годы XX в.; г — *сердак* из черного домотканого сукна, украшен черным шнуром и красными самодельными пуговицами-*бумбонами*, Ивано-Франковская обл., Городенковский р-н, с. Чернятин, начало XX в.

Рис. 4. Конструктивные и композиционные народные приемы кроя традиционной верхней одежды из фабричных тканей: а — *юпка* кубовая. Полтавщина, конец XIX — начало XX в. (ГИМ УССР, т—391); б — *халат* из *пейстрово́й* (набивной) ткани, Черниговская область Кролевецкий район, конец XIX — начало XX в. (ГМЭ, 1388—136); в — *шушун*, Полтавская обл., Зиньковский р-н, г. Опошня, вторая половина XIX в. (ГМЭ, № 194—16); г — *халат*, Полтавская обл., г. Градижск, вторая половина XIX в. (ГИМ УССР, т—310).

называлась *гебенек* (*гобенек*)¹⁵, у осетин — *джебен*, в западной Грузии — *гвабана*, *гвабанаки*, в Абхазии — *агубанак*, что может быть следствием давних украинско-кавказских связей¹⁶. Аналогичная одежда встречается у монголов — *хэвнэг*, у персов — *кэпэнэк*, а также у венгров — *кё-пенъег*. Устойчивость и длительное бытование такой одежды, имеющей типологическое сходство у различных народов, свидетельствуют не только о взаимовлиянии культур, но и о наиболее удачном соответствии формы функциональному назначению, благодаря чему она представляет интерес для современной практики. Эта же форма верхней одежды характерна для широко бытовавших в конце XIX — начале XX в. повседневных и праздничных удлиненных сердаков Прикарпатья (рис. 2, д), гуньки Подолии (рис. 2, з), южноукраинских свиты-польки и керейки (рис. 2, ж). Суженный в талии, неотрезной, расширенный книзу двумя клиньями покрой (аналогичный русской одежде с перехватом, с пережимом) сохранился в старинных украинских свитах «до двох вусів» Приднпровья, которые представлены на рисунках А. Ригельмана, О. Сластона и в трудах дореволюционных авторов¹⁷, а также в бытовавших еще на рубеже XIX и XX вв. *свите-латухе* (рис. 2, е) и *свите-куцине* Полясья (рис. 1, а), в *кабате* Западной Украины¹⁸. Для этой одежды характерна объемность, выпуклость за счет клиньев, которые иногда закладывались в несколько складок. Она имела общие черты с аналогич

¹⁵ Студенецкая Е. Н. Одежда. — В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968, с. 153; Отаров И. М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материалах названий одежды и обуви). Нальчик, 1978, с. 20.

¹⁶ Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в. — СЭ, 1982, № 3, с. 97.

¹⁷ Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847; Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II. Пг, 1916, с. 584; Украинское народное искусство. Одежда. Киев. Гос. изд-во изобразительного искусства и музыкальной литературы УССР, 1961 (рисунки).

¹⁸ Матейко К. І. Указ. раб., с. 98.

Рис. 5. Конструктивно-декоративные приемы моделирования традиционной верхней одежды из фабричных тканей: а — юпка, Черниговская обл., Носовский р-н, с. Мрин (из собрания автора), начало XX в.; б — зимняя юпка на вате, Черниговская обл., с. Борозна, конец XIX — начало XX в. (из собрания автора); в — юпка легка, Полтавская обл., Гадячский р-н, с. Веприк, начало XX в. (Музей архитектуры и быта УССР — далее МАБ УССР, НД-4468); г — юпка до восьми фалдів з квіткою, Полтавская обл., Зеньковский р-н, с. Лютенские Будища (МАБ УССР, 0-3960).

ными элементами русского костюма (*пониток, двоеклинок, балахон, зипун*), белорусского (*світка з вусамі, з фалдами, латух*)¹⁹.

Дальнейшее расширение нижней части неотрезной в талии одежды привело к появлению приталенной *під стан*, многоклинной свиты, получившей широкое распространение на территории украинского Приднестровья²⁰. Вначале вшивали третий клин — свита *до трьох вусів* (рис. 2, и), а в конце XIX — начале XX в. этот крой усовершенствовался благодаря вертикальному разрезу спинки, при этом увеличивалось количество клиньев, соответственно росло и число швов (рис. 2, к, л). Традиционные или треугольные клинья — старинные «вуси» заменялись глубокими, иногда двойными складками, что привело к изменению силуэта. Шилась свита из белого или серого сукна до колен и ниже. На Полтавщине эта одежда называлась *свитой, юпкой*; на севере Черниговщины и Киевщины — *куциной*. Такая верхняя одежда была распространена в русских губерниях в виде *куцинок триклинок, тришовок, пятишовок*²¹.

Расширение нижней части приталенной одежды происходило и благодаря частичному подрезанию спинки по линии талии и вшиванию дополнительных присборенных прямоугольных клиньев (*ряси, забори, брили*) (рис. 2, н—р). В свите *з рясами і прохідкою* спинка подрезалась по краям, из-за чего сужалась цельнокроеная часть (*старшая фалда, прохідка, доріжка, засібок*). Количество сборок увеличивалось за счет ужения в талии и введения дополнительных широких клиньев в нижнюю часть. Свита *з рясами* развивалась параллельно с многоклинной и являлась на значительной территории Украины (преимущественно в ка-

¹⁹ Крестьянская одежда населения Европейской России. М.: Сов. Россия, 1971, с. 109, 170, 241, табл. XXIII.

²⁰ Николаева Т. А. Изменения в украинской народной одежде Среднего Приднестровья (конец XIX — 70-е годы XX в.): Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Минск, 1982, с. 13.

²¹ Русские. Историко-этнографический атлас. Крестьянская одежда. М., с. 245, 249.

честве мужской одежды) вплоть до начала XX в., а затем долгое время использовалась крестьянами для работы, благодаря чему была зафиксирована автором в процессе полевых исследований (рис. 2, н—р). В Среднем Приднепровье (преимущественно на Правобережье) она шилась из темно-коричневого, на Полесье и в Подолии — из белого или серого модельного валяного сукна. В разных местностях ее называли по-разному: *свита до заборів*, *катанка* — на севере Приднепровья, *свита до рясів* — на центральной Киевщине, *свита до брідів* — на Черкашине, *козачка* — на Полтавщине, *куртак* — на Волини, *чугай*, *чугайна* — на Винничине и т. д. Количество дополнительно вшитых полотнищ, а следовательно, и густота сборок «рясування» определяли объем свиты и свидетельствовали о степени достатка ее владельца.

Одежда аналогичного покроя из домотканого сукна под названием капота, на которой сказалось влияние польского костюма, была распространена в западных районах и сохранилась даже в XX в. как обрядовая²².

Реже встречается и является более поздней формой суконная верхняя одежда, приталенная, с отрезной спинкой (или отрезная кругом) и собранной нижней частью (рис. 2, м, р). Этот тип кроя лежал в основе русского кафтана и бекеша. На Украине одежда с отрезной нижней частью также называлась *кафтан*. Как и у русских, она была двубортная (рис. 2, м). В целом же в украинской верхней одежде, в отличие от русской, преобладает однобортность при достаточно глубоком запахе или заходе с подчеркнута выраженной асимметрией в расположении застежки и декора.

Весенне-осенняя одежда из сукна могла быть без воротника или иметь стоячий низкий (2—2,5 см) воротничок. В старинных свитах, зафиксированных на рисунках Деляфица (вторая четверть XIX в.), воротники были в виде небольшой стоечки и отложные²³. В конце XIX — начале XX в. на севере Киевщины, в с. Мирча (ныне Бородянский район), бытовала свита с отложным шалеобразным воротником (рис. 2, н). На Подолии свита была *з відлогою* — вышитым воротником (рис. 2, о). На свитах Полтавщины воротник отсутствовал, а вырез в женской свите делался значительно большим, нежели в мужской, с тем, чтобы были видны шейные украшения.

Длина верхней одежды определялась ее назначением и одновременно была локальным признаком. Условно можно выделить: короткую (до середины бедра), средней длины (до колен), длинную (до пят) одежду. Укороченный вариант рассмотренной одежды бытовал в горных и предгорных районах Карпат, а также в Полесье. На значительной территории одежда из домотканого сукна была удлиненной, при этом праздничная свита шилась длиннее, чем будничная²⁴. Максимальная длина приусаща плащевидной (длиннополой) одежде.

Оценивая в целом конструктивные особенности рассмотренной группы одежды, следует подчеркнуть, что разнообразие ее вариантов достигалось относительно простым, но отработанным приемом народного конструирования — соединением основных (спинка, полки) прямоугольных кусков ткани и клиньев, что привело к одновременному бытованию на Украине в конце XIX — начале XX в. прямой, расширенной, многоклинной неотрезной в талии, сборчатой с отрезной спинкой верхней одежды, опыт создания которой заслуживает внимания современных практиков.

Одновременно с домотканым сукном крестьяне использовали для верхней одежды и покупные ткани, сначала привозные, а с развитием мануфактурного производства и местного изготовления (рис. 4, 5). Широкое распространение и развитие такая одежда получила среди насе-

²² Gutkowska-Rychlewska M. Historia ubiorow. Wrocław, 1968, с. 868. Banach E. i Andrzej. Słownik mody. Warszawa, 1962, с. 126.

²³ Этнографическое описание крестьян Киевской губернии..., 1854, с. 1—154. Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. VIII, 187 (лаз 15).

²⁴ Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной русским географическим обществом. Т. XII. В. 2. Маг-руссы Юго-Западного края. Спб., 1877, с. 418, 419.

ления Украинского Приднестровья, в селах, близлежащих к городам. Она могла быть приталенной с неотрезной или отрезной спинкой, а также сильно расширенная книзу, свободного халатообразного покрова. В середине XIX в. приталенный с неотрезной или сборчатый с отрезной спинкой жупан (куртка с двумя «вусами», или перехватами по бокам) шился из разноцветного покупного сукна, китайки, узорного штофа²⁵, с отложным воротником из цветного бархата или парчи и бытовал у зажиточных крестьян и мещанства, о чем свидетельствует поговорка: «*Убрався в жупан і гадає що пан*»²⁶. Характеризуя народную одежду конца XIX в., Б. Познанский писал: «Вряд ли можно теперь увидеть в г. Белая Церковь Киевской губернии молодич, одетых в темно-синего сукна жупан с парчовым широким отложным воротником в виде „пелерины“, с такими же парчовыми отворотами на груди, манжетами и галунами на боковых стачках и у начала оборо, в парчовом под ламиткой очипке и красных чоботах»²⁷.

Женская легкая одежда приталенная, с неотрезной спинкой под названием капота в Среднем Приднестровье вышла из употребления во второй половине XIX в.²⁸. Ее шили из однотонной (красной, розовой, голубой) или с разводами либо «фантастическими» цветами ткани на подкладке из дешевой шерсти с тремя клиньями по спинке, воротником и зауженным рукавом. Верхняя приталенная одежда с отрезной спинкой (преимущественно мужская) — *чемерина* на Приднестровье — шилась из тонкого черного покупного сукна со сборками на спинке; *чемерка*, сходная с русской поддевкой, выполнялась из черной бумажной ткани, была отрезной по линии талии и собранной в сборки, с отложным воротником и лацканами (*клипнями*), спереди с двумя рядами пуговиц. О капоте из покупных тканей и чемерине можно судить в основном по описаниям, хотя их конструктивно-художественные особенности (выразительность формы и отделки, использование орнаментальных тканей) нашли применение в одежде, бытующей на рубеже XIX и XX вв.

Старинную верхнюю одежду из покупных тканей, сильно расширенную книзу, свободного халатообразного покрова — *шушун*, *шушпан*, *халат*, *бурнос* — в конце XIX в. молодые и пожилые замужние крестьянки Среднего Приднестровья надевали в торжественных случаях: на праздник, в церковь; использовалась она и в качестве обрядовой одежды на свадьбе²⁹. Этот тип восходит к древним общеславянским элементам одежды, бытовавшим и в городе, а со временем законсервировавшимся в селе³⁰. Можно выявить определенную генетическую связь упомянутой одежды с северорусским шушуном, а также с шушпаном, сохранившимся в XIX в. в южнорусских губерниях в комплексе с поневой, реже с плахтой или запаской, которые выполнялись из самодельного сукна³¹. На Украине (преимущественно левобережье Днепра) такая одежда, сшитая из различных фабричных тканей, получила дальнейшее развитие: усложнился крой; изменилось художественное решение (рис. 4, б—г). Выполнялась она из набивного или однотонного ситца, тонкой шерстяной или шелковой ткани. Объемность одежды халатообразного типа достигалась за счет мелких, заложенных в верхней части спинки или по линии талии складок, часто ее шили с большим присобраным отложным ворот-

²⁵ Горобець В. Назви тканини та одягу в українських джерелах. — Народна творчість..., 1972, № 4, с. 54—56. См. также: Арофкин Е. В. Фольклор как источник изучения материальной культуры. (Ткань «Китайка» в поэтическом творчестве украинского народа). — СЭ, 1978, № 5, с. 119—129.

²⁶ Головацкий Я. Ф. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и Северо-Восточной Венгрии. Спб., 1877.

²⁷ Познанский Б. Одежда малороссов. — Тр. XXII Археологического съезда в Харькове. Т. III. М., 1905, с. 184.

²⁸ Государственный музей этнографии народов СССР (далее — ГМЭ), кол. № 1388—137 (Черниговская губерния, Кролевецкий уезд).

²⁹ Этнографические сведения о жителях Кобелянского уезда Полтавской губернии. Архив Русского географического общества. Разряд 31, оп. 1, № 18.

³⁰ Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура. — СЭ, 1980, № 4, с. 19.

³¹ Тазихина Л. В. Указ. раб., с. 94.

ником и манжетами. В разных местностях такая одежда была неодинаковой длины (рис. 4, б—г).

На территории центрального Приднепровья в XIX в. бытовали колоритные старинные *баевые юпки*, с тремя клиньями из тонкой красной, синей или зеленой фланели, украшенные самодельными кисточками (*хвостиками*, *ковтками*, *мухами*) из цветной шерсти, по цвету контрастировавшими с материалом юпки (рис. 1, б) ³². В баевой юпке заметно проявилось влияние городского костюма различных социальных групп.

В конце XIX в. в одежде населения наиболее развитых районов Украины с распространением продукции местных мануфактур покупная (*крамная*) шерстяная и хлопчатобумажная ткань вытесняет традиционное домашнее сукно. В «холостых» (не утепленных) или «ватных» юпках, «круглых ватных кофтах» (*ватяниках*) Приднепровья (рис. 5, а—г) хорошо прослеживается развитие местных традиций кроя верхней одежды из домотканого сукна; в этой одежде увеличивается количество клиньев, бантовых или двойных складок (*накладов*), многошовной становится спинка. Иногда ее делали отрезной по линии талии, и тогда нижняя часть юпки закладывалась в складки либо присборивалась (рис. 4, а; рис. 5, в).

В одежде из фабричных тканей, получившей распространение на рубеже XIX и XX вв., развились лучшие традиции народных конструктивно-технологических и декоративных приемов. Сельские мастера свободно пользовались одноцветными, орнаментированными тканым или набивным рисунком фабричными тканями, находили способы их уплотнения с целью утепления и придания одежде нужной в соответствии с традицией формы. В условиях Украины одежда из легких покупных материалов (ситца, шерсти) играла роль верхней в течение круглого года благодаря различным способам утепления. Верхнюю, более дорогую и нарядную ткань соединяли (дублировали) с гармонирующей, но недорогой подкладкой, а иногда и ватной прокладкой, верх и подкладку простегивали ручным швом, а в более позднее время и машинной строчкой, создавая довольно сложную фактуру (рис. 4, а). Локальные варианты сильно различались длиной и пропорциями (рис. 4, а, б, в), художественной выразительностью и технологической отработанностью деталей и отделки (рис. 5, а, б, в, г). В этот же период бытовала на Украине аналогичная по конструктивно-художественным приемам безрукавная одежда из фабричных тканей. Благодаря своей практичности безрукавки-*керсетки* органически вошли в комплексы сельского костюма Украины, являясь переходным элементом от нагрудной к верхней одежде. Для севера и запада Украины характерны укороченные безрукавки, максимальная длина — ниже колен — у керсеток Полтавщины.

В начале XX в. с развитием капиталистических отношений усиливается влияние культуры города и быта городского населения на уклад крестьянской жизни, что сказалось и на мужской, и на женской одежде: старые формы заменяются городскими пальтового и пиджачного типа. Среди них *сачок*, *лейбик*, *бобр* — разные виды повседневного теплого ватного пиджака или полупальто из полусукна и других фабричных тканей. Были они прямого покроя с воротником, карманами, хлястиком. Эта одежда была изучена при современных полевых исследованиях благодаря сохранению как отдельных образцов, так и многочисленных фотографий. В одежде данного периода отразилась общность в материальной культуре украинцев и русских, создавшаяся в результате длительного процесса культурной интеграции ³³. Процесс изменения одежды как и всего быта, протекал неравномерно в отдельных районах и у различных социальных групп населения, отражая усилившуюся классовую и социальную неоднородность общества.

Принципиально новый этап развития одежды наметился с победой Великой Октябрьской социалистической революции. В первое десятилетие

³² ГМЭ, кол. № 2206, Киевская губерния, Киевский уезд, г. Триполье; ГМЭ, кол. № 3003-72, Киевская губерния, Чигиринский уезд, с. Субатово.

³³ Русские. Историко-этнографический атлас. Крестьянская одежда, с. 267.

тие после революции в сельской одежде, наряду с появившимися в годы гражданской войны и иностранной интервенции отдельными элементами военной форменной одежды (шинели, гимнастерки, галифе), продолжают бытовать элементы украинского традиционного костюма, которые претерпевают, однако, существенные изменения³⁴. Крой одежды стал более простым по сравнению с традиционной одеждой конца XIX—начала XX в. В одежде из фабричного сукна исчезают складки и фалды на спинке. Ее часто делают прямого покроя, неотрезной в талии, с отложным воротником, манжетами и карманами. Отделка становится менее трудоемкой и играет второстепенную роль. Как и раньше, верхняя одежда шилась самими крестьянами, получил распространение пошив верхней одежды кустарями в селах и малыми артелями в городах. Недостаток фабричных тканей и готовой одежды вызвал возрождение народных промыслов на основе индивидуального кустарного производства. Со временем в центрах с развитыми народными промыслами организовались художественно-промышленные артели, которые способствовали сохранению лучших старых и созданию новых советских традиций в одежде³⁵.

В дальнейшем социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, коренная перестройка общества, развитие экономики и культуры, новые условия труда, преобразование быта вызвали изменения и в народном костюме. Эти изменения происходят не только в связи с ростом промышленности, усилением влияния города на быт села, но и в результате активно протекающих этнических процессов³⁶.

Верхняя одежда колхозного крестьянства 1930—1940-х годов с некоторыми изменениями сохранилась и до настоящего времени. Для нее характерны: сохранение некоторых традиционных видов одежды (свита, манта, гугля и т. д.), используемых для торжественно-ритуальных случаев (праздник, свадьбы, похороны), наличие новых моделей одежды, распространившихся под городским влиянием, но выполненных народными мастерами и готовых фабричных изделий. Верхняя одежда сельских жителей советской Украины стала менее громоздкой и приближается к костюму городского типа. На смену традиционным свитам и юпкам, а также шинелям пришли женские и мужские костюмы, жакеты, телогрейки, пальто. При этом сельское население, особенно в наиболее развитых районах Украины, все более критично относится к устаревшим формам и элементам одежды, сохранение которых рассматривается как проявление предрассудков. Прогрессивные конструктивно-художественные народные приемы создания сельского костюма сразу после революции становятся предметом изучения народного опыта художниками-профессионалами с целью использования лучших достижений культурного наследия в современной одежде советских людей.

В 20—30-е годы была заложена теоретическая основа профессионального моделирования одежды в нашей стране. На основе сочетания достижений европейской моды с национальными особенностями народной культуры³⁷, а также сближения и взаимообогащения профессионального и народного творчества при создании костюма³⁸. Для этого периода характерен комплексный подход к использованию традиций в современной одежде, проникновение в суть народного опыта: анализируются не только народные декоративные приемы создания отдельных элементов, но и единство функционального и художественного начал в традиционных комплексах. Однако теоретические разработки и первые экспериментальные коллекции моделей одежды с использованием народных тради-

³⁴ Нариси з історії українського декоративно-прикладного мистецтва. Львів: Видавництво Львівського університету, 1969, с. 162.

³⁵ Николаева Т. О., Забашова Т. Н. Особливості розвитку народного вбрання Середньої Наддніпрянщини за радянського часу.— Народна творчість..., 1973, № 2, с. 22.

³⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 196.

³⁷ Ламанова Н. П. Русская мода.— Красная нива, 1923, № 30, с. 32; *ее же*. О современной одежде.— Красная нива, 1924, № 27, с. 62.

³⁸ Стриженова Т. Из истории советского костюма. М.: Советский художник, 1972, с. 17.

Рис. 6. Пальто, разработанное с учетом конструктивных и декоративных народных приемов моделирования верхней традиционной одежды Киевщины. Автор Г. М. Мепен, 1983 г.

родной верхней одежды позволяют обобщить и выделить ряд уже имеющих и перспективных направлений в освоении народного опыта в данном вопросе. Прежде всего заслуживает внимания обилие общих черт в разных видах верхней одежды, определяемых назначением, климатическим фактором, используемыми материалами и конструктивно-художественными приемами, отраженных в типологических таблицах (рис. 2—5), что представляет интерес для совершенствования ассортимента современной верхней одежды. Это относится и к весенне-осенней одежде из домотканого сукна во всех ее разновидностях. Значительный интерес представляют также и разнообразные варианты изготавливаемой из покупных тканей повседневной и праздничной верхней одежды давнего происхождения, сохранявшейся в крестьянском быту вплоть до конца XIX—начала XX в., и более поздней — связанной с развитием во второй половине XIX в. промышленного производства тканей.

Накопленный опыт в выборе домотканых материалов, обеспечивающих необходимую теплозащитную роль одежды, реализовывался и в различных приемах придания этих свойств покупным тканям (использование ткани в один слой, на подкладке, дублирование несколькими слоями; уплотнение нашивками, строчкой и т. д.). Это способствовало созданию новых форм верхней крестьянской одежды, отвечающей особенностям климата и хозяйственной деятельности. Примером могут служить рассмотренные типы облегченной и утепленной осенне-весенней одежды,

ций, получившие признание у нас в стране и за рубежом, не были широко внедрены в жизнь, поскольку уровень фабричного производства был еще слишком низок.

В предвоенные годы возобновляется интерес к традиционной одежде как к элементу национальной культуры. Использование такого костюма, особенно делегатами съездов, депутатами Верховного Совета СССР, подчеркивало идею свободного развития наций и народностей и их равноправного участия в государственной жизни³⁹. Это время характеризуется усилением взаимовлияния национальных культур и урбанизацией населения, унификацией сельского быта.

Современная верхняя одежда жителей села, несмотря на происходящее сближение и нивелирование локальных черт в костюме сельского и городского населения, все же имеет свои особенности, обусловленные характером труда и быта, влиянием народных традиций и вкусов. Местный колорит прослеживается в выборе расцветок тканей, длине и пропорциях, способах ношения. Например, полупальто, возникшее на основе традиционных форм (укороченная модификация свиты), а также прямоспинные кожушки бытуют и в настоящее время на всей территории Украины в качестве повседневной и рабочей одежды.

Рассмотренные виды традиционной верхней одежды, отразившие общность происхождения и исторического развития восточнославянских народов, являются богатым источником для этнографов и современных художников⁴⁰. Закономерности развития на-

³⁹ Современные этнические процессы в СССР, с. 211, 235.

⁴⁰ Токарева С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — СЭ, 1970, № 4, с. 11.

Рис. 7. Модели, созданные к 1500-летию Киева. Автор Г. М. Мепен, 1983 г.

распространенной на Украине (рис. 5). В условиях современного технического прогресса в производстве тканей народный костюм раскрывает широкие перспективы для обогащения ассортимента современной верхней одежды, соответствующей требованиям сегодняшнего дня.

Примером могут служить образцы, разработанные художниками Киевского дома моделей одежды. Художник Г. М. Мепен дает новую жизнь таким забытым видам верхней одежды, как западноукраинские гугля и чуга, создавая эмоционально выразительные, облегченные пальто-накидки, плащи. Гуцульские орнаментированные сердаци и свиты Приднестровья становятся основой для разработки целых коллекций современных красочных ансамблей, которым автор дает названия: «Сорочинская ярмарка», «Запорожцы», «Единство» (к 1500-летию Киева)⁴¹ (рис. 6, 7). Разработки облегченной верхней одежды на основе народной из фабричных тканей, выполненные художником Л. В. Авдеевой, подтверждают перспективность их развития в настоящее время⁴².

Другим важным аспектом использования народного опыта является изучение и освоение народного кроя, имеющего большие резервы для дальнейшего развития в современном костюме. При этом прежде всего надо учитывать соподчиненность пластических свойств материалов и формы традиционной одежды; простоту и отработанность народного кроя (способы сшиваний, прямоугольных, клинообразных и подкройных деталей), многообразие форм; рациональное, экономное использование материала при раскрое, варьирование длины в зависимости от назначе-

⁴¹ Миколаєнко Н. У ритмах краси.— Україна, 1982, № 17, с. 24.

⁴² Калашникова Н. М. Использование народных традиций при создании современной одежды.— Швейная промышленность, 1977, № 1.

ния вещи. Богатство видов кроя народной верхней одежды уже давно используется художниками в современном костюме. Однако перспективным направлением является не копирование, не воссоздание кроя народной одежды, а приспособление его к современным условиям. Отрабатывая новую форму, художники-профессионалы на ее основе создают серию различных моделей путем варьирования деталей и декора. Такой прием широко использовался народными мастерами и является важным для массового производства одежды.

Особую ценность сегодня представляет народный опыт, раскрывающий неразрывную связь конструктивных, художественных и технологических приемов. Каждая конструктивная линия, соединяющая детали кроя традиционной одежды, была одновременно и декоративным элементом, дополнительной художественной отделкой. Ручная техника обработки отдельных деталей и верхней одежды в целом достигала высочайшего мастерства. Распространившаяся в конце XIX в. машинная техника раскрыла перед народным мастером еще большие возможности новых художественных приемов обработки одежды⁴³.

Заключительная отделка верхней одежды осуществлялась нашивками из бархата, сукна, кожи, тесьмы, шнура (по-разному сплетенные, скрученные шерстяные нитки), которыми обрабатывались детали и края верхней одежды. При этом использовались техника аппликации, вышивка, орнаментированная ручная, а со временем и машинная строчка⁴⁴. Размещалась отделка на воротнике, карманах, манжетах, вдоль верхней полы, реже по подолу, по спинке (по линии талии), в местах подрезов или закрепления верхних углов клиньев, ластовиц — одновременно украшая и обрабатывая их. Это делало более плотными и надежными детали, утепляло и украшало верхнюю одежду, создавая сложную законченную композицию. Отделка гармонировала с фактурой и цветом самодельного сукна, подчеркивала особенности кроя, придавала одежде локальное своеобразие. Практическую ценность имеет и народный прием дублирования фабричных тканей подкладкой и ватной прокладкой, который выполнялся ручной, а позже машинной техникой, достигая особой виртуозности в рисунке. Простота и высокое художественное мастерство обработки народной одежды в целом представляют важный объект для освоения при проектировании современных швейных изделий.

На примере верхней одежды видно, как на основе одного типа кроя за счет разнообразных видов отделки создается множество локальных вариантов, что приобретает особую важность в современных условиях. Так, при простоте и лаконичности форм, значительной художественной выразительностью, красочностью и разнообразием приемов отличается отделка гуцульских сердаков высокогорных районов Карпат. Они были коричневого или темно-красного цвета и обшивались сплетенными или скрученными вручную разноцветными шнурами из крашеных шерстяных ниток (*снурок, реска*), которые по-разному укладывались и закреплялись на передней вставке (*гридушке*) и боковых клиньях (*розклинках*) в виде так называемой *ключки* или *решітки*. Из этих же разноцветных ниток делались маленькие (*гетичі*) и крупные (*дармовесы*) кисточки, которые в большом количестве нашивались на сердак; нитками выполнялись и художественные швы, объединявшие рисунок, что в целом создавало сложную живописную композицию. Другой декоративный прием использовался в удлинённых, расширенных коричневых сердаках Прикарпатья, которые украшались уложенными по рисунку шнурами, сплетенными вручную из тех же ниток, из которых изготавливалась сукна. Цветными шерстяными нитками украшались *чугаина* (женский вариант — *чуги*) Подолни; латух и куртак Полесья (рис. 2, к, н, о, 3, а—г).

В центральных районах Украины, где формы верхней одежды из самодельного сукна были сложнее, отделка делалась строже — в виде ф-

⁴³ Николаєва Т. Принципи художнього оформлення народного жіночого одягу Середньої Наддніпрянщини.— Народна творчість..., 1972, № 2.

⁴⁴ Кара-Васильєва Т. В. Вишивка в оформленні одягу.— Народна творчість..., 1978, № 5.

шивок черного или коричневого цвета, которые размещались по горловине (воротнику), лацканам, отворотам на рукавах (*заковрашам*) и по спинке — в местах вшивания верхних углов клиньев. Праздничная одежда оформлялась самодельными шнурами и тесьмой; в качестве отделки широко использовались плис, который иногда нашивался в виде аппликации (Полтавщина); сложные орнаментальные композиции создавались ручным швом, а позже машинной художественной строчкой (рис. 2, ж, з, к). В верхней одежде из фабричных тканей — юпках наряду с традиционными появляются новые приемы украшений и отделки, достигшие высокого художественного мастерства. Машинной строчкой по краям полочек выполнялись сложные орнаментальные композиции. Она могла быть того же цвета, что и ткань или пестрой, дополнялась ручной вышивкой. Особой декоративностью, разнообразием рисунка отличалась аппликация юпок, которая чаще выполнялась из черного плиса. Локальные особенности проявлялись в расположении композиционного центра орнамента, в цветовом решении. Для Киевщины, например, характерны юпки из красочных, чаще однотонных тканей; акцент полихромной отделки находился в нижнем углу правой полы (*нарижник*). На Полтавщине однотонная декоративная аппликация располагалась вдоль правой полы (*левадка*).

Эстетическую функцию одновременно с утилитарным назначением выполняла и фурнитура. Самодельные плетенные из шнура и кожи или вырезанные из дерева пуговицы, а также петли, отличаясь художественной выразительностью и простотой, гармонично вписывались в общую композицию одежды, а иногда были основным ее украшением, отражая тонкий вкус и находчивость народных мастеров.

В качестве примера использования рассмотренной художественной отделки в настоящее время можно привести работу творческого коллектива Республиканского дома моделей трикотажных изделий (г. Киев). Художники Н. П. Попова, Т. Ш. Щедрина, В. И. Матэ, Г. С. Митрохина разрабатывают уплотненные фактурные и орнаментальные полотна для различных видов современных изделий, в конструкции и декоре которых продолжают жить лучшие традиции народного костюма. Однако этим не исчерпываются возможности народного опыта в художественном оформлении верхней одежды. В условиях трикотажного производства возможно дальнейшее совершенствование приемов декорирования материала, отделки в виде шнуров и кисточек; для современных швейных изделий арсеналом дальнейшего освоения являются аппликация, машинная строчка, вышивка.

Таким образом, вопросы типологии верхней народной одежды, конструктивные приемы ее создания и принципы декорирования имеют не только теоретическое, но и практическое значение, стимулируя дальнейшие этнографические исследования традиционного костюма братских народов СССР.

И. М. Линдер

ШАХМАТНЫЕ РЕАЛИИ В БЫЛИНАХ

Еще в середине прошлого века, приступив к изучению русского былинного эпоса, исследователи обратили внимание на содержащиеся в нем многочисленные эпизоды с упоминанием шахмат. Правда, некоторые традиционные формулы и общие места были столь необычными для представления о шахматах и других настольных играх, что сцены состязаний богатырей вызывали у фольклористов недоумение, особенно следующее место, встречающееся в былинах с различными вариациями:

Здесь упоминаются три хорошо известные в XIX столетии в России игры: шашки, шахматы и велеи (тавлеи), но в таком «смешении», что невольно возникает мысль, будто певцы и позднейшие сказители не знали самих игр. А это давало пищу для разных гипотез и утверждений. По мнению В. В. Стасова, русские богатыри играли в тавлеи — игру с бросанием костей, которая была издавна известна на Востоке под названием «нард». Поэтому влиянием восточного фольклора он объяснял некоторые совпадения в условиях состязания в былинах и древнеиндийском эпосе «Махабхарата» ².

Со Стасовым не согласился О. Ф. Миллер, который подчеркнул необходимость более объективного анализа: «Кроме тавлей упомянуты же в былинах и шахматы, так что тут, по-видимому, эдически наслоились одна на другую две различные игры» ³. Он возражал и против преувеличения восточного влияния, резонно заметив, что, например, неоднократные упоминания шахматной игры во французском эпосе были вызваны тем, что игра «употреблялась в Европе, а вовсе не потому, что труверы заимствовали ее из восточных песен. То же по здравому смыслу должно полагать и про наших певцов» ⁴.

Предполагая «наслоение» в эпосе одной игры на другую, Миллер не указывал, правда, какая же из них была исторически первой. Столетие спустя советский фольклорист В. Я. Пропп назвал первичной тавлеи. Так же как Стасов и Миллер, он опирался на анализ быliny «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» и в обоснование своей концепции привел следующий отрывок:

Кликнули Добрыню Никитича,
Подернули столы белодубовые,
Раздернули тавлеи вольящеты,
Первую тавлеюшку царь ступил,
Другую тавлеюшку Добрыня Никитич млад,
Третью тавлеюшку царь ступил,
Четвертую Добрыня Никитич млад:
Больше царю ступить некуда,
Та игра была поиграна ⁵.

Рассуждения В. Я. Проппа по поводу этого фрагмента коснулись и другой стороны — насколько реально отражалась в былинах шахматная игра? В своих утверждениях он был достаточно категоричен: хотя Добрыня в изображении певцов превосходно играл в шахматы, сами они, «как это видно из описания хода игры, с ней совершенно незнакомы ни в одном случае. Добрыня выигрывает с третьего или четвертого хода» ⁶.

А так как в приводимом эпизоде речь идет о тавлеях, то тот же автор пришел и к другому заключению: «Игра в тавлеи — другая игра, а певец спутал ее с шахматами... Можно предполагать, что первоначально в быline фигурировала именно эта игра и что она впоследствии была вытеснена шахматами, известными лишь понаслышке. Кроме шахмат в самых неопределенных выражениях называются и другие игры, как, шашки, кости и карты, причем эти игры сочетаются между собой» ⁷.

Когда же произошла эта «смена игр» в былинах, какими причинами она была вызвана? Этого вопроса В. Я. Пропп не касался. Тем не менее

¹ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. 1. Народные быliny, старины и поbальщины. М., 1861, с. 103.

² Стасов В. В. Происхождение русских былин. — Собр. соч. Т. III. Спб., 1894 с. 1219.

³ Миллер О. Илья Муромец и богатырство Киевское. Спб., 1869, с. 508.

⁴ Там же, с. 509.

⁵ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 2. М., 1861, с. 85—86.

⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, с. 350.

⁷ Там же, с. 351.

...точка зрения была поддержана и другими исследователями, согла-
сившимися с тем, что «реальных представлений об игре певцы не имеют
и изображается она совершенно условно»⁸.

Такого рода суждения авторитетных специалистов в области фольк-
лора поставили в трудное положение историков шахматной игры, кото-
рые хотели найти в былинах «материалы для истории шахмат в России».
Именно под такой рубрикой поместил еще в конце прошлого столетия в
Псковском шахматном журнале большую подборку извлечений из бы-
линного эпоса С. А. Сорокин. В преамбуле к ней он заметил, что, хотя,
согласно народной словесности, шахматы были в употреблении у рус-
ских в X в., «мы не можем быть уверены, что те места в былинах, где
упоминаются шахматы, относятся по происхождению к тому времени, о
котором в них говорится»⁹.

Еще более определенно высказал эту мысль советский историк шах-
мат М. С. Коган, отмечая, что краткий обзор русского народного эпоса
дает «прекрасную иллюстрацию широкого распространения шахматной
игры среди русского населения в XVI—XVII веках»¹⁰.

В начале 60-х годов автор этих строк по-иному подошел к анализу
шахматных мотивов в русском героическом эпосе: исходя из того что ко
времени сложения былин о богатырях шахматная игра в Киевской Руси
была сравнительно широко распространена, а о других настольных
играх археологический материал крайне скуден, следует, во-первых, счи-
тать закономерным, что именно она нашла отражение в фольклоре, и,
во-вторых, что изначально в произведениях народного творчества речь
шла не о трех играх — шашках, шахматах и тавлеях, а лишь о шахма-
тах¹¹.

Но если первое из этих положений не вызвало возражений, ибо опи-
сались на новейшие открытия советских археологов, то второе историк
этнографы сочли недостаточно убедительным. А. А. Зимин писал о не-
обходимости «доследования вопроса, почему в былинах шахматы назы-
вают иногда „тавлеями золочеными“». Делали ли в Киевской Руси «зо-
лоченые доски» для шахмат (что сомнительно), изготовляли ли их в бо-
лее позднее время, или перед нами общее название любой игры с дос-
кой? Так ли уж «певцы, слагавшие былины о подвигах богатырей, были...
хорошо осведомлены о шахматах», как считает И. Линдер¹²?

Свои сомнения высказала в этом вопросе и Р. С. Липец: «Не разби-
рая здесь подробно утверждения автора, что „тавлей“ в былинах равно-
значны „шахматам“, хочу все же заметить, что, очевидно, более прав
М. В. В. Стасов, а вслед за ним О. Ф. Миллер, считавшие „тавлей“ в
былинах особой игрой типа нардов, о которой упоминает и автор»¹³.
Позднее в своем обширном исследовании русского героического эпоса
Р. С. Липец уже названием одной из подглавок — «Шахматы и другие
игры этого рода» — предвосхищала сделанный ею вывод о том, что тав-
лей в былинах «...употребляются не совсем как синоним шахмат, а ско-
рее в порядке перечисления разных игр: шашки, шахматы, кости, тавлей
и пр.»¹⁴.

Имело ли место при сложении былин столь хаотичное смешение раз-
ных игр, иначе говоря, отсутствие реальных представлений о них не толь-
ко у позднейших исполнителей, но и у певцов — создателей эпоса? На
этот взгляд, такие утверждения необоснованны. И вот почему.

⁸ Былины (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: Сов. писатель, 1957, с. 465.
⁹ Группированная статья, подготовка текста и примечания Путилова Б. Н.

¹⁰ Сорокин С. А. Шахматы в русской народной словесности. — Шахматное обозре-
ние, 1892, № 16, с. 24.

¹¹ Коган М. С. Очерки по истории шахмат в СССР. М. — Л., 1938, с. 51.

¹² Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1964, с. 84—104.

¹³ Зимин А. А. У истоков русского шахматного искусства. — Шахматы в СССР,
1955, № 5, с. 25.

¹⁴ Липец Р. С. Шахматы на Руси. (Рец. на книгу Линдера И. М.) — Сов. этногра-
фия, 1966, № 5, с. 180.

¹⁵ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука, 1969, с. 277.

Как известно, в сюжетные линии целого ряда былин включались три вида испытаний во время столкновений богатырей с иноземными врагами: демонстрация превосходства в физической силе (борьба), в ловкости и меткости (стрельба из лука) и, наконец, в умственном состязании (настольная игра). А иногда именно с этой игры и начиналось испытание. И конечно, не могло быть одновременного состязания в три разные игры, ибо тогда с точки зрения логики былинного сюжета (испытание) этот вид соревнования становится бессмысленным.

Но если в изображении первых двух видов состязаний исследователи фольклора обнаруживают близость к реалиям эпохи Древней Руси, то почему же этого не находят в шахматах? Почему так трудно оторваться от взгляда, согласно которому в былинах речь идет о нескольких самостоятельных играх? С одной стороны, это объясняется ретроспективным подходом к изучению вопроса, т. е. рассмотрением его на основании современных представлений о шашках, шахматах и тавлеях; с другой стороны, различными наслоениями в ходе тысячелетнего бытования «живой старины», в результате чего многие сцены и этнические определения претерпели заметные изменения.

Б. Н. Путилов, исследуя особенности историко-типологического подхода к фольклору, пришел к выводу о весьма своеобразном, парадоксальном характере связи устного народного творчества с бытом. Фольклор, замечает он, насквозь этнографичен. «Вместе с тем проникнуть через фольклор к этнографическим субстратам и тем более реконструировать их либо на основании фольклорных данных установить их наличие в прошлом в определенных формах — крайне трудно»¹⁵.

Это в полной мере относится к таким этнографическим субстратам, как народные игры, независимо от того, возникли они на национальной почве или были заимствованы и, приобретая новый этнический колорит, стали элементом национальной культуры. Определить специфику их отражения в фольклоре можно лишь на основе сравнительно-исторического метода изучения былин с привлечением археологических, этнолингвистических, литературных и других источников. Только такое комплексное исследование позволяет, в частности, ответить на интересующий нас вопрос: в отображении какой игры певцами мы можем находить реальные этнографические связи, а в каких мотивах «фольклорное творчество нередко задает нам загадки, как бы изобретая этнографический субстрат»¹⁶.

При всем художественном своеобразии в отражении русским героическим эпосом исторических явлений той или иной эпохи в бытовых реалиях он прежде всего опирается на период первоначального сложения былин — Киевскую Русь. Это, в частности, было показано на примере вооружения богатырей, описание которого в былинном эпосе во многом соответствует летописным источникам и археологическим находкам¹⁷.

Что касается упоминающихся в былинах настольных игр, то и в данном случае естественно искать материалы для сравнительно-исторического исследования в других источниках, в том числе в археологических находках. И такие экскурсии оказываются плодотворными. В последние десятилетия археологами была добыта богатая коллекция древнерусских шахматных фигур, относящаяся к XI—XII вв. и вскрывшая картину сравнительно широкого распространения на Руси этой игры¹⁸.

Ничего подобного нельзя установить на основе материалов раскопок в Киеве, Вышгороде, Новгороде, Минске, Полоцке, Берестье и других древнерусских городах относительно игры в шашки и тавлеи в период Киевской Руси. Можно ли назвать это случайностью? По-видимому, нет, ибо игра в «шашки» на 64-клеточной доске, как показывают некоторые

¹⁵ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976, с. 217.

¹⁶ Там же, с. 218.

¹⁷ Липец Р., Рабинович М. К вопросу о времени сложения былин. (Вооружение богатырей). — Сов. этнография, 1960, № 4.

¹⁸ См. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975, с. 70. (Изд. 2-е).

исследователи, становится известна в Европе вообще не ранее XIII—XIV вв.¹⁹

Существовавшие же еще до шахмат и во время их появления в той или иной стране игры типа шашек (т. е. с однородными фигурами) имели, во-первых, другие доски и иные правила, чем известные нам сегодня шашки, во-вторых, другие названия. Вот почему вряд ли оправданно говорить о «шашках» в былинах как о самостоятельной игре или приводить в качестве примера их древности на Руси «стеклянные игральные шашки», найденные при раскопках кургана Черная Могила (X в.)²⁰. Эти фигурки, как показала Г. Ф. Корзухина, относятся к эпохе викингов, встречаются в раскопках не позже начала XI в. и прекращают появляться «тогда, когда исчезают и варяжские наемники в Древней Руси»²¹.

Иначе обстоит вопрос с термином «шашки»: он издревле употреблялся на Руси для обозначения любых фигур в настольных играх. И даже тогда, когда этот термин стал использоваться для названия вполне определенной игры (что произошло не раньше XV в.), традиционно еще очень долго — несколько столетий! — шашками продолжали называть в общем виде все шахматные фигуры и даже сами шахматы, именовавшиеся «большой шашечной игрой». В XVIII в., например, известная работа В. Франклина «Моральные ценности шахмат» («The Morals of Chess») была издана в России под названием «Правила для шашечной игры»²², а еще в 20-х годах XIX в. первый шахматный мастер России А. Д. Петров в своем труде о шахматах писал, указывая на количество фигур в игре: «... всех шашек числом 32, из коих 16 белых и 16 черных». При этом король, ферзь, ладьи, слоны и кони названы «большими шашками», а пешки — «малыми шашками»²³.

Так выясняется истинное значение слово «шашка»: на Руси оно с древнейших времен употреблялось в смысле «фигура» в настольной игре. Поэтому и в былинах при словах «играть в шашки-шахматы» речь шла о состязании фигурами-шашками в игре, именуемой «шахматы».

Теперь остается определить атрибутивное значение еще одного компонента традиционной формулы эпоса «в тавлеи золоченая». И здесь при тщательном исследовании вопроса, в частности при сопоставлении былинных, литературных и археологических материалов, выясняется, что Киевская Русь не знала под таким названием игры типа нардов. И вообще, если бы эта игра хоть в какой-то степени была тогда популярна — а только в этом случае она могла часто называться в народном эпосе, — то, естественно, должна была бы получить подтверждение в археологических находках той эпохи, которыми, как уже отмечалось, столь богато представлены ныне древнерусские шахматы.

К тому же тавлеи обязательно упоминались бы уже в первых церковных документах, запрещавших все азартные игры. К ним тогда, кстати, причислялись не только разные игры с костями — «зернь», «леки», но и шахматы. Но ни в «Кормчей» 1262 г., ни в «Святительском поучении новопоставленному священнику» конца XIII в., включенному в «Новгородскую Кормчую», ни в Паисиевском сборнике конца XIV — начала XV в. мы не встречаем, кроме этих трех, других названий игр²⁴.

И только в XVI столетии, а именно в «Послании митрополита Даниила духовенству» (1522 г.), призывавшем воздерживаться от мирских соблазнов, появляется интересное нас название, относящееся к самостоятельной игре: «и зерню, и шахматы, и тавлесьми»²⁵. В таком же

¹⁹ Бойе Ж. Откуда произошли шашки. — Ежедневник 64, 1971, № 6, с. 12.

²⁰ Липец Р. С. Эпос и древняя Русь, с. 275.

²¹ Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси. — Сов. археология, 1963, № 4, с. 100.

²² Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином. Спб., 1791.

²³ Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оныя, изданная Александром Петровым, часть I и II. Теория шахматов. Спб., 1824, с. 21—22.

²⁴ См. Розенкампф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1892, с. 50. Памятники древнерусского канонического права. Т. VI. Ч. 1. Спб., 1880, с. 104—105.

²⁵ Памятники старинной русской литературы, изд. Пыпиным А. и Костомаровым Н. I. IV. М., 1847, с. 201—202.

порядке запрет на «всякое игранье — и зернь, и шахматы, и тавлей» приводится в середине века в «Домострое» протопопа Сильвестра и в постановлении Стоглавого собора 1551 г. в Москве²⁶. Отсюда можно заключить, что не ранее конца XV — нач. XVI в. игра типа нардов получила на Руси название «тавлей». Так, впрочем, считал и сто лет назад С. А. Сорокин на основании знакомства со «Стоглавом» и «Домостроем»²⁷.

До этого времени термин «тавляя» означал совсем иное — шахматную доску, что, впрочем, естественно, так как он восходил к латинскому слову «tabula» — доска²⁸. К такому выводу пришла и Г. Ф. Корзухина: «Судя по древнерусским текстам XIII—XV вв., тавлей, все же называлась только доска, названия же игр были „шахматы“ (шахы) и „леки“ (лики, лик)»²⁹.

Певцы, слагавшие былины, именно в таком значении употребляли слово «тавляя». И если в дальнейшем оно стало нарицательным как для самой игры, так и для шахматных фигур, то это уже было результатом «наслоения» веков. Впрочем, в традиционной формуле, приведенной в начале статьи, этот термин имеет правильное значение — доски для настольной игры. А иногда тавляя даже фигурировала как центральный атрибут игры; в этом случае мы встречаемся еще с одним древнейшим былинным стереотипом. Так говорилось о шахматах, например, в былине «Михайло Потык»:

Зачим же ты Михайла заезжал сюда?
— Зашол-то я сюда, заезжал к тебе,
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
А я слышал — скажут, ты охвочь играть
Да в доски — тыи шахматны,
А в дороги тавлей золочены,
А я-то ведь еще уж также бы³⁰.

Следовательно, «тавлей (велеи) золоченая» означало не что иное, как «доски золоченые». А о том, что в данном случае упорно повторяемое в былинах определение «золоченые» говорилось не для «красного словца» (тогда скорее певец сказал бы «золотые») и было вполне реальным отражением шахматного быта, свидетельствовал тот факт, что на Руси издревле стремились сделать доски нарядными. Это многократно подтверждают, например, «столбцы» Оружейной палаты. В одном из них, относящемся к 1677 г., говорилось, что иконописцу Тимофею Рязанцу отпущено «на пятьдесят листов золота» и столько же серебра. «А по указу великого государя тем золотом и серебром велено ему написать доски шахматные великому государю в поднос к неделе святыи пасхи нынешнего 185 [1677] году»³¹. В другом столбце, от 18 января 1686 г., сообщается, что куплены в Оружейную палату для царевны Марфы Алексеевны вместе с шахматами «доски шахматные, писаны по золоту баканом и ярью виницейскими репьи»³².

Тем самым устраняются последние сомнения: на Руси шахматные доски действительно издавна назывались «тавлями золочеными», и певцы, включая в былины игровые эпизоды и мотивы, имели в виду лишь одну игру — шахматы. В духе же всей былинной поэтики, всего эпического повествования о подвигах богатырей было, конечно, не простое од-

²⁶ Орлов А. «Домострой» по Коншинскому списку. М., 1908, с. 10; Стоглав/изд Кожанчикова Д. Е. Спб., 1863, с. 263.

²⁷ Сорокин С. Об игре «тавлей». — Радуга, 1884, № 8.

²⁸ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. — Сов. археология, 1957, № 1, с. 88—89.

²⁹ Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси, с. 100.

³⁰ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. Изд. 4-е М., 1949, с. 468.

³¹ Центральный государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), ф. 396 ст. 16456.

³² Там же, ст. 24020.

сложное упоминание названия игры, а патетически возвышенное выражение «играют в шашки-шахматы, во тыи велен золоченыя».

Сравнительно-историческая методология исследования былин позволяет установить и некоторые другие традиционные формулы, которые, отражая реалии шахматного быта той эпохи, вместе с тем могут быть поняты, только исходя из эстетической специфики фольклора, особого художественного видения мира, отличающегося гиперболичностью и условностью.

Изображение шахматной партии — от ее начала до конца — интересно именно таким органическим сочетанием реалий и былинной эстетики. Певец, даже если он сам и не играл в шахматы, был достаточно наблюдателен и вполне зримо представлял себе и как начиналась партия, и как драматически напряженно она протекала, и как заканчивалась возгласом «шах-мат!». И все это не могло не получить отображения в былинах с учетом известной обобщенности и неконкретности описания игры, своеобразия художественных приемов эпической поэзии.

Шахматы — настольная игра. И в былинах дается яркая картина начала шахматного сражения. Вот несколько характерных штрихов:

Подернули столы белодубовые,
Раздернули тавлеи вальящеты ³³.
Стали играть в шашечки кленовые.
Наставили дощечку оны первую ³⁴.
Принесли ноньци де пешечьки точеныя,
Принесли-де ка дощочьку да подзолочену...
Как которой накликал, тот наперед ступат ³⁵.

Изобразительные средства в этих описаниях частично навеяны былинными традициями: столы и шахматные доски — дубовые, а фигуры — кленовые... Зато певцы, несомненно, под впечатлением виденного называют фигуры вальящетыми (резными) и точеными (т. е. изготовленными на токарном станке), ибо именно такими — это подтверждают археологические находки — были они тогда в Киевской Руси. А последняя из приведенных цитат показывает, что уже в ту эпоху практиковалось бросание жребия за право «выступки» в партии.

Рассказ же о самой игре велся в чисто былинном стиле: певцу необходимо было вызвать у слушателя ощущение драматизма поединка, что достигалось не конкретизацией, не детальным описанием перипетий борьбы в партии, а своеобразным варьированием и повторением древнерусских терминов «заступь» (партия, от слова «заступать» — начинать игру) и «ступень» (ход в партии). При этом в художественно-стилевой интерпретации певца (особенно на последующих этапах жизни былины, когда сказители нередко повторяли по памяти стереотипы, не вникая в их смысл) они получали интересные звучания, вполне объяснимые «эффектом ретардации» — замедленной эпической динамикой изложения, достигаемой разными повторениями:

А тут Михайлушка ступень ступил — не доступил,
А другой, как ступил, сам призаступил,
А третий что ступил, его поиграл ³⁶.
Раз ступает — не доступывает,
Во-вторых ступает — переступывает,
А во-третьих, королю и мата дал ³⁷.
Первую заступь заступовали
И ту посол поиграл ³⁸.

³³ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 2, с. 85.

³⁴ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. II. М., 1862, с. 82.

³⁵ Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904, с. 119.

³⁶ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. Т. I, с. 468—469.

³⁷ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. II, с. 65.

³⁸ Песни собранные Киреевским П. В. В. 4. М., 1862, с. 65.

Если «первая заступь» означала «первая партия», а «ступень ступить» — «сделать ход», то, конечно, в выражениях «заступь заступовать» и «ступень ступил — недоступил» мы находим типичную былинную стилизацию, как, впрочем, и в характерном для эпоса троекратном повторении «заступи» или «ступени». Это вполне объяснялось принципом троячности повторения того или иного события или выражения, а совсем не выигрышем в три хода, или неким «трехступенчатым» методом игры, как полагали некоторые авторы, анализируя соответствующие отрывки древнерусских былин³⁹. Но, конечно, такой прием значительно усиливал впечатление, тем более если первый (а нередко и второй) поединок герой проигрывал и только затем на удивление слушателю одерживал победу. А именно так большей частью и строилось повествование.

Рассказ о шахматном сражении завершался нередко восклицанием певца, вполне реально передававшего заключительные слова победителя («шах-мат!»):

Шах да и мат да и под доску!⁴⁰

В объяснении этой традиционной формулы исследователи фольклора разошлись. Здесь мы встречаемся и с трактовкой ее как старинного русского обычая лезть под стол после поражения в игре⁴¹, и просто как сбрасывания фигур после окончания состязания⁴². А один из первых собирателей русского фольклора П. В. Киреевский более прямолинейно решил вопрос, утверждая в примечании к этой формуле: «Под доску шахи, игра кончена»⁴³.

Хотя до нас не дошли шахматные доски периода Киевской Руси, позднейшие их находки (в частности, в Мангазее, начало XVII в.) показывают, что они представляли собой в древности не удлиненные «коробки», как ныне, а действительно плоские доски, фигуры же для сохранности складывались скорее всего в мешочки или отдельные коробки. Поэтому данное выражение имело в былине иносказательный смысл. Оно означало, что напряженный поединок на 64-клеточной доске, занимавший в течение нескольких часов ум и воображение играющих и зрителей, вдруг заканчивался объявлением королю соперника мата⁴⁴, нередко при многих оставшихся еще на доске фигурах. Такой финал был полон в представлении людей средневековья загадочности, становился предметом народных притч и на Востоке, и в Европе. Их отзвуки можно увидеть, например, в поэме Алишера Навои «Язык птиц», где после красочно описанной жаркой схватки двух сильных шахматистов вдруг, пишет автор, все исчезло — и наступил один неизбежный конец:

Все пропало, что делали два мудреца,—
Все их мысли, чьей мудрости нет и конца...
Всех в мешок побросали с единого маха,
Так что пешки легли там поверх падишаха!⁴⁵

А в древнерусской былинной поэтике переживания, вызванные концом «дива дивного», были переданы певцом краткой, экспрессивной, но в то же время емкой и выразительной формулой «Шах да и мат да и под доску!».

Кстати, это традиционное выражение интересно и тем, что еще раз показывает: певцы при создании былин разумели в игровых эпизодах именно шахматы, а не какие-либо другие настольные игры.

³⁹ См. *Синегуб Е.* Шахматы в богатырском эпосе.— *Газ.* 64, 1939, 10 мая; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос, с. 363; *Струмилин С. Г.* Шах да и мат да и под доску.— *Наука и жизнь*, 1962, № 1, с. 100—101.

⁴⁰ *Песни, собранные Киреевским П. В.* Ч. I. В. 4, с. 66.

⁴¹ *Былины/Под ред. Проппа В. Я. и Путилова Б. Н.* Т. II. М., 1958, с. 469.

⁴² *Липец Р. С.* Шахматы на Руси (рец.), с. 180.

⁴³ *Песни, собранные Киреевским П. В.* В. 4, с. 66.

⁴⁴ «Шах-мат» — в переводе с персидского означает «властитель поражен».

⁴⁵ *Навои А.* Соч. в 10-ти томах. Т. VIII. Ташкент, 1970, с. 241—242 (перевод Иванова С.).

Установление «первородности» шахмат в былинном эпосе позволяет также выявить последующие инновации. Природа их в фольклоре может быть двойкой: органические изменения, вызванные новыми историческими событиями и веяниями, или искажения игровых эпизодов, терминов и мотивов, вносимые сказителями. При этом нередко вследствие незнания сказителем шахматной игры традиционная терминология и стереотипные формулы изменяются до неузнаваемости, что ставит в тупик современных исследователей, стремящихся установить истинный, первичный игровой компонент в новом былинном субстрате, где заступь «заступована», где играют фигурами — «тавлеюшками», или вместо игры «в шашки, шахматы» фигурирует игра Добрыни с царем Батуром «ко-стью, картами» (!) или с царем Батеем Батеечем «во карты-шахматы»⁴⁶.

Но с точки зрения этнографического изучения фольклора, пожалуй, более интересны инновации другого плана, связанные с определением этнической принадлежности как самой шахматной игры, так и соперников богатырей.

Когда в былине речь идет об игре переодетой в добра молодца жены Ставра с Владимиром, то, возможно, мы встречаемся с наиболее древним определением игры, относящимся к периоду сложения былинного эпоса:

Спроговорит Владимир стольне-Киевской:

— Ай же, дородний добрый молодец!

Не угодно ль поиграть в шашки в шахматы заморский?

А спроговорит дородний добрый молодец:

— У нас об этом не сведано;

Игроки у меня с дому не взяты.

Пожалуй, поиграем в шашки в шахматы заморский⁴⁷.

В Киевской Руси определение игры как «заморской», т. е. чужеземной, было закономерно связано с названием самой игры (шахматы) и двух фигур (слон и ферзь) и, вероятно, с еще живыми в памяти народа преданиями о заимствовании игры из стран Востока, именовавшихся издревле «заморскими». Это подтверждает, в частности, археологическая находка в Лукомле шахматной фигуры ферзя (XII в.), которую русский ремесленник изобразил в виде знатного восточного лица со скрещенными руками и ногами⁴⁸.

Но с течением времени, когда новые исторические события и культурные веяния заслонили даль киевских времен новыми впечатлениями, игра «заморская» в зависимости от региона бытования фольклора превратилась в представлении сказителей в «татарскую», «турецкую», «польскую», «литовскую» и «немецкую». Примером последнего из этих названий может служить отрывок из былины «Добрыня Никитич в отъезде» в записи от сказителя Севера П. И. Рябинина:

Проходили тут за столочки дубовые,

За тее ли скамеечки окольные,

Начинают играть во шашки-шахматы,

Во тее ли во игры во немецкие⁴⁹.

Корни представлений о шахматах как «немецкой игре» восходят еще к временам Господина Великого Новгорода, который активно торговал XIV—XV вв. с городами Ганзейского Союза⁵⁰. Во всяком случае, лишь сказителей, ведущих «свою родословную» от новгородцев, мы встреча-

⁴⁶ Добрыня Никитич и Алеша Попович (Литературные памятники). М.: Наука, 1974, с. 82, 89.

⁴⁷ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. Т. II. М. — Изд-во АН СССР, 1950, с. 427.

⁴⁸ Линдер Н. М. Шахматы на Руси. 2-е изд., с. 92—93.

⁴⁹ Былины Севера. Т. II. Подготовка текста Астаховой А. М. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 405.

⁵⁰ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 121—153.

емся с этой интересной метаморфозой в определении происхождения шахмат.

Само включение мотивов шахматной игры в былинные сюжеты имеет свою закономерность. Мы встречаемся с этими мотивами прежде всего в сюжетах, возникновение которых следует отнести к периоду Киевской Руси, т. е. ко времени, когда шахматы становятся здесь элементом национальной культуры. Именно поэтому главные герои былин оказываются сведущими в шахматной игре, проводящими за ней свободное время. Характерно описание отдыха киевской дружины перед сражением в былине «Илья Муромец и Калин-царь»:

На том раздольице чистом поле
Собиралось тридцать богатырей без одного,
Сидят молодцы в белом шатре;
В белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тьи велен золоченыя...⁵¹

Но главная линия в отображении шахмат в былинах — эпизоды борьбы богатырей с врагами Руси, демонстрация умственного превосходства над ними. И в этом плане древнерусский эпос не знает себе аналогов. Наиболее разработанную эпическую традицию в изображении шахматного поединка мы находим в былине о Михайло Потыке. Его игра с заморским царем Бухарским (в других вариантах — Вахрамеем Вахрамеевичем, Налетом Налетовичем, королем Польским, Литовским и др.) идет на заклад: сначала Михайло предлагает коня доброго и буйну голову свою, затем жену Марью — лебедь белую и родительницу свою матушку, а царь Бухарь — дани-выходы, полцарства и затем все царство Заморское. И только во время пятой партии этот драматический «матч» прекращается сообщением о смерти жены Михайлы (см. Гильфердинг, I, № 6). По драматизму, по сочности красок это одно из самых ярких произведений древнерусского фольклора в изображении шахматного поединка.

В той же былинной традиции, но не столь пространно описаны шахматные поединки с врагами Руси других богатырей — Добрыни Никитича и Василия Казимировича⁵². При описании жизни и подвигов Добрыни певцы сообщают о нем и такие биографические детали, как увлечение шахматами еще с детских лет.

С измалехонька Добрынюшка тешился,
С маленькими ребятами игрывал⁵³.

Причастными к шахматной игре оказываются и многие другие герои русского былинного эпоса — Ставр Годинович, Василий Буслаев, Чурилка Пленкович, а также в отдельных случаях женщины. Это и жена богатыря Ставра Катерина Ивановна (в других вариантах Наталья Владимировна), которая своей игрой «удивляет всех да людей добрых»⁵⁴, и жена купца Бермяты Катерина Микулична, предложившая Чурилке играть с ней в шахматы на денежную ставку⁵⁵.

Древнерусский шахматный быт нашел отражение не только в былинах героического и новеллистического характера, но и в произведениях с сильными сказочными мотивами. В частности, об игре в шахматы упоминается в отдельных вариантах былины «Садко», что представляется

⁵¹ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. 1, с. 103.

⁵² См. Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 64—65, 89, 95, 106—107.

⁵³ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 2, с. 85.

⁵⁴ Былины Пудожского края/Подг. текста Париловой Г. Н., Соймонова А. Д. Петрозаводск, 1941, с. 167; см. также: Былины. Л.: Сов. писатель, 1954, с. 227; Русские былины старой и новой записи/Ред. Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. М., 1894, с. 202.

⁵⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, М.-Л., 1951, с. 181, 295, 571.

полне обоснованным, ибо многочисленные находки шахматных фигур при археологических раскопках Новгорода (ныне это крупнейшая в мире археологическая коллекция шахмат средневекового города) с несомненностью подтверждают, что шахматная игра стала здесь элементом народной культуры. И, конечно же, выходцы из Новгорода, поселившиеся на севере страны, не могли потерять к ней интереса или — во всяком случае — сохранили в памяти эту характерную черту древнерусского быта и духовной культуры. Может быть, в какой-то мере этому новгородскому феномену обязаны мы тем, что в былинах, несмотря на влияния и «напластования» позднейшего времени, в ряде случаев в неприкосновенности сохранились шахматно-терминологические стереотипы и реалии периода Древней Руси! В данный момент отметим лишь, что, «отправляя» Садко на встречу с Морским царем, певцы не забывают «дать» ему не только «гусли звончаты», но и «шахматы золоты»!

И скоро Садко нарежается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со темя дороги, вольящеты ⁵⁶.

Мотив игры в шахматы с Морским царем был вызван в эпосе новгородцев близостью водной стихии озера Ильмень и архаическими представлениями о ее хозяине — Морском царе, которого тоже наделяют страстью к шахматам! В этой связи упомянем и малоизвестную былинку, написанную А. В. Марковым на Терском берегу Белого моря — «Мать продает своего сына — удалого добра молодца», также способного спускаться «во сине море» к Морскому царю и выиграть у него «заморенину золоту казну»:

Он горазд соколом летать по поднебесью,
Серым волком рыскать по темным лесам,
Свежей рыбиной ходить в глубины морской,
Писать горазд сухим красным золотом
По рыту-ту по бархату,
Горазд играть во шахматы, во пешоцки,
С Морским царем во золоты ⁵⁷.

Этим примером мы и завершим наш краткий экскурс в древнерусский эпос. Сравнительно-исторический анализ былин, сопоставление содержащихся в них шахматных реалий с фактами из археологических, литературных и других источников позволяют прийти к некоторым конкретным выводам. Прежде всего выясняется, что с начала сложения киевского эпоса былин о богатырях в полном соответствии с исторической реальностью речь в нем шла лишь об одной игре — шахматной. Попытки прочесть отдельные фрагменты былин, касающиеся этой игры, как и других предметов быта и явлений духовной культуры, ретроспективно, «прилагая к ним эмпирические мерки, как правило, обращиваются упрощенными и искаженными интерпретациями» ⁵⁸.

В эпической поэзии шахматы получили отображение в свойственной ей эстетической манере. В то же время былины донесли некоторые особенности шахматного быта Киевской Руси и высокую оценку этой игры как средства испытания умственных способностей человека. Былины дают представление о широком круге причастных к игре эпических героев, о ее древнейшей терминологии: шахматы-шашки (фигуры), тавлеи (доски для игры), заступь (партия), ступень (ход), пешецки (пеш-

⁵⁶ Новгородские былины (Литературные памятники). М.: Наука, 1978, с. 214—215.

⁵⁷ Былины новой и недавней записи из разных местностей России/Под ред. Миллера В. Ф. М., 1908, с. 258.

⁵⁸ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора, 222.

ки), шахматчики (шахматисты)... А предельно краткие и вместе с тем весьма выразительные традиционные формулы и общие места свидетельствуют о наблюдательности певцов, их искусстве вызывать у слушателей представления о высоком предназначении шахматной игры в быту и духовной культуре народа.

Здесь мы не ставим своей задачей анализировать инновации последующих эпох. Отметим лишь, что в рассматриваемых нами сюжетах былины, получивших распространение во всех районах Новгородской колонизации на Севере страны⁵⁹ с ее традиционным отношением к шахматам как области народной культуры, эти инновации большей частью не нарушили первоначально созданных типических мест и формул в специфическом художественном отображении игры и в определенной мере сохранили шахматные реалии Киевской Руси. Этот факт представляется нам важным как для изучения самого былинного эпоса, так и для историко-этнографического исследования шахматной культуры.

⁵⁹ Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982, с. 13.

О. Ю. Артемова

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

Развитая индивидуальная специализация, связанная со сложной системой разделения труда и называемая профессиональной, существует, как известно, только в обществах, обладающих городской культурой. Появление зачаточных форм индивидуальной специализации чаще всего в научной литературе относят к периоду разложения первобытной формации, к эпохе классовообразования. Предполагается, таким образом, что на более ранних стадиях социально-экономического развития, в доклассовую эпоху, индивидуальная специализация и разделение труда между индивидами отсутствовали, т. е. члены первобытного коллектива, входившие в одну половозрастную группу, по характеру своей деятельности не отличались друг от друга. Однако этнографические данные, относящиеся к обществам, которые до сравнительно недавнего времени сохраняли первобытный уклад жизни, и в частности к аборигенам Австралии, заставляют думать, что такой взгляд не совсем верен.

У австралийских аборигенов в условиях первобытного охотничье-собирающего образа жизни все взрослые члены общины участвовали в производстве средств к жизни, предметов материальной культуры, в деятельности, связанной с искусством и религией. Профессионалов, т. е. лиц, которые, пройдя особое обучение, посвящали бы все свое трудовое время только одному роду работы и получали бы за это вознаграждение, обеспечивавшее все необходимое для жизни не существовало. Однако обычно в этих коллективах имелись люди, достигшие особых успехов в том или ином из традиционных видов деятельности и уделявшие именно этому виду особое, а иногда и преимущественное внимание. В общей форме на такую, как бы частичную (иногда ее не совсем верно, как мы попытаемся показать ниже, называют возникающей) специализацию и связанные с ней элементы индивидуального разделения труда, которое осуществляется в рамках половозрастного и географического, или регионального, разделения труда, указывают многие этнографы-австраловеды. Однако ни в зарубежной, ни в советской австраловедческой литературе нет исследований, целиком посвященных этой проблеме. В работе В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев» отдельным проявлением подобной индивидуальной специализации у аборигенов при производстве каменных орудий отведен небольшой раздел. Некоторое внимание за-

ноточным формам индивидуального разделения труда в хозяйственной деятельности у коренных австралийцев уделяет Н. А. Бутинов в работе «Разделение труда в первобытном обществе»¹.

Предлагаемая статья отражает попытку более подробного изучения элементов индивидуальной специализации у аборигенов Австралии как в сфере материального производства, так и в некоторых видах духовной культуры. За пределами рассмотрения остаются вопросы индивидуальной специализации в области колдовства и знахарства, а также тотемической культовой деятельности, тесно связанные с проблемами лидерства и потестарной организации у австралийцев и в силу этого требующие особого исследования.

Индивидуальная специализация и элементы индивидуального разделения труда в хозяйстве. Каждый из племей аборигенов воспринимал у старших все навыки, необходимые для успешной охоты. Тем не менее в силу различий в индивидуальных способностях, склонностях, а также в конкретных обстоятельствах, которые сопутствовали обучению охотника, результаты такого обучения бывали разными. Как свидетельствуют Б. Спенсер и Ф. Гиллен, у аранда и соседних групп Центральной Австралии мужчины заметно отличались друг от друга по силе броска и меткости при метании копья. Хотя большинство охотников попадали в цель с расстояния, не превышающего 20 ярдов (около 19 м), изредка среди них встречались особенно талантливые, способные ранить или убить жертву и с большего расстояния². По словам Ф. Маккарти, у некоторых охотников высокое мастерство в метании копий или гарпунов иногда превращалось в своего рода специализацию: они получали соответствующий статус в коллективе, а также право носить особое звание, указывавшее на их индивидуальные достижения³.

Индивидуальные различия в охотничьих навыках и особое мастерство отдельных мужчин использовались во время коллективной охоты. Например, группа из нескольких аборигенов отправлялась охотиться. Роли заранее не распределялись, потому что охотники хорошо знали, как мог каждый проявить себя в ответственный момент. Завидев вдаль пасущуюся кенгуру, они шепотом или с помощью языка жестов вырабатывали конкретный план действий. Самый искусный в метании копий начинал подкрадываться к животным с подветренной стороны. Он медленно полз по открытым местам, шел быстрым шагом или бежал, когда его скрывали кустарник и деревья. В это время один или двое загонщиков старались подогнать к нему кенгуру. Когда животные оказывались достаточно близко, копьеметальщик бросал копье, а если обстоятельства позволяли, то и несколько копий, стремясь убить нескольких кенгуру. В Арнемленде, как пишет Маккарти, искусный метальщик копий, получивший в признании своего мастерства особое звание, имел почетную обязанность вести в лагерь животное, убитое им во время коллективной охоты, а также собственноручно разделывать тушу перед приготовлением в земляной печи⁴.

¹ Пожалуй, наиболее значительную роль играли различия в индивидуальных охотничьих навыках и связанное с этим распределение индивидуальных обязанностей во время коллективной охоты на крупных морских животных у жителей прибрежных районов. По описанию Д. Томсона, у аборигенов побережья Кейп-Йорка, занимавшихся охотой на дюгоней и крупных морских черепах в лодках с аутригером, команда охотников обычно состояла из гарпунщика, рулевого и нескольких гребцов. Работа

¹ Кабо В. Р. Каменные орудия австралийцев.— Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов (Труды Ин-та этнографии СССР — далее ТИЭ, т. 80). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 73—74; Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе.— Проблемы истории первобытного общества (ТИЭ, т. 54), М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 123—124.

² Spencer B., Gillen F. The Native Tribes of Central Australia. N. Y., 1968, p. 20.

³ McCarthy F. D. Habitat, Economy, and Equipment of the Australian Aborigines.— Australian Journal of Science, v. 19, № 4a, March, 1957, p. 89.

⁴ McCarthy F. D. Kangaroos and Wallabies in Aboriginal Life and Art.— Australian Rural History. V. 14. June, 1963, p. 176.

гарпунщика требовала наибольшего мастерства, и он был главным человеком во время охоты; в некоторых случаях он отдавал распоряжения рулевому. Но обычно каждый член команды настолько хорошо знал и выполнял свою задачу, что общего руководства не требовалось⁵.

По словам Томсона, у жителей побережья Кейп-Йорка каждый мужчина овладевал навыками, необходимыми для морской охоты, но лишь немногим удавалось достичь подлинного совершенства в обращении с гарпуном и получить почетное звание — *вотады* (гарпунщик, «человек дугоня»)⁶.

В целом по континенту, однако, более отчетливо, чем в охоте, элементы индивидуальной специализации прослеживаются в сфере производства каменных орудий, оружия, других предметов, используемых в повседневном быту.

Так, по данным Г. Хорна и Г. Айстона, в Центральной Австралии отдельные мужчины специализировались на постройке хижин — *пунга*. Хорошие строители пунга всегда были нужны, их приглашали в соседние группы, и за свой труд они получали обычно небольшое вознаграждение: бумеранг или какую-нибудь иную вещь. Хорн и Айстон упоминают Питибунну — искусного строителя пунга из племени вонкангуру. Долгие годы в обширном районе он считался лучшим мастером своего дела. Искусству делать хижины он научился у своего отца, который тоже был известным специалистом⁷.

Те же авторы свидетельствуют об индивидуальной специализации при производстве оружия и каменных орудий труда у жителей Центральной Австралии. В большинстве случаев и то и другое производилось мужчинами старшего возраста. При этом одни были хорошими мастерами по изготовлению деревянного оружия, другие преимущественно специализировались на изготовлении каменных орудий. Случалось, что мужчины занимались производством каменных орудий только одного вида.

У аборигенов Арнемленда, по данным Д. Томсона, некоторые мужчины, обычно жившие вблизи выходов определенных каменных пород, специализировались на изготовлении топоров. Искусству изготовления этих орудий они учились у отцов, а изделия свои накапливали в качестве гери — предметов, предназначенных для обмена. Точно так же особыми специалистами, по данным Томсона, изготавливались и каменные наконечники для копий — *леилира*. В группе аборигенов, населявшей окрестности каменного карьера на р. Уолкер в восточном Арнемленде, «только один или два человека» умели делать такие наконечники⁸. Х. Петри же пишет, что в племени унгариньин в северо-западной Австралии каждый мужчина уже в ранней юности учился изготавливать наконечники для копий, однако только немногие славились умением делать их особенно тонкими и красивыми⁹.

Отмечая черты индивидуальной специализации в племени тьонганды (север побережья Кейп-Йорка), Д. Томсон указывает, что наиболее отчетливо она проявлялась при изготовлении долбленых лодок, качество которых имеет такое большое значение для морской охоты. У тьонганды эти лодки могли делать только мужчины, имеющие статус специалиста — *патрапума*. Патрапума — это нечто вроде наследственного звания, вместе с мастерством изготовления лодок оно переходило от отцов к сыновьям. Все другие предметы материальной культуры мог производить каждый без каких-либо ограничений, исключая ограничения, связанные с половозрастной принадлежностью. Люди, делающие те или иные вещи особенно искусно, также получали признание в качестве специалистов.

⁵ Thomson D. F. The Dugong Hunters of Cape York.— Journal of the Royal Anthropological Institute, 1934, v. LXIV, p. 243—244.

⁶ Thomson D. F. Op. cit., p. 243.

⁷ Horne G. and Aiston G. Savage Life in Central Australia. L., 1924, p. 19—20.

⁸ Ibid., p. 106.

⁹ Thomson D. F. Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949, p. 86—87; *idem*. Interim General Report of Preliminary Expedition to Arnhem Land, Northern Territory of Australia. 1935—1936. Canberra, 1936, p. 37.

¹⁰ Petri H. Sterbende Welt in Nordwest-Australien. Braunschweig, 1954, S. 49.

носили соответствующее звание. Например, мужчина, изготавливавший очень хорошие лодки из коры, назывался *трункапума*; человек, мастерски делающий копья, — *съяпума*, барабаны — *нзингатыпума*. Обладавшие особым мастерством, таким образом, обозначались с помощью одной и той же частицы — *пума*¹¹.

Иногда в австраловедческой литературе встречаются сообщения о людях, которые все или почти все свое трудовое время посвящали только одному занятию, получая в обмен на продукты своего труда все необходимое для жизни. Таким образом, они были почти профессионалами. Например, Б. Спенсер упоминает одного из жителей окрестностей Теннант Крик в Центральной Австралии, достигшего совершенства в изготовлении каменных топоров и отдававшего этому делу почти все свое время. Тот же автор пишет о пожилом мужчине одной из групп Северной Австралии, чрезвычайно ловко ловившем рыбу и ничем другим, по-видимому, не занимавшемся¹². Мужчины, специализировавшиеся на изготовлении долбленых лодок — работе очень трудоемкой и долгой, тоже иногда почти освобождались от остальных хозяйственных обязанностей.

К сожалению, в использованных источниках почти отсутствуют сведения об индивидуальной специализации в хозяйственной деятельности женщин. Единственный пример, который можно здесь привести, это свидетельство Дж. Фрезера о том, что у аборигенов некоторых районов Нового Южного Уэльса одна женщина в семье обычно с ранних лет специализировалась на рыбной ловле с помощью крючка и лесы¹³.

Несомненно, что выдающимся мастерам, охотникам, рыболовам, опытным и наблюдательным собирательницам принадлежит немало нововведений, усовершенствований и изобретений¹⁴. По-разному сочетая сравнительно небольшое число основных охотничьих и рыболовецких приемов, развивая полифункциональность сравнительно немногочисленного инвентаря, аборигены изобрели множество конкретных способов охоты и рыбной ловли, оптимально приспособленных к самым разнообразным природным условиям.

По словам Маккарти, выдающимися свидетельствами изобретательских способностей австралийских мастеров являются возвращающийся бумеранг, а также, возможно, топор типа коды с рукоятью (Юго-Восточная Австралия) и примитивный поршневого насос, обнаруженный Г. Баденовым в Центральной Австралии. Выдвинутые отдельными мастерами идеи лежат в основе изобретения новых видов наконечников копий, копьеметалок, палиц, корзин¹⁵ и т. п. Хорошо известно также, как велико число растений, которые австралийские женщины научились использовать в пищу, а разработанные ими приемы сбора и предварительной обработки семян и корнеплодов дали основание русскому этнографу А. Н. Максиму говорить о том, что общество аборигенов стояло «накауне земледелия»¹⁶.

Индивидуальная специализация в области искусства. Как уже отмечалось выше, в традиционном обществе аборигенов все были в той или иной мере приобщены к искусству. Каждый человек — будь то мальчик или старик, женщина или мужчина — в определенных ситуациях, в определенные периоды становился рассказчиком, актером, певцом, художником. При этом зачастую сам процесс художественного творчества не только в песенном, танцевальном, драматическом, но и в изобразительном жанрах осуществлялся коллективно. Например, несколько мужчин из одной тотемической группы совместно рисовывали участников тайного обряда или изготавливали сложную религиозную эмблему, используя охру, кровь, разноцветные птичьи перья

¹¹ Thomson D. F. The Hero Cult, Initiation and Totemism on Cape York.— *Journal of the Royal Anthropological Institute*, v. LXIV, 1934, p. 231—232, 234.

¹² Spencer B. *Wanderings in Wild Australia*. V. 2. L., 1928, p. 496, 797.

¹³ Fraser J. B. A. *The Aborigines of New South Wales*. Sydney, 1892, p. 52.

¹⁴ Кабо В. Р. Указ. раб., с. 74.

¹⁵ McCarthy F. D. *Habitat, Economy...*, p. 94; Basedow H. *The Australian Aboriginal*. Adelaide, 1925, p. 97.

¹⁶ Максимов А. Н. Накануне земледелия.— Уч. зап. Ин-та истории. Т. 3. М., 1929.

и пух, изображали на земле обрядовой площадки гигантский тотемический символ. Нередко двое или трое мужчин одновременно рисовали на одном куске коры, иллюстрируя сюжет древнего мифа; несколько женщин одновременно изображали, рисуя на земле палками, ту или иную сцену из жизни своей общины.

Вместе с тем в каждом из распространенных в том или ином племени (или группе племен) видов художественного творчества существовали заметные различия в мастерстве отдельных исполнителей; и в каждом из них чаще всего выделялись люди, достигшие выдающихся успехов.

Так, Б. Спенсер, изучая рисунки жителей северо-восточного Арнемлинда на коре, обнаружил значительный «диапазон в возможностях художников». По его словам, «пропорционально ограниченными масштабам их работы между ними существуют почти такие же различия, как между английскими художниками», — не столько, правда, по объектам изображения и восприятию, сколько по искусности исполнения¹⁷. И далее он пишет: «Я попросил нескольких лучших художников сделать для меня серию рисунков на коре, предоставляя им самостоятельно выбирать сюжеты для картин. Интересно было обнаружить впоследствии, что сами аборигены делают очень четкие различия между художниками по степени их мастерства и что мое мнение неискушенного, в сравнении с ними, зрителя совпало с общепринятыми у них оценками»¹⁸.

Маунтфорд, изучавший изобразительное искусство тиви, пишет, что у них некоторые мужчины «считались более искусными, чем остальные», в какой-то определенной области: например, в украшении резьбой и рисунками погребальных столбов или декоративных церемониальных копий, в разрисовывании больших корзин, раскрашивании тел участников обрядов пукамани и кулама»¹⁹. По данным того же исследователя, у тиви было принято во время совершения похоронных обрядов приглашать для изготовления традиционных погребальных столбов лучших мастеров резьбы по дереву и рисовальщиков²⁰.

По свидетельству Б. Спенсера, у тиви, населявших остров Мелвилл, лишь немногие мужчины, «исключительно одаренные мастера и художники», умели делать использовавшиеся в декоративных целях копьё особенно сложной конструкции с резьбой и рисунками. Вдоль древка этих копий имелись (от наконечника до середины) два ряда тонких и острых зубцов (всего 34 пары), причем каждый зубец украшался орнаментом и, как пишет Спенсер, представлял собой произведение искусства. Единственным инструментом, употреблявшимся при изготовлении копья, был острый обломок раковины. Подробное описание орнамента на одном из зубцов занимает у Спенсера около четверти страницы²¹.

По данным Р. и К. Берндтов, особенно искусные художники часто получали специальные заказы от соплеменников и выполняли их за определенное материальное или какое-либо иное вознаграждение²².

Иногда в литературе встречаются сообщения об индивидуальных различиях в выборе предметов отображения среди художников, занимающихся одним и тем же видом изобразительного искусства, т. е. о специализации, связанной с содержанием самих произведений. Например, Спенсер упоминает среди выдающихся художников, делавших рисунки на коре (район Оэнпелли), мужчину, который особенно любил иллюстрировать мифологические сюжеты и выполнял эту работу наиболее удачно²³. А. Р. Блэк пишет о художнике, представителе одной из групп северного

¹⁷ Spencer B. Op. cit., p. 793.

¹⁸ Ibid., p. 794.

¹⁹ Mountford C. P. The Tiwi — Their Art, Myth and Ceremony. L., 1958, p. 21.

²⁰ Mountford C. P. The Artist and his Art in an Australian Aboriginal Society. — The Artist in Tribal Society. L., 1961, p. 25—26.

²¹ Spencer B. Op. cit., p. 707—708.

²² Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1980, с. 213.

²³ Spencer B. Op. cit., p. 793, 804.

побережья Арнемленда, считавшемся «экспертом» по изображению мифологических образов одного типа — людей-духов²⁴.

В целом сходные с вышеприведенными свидетельства наблюдателей имеются и об элементах индивидуальной специализации в пении, танцах, музыке. Люди, достигшие особых успехов в этих видах творчества, играли ведущую роль во время различных религиозных обрядов, и в особенности — традиционных развлекательных *корробори*. Часто после публичных выступлений они получали подарки от зрителей и слушателей²⁵. Иногда выдающиеся певцы и танцоры специализировались на исполнении какого-либо одного вида танцев или песен. У. Робертсон сообщает, что в некоторых крупных племенах Центральной Австралии существовали специалисты по похоронным танцам. Они ходили из группы в группу танцевали на похоронах, а также исполняли поминальные танцы у могил мужчин, пользовавшихся при жизни особым почетом²⁶.

У австралийцев имелись музыкальные инструменты двух основных видов — палки для отбивания ритма и труба, изготовленная из полого ствола небольшого дерева. Но и на таких примитивных инструментах аборигены играли по-разному²⁷. Трубу часто использовали для имитации голосов птиц и животных. В одной из общин какаду Спенсер встретил человека, чрезвычайно искусного в такой «игре» на трубе. Аборигены постоянно просили его продемонстрировать свое мастерство и могли слушать его часами²⁸.

У. Макконел, собиравшая мифы и сказки у аборигенов западной части Кейп-Йорка, обращает внимание на различия в степени искусности рассказчиков и на индивидуальные особенности в манерах повествования. По ее словам, одни рассказчики удовлетворяются изложением основных сюжетных линий, другие детально останавливаются на различных эпизодах и действиях мифологических персонажей: приготовлении еды, изготовлении копий и т. п. Те, в ком сильно чувство драматизма, добиваются напряженного внимания, в то время как те, у кого хорошо развито чувство юмора, вызывают взрывы восхищенного смеха²⁹.

Среди записанных У. Макконел мифов те, что рассказаны наиболее талантливыми повествователями, производят подлинно художественное впечатление и отчетливо отражают первобытный синкретический характер австралийского искусства: в данном случае неразрывную связь повествования с театральным представлением. Весь строй изложения этих мифов свидетельствует о том, что они сопровождаются демонстрацией действий героев. Комментируются даже отдельные движения, жесты; при помощи прямой речи, насыщенной междометиями, передаются настроения и чувства действующих лиц — страх, нетерпение, радость; особыми сочетаниями звуков имитируются раскаты грома, топот бегущих людей, всплески воды, шорохи, стук топора, свист летящего копья и т. п. События излагаются последовательно, поступательно; замедленное действие предшествует драматической развязке.

По свидетельству Берндтов, «хороший рассказчик может держать слушателей в неослабевающем напряжении даже и тогда, когда его рассказ известен всем от начала до конца»³⁰. Следует отметить, что в отличие от выдающихся художников, танцоров, певцов, искусные рассказчики не получали никакого вознаграждения³¹.

Создатели нового в искусстве. Хотя по своему содержанию все искусство аборигенов — будь то песни, мифы, сказки, драматические постановки, образцы изобразительного творчества — пронизано религиозно-магическими представлениями, по своему назначению произведения традиционного австралийского искусства можно разделить на две

²⁴ Black R. Old and New Australian Aboriginal Art. Sydney, 1964, p. 43.

²⁵ Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Указ. раб., с. 302.

²⁶ Robertson W. Coo-ee Talks. Sydney, 1928, p. 120—121.

²⁷ См., например, Spencer B. Op. cit., p. 849.

²⁸ Ibidem.

²⁹ McConnel U. H. Myths of the Mungkan. Melbourne, 1957, p. 163.

³⁰ Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Указ. раб., с. 306.

³¹ Там же.

основные группы. К первой принадлежат произведения, создающиеся в основном или исключительно для удовлетворения эмоциональных, в том числе эстетических, потребностей людей и не используемые в религиозно-магической практике. Ко второй группе относятся произведения искусства, предназначенные для эзотерических культов тотемизма, для обрядов вредоносной, лечебной, любовной, охотничьей магии, магии погоды, т. е. такие произведения, которые помимо эстетической нагрузки несут религиозно-обрядовую, причем последняя, по представлениям их создателей, является главной. С точки зрения задач настоящей работы это разграничение очень важно.

Для того чтобы участвовать в необрядовых драматических представлениях, исполнять песни и танцы, не связанные с религиозно-магическими ритуалами, украшать предметы повседневного обихода, делать не имеющие ритуального назначения рисунки на коре, на стенах пещер, на земле, необходимы только способности, желание и умение. Для того чтобы исполнять религиозные эзотерические песни и танцы, участвовать в инсценировках эзотерических мифов, изображать эзотерические религиозные символы, необходимо прежде всего обладать соответствующим социальным статусом, занимать соответствующее положение в своей тотемической группе и в системе родственных связей с членами иных тотемических групп. Для того чтобы исполнять песни и танцы, делать изображения, связанные с колдовством и знахарством, нужно иметь статус «специалиста» в этой области или по крайней мере слыть человеком, сведущим в магии. Творческий импульс и талант в двух последних случаях играют лишь второстепенную роль.

Произведение искусства, предназначенное для тотемического или знахарского обряда, хотя и удовлетворяет, как уже указывалось, эстетическое чувство исполнителя и аудитории, не имеет все же в глазах аборигенов самостоятельной эстетической значимости. Оно ценится прежде всего за свое религиозное содержание и магические свойства, а затем, уже за красоту, мастерство исполнения. Священный миф, священная песня, священный танец не существуют вне эзотерического ритуала, где их эстетические достоинства и качества воспроизведения может оценить сравнительно небольшое число инициированных мужчин одной или нескольких тотемических групп. Рисунки, украшения, эмблемы, используемые во время эзотерических обрядов, также доступны только ограниченному числу зрителей и часто уничтожаются по окончании тех церемоний, для которых они были приготовлены. То же можно сказать и о произведениях искусства, предназначенных для обрядов вредоносной и благотворной магии, добавив, что во многих случаях эти произведения видят или слышат лишь сами исполнители, да двое-трое помощников.

Иначе обстоит дело в сфере искусства, не подчиненного религиозно-магической практике. Здесь произведения художественного творчества ценятся главным образом или даже исключительно за их эстетические качества, за их эмоциональное воздействие. Возникнув, они как бы обретают самостоятельную жизнь, и люди обращаются к ним всякий раз, когда ощущают потребность в развлечении, в удовольствии; эти произведения беспрепятственно передаются от одной группы к другой.

Наконец, воспроизведение священных тотемических, а также колдовских и знахарских песен, танцев, изобразительных символов, как правило, требует строгого следования традиции. Все до малейших деталей должно повторять передающиеся из поколения в поколение образцы, так как считается, что в противном случае магический обряд не даст желаемых результатов. В необрядовом же искусстве, хотя и существуют традиционные каноны, допускаются определенные изменения, импровизация, нововведения.

Все вышеизложенные факторы способствуют тому, что именно в сфере необрядового искусства складываются, как представляется автору, наиболее благоприятные условия для творческого самовыражения одаренной личности и для адекватной оценки ее окружающими, что в свою очередь поощряет дальнейшее развитие творческой индивидуальности.

Как показывают искусствоведческие исследования и этнографические работы обобщающего характера, в творчестве, предназначенном исключительно для удовлетворения эстетического чувства, наблюдается большее стилевое разнообразие, чем в религиозно-обрядовом искусстве, изредка даже полный отход от традиционных форм и создание совершенно оригинальных по стилю произведений. Необрядовое искусство постоянно пополняется новыми образцами.

Во время традиционных развлекательных церемоний — корробори — с особым интересом воспринимались и особенно ценились зрителями новые песни, танцы, драматические представления на новые сюжеты (чаще всего все это исполнялось в неразрывном единстве), в которых находили отражение те или иные события повседневной жизни австралийской общины, а также личные впечатления и переживания создателей. Большинство аборигенов, или по крайней мере очень многие из них, создавали или пытались создавать новые песни, танцы, «пьесы». Вместе с тем отдельные лица, в течение многих лет регулярно занимавшиеся созданием новых произведений, получали в обществе признание как специалисты-сочинители.

Часто австралийские сочинители в соответствии с устоявшейся традицией утверждали, что новые песни, или новые сюжеты для инсценировки, или новые танцевальные па и музыкальные ритмы «приходят» к ним во сне, что это — «подарки» их тотемов, духов умерших родственников или даже духов убитых на охоте животных. Нередко создателями новых произведений, «полученных» во время сна, бывали мужчины-знахари, иногда женщины, сведущие в любовной магии³².

Вместе с тем были и «поэты» или «композиторы», которые отступали от этой традиции приписывать появление нового влиянию мистических сил. Хауит, например, пишет о сочинителе песен по имени Умбара (племени юни), который рассказывал, что новые песни «приходят» к нему не во сне, как к другим, а наяву, чаще всего во время рыбной ловли, далеко в открытом море, когда он стоит в качающейся на волнах лодке. Хауит приводит сокращенный и весьма приблизительный перевод песни, созданной Умбарой в один из таких моментов вдохновения: «Между яростным ветром и ревущими волнами в огромном безбрежном море я был почти в отчаянии». Умбара впервые исполнил эту песню вечером после возвращения с моря. «Он пел, отбивая ритм палками, стоя посреди стоянки в окружении восхищенных зрителей»³³.

Хауит упоминает также другого сочинителя, певца и актера, отражавшего в своих произведениях впечатления и события текущей жизни, — Маргулу из племени уолгал. В одной популярной его песне рассказывается о том, как вместе с другом он пытался в утлой лодке во время разлива переплыть реку с бурным течением. Исполнение песни сопровождалось телодвижениями и жестами, которые были, по словам Хауита, гораздо красноречивее, чем ее слова. Актеры изображали, как они сталкивают лодку в воду, гребут наперерез течению, как лодку захлестывает вода, как они после безуспешных попыток вычерпать воду руками поспешно гребут к берегу. Хауит слышал и «видел» эту песню в воспроизведении певцов и танцоров курнаи, которые получили ее от аборигенов племени мурринг, в свою очередь воспринявших ее от уолгал. Курнаи слов песни совсем не понимали, но это не мешало ее успеху у аудитории³⁴.

В своих воспоминаниях Л. Трелькельд приводит такой эпизод. Однажды несколько аборигенов из окрестностей Порт-Стефанса «с благородной внешностью» и диалектом, несколько отличавшимся от наречия жителей района Ньюкаста (среди которых автор жил в первой половине XIX в.), пришли научить последних новой песне и танцу. Из объяснений посланников Трелькельд понял, что один из их соплеменников,

³² Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Указ. раб., с. 300.

³³ Howitt A. W. The Native Tribes of South East Australia. L., 1904, p. 422—423.

³⁴ Howitt A. W. Op. cit., p. 423—424.

будучи при смерти, «дал» им эту песню и завещал после его смерти обойти соседние племена и исполнять ее повсюду³⁵.

Признанные удачными новые песни, танцы, драматические произведения распространялись у аборигенов на огромные расстояния. При этом часто, как в одном из приведенных выше примеров, такие песни и сюжеты для инсценировок укоренялись у племен с языками, совершенно отличными от языков создателей. Исполнители воспроизводили их, не понимая слов, однако благодаря выразительным жестам, телодвижениям, мимике, сопровождавшим пение, общий смысл в большинстве случаев был доступен зрителям и слушателям.

В некоторых районах Австралии встречались люди, специализировавшиеся на распространении новых произведений песенного, танцевального и драматического искусства. С целью обучения иноплеменников новому они совершали долгие путешествия на большие расстояния, нередко получая после своих выступлений подарки от зрителей³⁶.

Следует особо отметить, что в отдельных случаях выдающимся певцам, танцорам, художникам, создававшим новые оригинальные произведения, предоставлялась в австралийских коллективах возможность подавляющую часть времени отдавать своему искусству и не принимать или почти не принимать участия в хозяйственной деятельности. Например, К. Харт и А. Пиллинг пишут о талантливом певце и танцоре, авторе множества новых песен, а также об искусном мастере резьбы по дереву из племени тиви, которых их жены и сыновья фактически освободили от повседневного труда по добыванию пищи и производству предметов обихода, для того чтобы они без помех могли заниматься творчеством³⁷.

Первобытный специалист и общество. По словам Ф. Маккарти, человек, способный, стоя в качающейся на волнах лодке, с первой попытки пронзить гарпуном черепаху или дюгоня, или же человек, копыта которого без промаха настигают кенгуру или эму, занимает особое положение в общине, пользуется всеобщим почетом как специалист своего дела³⁸. По данным Д. Томсона, у аборигенов побережья Кейп-Йорка искусные и опытные гарпунщики были людьми очень авторитетными и влиятельными³⁹.

Точно так же почетом в коллективах аборигенов пользовались выдающиеся мастера, изготавливавшие орудия труда и оружие, резчики по дереву, искусные художники, делавшие рисунки на коре и наскальные изображения, равно как и певцы, танцоры, актеры. А умение создавать новые танцы и песни придавало человеку особую ценность в глазах окружающих.

Выдающиеся охотники и рыболовы часто бывали лидерами целевых групп, выполнявших соответствующие хозяйственные задачи. Талантливые ораторы, люди, лучше других знавшие языки соседних общин и племен, возглавляли отряды посланников. Авторитет искусного мастера, квалифицированного охотника способствовал выдвижению мужчины на роль главы общины или ее временного подразделения — хозяйственной группы (по терминологии В. Р. Кабо). Иногда даже человек становился главой общины благодаря выдающимся успехам в области искусства. Так, например, Хаут сообщает о главе одной из общин, входившей либо в племя вуруньери, либо в какое-то соседнее племя. Звали его Нингу-лабул, что означает «сверкающий». По словам одного его соплеменника, Нингу-лабул «сверкал, как гладко отшлифованный камень на ярком солнце. Он был великим сочинителем песен, заставляя людей, слушающих его пение, испытывать радость». Нингу-лабул происходил из семьи одаренных певцов и танцоров. Его отец и дед также были прославленными создателями песен. Талант и слава предков служили основой того

³⁵ *Threlkeld L. E. Australian Reminiscences and Papers: Missionary to the Aborigines. 1824—1859. Canberra, 1974, v. 1, p. 56.*

³⁶ *Ibid., p. 57.*

³⁷ *Hart C. W. and Pilling A. R. The Tiwi of North Australia. N. Y., 1960, p. 42—48.*

³⁸ *McCarthy. Australia's Aborigines. Their Life and Culture. Melbourne, 1957, p. 89.*

³⁹ *Thomson D. F. The Dugong Hunters..., p. 243.*

огромного авторитета, который он имел как нгурунгаэта (глава общины) который простирался далеко за пределы его общины⁴⁰.

Интересно, что люди с такими физическими недостатками, которые мешают полноценно трудиться, или даже люди с ослабленными умственными способностями, благодаря особым достижениям в какой-нибудь, пусть достаточно узкой сфере — хозяйственной, обрядовой или художественной — по социальному статусу не уступали своим сверстникам, а иногда даже превосходили их. У. Уорнер пишет о мужчине с сильно поврежденным позвоночником, который передвигался только с посторонней помощью, но пользовался большим уважением в общине, потому что превосходно умел управлять лодкой в бурном море⁴¹. В книге А. Уэллса имеется свидетельство о молодом мужчине с острова Милингимби, который был заметно менее умен и решителен, чем его сверстники, но зато очень хорошо рисовал на коре, и это его выручало⁴². Н. Тиндейл пишет о юноше из этнокультурного объединения питьянджара, который, будучи детства калек (плохо владел одной ногой), но, проявив блестящие и разнообразные способности во время обрядов инициации, сумел достичь высокого авторитета не только в своей общине, но и за ее пределами. Старшие мужчины держались с ним как с равным, а некоторые даже боялись его⁴³.

* * *

Проанализированные материалы показывают, что индивидуальная специализация, по существу представлявшая собой, как пишет В. Р. Кабо, лишь высшее развитие одного или нескольких из тех традиционных навыков, которые каждый молодой человек усваивал, переходя из одной возрастной группы в другую⁴⁴, гармонично вписывалась в первобытную систему организации производственных отношений и общественной жизни аборигенов. Она как бы предусматривалась первобытными социальными нормами австралийцев, положительно оценивалась в их идеологии.

Австралийский коллектив был заинтересован в деятельности людей, являвшихся в силу высокоразвитого мастерства и особых способностей в известном смысле специалистами. Им обеспечивали возможность посвящать значительную или большую часть времени тому делу, которое им лучше всего удавалось, частично, а иногда и полностью освобождая их от других занятий. Важно подчеркнуть, что это относится не только к тем, кто специализировался в одном из видов хозяйственной деятельности, но и к тем, чья специализация была связана с духовной культурой, в том числе с искусством, не подчиненным религиозной обрядности.

Укоренившийся во многих районах Австралии обычай делать подарки выдающимся мастерам, певцам, танцорам, художникам также является, очевидно, свидетельством общественного признания индивидуальной специализации. Эти подарки, в большинстве случаев представляющие в глазах аборигенов незначительную материальную ценность, выступают скорее всего не как плата за труд, но лишь как общественное поощрение, одобрение, благодарность за особо квалифицированную работу.

В обществе аборигенов существовали благоприятные условия для развития индивидуальных способностей и склонностей человека. Некоторые черты сложившейся у аборигенов культуры взаимоотношений стимулировали такое развитие: для общественного сознания аборигенов было характерно пристальное внимание к индивидуальным достижениям, к таким качествам человека, которые выделяют его в коллективе; успехи в каком-либо из традиционных видов деятельности эффективно способствовали повышению социального статуса личности.

⁴⁰ Howitt A. W. Op. cit., p. 310—314.

⁴¹ Warner W. L. A Black Civilization. N. Y., 1937—1958, p. 537.

⁴² Wells A. Milingimbi. Sydney, 1963, p. 25.

⁴³ Tindale N. B. Initiation Among the Pitjandjara Natives of the Mann and Tomson Ranges in South Australia. — Oceania, v. VI, № 2, p. 223.

⁴⁴ Кабо В. Р. Указ. раб., с. 74.

Данные австралийской этнографии позволяют думать, что индивидуальная специализация в формах, подобных тем, которые она имела у аборигенов, была характерна для весьма ранних стадий развития человеческого общества. С общетеоретической точки зрения это следует считать закономерным. Ведь благополучие небольших первобытных коллективов, без сомнения, в немалой степени зависело от реализации индивидуальных способностей, навыков, склонностей их членов. Условия для самовыражения творчески одаренной личности во многом были залогом развития всего общества.

Из сказанного видно, почему автору представляется неправильным называть зарождающейся или возникающей такую индивидуальную специализацию, которую мы находим у аборигенов Австралии, а также в других зафиксированных этнографией обществах, сохранявших до недавнего времени первобытный образ жизни. Насколько она нужна подобным обществам, настолько она в них сложилась. По всей видимости, нельзя провести прямую эволюционную линию от такой специфической первобытной индивидуальной специализации к профессиональной специализации более поздних эпох. Это два качественно различных явления, порожденных разными социально-экономическими условиями. Однако индивидуальная специализация во многом сходная с той, что складывается в условиях первобытности — как бы частичная или неполная, когда человек является полужемледельцем и полуремесленником или полускотоводом и полухудожником, — существует, выполняя важные функции, и в классовом обществе — в крестьянской среде, в сельской общине. Так называемый народный умелец или сказитель — это поздний аналог первобытного мастера, художника или рассказчика. Очевидно, при изучении процессов, сопряженных с развитием индивидуальной специализации в период разложения первобытного образа жизни, формировании классов и государства, следует иметь в виду что сходные по форме явления могут иметь различное происхождение и разную сущность: одни могут быть ростками нового — будущей профессиональной специализации, другие являются несколько модифицированным продолжением старого — первобытной индивидуальной специализации.

В целом следует подчеркнуть, что обращение к австралийским этнографическим фактам, как и к данным, относящимся к другим этнографическим аналогам первобытных охотников и собирателей, полезно для решения не только узловых теоретических проблем первобытной истории, но и проблем, связанных с эпохой классового образования, а также с более поздними периодами общественного развития.

Что касается собственно первобытноисторической проблематики, то по-видимому, наибольшее значение изучение затронутых в настоящей статье этнографических фактов может иметь для исследований, посвященных проблеме личности, индивидуальных различий в личных качествах людей в эпоху первобытности. Довольно широко распространено мнение об однородности, как бы обезличенности первобытных людей, значительной мере основывается на упоминавшемся в начале статьи предположении об отсутствии различий в характере их повседневных занятий. Австралийские материалы, как можно было видеть, такого предположения не подтверждают. Изучение организации производственной и иных видов деятельности, а также соотношения индивидуального поведения и социальной регуляции⁴⁵ в обществе аборигенов показывает, что условия первобытного уклада жизни не исключали возможностей для формирования личности, неотъемлемым свойством которой является индивидуальность, неповторимость, и что отдельный человек имел возможность занять в первобытном коллективе в известном смысле обособленное, отличавшее его от всех остальных представителей той же половозрастной группы место, соответствовавшее его личным качествам, склонностям и способностям.

⁴⁵ *Артемова О. Ю. Личность и нормы поведения в обществе аборигенов Австралии: Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1981.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние годы снова оживился интерес к проблеме реконструкции языкового состояния традиционной, в том числе и древнеславянской (праславянской, протославянской), культуры. Опубликованы десятки статей и несколько фундаментальных монографий: Б. А. Рыбаков. «Язычество древних славян» (М., 1981); В. В. Иванов и В. Н. Топоров. «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» (М., 1965) и Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов» (М., 1974); Б. А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей» (М., 1981); четырехтомная монография «Календарные обычаи и обряды народов Зарубежной Европы», включающая главы по славянским народам (М., 1973—1983), и др. Статьи о славянской мифологии в двухтомном сборнике «Мифы народов мира. Энциклопедия». Т. I—II (М., 1980—1982) в своей совокупности также равноценны специальной книге по древнеславянской духовной культуре. Можно назвать еще серию статей, опубликованных в последние годы Н. И. Толстым и С. М. Толстой и их учениками; Т. В. Цивьян, А. К. Байбуриным и др. Появился ряд исследований по поздней славянской обрядности, которые дают значительный материал для комплексного изучения древнейших форм славянской культуры (В. К. Соколова, А. К. Байбурин, Т. А. Бернштам и др.). Некоторые из этих исследований рецензировались в «Советской этнографии»¹.

Исследователи, писавшие в последние годы о древнеславянской мифологии, высказали много новых идей (более или менее убедительных). К сожалению, результаты их изысканий далеко не всегда могут быть составлены и тем более согласованы друг с другом. Некоторые предположения и гипотезы, вошедшие в научный оборот, начинают иной раз восприниматься как вполне достоверные факты. В сложившейся ситуации представляется необходимым обсуждение не только результатов, но и самой методики исследования, той теоретической перспективы, без которой частные исследования могут остаться несопоставимыми и несогласованными.

В связи с этим редакция журнала «Советская этнография» решила использовать вопросник, который был подготовлен к ленинградскому симпозиуму «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры (этногенетический аспект)», прошедшему в июне 1981 г.², и тематически связан с основными докладами симпозиума. В мае 1983 г. в Москве прошел второй симпозиум по славянской этногенетической тематике с некоторой конкретизацией материала и территории исследования — «Полесье и этногенез славян»³. Проблемы, затронутые в вопроснике, активно обсуждались на IX Международном съезде славистов в Киеве в сентябре 1983 г., в докладах и дискуссиях по ним на секциях «Этногенез славян в свете данных археологии и истории» и «Праславянский язык в кругу других языков», а также на заседании специально-

¹ См., например, Арутюнов С. А. Рец.: Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян. — Сов. этнография, 1982, № 4.

² См. информацию А. В. Гуры: Сов. этнография, 1982, № 6.

³ См. информацию Л. Н. Виноградовой: Сов. этнография, 1983, № 6.

то круглого стола «Этногенез славян», в котором приняли участие слависты разных специальностей — археологи, антропологи, этнографы, историки, лингвисты, фольклористы. На всех перечисленных публичных собраниях и дискуссиях обсуждались вопросы, изложенные в анкете, что говорит в пользу актуальности и своевременности их дальнейшего обсуждения.

Ниже мы публикуем вопросник (авторы Н. И. и С. М. Толстые), являющийся методическим документом, имеющим самостоятельную ценность, и ответы на него, полученные от лингвистов, этнографов, фольклористов и археологов, к которым редакция нашего журнала обратилась с предложением принять участие в дискуссии.

ВОПРОСНИК

1. Каковы основные задачи реконструкции древнейшей славянской духовной культуры (далее — СДК)? Возможно ли выделение отдельных этапов реконструкции и промежуточных звеньев в развитии СДК (аналогично выделению помимо праславянского языка древнерусского, пралехитского и т. д.)?

2. Каковы пути и методы реконструкции древнейшей СДК? Совпадает ли методика реконструкции славянской мифологии с методикой реконструкции праславянского языка? Правомерен ли вопрос о «диалектологии» славянской мифологии?

3. Каково место и значение основных источников (письменные памятники, диалектные данные, междславянские и славяно-инославянские соответствия) реконструкции древнейшей СДК?

4. Каковы возможности сопоставительного и ареального изучения СДК и применения сравнительно-исторического метода в славянской этнографии, фольклоре, мифологии (по образцу сравнительно-исторического метода и направления в славянском языкознании)?

5. Каковы задачи и методы картографирования этнографических, фольклорных и мифологических фактов? В чем их отличие от лингвистического картографирования? Как интерпретировать и оценивать соотношение изоглосс, изопрагм (линий, разграничивающих области распространения элементов материальной культуры) и изолек (линий, разграничивающих области распространения элементов духовной культуры) и междславянские параллели в области СДК?

6. Как можно определить понятие «славянские древности» в языкознании, фольклористике, мифологии, письменности, этнографии, археологии и истории?

7. Существует ли славянский этнокультурный тип и славянское этнокультурное единство, подобно славянскому языковому типу и единству?

8. Можно ли говорить о существовании этнокультурных союзов и контактов подобно языковым союзам и контактам? Как следует ставить вопрос о славяно-неславянских связях и внутриславянской интерференции в области духовной культуры? Какие зоны наиболее интересны в этом отношении?

9. Как Вы представляете себе диалектное и лингвистическое членение древних славян в свете данных этнографии, лингвистики и фольклора для решения этого вопроса?

10. Могут ли архаические зоны современной Славии (области распространения славянских языков и этносов) служить моделью праславянского существования? Если да, то в каком отношении и в какой степени? Какие зоны?

11. Была ли древнейшая славянская религия (язычество) достаточно монолитна в территориальном, структурном и бытовом отношении? Существовал ли пантеон славянских богов? Если да, то был ли он общим или существовал ряд локальных, структурно различных пантеонов?

12. Как следует понимать проблему «двуязычия» («многоязычия») в культуре? Как можно разграничить народную и «книжную» (церковную) культуру?

13. Каковы возможности собирательской (полевой) работы в настоящее время в области «славянских древностей» в разных зонах? Как следует ее организовать?

14. Какими должны быть программы и вопросники по сбору материалов для комплексного изучения СДК?

15. Каков предмет, задачи и методы этнолингвистики?

Б. Н. Путилов (Ленинград)

Проблемы реконструкции в сфере фольклора самым непосредственным образом связаны с задачами его исторического изучения, с задачами научного воссоздания историко-фольклорного процесса в его целостности и возможно большей конкретности. Необходимость и важность реконструкций обусловлены самой природой фольклорного процесса и характером реального фольклорного материала, с которым имеет дело наука. В историческом развитии фольклора органически сочетаются эволюционное начало и перерывы постепенности. Первое характеризует жизнь фольклора и фольклорное творчество в пределах одной исторической стадии, второе — переход от одной стадии к другой, перестройку всего состояния фольклорной традиции. И то и другое может быть уловлено наукой лишь при фиксации фольклора на разных, достаточно протяженных во времени и, что особенно важно, критических для него этапах движения. Между тем в отношении фольклора любой страны и любого народа (в том числе и фольклора славянских народов) картина такова, что достаточно представительный и надежный материал существует лишь в рамках одной стадии (как правило, хронологически позднейшей), и то не полностью, а частично. В сущности для славянского фольклора, который зафиксирован в основном в границах XVIII—XX вв., можно сказать, что он открывается перед нами в своем итоговом состоянии, как результат многовекового развития, ряда эволюционных перемен и перерывов постепенности. Отсюда следует, что задачи и возможности реконструкции его чрезвычайно усложняются.

Необходимо прежде всего условиться, что подлежит реконструкции. Речь может идти по крайней мере о четырех основных уровнях реконструкции, к которой должна стремиться наука: состояние фольклорной системы в целом на данной стадии, жанры, тексты, элементы (образы, речитативные приемы и т. д.).

Очень важно придерживаться совокупности методологических принципов, обеспечивающих надежность и самую возможность реконструкции в фольклоре. На мой взгляд, они таковы.

I. Понимание закономерности фольклорного процесса, неслучайности возникновения какого-либо фольклорного явления (не только в смысле его социальной, бытовой обусловленности, но и с точки зрения внутреннего развития и внутренних возможностей самого фольклора). Например, для фольклора закономерно, что формы архаические принадлежат более ранним стадиям, что фантастика, мифология типологически предшествуют исторической конкретике, что реальное изображение человека и исторической личности появляется на поздних стадиях и т. д. Закономерным является возникновение отдельных жанров на определенных стадиях фольклорного процесса, отсутствие их на предшествующих стадиях и т. д.

II. Осознание специфики фольклора как особой формы культуры с особенностями его создания, хранения, воспроизведения и передачи, с характерной для него функциональностью, своей поэтикой и т. д. Реконструируя какие-либо фольклорные формы, мы всегда должны соотносить их с системой свойств и особенностей фольклора, с традицией, которая во многом эту систему воплощает. Несоответствие традиции, известной науке по реальному материалу, противоречие с ней делают реконструкции весьма сомнительными.

III. Реконструкция до определенной степени основывается на известном реальном материале. Именно этот последний дает ей стимул и направление. Реконструировать можно лишь то, что оставило свои следы в поздней традиции, то, на что намекает она, то, что смутно за нею угадывается. Это могут быть текст, образ, жанр, состояние. Реконструкция лишь тогда убедительна, когда она находит себе подтверждения в позд-

ней традиции, зафиксированной реальными записями. Отсюда возникает важнейшее требование — уметь видеть в фольклоре органическую, очень сложно и многообразно выражаемую полистадиальность, уметь обнаруживать «следы», обладать чутьем на архаику. Всякое явление фольклоре — результат эволюции или трансформации некоего предшествующего состояния, и это обязательное условие дает науке исключительные возможности для реконструкции.

IV. Фольклор в его традиционных классических формах органически включен в быт, является нераздельной частью быта, обусловлен им. Любая реконструкция обязана считаться с этим и даже в известной мере исходить из этого. Вне бытовых связей реконструкция повисает в воздухе, оказывается оторванной от народной почвы фольклора.

V. Важнейшей методологической основой реконструкций в фольклоре является сравнительно-исторический подход. Национальная традиция сама по себе не может послужить базой для реконструкций, необходим реальный материал типологически предшествующих стадий, в свете которого традиция получает историческую перспективу и появляется возможность ретроспективного прочтения. Поскольку реальный, зафиксированный наукой массив записей относится к одной поздней стадии, а мы хотим реконструировать состояние предшествующих стадий, нам важно знать, что собою представляют типологически сходные стадии в фольклоре других народов. Фольклор славянских народов, как он зафиксирован записями, принадлежит к единой поздней стадии. Поэтому в принципе сравнение материала внутри этого фольклора не даст нам выхода за ту же стадию. Правда, здесь могут быть исключения: «следы» в фольклоре одного народа могут оказаться сильнее и отчетливее или архаичнее и т. д. К тому же, сопоставляя материал внутри славянского фольклора, мы накапливаем большее число фактов. Тем не менее для целей реконструкции необходимо подключение материалов по фольклору других, не славянских народов. С точки зрения историко-типологической теории, здесь, в выборе народов, главным является не соседство, не родство, не наличие или отсутствие контактов и т. д., а момент историко-типологической преемственности: надо искать такой сравнительный материал, который бы независимо от его этнической принадлежности и реальной хронологии в наибольшей степени совпадал с вероятным состоянием изучаемого материала на предшествующей, исчезнувшей для нас стадии. Как пример удачного обнаружения такого материала, имевшего весьма плодотворные последствия для изучения русского героического эпоса, сошлюсь на работу В. Я. Проппа¹: подключение им к изучению русских былин материалов по архаическому эпосу народов Сибири и Крайнего Севера позволило дать совершенно новую картину состояния эпоса эпохи, предшествовавшей Киевской Руси.

VI. Учитывая особенности фольклорного процесса, о которых говорилось выше, стоит различать реконструкции внутри одной стадии и реконструкции предшествующих стадий. В качестве примера опять сошлюсь на былины. То, что делал В. Я. Пропп, сопоставляя былины с архаическим эпосом других народов, относится к реконструкциям второго вида. К первому виду реконструкций относилась бы попытка восстановить русскую былинку в формах, скажем, XI—XIV вв. Я исхожу при этом из убеждения, что та былина, которую мы знаем по записям и пересказам конца XVII — середины XX в., типологически подобна древнерусскому эпосу, т. е. сохранила ту же сюжетику, тот же состав персонажей, тот же характер историзма и меру фантастики и т. д. Однако в рамках единого стадиального состояния за многие века русский героический эпос пережил известную эволюцию, и, хотя он не подвергся трансформации и не знал в этих пределах перерыва постепенности, все же его состояние в древней Руси нуждается в реконструкции. Напомню, что представители исторической школы реконструировали русский эпос, основываясь на ошибочном представлении, будто он в дальнейшем подвергся решитель-

¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

трансформации или совершил эволюцию от форм конкретно исторических к формам фантастической архаики. К сожалению, таким необоснованным реконструкциям пока что в нашей науке не противопоставлены реконструкции, базирующиеся на понимании закономерной эволюции единого в типологическом отношении эпоса.

Можно было бы подумать, что два вида реконструкции взаимно связаны, что без «эволюционной» реконструкции преждевременно приступить к «трансформационной». В действительности это не так. Я убежден, что реальная фольклорная традиция содержит материал и для того, и для другого. Как ни парадоксально, материал сравнительный больше дает для реконструкции предшествующих стадий. Возможно, более внимательное исследование, с применением более совершенной методики, собственно славянского материала позволит дать достаточно убедительные реконструкции ряда жанров и текстов, относящиеся к началу той стадии, конец которой зафиксирован основной массой записей.

В заключение — о реальных возможностях реконструкций. Разумеется, они разные для состояний системы, жанров, текстов, элементов. Остановлюсь на текстах. Вербальный текст в прямом смысле слова реконструировать — в нашем понимании — невозможно. Вполне реальна реконструкция сюжетных тем, типов самих сюжетов, вплоть до отдельных (не всех) мотивов и ситуаций. Для нарративных жанров все это имеет громадное значение: через сюжет всегда просвечивает наиболее существенное в произведении, и целый ряд конкретных показателей в сюжете дает представление о типологии жанра, о его состоянии и движении.

Можно сказать, что возможности для реконструкций, которые заложены в известном нам реальном фольклорном материале и которые предоставляет историко-типологический метод, используются пока еще весьма слабо. Между тем богатейший фольклор славянских народов ждет не только современных интерпретаций, толкований, но и разнообразных реконструкций, которые представили бы, пусть отчасти гипотетически, конкретные образы его истории.

А. К. Байбурин (Ленинград)

Предложенная анкета дает хороший повод как для обсуждения сформулированных в ней вопросов и их уточнения, так и для постановки вопросов, не вошедших в анкету, но имеющих самое непосредственное отношение к проблеме реконструкции древней славянской культуры. Коснусь лишь некоторых моментов.

Прежде всего следует, вероятно, уточнить задачи реконструкции. В самом общем плане речь может идти о двух основных типах реконструкции в зависимости от того, что подлежит восстановлению — система или текст. По отношению к древнейшей славянской духовной культуре это означает необходимое различие реконструкции системы представлений о мире (модели мира) и текстов (обряды, мифы, данные языка и т. д.), в которых эта модель нашла свое воплощение. Очевидно, несмотря на взаимосвязанность этих двух планов, цели, методика и принципы реконструкции будут различными. В обоих направлениях накоплен определенный опыт, однако проблематика «славянских древностей» традиционно решалась в основном применительно к тексту, и лишь в самое последнее время предприняты попытки реконструкции системы. Инерция ориентации на восстановление текста отчетливо ощущается и в вопросах данной анкеты. Между тем по отношению к духовной культуре реконструкция системы представлений о мире представляет задачу первоочередной важности. Обычная логика движения от факта к смыслу срывает далеко не во всех случаях, особенно применительно к древнейшему периоду. Хорошо известно, что один и тот же смысл в пределах одной и той же этнической культуры может быть объективирован в различных фактах. Неудачи ряда археологических реконструкций во многом объясняются именно тем, что однородность фактов постулиру-

ется (сознательно или нет) в качестве определяющего признака того или иного этнического образования. Данные этнографии и лингвистики письменного периода славянских языков позволяют говорить о большей однородности глубинных, а не поверхностных уровней культуры славян. Другими словами, при реконструкции дописьменного периода славянской духовной культуры целесообразно исходить из некоторой общей для всех славян системы значений при неоднородности репрезентирующих эту систему текстов.

Именно поэтому возможности ареального изучения славянских древностей (как и вопрос о правомерности «диалектологии» славянской мифологии) ограничены поверхностным уровнем культуры, т. е., учитывая различия в понимании мифа, во-первых, как словесного текста и, во-вторых, в более широком смысле — как мировоззренческой схемы, «диалектология», «картографирование» и т. п. могут применяться по отношению к мифу в первом значении.

Постановка проблемы комплексного изучения древней славянской культуры предполагает определение возможностей каждой из дисциплин (лингвистики, этнографии, археологии, антропологии, фольклористики) и разработку методики сопоставления результатов соответствующих реконструкций. Особая роль языка в системе семиотических средств, разрабатываемых в человеческом обществе (ср. соображения о языке как об универсальном интерпретанте всех остальных семиотических систем), вкупе с большей разработанностью методов лингвистических реконструкций выдвигает лингвистику на первый план. Поэтому особую актуальность представляет выработка приемлемых способов совмещения прежде всего лингвистических реконструкций с данными других дисциплин.

Этнографическая реальность и фольклор находятся в самой тесной связи с языком: словарь языка можно рассматривать в качестве модели быта коллектива и одновременно как лексическую базу фольклора. Вместе с тем этнографический контекст приобретает все большую значимость в этимологических разысканиях, поскольку позволяет выявить глубинные связи языка с культурой. Неслучайно именно в этом направлении получены наиболее значительные результаты в плане реконструкции славянского (и шире — индоевропейского) мифа и ритуала (работы Э. Бенвениста, В. В. Иванова, В. Н. Топорова). Сейчас уже ясно, что максимальный эффект может быть достигнут при сопоставлении не одиночных фактов, а серии результатов, полученных в итоге частных реконструкций в смежных дисциплинах, причем для восстановления картины древнейшей славянской духовной культуры особую роль приобретают явления, для которых удастся реконструировать значения, реализующиеся сразу в нескольких сферах культуры. Речь идет не только о ключевых терминах культуры, но и (в более широком плане) о ключевых символах культуры. Их отличительная особенность состоит в том, что они имели смысл как в системе материальных средств жизнеобеспечения, так и в ритуале (ср. такие символы, как дом и его части, элементы одежды, пищи и др.). Подобные символы, как правило, соответствуют ключевым терминам культуры, а их образы детально разрабатывались в фольклорных и мифологических текстах. Поэтому выявление возможно полного набора таких символов, восстановление особенностей прагматики, архаической семантики — одна из задач, при решении которой соотнесение выводов, полученных в этнографии, лингвистике, археологии и фольклористике, может быть особенно эффективным.

Перерыв в культурно-исторической традиции, который произошел в связи с принятием христианства, и соответствующая ориентация письменных памятников выдвигают в качестве если и не основных, то, безусловно, заслуживающих самого пристального внимания источников данные фольклора, в первую очередь его обрядовых форм. Обрядовый фольклор претерпел влияние христианства в минимальной мере, и снятие «христианского слоя» (например, путем сопоставления текстов даже в пределах одной культурной традиции) обычно не вызывает особых затруднений. Вероятно, примерно то же можно сказать и о самих обрядах,

ричем есть основания предполагать, что проницаемость христианской идеологии для разных текстов была неодинаковой, поскольку новое мировоззрение старалось утвердить свои схемы прежде всего в сфере семейных отношений, морали и др. Поэтому христианский компонент особенно ощутим в обрядах жизненного цикла (родины, свадьба, похороны) и, пожалуй, менее всего проник в систему окказиональных обрядов. Кроме того, степень проницаемости, вероятно, зависела от совпадения элементов наложенных друг на друга систем (язычества и христианства), приводивших к известным случаям отождествления, особенно показательным для различного рода иерархических подсистем. Сказанное отнюдь не означает полного пренебрежения информацией, которую можно извлечь из письменных памятников, но их прочтение должно корректироваться материалами устной традиции.

В. Е. Гусев (Ленинград)

1. Комплексное изучение СДК — своевременная и посильная для современной науки задача. Однако предварительно необходимо уточнить само понятие «комплексное изучение». В связи с этим желателен учет многолетнего опыта деятельности Комиссии АН СССР по комплексному изучению художественного творчества, особенно тех ее симпозиумов и изданий, где обсуждались методологические проблемы и где в той или иной мере привлекались данные этнографии и фольклористики.

Предметом комплексного изучения могут быть не любые явления, а лишь целостные объекты (системы, структуры). СДК, безусловно, представляет собою такой объект с присущими ему специфическими внутренними связями структурных элементов и внешними связями в пределах социально-исторической и культурно-этнической метасистем (генетической и контактные связи с культурами древнебалтской, древнегерманской, скифо-сарматской, угро-финской). Основной задачей комплексного изучения СДК и является, по-видимому, ее *реконструкция как целостной системы всех элементов духовной культуры славян* и определение *основных этапов ее развития* (от возникновения до распада и превращения в новые конкретно-исторические системы культур разных славянских народов).

2.4. Необходимым условием успешного комплексного изучения является определение тех научных дисциплин, которые этим займутся (не лингвистика вообще, не этнография вообще, не фольклористика вообще и т. д., а их определенные «направления», «школы»), а также привлечение к этой работе необходимого числа научных коллективов и определенного типа исследователей — эрудированных в своей «узкой» специальности и вместе с тем склонных к синтетическому изучению предмета и работе с коллективами, представляющими смежные дисциплины.

Во-вторых, необходимыми целенаправленная, единая и приемлемая для всех участвующих в комплексном изучении СДК программа и научная методика, вытекающие из основной задачи — реконструкции СДК как целостной системы. В частности, серьезного внимания заслуживает так называемый «ретроспективный метод», основанный на признании относительной устойчивости и преемственности (традиционности) этнографических признаков культуры. В связи с этим важно осознать, что не всякое сходство в культуре славянских народов может быть надежным основанием для реконструкции СДК: одни из них, действительно, восходят к эпохе славянской общности, другие являются следствием типологически сходных закономерностей развития различных славянских культур, третьи — результат контактных связей между ними (взаимодействия, взаимовлияния, заимствования и т. п.). *Только сходства первого типа могут служить отправной точкой при реконструкции СДК.* Поэтому в данном случае опасны чрезмерное увлечение историко-типологическим методом и тем более абсолютизация его, и в ряде случаев следует отдать предпочтение, к сожалению, еще недостаточно разработанному *генетическому методу*. Как удачно сформулировал В. В. Седов, «непременным

условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой¹. Это условие можно распространить на все элементы культуры, когда осуществляются этногенетические исследования. *Лишь исследование генетически преемственных элементов в материальной и духовной культуре славянских народов может привести к достоверным выводам о характере СДК.*

3.14. Исходя из задач комплексного изучения СДК, недостаточно ограничиться в качестве основных источников ее реконструкции лишь письменными памятниками, а также лингвистическими данными и археологическими материалами. Необходимо в значительно большей мере, чем это делалось до сих пор, привлечение этнографических и фольклорных источников, в частности современных полевых материалов, собираемых заново, по новым программам и вопросникам. Однако к сожалению, приходится констатировать недооценку таких программ и вопросников в фольклорно-этнографических экспедициях. Как правило, даже ведущие академические учреждения осуществляют полевую работу без таких программ (отрадное исключение — работа Подесских экспедиций Института славяноведения и балканистики АН СССР). Практически не учитывается даже «Программа для комплексных фольклорных экспедиций», опубликованная Комиссией комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР (М., 1971). В связи с проводимым нами полевым исследованием современного состояния фольклорных традиций восточнославянской общности (пограничных районов БССР, РСФСР и УССР — Гомельской, Брянской и Черниговской областей) составлен «Вопросник», апробированный в 1980 г., во время экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР («Вопросник» предложен и Институту искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР). На наш взгляд, специализированные вопросники по сбору материалов для комплексного изучения СДК должны быть не громоздкими, но обязательно соотносены с общей для всех специалистов программой. Поэтому *желательно создание особой координационной рабочей группы по разработке программы и вопросников.*

6. Реконструкция СДК как целостной системы требует прояснения некоторых терминов и согласованности в пользовании ими. Одним из таких терминов является понятие «славянские древности». По-моему, соответствующий вопрос, как он сформулирован в анкете, может дезориентировать исследователей при комплексном изучении СДК. Думается, что следует стремиться не к различению понятия «славянские древности» в разных науках, а к интеграции значений этого понятия и в конечном счете к единому значению, иначе исчезнут определенность и целостность предмета комплексного изучения. Пока же понятие «славянские древности» даже в рамках одной науки не отличается терминологической ясностью, что можно проиллюстрировать на материале археологической литературы. Сразу же ответу на подразумеваемый вопрос: не следует ли вообще отказаться от этого понятия? На мой взгляд, это практически невозможно, поскольку после известных трудов Й. Шафарика и Л. Нидерле понятие «славянские древности» прочно вошло в международный научный обиход и принято современной славистикой (достаточно сослаться на капитальное многотомное издание «Słownik starożytności słowiańskich» (далее польский «Словарь»). Широко пользуются этим понятием и современные советские археологи. Обычно оно соотносится с такими понятиями, как «доисторическое время» (Л. Нидерле), «праистория славян» (В. Хензель), «предыстория» (К. Яжджевски), «первобытная история славян» (Ю. Неуступны), «ранняя история славян» (В. В. Седов) и т. п. Содержание понятия «славянские древности», первоначально связанное лишь с археологическими памятниками, постепенно значительно расширилось («быт и культура древних славян» —

¹ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 39.

1. Нидерле, «ранняя культура славян» — Б. А. Рыбаков, и т. п.), т. е. практически становится тождественным понятию СДК, всему комплексу элементов материальной и духовной культуры.

Наиболее спорными являются стадияльные и особенно хронологические определения «славянских древностей». Еще Доленга-Ходаковский типичным признаком их считал дохристианские верования. Некоторые современные исследователи «помещают» «славянские древности» в раннее средневековье (В. Хензель). В трудах советских исследователей речь идет, как правило, о периоде, предшествующем возникновению государства, однако некоторые авторы включают в него и ранний феодализм. Хронологические рамки при этом весьма подвижны. П. Н. Третьяков в работах 50-х годов отодвигал нижнюю границу этногенеза ко II тысячелетию до н. э. Б. В. Горнунг и Б. А. Рыбаков начало славянского периода датируют XV в. до н. э., Ф. П. Филин и др. — I тысячелетием до н. э., В. Хензель — IX—VIII вв. до н. э., М. Фасмер, Г. Лер-Сплавинский, В. П. Кобычев и др. — серединой I тысячелетия до н. э., В. В. Седов — V—IV вв. до н. э., Ю. В. Кухаренко — IV—III вв. до н. э. Исследователи расходятся и в обозначении верхней границы эпохи «славянских древностей». Основываясь на лингвистических данных и ограничивая СДК распадом славянской языковой общности, разные исследователи устанавливают верхнюю хронологическую границу в пределах середины — конца I тысячелетия н. э.: V—VII (В. В. Седов), V—IX (И. Б. Русанова), VIII—IX вв. (В. Д. Баран). Вместе с тем польский «Словарь» охватывает период со второй половины II тысячелетия до н. э. до XII—XIII вв. н. э. Ю. В. Кухаренко тоже доводит свою характеристику «славянских древностей» до XII—XIII вв. Таким образом, у одних авторов «славянские древности» охватывают весьма большую эпоху (до 2,5 тыс. лет), а у других (В. В. Седов) — одно тысячелетие.

Разумеется, принимая во внимание различия в историческом развитии разных славянских племен и степень устойчивости тех или иных явлений в их культуре, некоторые хронологические расхождения при исследовании отдельных зон, ареалов и элементов СДК неизбежны. Однако все же, думается, реконструируя СДК как целостную систему, важно прежде всего иметь в виду тот период, когда она составляла реальную целостность, т. е. до расселения славян с их прародин и разделения их на три самостоятельно формировавшиеся ветви. Задача реконструкции культур восточнославянской, западнославянской и южнославянской общностей представляется мне существенно отличной от задачи реконструкции СДК, что, разумеется, не исключает необходимости изучения процесса наследования и преемственности культур.

Ю. И. Смирнов (Москва)

1. Прежде чем ставить задачу «реконструкции древнейшей славянской духовной культуры», нужно определить — хотя бы в первом приближении — предмет исследования, его составляющие и связи между ними. Нужно также четко знать социальную принадлежность этой культуры и диапазон исторического времени, в пределах которого она, вероятно, существовала. В зависимости от того, какими будут показаны ориентиры, характеризующие предмет исследования по его основным параметрам, окажутся видимыми и этапы достижения цели, последовательность их осуществления.

И все же, сколь бы реалистичными ни были рабочие ориентиры, ныне задачу «реконструкции древнейшей славянской духовной культуры» надлежит считать только долгосрочной исследовательской перспективой, но никак не насущной потребностью соответствующих общественных наук. Действительно, научное решение подобной задачи возможно лишь после того, как будет системно описана народная духовная культура (по народам и языковым группам) в ее внутренних связях и внешних взаимодействиях, по состоянию в пору активного собирания языковых, этногра-

фических и фольклорных фактов (XIX—XX вв.). Иными словами, сначала надо создавать надежную сырьевую базу из достоверного массового материала. Следовательно, предварительно нужно ставить вопросы о том, как и из чего создавать сырьевую базу для познания исторической ретроспективы народной духовной культуры. Любые попытки «реконструкции» без такой сырьевой базы выходят за пределы науки и, естественно, не заслуживают того, чтобы их принимать во внимание.

2. Единственно реальный путь — идти от познанного к познаваемому. Это путь исторической ретроспективы, тождественный долгосрочной исследовательской перспективе. Наряду со случайным или произвольным использованием источников методика остается еще одной ахиллесовой пятой всех, кто до сих пор пытался «реконструировать» народную духовную культуру славян. Отметим, в частности, что сугубо лингвистические приемы, в особенности имеющие обращение в фонологию, будучи перенесенными в сферу изучения народной духовной культуры, откровенно и активно содействуют тому, чтобы игнорировалось понимание специфики народной культуры как социального и исторического феномена.

Как в этом вопросе, так и в последующих совершается неправомерное отождествление славянской народной духовной культуры времен общинно-родового строя с «мифологией», «славянскими древностями», «славянской религией (язычеством)» и пр. Нет никакой необходимости преднамеренно сужать предмет исследования, используя применявшиеся преимущественно церковью термины «язычество» и «демонология», или подменять его одними лингвистическими аспектами народной духовной культуры и вовсе исключать социально-исторические аспекты.

3. Удивительно, что авторы вопросника в числе «основных источников» не нашли места для фольклорных и этнографических фактов! А между тем именно данные народной духовной культуры, в большинстве своем еще не систематизированные, остаются самым свежим и наименее используемым источником всякий раз, когда кто-либо пытается описывать приснопамятное «славянское язычество». Если заниматься народной духовной культурой, то «возможности» для ее познания надо искать прежде всего и главным образом в ней самой, а не в каких-либо потусторонних сферах. Возможности письменных источников довольно ограничены, сведения из них далеко не всегда могут быть реально поняты без привлечения фольклорных и этнографических фактов; тем не менее существует необходимость создания подборок сведений из письменных источников, имеющих отношение к народной духовной культуре. Возможности «диалектных данных», безусловно, богаче письменных источников, однако лингвисты не спешат с выпуском словарей диалектной лексики, где по каждому термину, особенно связанному с народной духовной культурой, давался бы исчерпывающий перечень значений вместе с краткой этимологической справкой. Несомненного вклада можно было бы ожидать от археологов, историков, искусствоведов и музыковедов, если перед ними четко сформулировать надлежащий «социальный заказ», обусловленный связями народной духовной культуры и потребностями разработки определенной тематики.

4. Сопоставлением фактов и их географическим распространением так или иначе занимались все научные направления («школы»), этим будут заниматься и впредь. Но само по себе то или другое полностью не раскрывает возможностей научного направления. Очевидно, неверна сама постановка вопроса. Речь должна идти о том, какое научное направление в состоянии наиболее эффективно сопоставлять факты и показывать их ареальность, а также о том, достаточно ли только этих двух условий, чтобы обеспечить достижение поставленной цели.

Имея в виду фольклор, мы уже неоднократно высказывались за такое научное направление, которое принципиально стремится к предельному учету фольклорных фактов во всем их разнообразии. Полевой сбор материала, текстология, классификация и систематизация в этом случае должны быть неразрывными частями единой исследовательской программы. Тогда не понадобится повторять ошибки предшественников (умнее

звершать свои!), а показывать, что лучшее у предшественников — это попытки заметить одну за другой грани предмета исследования (им в науке соответствуют школы: мифологическая, заимствования, историческая и др.) и что эти грани по сути своей и есть отнюдь не исключаящие друг друга аспекты теперешней единой исследовательской работы. В этих условиях применение эволюционного подхода станет единственно возможным и самым перспективным. Все это требует коллективных усилий ученых, а значит, и переустройства науки в целом.

Что касается методических приемов языкознания, то среди них мы пока не видим ничего такого, что стоило бы без промедления позаимствовать. Вместе с тем можно признать, что до сих пор только лингвистика оказывала на определенные, кажущиеся теперь довольно надежными перспективные ориентиры для представителей иных общественных наук, занимающихся древними славянами (европейцами, индоевропейцами, индоевропейскими группами).

5. Значение картографирования неизменно преувеличивается, особенно теми, кто постоянно закрывает глаза на роль этнических миграций, на смешанный состав населения почти повсюду в славянском мире, следовательно, на смешанный, зачастую этнически неоднородный характер народной духовной культуры (смешанный фольклорный репертуар при этом скорее правило, чем исключение). Картографирование — это иллюстрирование результатов проведенного анализа, не всегда достоверного, ибо не всякий анализ опирается на массовый материал в его разнообразии и эволюционной соотносимости и на скрывающийся за ним смешанный состав носителей этого материала.

Можно лишь сожалеть, что историки до сих пор уделяют недостаточное внимание миграциям населения внутри отдельных исторически сложившихся славянских зон и между ними, так как сведения о миграциях облегчают опознавание этнографических и фольклорных фактов по месту их исходного распространения.

6. Нет необходимости подменять расплывчатым выражением «славянские древности» народную духовную культуру, которой славяне, несомненно, обладали от затянувшегося этапа отделения славян от балтов в эпоху расселения славян в начале нашей эры. По времени это составляет добрую тысячу лет, вряд ли менее бурную и менее задетую контактами с иными народами, нежели следующее тысячелетие в жизни славян. Поэтому было бы наивно думать, что на протяжении столь большого отрезка времени духовная культура славян никак не менялась. Вместе с тем преждевременно говорить о качествах духовной культуры славян в течение этого тысячелетия. Самое оптимальное, чего можно ожидать в далеком будущем, — это получение некоторых представлений об общеславянском наследии в духовной культуре современных славянских народов, наследии, разнесенном славянами в разные края Европы в эпоху расселения. Полагаем, что уместнее пользоваться термином «общеславянское наследие и его эволюционные производные», ибо именно выделение общеславянского наследия в виде его эволюционных производных, что, по-видимому, никогда не было тождественным всей духовной культуре какого-либо славянского народа, может привести к опытам подлинной реконструкции их древнейшего состояния.

7. Мы предпочитаем говорить о славянской фольклорной общности, подразумевая как сходство, так и различие определенных фольклорных актов. Безусловно, нужно подчеркивать славянскую общность по языку народной духовной культуре, однако эта общность, что, наверное, для нас очевидно, не сводится к генетическому родству языковых и культурных фактов. Точно так же можно говорить об общности тюрков, финнов, германцев и др. Констатация общности сама по себе бессмысленна. Важно раскрыть ее по степени (удельному весу) и источникам происхождения общего.

10. Ни одну из зон современного расселения славян нельзя считать архаической и тем более «моделью праславянского существования». Повсюду народная духовная культура представляет собою больше или

меньше разбитую или, если угодно, осыпавшуюся мозаичную картину, сплошное обследование которой почти нигде не предпринималось. Уже эти два обстоятельства — мозаичное состояние народной духовной культуры и недостаточность ее обследования — исключают категорическое предпочтение одних славянских зон (тем более одной) перед другими. Лучше иметь двадцать не совсем одинаковых или почти не одинаковых мозаичных панно, чем одну мозаичную картину, целостность которой пока что может существовать лишь в чьем-то пылком воображении. Нельзя забывать о том, что любая из этих мозаичных картин многократно и каждый раз по-своему трансформировалась в той или иной части славянского мира. Чем больше картин или состояний народной духовной культуры доступно для наблюдения, тем легче и достовернее можно познать происходившие перемены, открывать закономерности изменений и, стало быть, подготавливать себя к опытам моделирования.

Любая славянская зона может дать интересный «архаический» материал, если его там всерьез искать. Но там, где славяне поселились рано и при прочих равных условиях до сих пор сохранили продуктивную преемственность, мозаичная картина народной духовной культуры осыпалась меньше, чем в других местах расселения славян.

13—14. Эти чрезвычайно важные вопросы требуют специального и подробнейшего рассмотрения.

Все зоны расселения славян следовало бы подвергнуть обследованию одновременно, на единых методических основаниях и по единым комплексным программам. После такого эксперимента и сопоставления полученных результатов, возможно, родились бы и некие новые оценки мозаичного состояния народной духовной культуры по степени сохранения общеславянского наследия в виде его эволюционных производных.

15. Этнолингвистике не следовало бы провозглашать свое методическое всеислие и пытаться подменять собою этнографию и фольклористику. Ее предмет — лингвистические аспекты народной духовной культуры, и только!

Э. А. Рикман (Москва)

6. В этнографии понятие «славянские древности» включает черты культуры славян, освещенные Иорданом, Прокопием Кесарийским, Маркием Стратегом, Феофилактом Симокаттой и т. д. Эти авторы VI—VII вв. описали территорию расселения, общественный строй (родоплеменной с началом классового образования), языческую религию, образ жизни, нравы, военное дело славян периода существования праславянского языка на последней стадии его развития. Данные из «Гетики» Иордана (VI в.) позволяют сделать вывод о существовании этнографических групп праславян: склавинов, венедов и антов¹.

В традиционной культуре восточных, южных и западных славян этнографы должны вскрыть пласт праславянских древностей. Эта сложная задача еще не выполнена, на что обратил внимание В. В. Седов, показавший, что вклад этнографов в изучение этногенеза славянских народов пока очень мал².

«Славянские древности» в археологии конкретны. Они охватывают памятники «пражского» («корчакского») типа, синхронные позднему этапу праславянского языка.

7. «Славянский этнокультурный тип» и «славянское этнокультурное единство» существовали. Это подтверждает археология: небольшие открытые поселения, жилища-землянки с печами-каменками, небольшие грунтовые могильники и курганы с урнами, содержащими остатки трупопожжений, лепная керамика «пражского» и «корчакского» типов складываются в специфическую праславянскую «пражскую» культуру, свой-

¹ Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — Вести. древней истории, 1941, № 1, с. 230—280.

² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 101, 103, 123, 125, 142.

венную земледельцам в условиях родоплеменного строя с зарождающимся феодальным укладом. Эта культура отличается на территории от Днепра до Эльбы и от Припяти до Дуная удивительным единообразием, развиваясь непрерывно несколько столетий.

Исследователи пытаются выявить праславянские древности в черняховской (конец II—IV вв. н. э.) и пшеворской (конец II в. до н. э.—начало V в. н. э.) культурах. Отдельные праславянские элементы выявляются в черняховской культуре Верхнего Поднестровья. Но отыскать цельную праславянскую археологическую культуру этих столетий пока не удалось. Однако существование в Северном Причерноморье праславянской археологической культуры (V в. н. э.), еще недавно отрицавшееся, теперь убедительно обосновано. Памятники праславян V—VII вв. генетически связаны с достоверно славянскими древностями VIII—IX вв. Праславянство для более ранних веков можно выявлять методом сравнения с этими достоверно славянскими памятниками культуры.

Однако единство праславянской культуры V—VII вв. было относительным. Язык праславян в эти столетия дифференцируется на локальные языковые группы и одновременно появляются отличия в праславянских археологических памятниках. Расселение праславян в отдаленные от друга районы вызвало различия в темпах и особенностях развития отдельных племенных союзов. Активное взаимодействие с различными народами (например, с балтами, германцами и тюрками) привело к культурной дифференциации праславянского мира. Наиболее отчетливо региональные различия отразились в праславянской керамике VI—VII вв. Исследователи предполагают даже, что праславянские древности распались на несколько культур³. Такова, например, культура Ипошть-Кындешть-Чурел, носителями которой, в частности, были праславяне. Она объединяет праславянский, византийский и дако-романский компоненты.

³ Русанова И. П. Славянские древности VI—VIII веков н. э. М.: Наука, 1976, с. 5, 197.

Этнография В МУЗЕЯХ

Т. В. Станюкович

МУЗЕИ БОЛГАРИИ

Народная Республика Болгария — страна памятников и музеев. Достаточно походить по улицам ее городов, чтобы убедиться в этом. И в больших и в малых городских поселениях современное строительство прекрасно уживается с памятниками архитектуры. В крупнейших городах Болгарии — Софии, Варне, Великотырнове — они сохраняются для общего обозрения. На местах консервируются и отдельные архитектурные детали — колонны или фрагменты их (капители, базы), величественные руины храмов, общественных бань и других сооружений римского времени и эпохи II Болгарского царства (XII—XIV вв.).

В ряде городов эти памятники культуры не только представляют экспонаты музеев на открытом воздухе, но и используются в современной культурной жизни. В г. Несебре, например, руины античного портика служат естественной декорацией, на фоне которой разворачиваются театральные постановки, выступают эстрадные ансамбли.

В некоторых городах имеются целые кварталы, большая часть которых состоит из хорошо сохранившихся построек, возведенных в период средневековья и так называемого болгарского Возрождения (XVIII—XIX вв.). Такие кварталы поступают под контроль Общества охраны памятников старины и объявляются заповедниками (например, в Пловдиве, Великотырнове и др.). Мало того, в НРБ немало городов-заповедников. Это, как правило, небольшие городки — Несебр, Сазополь, Трявна, Копривщица, Боженцы, Арбанаси. В таких городах или кварталах-заповедниках некоторые здания используются как историко-бытовые или мемориальные музеи (в г. Панагюриште — городской музей и дом-музей «Райна-книгиня», г. Трявна — дом-музей писателя П. Р. Славейкова), а других — размещаются этнографические экспозиции или выставки по народному искусству. Что касается общественных зданий, в частности торговых рядов, часовых башен и др., то они бережно реставрируются и охраняются как типичные архитектурные сооружения, характеризующие облик болгарских городов, главным образом XVI—XIX вв. Аптеки, лавочки, кондитерские (сладкарницы), закусочные сохраняют традиционный архитектурный вид, причем часто в них воссоздается и традиционный интерьер. Так, закусочные имеют духастную планировку на разных высотных уровнях: стены их отделаны деревянными панелями, скамьи, столы и потолки выполнены из букового дерева; пища подается в традиционной глиняной посуде и сервируется на ярко-красных скатертях кустарной работы.

Многие общественные, в частности культовые постройки нередко используются полифункционально: в притворах действующих церквей и мечетей, в особенности тех, осмотр которых включен в туристские маршруты, силами местных музейных работников устраиваются выставки иконописи, декоративной резьбы и росписи различных традиционных школ Болгарии, а в ряде случаев и русской иконописи.

В кварталах и в городах-заповедниках обращается значительное внимание на архитектуру малых форм: охраняются и строятся вновь заборы из дикого камня, выполненные в технике сухой орнаментальной

мадки, колодцы, родники (*чесьмы*). В соответствии с многовековой, но поныне живой традицией последние оформляются особенно тщательно; шпильки и стелы их украшаются орнаментом; наносятся памятные или почитательные надписи, а иногда и имена тех, кто установил их.

Современные сооружения малых форм — книжные киоски, магазины сувениров, автобусные станции (например, в г. Копривщицах) — строятся в соответствии с основным стилем данного комплекса. Единство стиля значительно усиливает впечатление от собственно музейных объектов. Вместе с тем туристы, попадая в эти дышащие стариной заповедники, пользуются прекрасно организованным современным обслуживанием: получают возможность осмотреть экспозицию в составе экскурсии индивидуально, приобрести открытки, диапозитивы, листовки-путеводители, каталоги, изделия мастеров местных художественных промыслов, попробовать блюда болгарской кухни (рис. 1).

Размах собственно музейного строительства в НРБ тем более поражает, что болгарское музейное дело сравнительно молодо: большая часть существующих ныне музеев основана после окончания второй мировой войны. Первые попытки сбора этнографических материалов в Болгарии относятся к 1890-м годам¹ и связаны с именем И. Д. Шишманова, организовавшего в 1892 г. в г. Пловдиве первую этнографическую выставку². Мысль о создании болгарского национального музея в эти годы, однако, не осуществилась: из-за отсутствия помещения и средств экспонаты выставки пришлось раздать дарителям. Первый болгарский Национальный этнографический музей был основан десятилетием позже (1906 г.)³ Мариновым в Софии, а Народный этнографический музей — Пловдив — в 1918 г. С. Шишковым. Первоначально оба эти музея ввиду ограниченности средств пополнялись крайне медленно. Из-за отсутствия подходящего помещения коллекции негде было развернуть, и музеи превратились в склады предметов, мало доступных даже для специалистов⁴.

Вплоть до 1944 г. в стране имелось всего 13 государственных музеев различного профиля (в том числе и упомянутые выше этнографические)⁵. Мало того, большая часть их коллекций была уничтожена во время бомбардировки в период второй мировой войны. В результате в послевоенную эпоху работа по комплектованию этнографических фондов практически началась с нуля.

В настоящее время в НРБ имеется 216 музеев, 200 из которых открыты для обозрения⁶. Столь бурному музейному строительству способствовало создание при Министерстве культуры НРБ специального Музейного института (1956 г.), централизовавшего все виды музейной работы, которая проводится в неразрывной связи с работами по охране памятников природы. В областных центрах НРБ имеется 23 научных группы, включающие 93 младших и 18 старших научных сотрудников.

Музеи имеют двойное подчинение: в методическом отношении их контролирует Министерство культуры; в научном — Болгарская Академия наук. Регулярно издаются разного рода музейные материалы: в 10 путях выпускаются музейные ежегодники, в которых публикуются статьи научно-исследовательского характера, выходят периодическое издание «Музеи и памятники культуры» (4—6 номеров в год)⁷ и общенародские справочники-путеводители⁸.

¹ Исключение составляет так называемый болгарский дар — коллекции, поднесенные русскому правительству (1880 г.) от жителей 26 городов и округов Болгарии, освобожденных от турецкого ига, хранящиеся ныне в Музее антропологии и этнографии АН СССР (Фонды МАЭ, колл. № 372, №№ 1—230).

² Станев И. История на народния этнографски музей Пловдив. Годничник на Народния Етнографски музей — Пловдив. Т. 1. Пловдив, 1970, с. 5.

³ Здесь и далее в скобках указывается дата основания музея или учреждения.

⁴ Станев И. Указ. раб., с. 5—12.

⁵ Кисьов И. Д. Музейте в България (рукопись). Пользуюсь случаем выразить Д. Кисьюву глубокую благодарность за предоставление возможности ознакомиться с рукописью до ее опубликования.

⁶ Райчев М. Г. Музеи, старини и паметници в България. София, 1981, с. 5.

⁷ Кисьов И. Д. Указ. раб., с. 9.

⁸ Райчев М. Г. Музеи, старини и паметници в България. София, 1959, 1981 г.

Рис. 1. Туристическая база «Брышлян», г. Трявна

В Болгарии имеется несколько типов этнографических музеев: специализированные этнографические музеи камерного типа; этнографические отделы центральных и региональных (окружных) исторических музеев; специализированные этнографические музеи на открытом воздухе; музеи-заповедники; историко-бытовые музеи мемориального типа, а также домовенные отраслевые (музеи огородничества, резьбы и росписи, ткачества, рыболовства и т. д.).

В числе музеев первого типа прежде всего следует назвать Национальный этнографический музей при Болгарской Академии наук — София (в его фондах 45 предметов, характеризующих культуру и быт всех регионов страны); Народный этнографический музей в г. Пловдиве, в котором сосредоточены коллекции главным образом по южной Болгарии; этнографические музеи

в гг. Варне, Елхово (они освещают культуру и быт этнических групп и соответствующих округов).

Большая часть музеев помещается в старинных особняках, а центральный — в бывшем царском дворце. Для некоторых музеев были построены по специальным проектам прекрасные современные здания. Среди них особенно хочется отметить интересное здание краеведческого музея в дер. Момчиловцы Смоленского округа и здание Пазаржикского исторического музея. Последнее выстроено в виде каре, центральная часть которого составляет просматривающийся с улицы через железные ажурные ворота открытый двор, где демонстрируется монументальная скульптура.

Экспозиции большей части региональных этнографических музеев, этнографических отделов в окружных и краеведческих музеях построены по следующей схеме: основные занятия населения (земледелие, скотоводство, промыслы), одежда, жилище, утварь, кое-где — пища, обычаи и обряды. Помимо вещественных материалов — орудий труда, изделий из кожи, тканей, (рис. 2) глины, металла — в них широко представлены этнографические материалы — схемы, фотографии, этнографические карты, макеты. Как правило, экспозиции хорошо оформлены в художественном отношении и оснащены специальной музейной мебелью (вертикальными и горизонтальными витринами, стендами и т. д.).

С экспозицией Национального этнографического музея в Софии в целом нам ознакомиться не удалось: в связи с 1300-летним юбилеем создания Болгарского государства многие ее разделы были закрыты, так как экспонаты демонстрировались на международных выставках.

Экспозиция Пловдивского этнографического музея, созданная в 1952 г., имеет большой исторический размах⁹. Во вводной части ее с помощью плоскостных материалов — рисунков, документов, карт — разносторонне отражены этапы развития культуры края от эпохи Возрождения до наших дней. Далее, в разделе «Сельское хозяйство», занимающем основную часть экспозиции, можно познакомиться с различными видами деревянных орудий для обработки почвы (вплоть до современных), с

⁹ См. альбом: «Старый Пловдив». Пловдив, б/д.

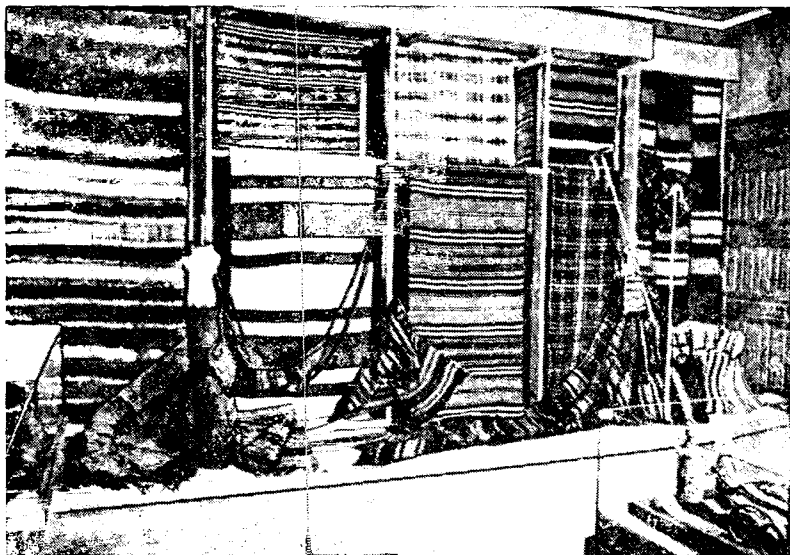

Рис. 2. Деталь экспозиции Пазарджикского окружного музея. Раздел «Ткачество»

и и утварью табаководов, виноградарей, овощеводов, садоводов, ошников.

К сожалению, в данном музее принцип исторического сопоставления не повсюду. Он отсутствует, например, в разделе виноделия, в нем как в других музеях НРБ экспонируются по этой теме памятники, относящиеся к предшествующим эпохам, вплоть до фракийской. Это замечание можно отнести и к разделу одежды. Показу ее посвящен целый зал, по стенам которого в шкафах на манекенах размещены различные праздничные костюмы основных локальных и этнографических групп населения южной Болгарии. В центре зала на горизонтальном подиуме экспонируется прекрасно выполненная этнографическая работа, на которой расставлены миниатюрные мужские и женские фигурки, одетые в национальные костюмы. Однако одежда не рассматривается в историческом, ни в социальном плане: не показаны повседневные формы одежды, нет подразделение ее по сословиям.

Отсутствие принципа исторического сопоставления еще ярче ощущается в разделе промыслов, которые демонстрируются иногда по функциональному принципу, но чаще по предмету, в ряде случаев чисто декоративно, без попытки сгруппировать материал по локальному, хронологическому, конфессиональному принципам, технике изготовления. Между тем возможности для этого имеются в частности в разделе металла, где сосредоточены главным образом украшения из различных регионов, относящиеся к разному времени, в том числе интереснейшие амулеты, формы символика которых восходят к дохристианским представлениям, шаманству и православию. Сопоставление этих экспонатов с графиками и историческими материалами могло бы значительно обогатить экспозицию.

В ряде случаев экспозиции недостает живости и эмоциональности в подборе материала. Это относится, например, к разделу духовной культуры, где демонстрируются прекрасная коллекция музыкальных инструментов (от волынки до фисгармонии), а также маскарадные костюмы и т.д. В то же время хочется отметить и интересный вариант оформления экспозиции, используемый болгарскими коллегами. В одном из музеев в разделе «Духовная культура» на стенде, обтянутом однотонной тканью, накреплены в распластанном виде «завихренные», как бы в вихре танца, народные костюмы, а подле них — в руках невидимых

Рис. 3. Медники за работой. Этнографический музей-парк «Етъра»

музыкантов — народные музыкальные инструменты. Несмотря на то что экспозиция носит ярко выраженный плоскостной характер, она полна динамики, создает иллюзию пластики танца и даже звука!

Этнографический материал из музеев, с которыми нам удалось ознакомиться, наиболее целостно и органично представлен в экспозиции Варненского этнографического музея (1974 г.). Она ограничена во времени отношением («эпоха Возрождения»), однако четкий последовательный план, живость подачи разнородных материалов и разнообразия приемов показа (открытый показ вещественных памятников быта, этнографий, слайдов, графического материала, интерьеров и обстановочных сценок, перемежающихся друг с другом) делают экспозицию интересной и впечатляющей. В ней отражен производственный и домашний быт чрезвычайно пестрого в этническом отношении населения Варненского округа.

Показ начинается с характеристики землевладения и землепользования, господствовавшего в Болгарии в XIX в. Посетителя знакомят с сельскохозяйственными культурами области, орудиями обработки почвы, приемами сбора, транспортировки, обработки и хранения зерновых и бобовых культур, временными сезонными жилищами. Интересен раздел, посвященный виноградарству и виноделию, где находят отражение не только производственный процесс, но также обычаи и обряды, связанные с этим промыслом. Красочные диапозитивы и живо поданная обстановочная сценка делают посетителей соучастниками праздника «Первый день сбора урожая». Отдел завершается показом труда и быта членов артелей по ловле рыбы и сбору мидий.

Следующий раздел экспозиции посвящен домашним промыслам (ткачество, ткачество) и одежде. Демонстрация подлинных предметов сопровождается этнографической картой, показывающей расселение коренного болгарского населения (харцои, войковцы, ченченцы) и переселенцев из Фракии, Македонии, Добруджи и Малой Азии. Каждая из групп представлена не только одеждой, но и традиционными праздниками, в частности обстановочными сценками праздника «Петушин день», праздника фракийских животноводов «Камилы» (с ряжеными в виде верблюдов и масками, напоминающими кукурузу), сценкой свадьбы (невеста в красном платье под красной фатой, а подле нее — дерево, плодородное, украшенное орехами, листьями и цветами).

Большой интерес представляет выставка хлеба и другой ритуальной пищи: каравай на Юрьев день (увенчанный фигуркой пастуха с п

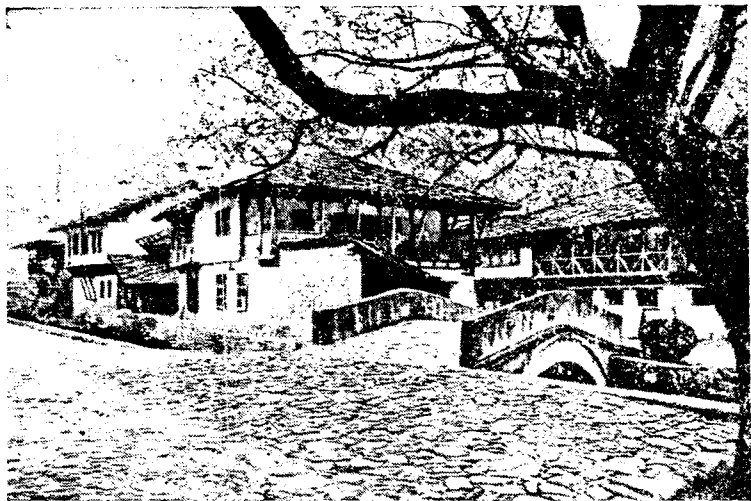

Рис. 4. Вид этнографического музея-парка «Етъра»

хом), «кумов хлеб» (украшенный яблоками и орехами), пасхальные хлеба, ритуальные «калачики», крашеные и расписные яйца.

Находит отражение в экспозиции и быт городских ремесленников (гравировальщиков, медников, бондарей, гончаров, кожевников, портных) и купцов. Здесь также имеются обстановочные сценки, фотопанно и рисунки, приведены сведения об этническом составе населения г. Варны и его главных занятиях. Представление о купеческом быте дает интерьер дома богатого купца, для которого в Болгарии XIX — начала XX в. было характерно смешение собственно болгарского, турецкого и европейского стилей.

На хорошем научном уровне сделана экспозиция Великотырновского этнографического музея. Однако в ней не выдержан единый принцип: часть ее выполнена в историческом плане, другая — в историко-бытовом, третья — в искусствоведческом¹⁰. В музее отражен главным образом городской быт. В то же время быт жителей «округи» подан весьма лаконично.

Здание, в котором этот музей размещен (постоялый двор Хаджи-Николы, 1858), расположено в бывшем торговом квартале в окружении реставрированных и реконструированных мастерских-лавочек и торговых рядов, где продаются изделия местных мастеров. Подобные ряды или мастерские в стиле конца прошлого — начала нынешнего века можно встретить во многих, чаще всего городских музеях, иногда прямо на их территории (например, в г. Панигюриште). Заглядывая в застекленные окна и двери мастерских, зритель может познакомиться с обстановкой, в которой работали мастера, с инструментами и продукцией, традиционной для данного региона (рис. 3).

Наиболее впечатляющая экспозиция, характеризующая в основном производственный быт болгарских ремесленников, находится в Этнографическом музее-парке Етъра, под г. Габрово. Она представляет собой воссозданную по материалам XIX в. улочку ремесленного квартала, которую составляют большей частью подлинные, перенесенные сюда постройки и сооружения (рис. 4): мастерские кожевников, портных, ювелиров, гайтанщиков, медников, гончаров, кузница, мельница, водяная ступа и т. д. В этих мастерских на глазах у публики работают мастера: они куят железо, делают тонкие ювелирные изделия, раскраивают и шьют туфли, костюмы и другие предметы из кожи и замши, вяжут отделочные шнуры для традиционной мужской одежды и другие изделия из

¹⁰ Драганова Т., Спиридонова М. Искусство и народное творчество болгарского Возрождения. Великотырновский округ. София, 1974.

Рис. 5. Общий вид центрального зала в доме Нетковича. *Старый Пловдив*

шерсти, гравируют, режут по дереву, формуют на гончарном круге керамические изделия, ткут и т. д.

В одном из традиционных домов, установленных тут же, можно ознакомиться с интерьером жилища богатого ремесленника и приобрести в его лавочке сувенир; в расположенной поблизости пекарне — попробовать свежеспеченный хлеб, а в кофейне отдохнуть и отведать национальные блюда и напитки.

Особенно интересны различные механические устройства, приводимые в движение водой протекающего по территории музея ручья. Любопытно, что местные жители и сейчас (за небольшую плату) применяют их по назначению. В водяную ступу помещаются ковры, простираются, а затем здесь же вывешиваются для просушки. Используется и водяная мельница, где можно переработать на крупу или муку урожай с колхозного или личного участка. Зрители с интересом наблюдают эти механизмы в действии. Вообще ремесленный и городской быт представлен в музеях НРБ лучше всего, особенно в заповедниках.

Крупнейший заповедник городского быта, с которым нам удалось познакомиться, расположен в одном из старейших кварталов г. Пловдива на высоком холме близ торгового центра — *чершии*. Маршрут экскурсий здесь проходит по крутым, вымощенным крупным булыжником улочкам мимо жилых и производственных построек, возведенных купцами и ремесленниками во второй половине прошлого — начале нынешнего века. Теснясь друг к другу, за высокими каменными заборами располагаются дворiki и традиционные болгарские дома с каменными первыми этажами и выступающими над ними, опирающимися на кронштейны, вторыми

этажами из дерева. В домах такого типа и в настоящее время продолжают жить, работать и сбывать свою продукцию местные мастера — ювелиры, кожевенники, гончары.

На вершине холма возвышается церковь и расположен ряд богатых купеческих домов особнякового типа. Все они сохранились до наших дней (дом Нетковича, Хиндлияна — рис. 5 и др.), за исключением одного (дома Болобанова) — полностью восстановленного по документам. В крупнейшем из этих особняков, некогда принадлежавшем купцу Куюмджюглу, где в центральной части сохранилась резная и расписная отделка интерьера, размещается описанный выше «Народный этнографический музей». В домах Нетковича, Хиндлияна интерьер сохранился более полно. Перечисленные особняки используются не однозначно: в дневное время их демонстрируют экскурсантам как памятники купеческого бы-

Рис. 6. Родопские ковры с длинным ворсом — китеники

та; в вечернее — в них принимают почетных гостей — работников искусства, телевидения и т. п. Здесь проводятся конференции и юбилейные торжества. В некоторых домах одна-две комнаты отведены для ночевки почетных гостей. Особенно хорошо сохранился дом Нетковича, перешедший Министерству просвещения НРБ непосредственно из рук наследников владельца. Обстановка его знакомит с бытом богатых купцов — концессионеров, связанных по роду своей деятельности с Россией и различными странами Западной Европы. В интерьере явственно прослеживаются национальные и интернациональные черты. Здесь, так же как и в ряде других осмотренных нами особняков, сохранилась кухня-столовая с типичной для болгарского традиционного жилища отделкой очага, низким столиком и скамеечками для трапезы и П-образным обрамлением рундуками-мидерами, задрапированными красной тканью. В эркере большинства особняков, кроме того, размещается аналогичным образом оформленное помещение с огромной суфой (*кьошк*). Оно устраивалось на подиуме, застилалось коврами, иногда обрамлялось рундуками, а с внутренней стороны — перилами. Здесь заключались деловые сделки и подавалось почетным гостям угощение.

Наряду с традиционной кухней-столовой в большинстве особняков имеются гостиные и парадные столовые, обставленные венской, французской или английской мебелью. В них можно встретить чугунные, украшенные художественным литьем печи из Италии, фарфоровые изделия из Севра или Мейсена, люстры из Мурано и т. д.

Традиционными элементами в этих помещениях являются декоративные ниши (в них чаще всего ставились вазы европейской работы), а также двери, потолки, пристенные шкафы, выполненные из резко контрастирующего со светлыми стенами букового, орехового или соснового мореного дерева. Их делали искусные пловдивские столяры, стараясь при этом, чтобы ни один мотив орнамента не повторился в интерьере данного дома дважды. Потолки встречаются плоские и объемные (в виде кессонов). Чаще всего они имеют рамочную композицию, заполненную ромбами,

квадратами, шести- и восьмигранниками, звездчатым орнаментом различных типов, а иногда и криволинейным ленточным орнаментом, выполненным накладными веревчатыми или гладкими рейками. В центре потолка часто помещается плафон в виде крупной розетки, называемой «болгарское солнце». Контуры, формы и разработка деталей этих розеток — крайне разнообразны, а варианты их поистине неисчислимы — от простейших розеток звездчатого типа до сложнейших цветочных форм с тонко разработанными лепестками и листьями.

Двери, пристенные шкафы, высокие подиумы делаются как наборными, филеичатыми, так и с накладным орнаментом, причем на последних часто встречаются прорези или рельеф в виде крупных или группы мелких михрабов.

Гармоническое сочетание деревянной отделки из темного, мореного дерева с белой гладью оштукатуренных стен — характерно для Южной и Восточной Болгарии. Оно типично и для более скромных купеческих домов периферии, домов сельской интеллигенции; например Мемориального дома-музея писателя-просветителя Петко Рачева Славейкова (г. Трявна). Единственным декоративным отделочным материалом в этом скромном жилище является мореное дерево, из которого выполнены перила лестницы галерейки, а внутри дома — перечисленные выше элементы. Естественно, разделка их более скромна, господствуют филеичатые формы, тем не менее каждый элемент отделки имеет свой узор.

Как правило, деревом отделывается и внешняя сторона очагов, формы которых в музеях НРБ представлены чрезвычайно разнообразно. Как в богатых, так и в скромных жилищах существовало помещение с очагом открытого типа, где дрова раскладывались на кованую опорную подставку из железа (главарник), а пища варилась в подвесном котле. Формы наверший этих очагов были весьма разнообразными: иногда они делались заподлицо со стеной, иногда имели балдахины самых различных контуров, но и те, и другие часто обшивались деревом.

Из отдельно демонстрируемых домов большой интерес представляет «Констанцалиевата кыша» (архитектурно-художественный заповедник г. Арбанаси Тырновского округа). Это дом-крепость, построенный в XVII в. Толщина его стен достигает 120 см. В нижнем этаже — въезд, конюшня, складские помещения, колодец и хлебная печь, размещенные внутри дома на случай осады. Угрозой нападения объясняется и наличие бойниц и оконных решеток, выполненных не из дерева как обычно, а из железа. Во втором этаже дома — четыре комнаты, в которых сохранился интерьер начала века: кухня-столовая, соба, кабинет, летняя спальня. Здесь также помещение молодой матери (здесь она жила 40 дней после родов). За исключением летней спальни, стены которой отделаны штукатуркой из белой глины, все помещения имеют традиционную отделку из темного дерева.

В заключение хочется дать беглую характеристику еще одного заповедника — с. Боженцы Габровского округа. Из 120 домов, составляющих этот поселок, 100 находятся под контролем Общества охраны памятников, благодаря чему село сохраняет традиционный облик. Основным занятием здешних жителей была торговля шерстью и воском. В экспозицию входят дома торговцев шерстью и мастерская для формовки воска (1815 г.), действующая и по сей день. Особенно интересен дом-музей торговца шерстью и кожей Данчо Попова, позволяющий оценить рациональность габровской архитектуры (миндеры, одновременно служащие для укладки постельных принадлежностей, кьошк, используемый в летнее время для сна, а в зимнее — для хранения зерна, особое устройство дверей). Все эти подробности посетитель узнает из уст экскурсовода, так как, к сожалению, в этом и в других вышеупомянутых памятниках быта текстовый материал и этикетаж излишне лаконичны, а иногда и вовсе отсутствуют.

В Боженцах нам впервые встретился музейный объект, предназначенный для показа быта бедняков, так называемый «Дом вдовы». Экспозиция его, однако, мало убедительна, так как сводится к одной комнате,

что практически не позволяет сравнить этот памятник с домами-усадьбами представителей местных социальных верхов. Между тем возможности для этого в Боженцах имеются: можно было бы показать остальные помещения усадьбы «Дома вдовы», восстановив в них соответствующий интерьер. Аналогичные памятники следовало бы реконструировать и показать и в других районах. Во время нашего посещения НРБ (1981 г.), например, готовился к открытию новый музейный объект в дер. Грудово Бургасского округа — одноэтажный домик и усадьба рядового сельского жителя. Представляется, что целесообразнее было бы вместо развернутой в бытовом комплексе выставки праздничной одежды и ювелирных изделий использовать этот дом и усадьбу для демонстрации повседневного быта небогатого крестьянина. Отсутствие таких памятников приводит к идеализации прошлого и тем самым несколько снижает общий высокий уровень музейно-экспозиционной деятельности болгарских этнографов.

Значительный интерес представляют специализированные музеи НРБ. В их числе следует назвать Музей огородничества (1976 г.) в г. Лясковец Тырновского округа. Экспозиция его размещена в построенном в 1862 г. доме огородника-отходника Хаджиниколдѣва (который зиму проводил на родине, а время полевых работ — в Румынии) и пристроенном к нему современном музейном павильоне, где развернута тематическая экспозиция. Дом и двор характеризуют типичную усадьбу данного района, где хозяйственными занятиями жителей были преимущественно виноградарство и виноделие. Кроме жилых помещений, здесь демонстрируются орудия труда и утварь виноделов — инструменты для подрезки лозы, постова и короба для «топтанья винограда», бочки и т. д. На усадебном участке, засаженном виноградом, воспроизведено в натуральную величину водоналивное колесо для полива, воссозданное по образцу аналогичного устройства, бытовавшего в дореволюционную эпоху у болгар-огородников Украины (Херсонская губерния). Под навесом, в т. ч. *стасе*, размещены орудия обработки почвы, теплицы для рассады, веялка для семян, связки лука, чеснока, перца и различных трав для приправы, которые огородники выращивали и сбывали на рынках.

Новая пристройка занята экспозицией, посвященной огородникам-отходникам, число которых ежегодно росло и в 1916 г. достигло 16 тыс. чел. Основная масса их работала в России, Австро-Венгрии, Турции, меньшая — в США и Австралии. В этой экспозиции раскрывается роль огородников в развитии культуры земледелия в Болгарии и других странах, куда они переселились, показываются формы труда и социальные отношения, распространенные в их среде, отражается их роль в освободительном и революционном движении. Своеобразным путеводителем по музею является брошюра М. Шаловаровой и В. Мутафова «По света за ксьче хляб» (София: Земиздат, 1977).

Интереснейший музей ткачества (1972 г.) расположен в дер. Могилыше Смолянского округа в самом центре Родоп в двухэтажном доме местного помещика (1890 г.). Он представляет собой дом-крепость с толстыми каменными стенами, стоящий за высоким каменным забором. Центральную часть помещения занимают огромные коридоры — залы, предназначенные для разматывания и насновывания пряжи — в родопских селениях из-за частых военных инцидентов открытых дворов, как правило, не было. По сторонам холла первого этажа — ряд производственных помещений, предназначенных для прядения шерсти, для окрашивания ее и для плетения тесьмы. Здесь в заправленном виде демонстрируются орудия труда — горизонтальный стан для тканья ковров-половиков и *губеров* (ковров, выполненных узловой техникой с односторонним длинным ворсом, напоминающим овчину), вертикальный — для тканья паласов браной техникой на подножках и тесьмы на 2—6 дощечках, огромные чаны для окрашивания шерсти и разнообразные прялки, в том числе многорожковые прялки для коллективного прядения. Здесь же расположена кухня с круглым деревянным столом — *софра* токарной работы и разнообразной посудой из дерева, имевшей широкое распространение в Ро-

допах. Во втором этаже сохранен интерьер нескольких парадных помещений — отделанных темным деревом (гостиная, деловой кабинет) и в изобилии украшенных родопскими длинноворсыми коврами (*китеника-ми*) (рис. 6).

В остальных комнатах по региональному принципу демонстрируются ковры. Среди них особенный интерес представляют изделия из златоградского района — полосатые паласы, выполненные в теплой коричнево-бежевой гамме и моленные настенные коврики болгар-мусульман, украшенные мелким геометрическим орнаментом, иногда включенным в рамку, напоминающую михраб, но называемую *огледало* (зеркало). Для Доспадского района характерны ковры из естественно окрашенной шерсти, чаще всего полосатые, однотонные ковры *чиливе* из козьей шерсти с длинными кисточками из разноцветной шерсти, разбросанными по всему полю. Эти ковры предназначались главным образом для детей, которые развлекались, играя с кисточками. Там же экспонируются однотонные одеяла белого, коричневого, реже красного цвета из овечьей шерсти. Ковры и паласы, изготовлявшиеся в самой дер. Могилище, также чаще всего имеют полосы, однако орнаментация их более сложна и разнообразна: гладкие полосы обычно перемежаются с полосами, украшенными ромбическим (*хамицы*) орнаментом, причем степень пестроты их от XIX к XX в. значительно возрастает. Совершенно иного типа ковры характерны для изолированно расположенной родопской дер. Забордо. Они яркосиние с желтыми, красными или зелеными полосами. В центре их вытканы медальоны с фигурами *арле* (орел) или *макаси* (ножницы). Здесь также чаще всего преобладает синий цвет, который широко применяется и при изготовлении скатертей.

Во всех разделах этого музея экспозиция построена по историческому принципу.

Имеется в НРБ и ряд менее крупных, однако чрезвычайно интересных по своим материалам музеев. В числе их следует назвать Музей резьбы и росписи по дереву в г. Трявна (1963 г.) — древнем и поныне функционирующем центре деревообрабатывающего и иконописного мастерства. Карта, помещенная в начале экспозиции, показывает, что мастера трявненской школы работали над заказами в самых различных районах Болгарии. Они украшали резьбой иконостасы, изготовляли резной убор интерьера церквей и особняков, делали декоративные трости, ложки и многое другое. Основными мотивами резьбы трявненской школы являются развитые растительные формы, отличающиеся неисчислимым разнообразием. В музее демонстрируется инструментарий — оборудование и химикалии, применявшиеся в промысле, подлинные предметы, украшенные резьбой и росписью, фотографии и графические изображения интерьеров, выполненных трявненскими мастерами. Музей знакомит также с родословными крупнейших династий трявнинских мастеров и их личными вещами. К сожалению, экспозиция в целом построена по предметно и не имеет исторической перспективы: большая часть экспонатов расположена вне комплекса, произвольно и не снабжена датировкой.

Заканчивая краткий обзор этнографических и историко-бытовых музеев Болгарии, хочется, прежде всего, выразить восхищение огромной и плодотворной работой музейных работников по сбору памятников культуры городского и сельского населения страны за истекшее сорокалетие. В большей части музеев коллекции экспонированы со вкусом и выдумкой. Однако нельзя не отметить малую историчность экспозиций и недостаточный показ социальных контрастов в культуре сельского и городского населения Болгарии XIX — начала XX в.; не получил должного отражения быт рабочих и крестьянского большинства. Недостатки эти объясняются как молодостью музейного дела в НРБ, так и сложностью построения экспозиции по ряду тем, например по рабочему быту. Над методикой создания таких экспозиций уже не одно десятилетие трудятся и советские этнографы.

Вместе с тем следует отметить, что опыт музейного строительства в Болгарии в ряде вопросов заслуживает всемерного внимания и может оказаться полезным для развития музейного дела в других странах. Прежде всего это относится к объединению средств и усилий различных учреждений НРБ (Академии наук, Министерства культуры, Общества охраны памятников, профсоюзов, строительных организаций) для создания заповедников, камерных музеев, музеев на открытом воздухе, превращения в музеи исторических зданий, возведения специально для музеев построек по оригинальным проектам.

Научная организация собственно музейного дела в НРБ хорошо продумана: Центральная дирекция Музейного института планирует и координирует деятельность региональных групп, состоящих из опытных этнографов, которые под научным и методическим контролем Академии наук и Министерства культуры осуществляют экспозиции этнографических музеев, этнографических отделов окружных и краеведческих музеев, зарубежные выставки по культуре и быту болгарского народа.

В заключение необходимо подчеркнуть, что интересный и поучительный опыт показа культуры и быта ряда слоев городского населения (купцов, ремесленников), накопленный музейными работниками НРБ, будет полезен советским этнографам, еще не имеющим большого стажа создания заповедников и историко-бытовых музеев, посвященных данным социальным и профессиональным группам.

Р. Г. Кузеев, А. Х. Пшеничнюк, Н. В. Бикбулатов
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
БАШКИРСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

В исследовании истории и культуры народов, в пропаганде археологических и этнографических знаний значительная роль принадлежит музеям. В последнее время число их в стране заметно увеличилось. Появились новые специализированные археолого-этнографические музеи (в Алма-Ате, Душанбе, Новосибирске и других городах), различного рода мемориальные комплексы и музеи под открытым небом.

Недавно начал функционировать Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР в г. Уфе (структурно он входит в состав Института истории, языка и литературы БФ АН СССР — далее ИИЯЛ). К организации этого музея приступили в 1976 г., а в январе 1981 г. его экспозиционные залы были открыты для посетителей¹. К этому же времени фонды музея были подготовлены для научно-исследовательской работы.

Музей расположен на первом (встроенном) этаже девятиэтажного жилого дома (ул. Аксакова, 7), находящегося в старом центре Уфы близ Башкирского государственного университета. Площадь музея — 1160 м², в том числе экспозиции занимают 600 м², фонды-хранилища — около 300 м².

Создание Музея археологии и этнографии БФ АН СССР явилось закономерным итогом многолетних плодотворных археологических и этнографических исследований, ведущихся на Южном Урале. Этот регион — один из центров зарождения скотоводства и земледелия, в III—II тыс.

¹ Следует отметить большой вклад в создание музея многих его сотрудников, художников, архитекторов. Помещение, занимаемое музеем, первоначально предназначалось для других целей, поэтому его пришлось коренным образом перестраивать. Перепланировка помещения для экспозиционных залов, внутренняя отделка и организация общего интерьера музея, конструирование шкафов-витрин и подиумов, крепление экспонатов и другие инженерно-технические работы выполнены группой дизайнеров во главе с В. Л. Матулайтисом. Все художественно-графические работы осуществлены В. Д. Диановым, А. А. Хлоповым и А. В. Веселовым.

до н. э. превратился в крупный очаг медно-бронзовой металлургии. Начиная с этого времени он надолго стал зоной хозяйственных и этнических контактов и взаимодействий двух культурных миров: уральских (финноугро-самодийских) племен Севера и индоевропейских (индоиранских) племен Юга. Во второй половине I тыс. н. э. индоиранские племена сменялись алтайскими (преимущественно тюркскими) по происхождению. Смешение и взаимодействие тюркских, позже (в меньшей степени) монгольских мигрантов с уральским населением были основными факторами этнокультурной истории и процессов этногенеза на территории от Волги до Урала вплоть до середины II тыс. н. э. После присоединения к России в середине XVI в. определяющую роль в истории края начинает играть, особенно в XVII—XVIII вв., восточнославянское (русское и украинское) население, которое вступает в активные культурные и этнические контакты с финно-угорскими и тюркскими этническими образованиями. В ходе этих контактов и взаимодействий были заложены основы тех направлений в этнической и культурной истории местных народов, которые получили наиболее полное развитие уже на новой, международной основе, после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Отмеченные процессы этноисторического развития Урало-Поволжской области составили концептуальную основу организации музея и определили, в конечном итоге, его научный профиль. Они же в целом обусловили необходимость концентрации в фондах музея материалов, в которых нашли отражение главнейшие события этнической и культурной истории региона. Археологические коллекции музея отвечают этому требованию; накопление же этнографических материалов — одна из первоочередных задач музея, о чем будет сказано ниже.

Археологические фонды музея сложились главным образом из материалов, собранных экспедициями ИИЯЛ в 1950—1970 гг. Наиболее представительны коллекции по эпохе развитой бронзы (раскопки К. В. Сальникова, В. С. Стоколоса, А. Х. Пшеничнюка, Ю. А. Морозова), по раннему железному веку (раскопки Г. В. Юсупова, Т. Н. Троицкой, М. Х. Садыковой, А. Х. Пшеничнюка, Н. А. Мажитова, Б. Б. Агеева), раннему средневековью (раскопки Н. А. Мажитова, В. А. Иванова). Однако этих коллекций Института оказалось недостаточно для археологической характеристики всех основных периодов древней и средневековой истории края. Особые трудности возникли при создании фондов по эпохе камня. В научных учреждениях Башкирии не было специалистов-археологов по каменному веку. Этим периодом на Южном Урале занимались ученые Москвы и Ленинграда — вначале Л. Я. Крижевская, затем О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин и др., и полученные ими материалы находились, естественно, в хранилищах Института археологии АН СССР. По просьбе Башкирского филиала АН СССР эти коллекции были переданы в фонды музея. Кроме того, были получены материалы по эпохе бронзы (из раскопок А. В. Збруевой и Б. Г. Тихонова — Институт археологии АН СССР, Москва), по раннему средневековью (из раскопок В. Ф. Генинга — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР). Часть своих коллекций музею передали Башкирский государственный университет и Башкирский педагогический институт.

В настоящее время археологические фонды музея (зав. фондами Н. Г. Рутто, главный хранитель В. А. Иванов) насчитывают 750 коллекций. Размеры их различны: в одних коллекциях — по 10—20 вещей, в других — по несколько тысяч. Всего в археологических фондах более 120 тыс. вещей — изделий из глины, камня, кости, металла, стекла. На сегодняшний день археологические фонды музея располагают наиболее полным в СССР собранием материалов по эпохе камня Южного Урала, а также по эпохам бронзы и средневековья Западного Приуралья. Большая часть известного материала по культуре ранних кочевников региона также сконцентрирована в музее.

В музейных фондах хранятся материалы таких ставших уже эталонными для южноуральской археологии памятников, как Смеловская пе-

ра, Давлекановская стоянка, стоянка Янгелька, а также Синташтин-III, Старо-Ябалаклинский, Старо-Киишкинский, Охлебининский, Кузевский, Бирский, Лагереvский, Бекешевский могильники и др. Ежегодно археологические фонды пополняются новыми коллекциями.

Иначе обстоит дело с этнографическими фондами музея. До начала работ по созданию музея ИИЯЛ располагал лишь небольшой коллекцией, включавшей главным образом предметы декоративно-прикладного искусства башкир (более 50 предметов). Все они были приобретены в разные годы этнографом С. Н. Шитовой во время экспедиционных поездок по Южному Уралу.

В процессе организации музея приступили к систематическому сбору этнографических материалов. С этой целью в 1976—1980 гг. был проведен ряд специальных экспедиций (только в одном 1977 г. работало четыре экспедиции)². К концу 1980 г. этнографические коллекции музея включали 565 единиц хранения.

В ходе собирательской работы приходилось преодолевать различного рода трудности. Так, на всей территории расселения башкир не оказалось ни одной юрты (*тирма*), столь характерной для прошлого кочевнического быта. Юрта была специально изготовлена жителями дер. Абдулмбетово Абзелиловского района, в котором выезды на летние кочевья прекратились лишь в 1920-е годы. Разборный каркас, состоящий из решетчатых щитов (*киреэз*), купольного конуса (*сагарак*) и соединяющих жердей (*ук*), соорудили пожилые колхозники Зулькарнаев Рахимьян Абдулгалин Габсалим с полным соблюдением традиционных конструктивных особенностей всех деталей и технологии. Р. Зулькарнаев еще подростком вместе с отцом строил юрту, а позднее неоднократно разбирал и собирал ее и благодаря редчайшей памяти помнил наименования всех деталей юрты и ее убранства. Под его руководством женщины этой деревни изготовили войлоки соответствующих форм для покрытия юрты, плетеные веревки и бечевки. В Абзелиловском районе было приобретено все необходимое для интерьера юрты, а также многие предметы сковавшегося хозяйства и кочевнического быта башкир.

Участники экспедиций стремились получить материалы, всесторонне отражающие жизнь и быт народа. Предпочтение отдавалось наиболее ярким и характерным формам материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. Поэтому собранные за четыре года коллекции, хотя и не столь большие по числу предметов, оказались довольно представительными и беспечили, в конечном счете, хорошую информативность и выразительность экспозиций, однако отдельные аспекты культуры и быта пока охарактеризованы с разной степенью полноты. Среди собраний музея выделяется коллекция женских ювелирных украшений—различные локальные типы коралловых нагрудников, косных, шейно-ушных украшений, ожерелья, браслеты, перстни и т. д. Разнообразными формами представлена деревянная резная утварь, изделия ручного ткачества, вышивки. В западных районах Башкирии приобретен богатый набор паласно-ковровых изделий.

Сбор этнографических материалов продолжался и после открытия музея. Особенно продуктивным оказался летний сезон 1982 г.: четырьмя экспедиционными отрядами было приобретено около 300 предметов народного быта. В 1983 г. получено 238 предметов. В последние годы в собраниях музея появились коллекции по другим народам республики, в частности по марийцам и украинцам. В сборе материалов участвуют учащиеся школы-интерната № 1 г. Уфы³.

В целях обеспечения планомерного сбора материалов, всесторонне характеризующих жизнь народа, в ИИЯЛ разрабатывается каталог предметов народного быта, подлежащих музейному экспонированию. Каталог, который одновременно будет и методическим пособием для со-

² Муллагулов М. Коротко об экспедициях.— Сов. этнография, 1979, № 5.

³ Следует отметить, что они под руководством преподавателя географии З. В. Хисматуллиной создали в своей школе замечательный Историко-этнографический музей, который пользуется широкой популярностью в республике и за ее пределами.

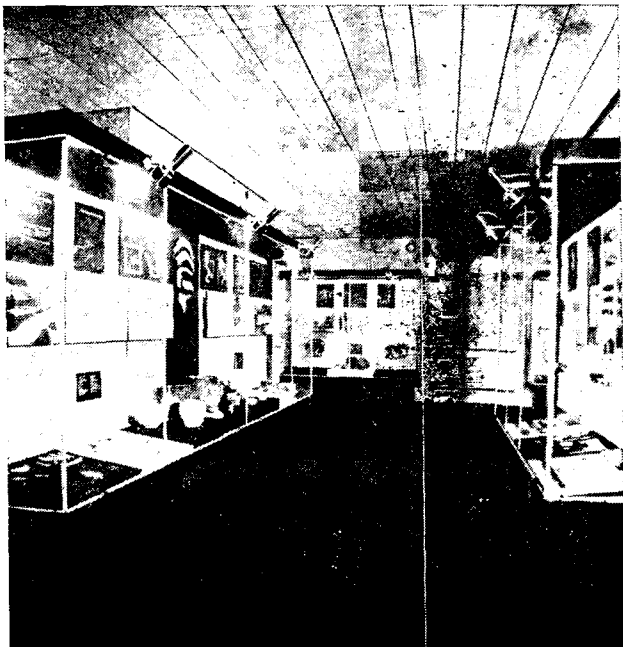

Рис. 1. Фрагмент экспозиции материалов по эпохе бронзы и раннего железа

бирателей, предусматривает реконструкцию исчезнувших форм материальной культуры. В сборе экспонатов и составлении каталога принимают активное участие сотрудники сектора этнографии ИИЯЛ С. Н. Шитова, Л. И. Нагаева, М. Г. Муллагулов, сотрудники Музея археологии и этнографии С. Х. Долотказина, Н. Ф. Гайнуллина, а также аспиранты Ф. Ф. Исламова, В. Я. Бабенко и др. В музее есть и антропологические коллекции (более 700 ед. хр.). Основу их составили краниологические серии со старых башкирских кладбищ, раскопанных Р. М. Юсуповым в 1977—1980 гг. Краниологические фонды систематически пополняются (сборы антропологических и археологических экспедиций последних лет).

Накопление в фондах музея многочисленного материала, особенно археологического, потребовало четкой организации внутримузейной работы. Еще в процессе создания музея была произведена раскладка предметов по коллекциям, сверка их с коллекционными описями, разработана система хранения коллекций с учетом их объема, габаритов, категорий вещевого материала и т. д. Все данные о фондовых коллекциях занесены в систему перфокарт и закодированы. Внедрение современной методики учета и каталогизации музейных материалов позволило создать благоприятные условия для работы исследователей. В фондах музея имеется специальный архив, в котором хранятся все документы раскопок того или иного памятника: полевые планы, чертежи и кальки с них, фотографии, негативы, научные отчеты. Планируется получить копии отчетов археологов не только Уфы, но и других городов, проводивших когда-либо раскопки на территории Южного Урала. Разработана также система учета и описания этнографических материалов.

При музее с 1977 г. функционирует Лаборатория реставрации и консервации (реставратор Ф. Г. Измайлова), которая подготовила для экспонирования и хранения большое число изделий из металла, кости, стекла. Надо сказать, однако, что музей уже начинает испытывать трудности в организации хранения и обработки фондовых материалов, количество которых с каждым годом увеличивается. Изыскиваются возможности для создания лаборатории по консервации и реставрации изделий из дерева, тканей и кожи, антропологической лаборатории, для расшире-

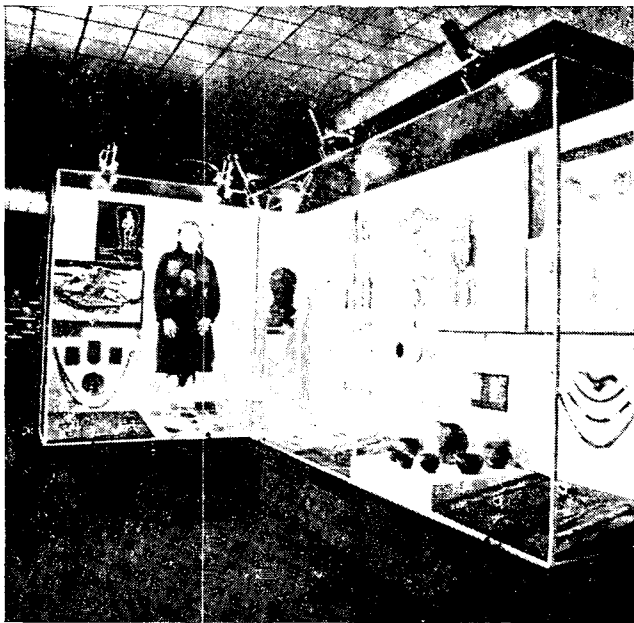

Рис. 2. Фрагмент экспозиции материалов по эпохе раннего железа

ния хранилища этнографических предметов с учетом их материала, форм и размеров.

Экспозиции музея занимают семь залов, в которых демонстрируются 11 тыс. предметов (зав. экспозициями Ю. А. Морозов). В основу экспозиций была положена концепция исторического развития народов Южного Урала и Приуралья с древнейших времен до позднего средневековья, закономерной смены здесь социально-экономических формаций, этнических образований и культур. В пяти археологических залах музейными средствами (предметы, фотографии, рисунки, схемы, планы и т. д.) показана последовательная смена исторических эпох — от происхождения человека и заселения им территории Южного Урала до зарождения частной собственности, возникновения классов и первых государственных образований. При организации экспозиции материал компоновался преимущественно по тематическому принципу. Экспонаты подбирали с таким расчетом, чтобы по возможности наиболее полно охарактеризовать все стороны жизни населения того или иного периода: хозяйственные занятия, поселения и жилища, искусство, религиозные воззрения и т. д. Одновременно использован метод демонстрации отдельных комплексов, как правило, вещевое материала с одного памятника, чаще — одного погребения. Такой подход позволил развернутую общую характеристику археологических культур конкретизировать до уровня отдельных памятников и погребений, а также представить разные стороны жизни древнего населения, в частности погребальный обряд.

Большинство экспонатов музея — подлинники; лишь в зале антропогенеза и палеолита использованы материалы, изготовленные в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР и отражающие первобытную технику обработки каменных орудий. В зале каменного века неизменно вызывают интерес макет двух стен пещеры Шульган-Таш (Каповой) с палеолитическими рисунками и череп мамонта, найденный на территории Башкирии и реконструированный в Зоологическом музее АН СССР (г. Ленинград). В зале эпохи бронзы выставлены редкие экспонаты из могильника Синташ-Та (Зауралье), в котором впервые на Южном Урале зафиксированы остатки древнейшей колесницы (середина II тыс. до н. э.), бытовавшей, очевидно, у индоиранских племен. В залах раннего железного века и раннего средневековья использован

Рис. 3. Фрагмент этнографической экспозиции

прием параллельного показа культур оседлого населения лесной полосы Приуралья и кочевых племен степного юга. Здесь привлекает внимание богатый набор керамической посуды сарматской эпохи.

Два зала отведены под этнографические экспозиции (логически завершающие археологические), цель которых — показать традиционные черты культуры башкир, главным образом кочевнический быт и наиболее архаические особенности материальной культуры и декоративного искусства.

В первом этнографическом зале выставлен любопытный памятник, который как бы сочетает в себе культурные традиции двух эпох. Это каменная надмогильная плита, переданная школьным музеем с. Чекулашево Башкирской АССР. На камень нанесено множество знаков, большинство которых аналогично буквам древнетюркской рунической письменности. Значительно позже, в XIV в., поверх этих знаков арабским письмом выполнена обычная эпитафия. Древний слой руноподобных знаков на плите указывает на глубокие корни культуры башкир в Азии. Об этом же свидетельствуют и руноподобные знаки, обнаруженные в 1981 г. на скалах и камнях в дер. Ташлы Альшеевского района Башкирии.

В витринах того же зала демонстрируются снаряжение всадника-воина и охотника, боевое и охотничье оружие, территориальные комплексы старинного женского костюма, наборы украшений из кораллов, серебра и цветных камней. Заметно оживляют экспозицию изображение башкирского воина начала XIX в. (репродукция картины А. О. Орловского) и фотоснимок верхового охотника с соколом.

Центральное место во втором этнографическом зале занимает войлочная юрта, интерьер которой детально воспроизводит убранство жилища скотовода-кочевника. В установке юрты и создании ее интерьера приняли участие уже упоминавшиеся Р. Зулькарнаев и Г. Абдулгазин. При этом, разумеется, были использованы и имеющиеся в научной литературе описания юрты, полевые материалы, фотоснимки начала XX в., сохранившиеся в Государственном музее этнографии народов СССР и Венгерском Этнографическом музее. В двух шкафах-витринах представлены инструменты для резьбы по дереву и резные изделия (в частности, разнообразный набор деревянной утвари), образцы декоративного искусства (узорное ткачество, вышивки, аппликации). На подиуме, зани-

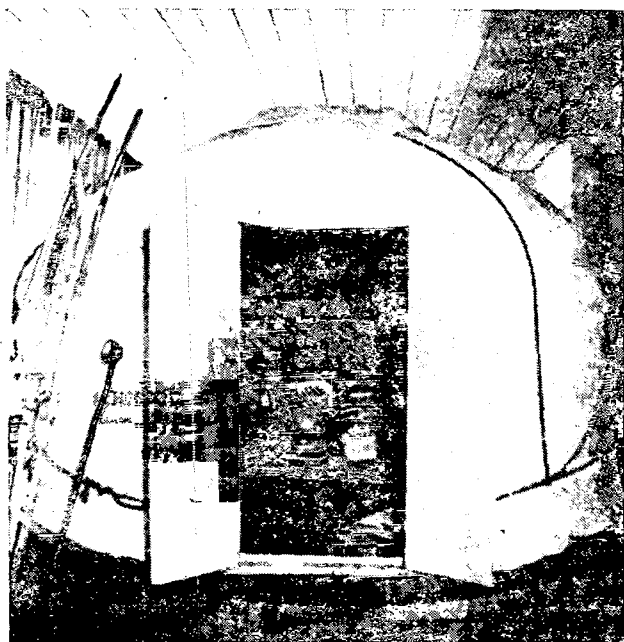

Рис. 4. Войлочная юрта

нающем широкую нишу, выставлены предметы, рассказывающие о традиционных занятиях башкир — скотоводстве, пчеловодстве, земледелии и т. д. В этом зале, как и в других, широко использованы увеличенные фоторепродукции, рисунки.

Надо отметить, что в этнографических залах экспонируются также материалы Государственного музея этнографии народов СССР, Башкирского государственного художественного музея им. М. В. Нестерова, Башкирского республиканского краеведческого музея, Мендяновского (Альшеевский район) и Чекмагушевского школьных музеев.

В музее открыт специальный зал «Находки года», используемый для временных выставок. Летом 1982 г. в нем была развернута выставка «425 лет добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству». На ней были представлены башкирские шежере (генеалогии) о присоединении башкирских племен к России, рукописные книги восточного происхождения, свидетельствующие о культурных связях средневековой Башкирии со Средней Азией и восточными странами, старопечатные книги на церковнославянском и русском языках, а также исследования, документальные сборники, посвященные историческому значению добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству.

В настоящее время в этом зале размещена выставка, рассказывающая об открытиях и находках археологических и этнографических экспедиций 1981—1982 гг.

Музей открыт для посетителей три дня в неделю. Осмотр экспозиций осуществляется в большинстве случаев организованно, экскурсиями, тематика которых (экскурсоводы Н. Ф. Гайнуллина, Н. Н. Моисеева, С. Х. Долотказина) становится все более разнообразной. Помимо обычных экскурсий, знакомящих посетителей с экспозициями музея, организуются тематические, посвященные отдельным периодам древней истории (каменный век, эпоха бронзы, кочевники раннего железного века), металлургии, происхождению религии, этногенезу башкир и т. д. Со дня открытия музея проведено более 600 экскурсий. За это время музей посетило около 15 тыс. человек, большая часть их — школьники и студенты. Нередки в музее и гости из других республик СССР, а также из зарубежных стран (Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Югославия, Монголия, Замбия и др.).

Лекционный зал музея, вмещающий 50 человек, оснащен аппаратурой для демонстрации узко- и широкоплеченочных фильмов, слайдов и других иллюстративных материалов. Здесь читаются лекции для школьников и студентов, обсуждаются научные доклады с показом кинофильмов, экспедиционных фотоснимков. В фильмотеке музея пока всего две законченные киноленты — о традиционных народных празднествах башкир «Сабантуй» и «Каргатуй». В 1982 г. снят фильм «Восточные маришцы», ведутся съемки танцев народов Башкирии, археологических раскопок.

Музей начинает играть заметную роль в научной жизни Башкирского филиала АН СССР. На его базе периодически проводятся семинары по проблемам социальной и этнической истории Южного Урала, в которых участвуют преподаватели Башкирского государственного университета и Педагогического института, специалисты из других научных центров. Летом 1981 г. в музее работала секция археологии Всесоюзной конференции по четвертичной геологии. В мае 1982 г. состоялось совещание археологов Уфы и Казани, посвященное подготовке шеститомного труда «Археология Среднего Поволжья и Приуралья», в ноябре 1982 г. — совещание по итогам полевых археологических исследований 1981—1982 гг. на Южном Урале, в 1983 г. — совещание по проблемам средневековой археологии Урала и Поволжья.

Научно-методическое руководство деятельностью музея осуществляет Совет музея (председатель Р. Г. Кузеев), в который кроме сотрудников ИИЯЛ входят представители Башкирского университета, Педагогического института, Министерства культуры Башкирской АССР, Башкирского республиканского краеведческого музея и Башкирского отделения ВООПИК. Совет утверждает текущие и перспективные планы музея, заслушивает отчеты о его деятельности, обсуждает наиболее актуальные научные доклады. Участие в работе Совета представителей вузов и других учреждений способствует координации археологических и этнографических исследований в республике.

С. Б. Лебедев

**А. Н. ПЫПИН И ЕГО ПРОЕКТ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА БАЛКАНЫ**

На протяжении всей общественной и научной деятельности Александра Николаевича Пыпина (1833—1904 гг.)¹ славянство во многих аспектах: этнография, история, литература, фольклор, язык, культура, памятники письменности и истории — привлекало его внимание. В своих многочисленных публикациях исследователь поставил и обосновал вопрос об общественной значимости славяноведения, указав на тесную связь славистики с развитием национального самосознания. Пыпин с демократических позиций подходил к проблеме так называемой «славянской взаимности». Он был сторонником национальной независимости братских народов, поддерживал борьбу славян, не имевших своей государственности, за национальное самоопределение. Постоянно подчеркивая наличие общих элементов в культуре славянских народов, ученый неоднократно заявлял о себе как о противнике «панславистской идеи».

События 1875—1878 гг. на Балканах усилили внимание А. Н. Пыпина к вопросам славистики. Он активно включается в обсуждение славянского вопроса на страницах печати, участвует в целом ряде общественных начинаний. Огромна роль А. Н. Пыпина в ознакомлении русского общества как с современным ему состоянием славянского мира, так и с его историей, культурой, литературой. В период с 1875 по 1876 г. он более 50 раз выступает со статьями, рецензиями, заметками в журнале «Вестник Европы», в котором возглавлял отделы науки и библиографии. Пыпин старался привлечь на страницы «Вестника Европы» крупнейших славистов своего времени. Так, например, он сообщал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу 27 августа 1875 г.: «Сейчас получил сведения еще об одной статье, предлагаемой для „В[естника] Е[вропы]“; это Ровинский, еще из его исследований по Сербии, с общим содержанием, что по настоящему времени очень кстати»². «Мне казалось, — писал Стасюлевичу Пыпин 17/29 июля 1876 г., — нелишне бы поместить в „Вест[нике] [Европы]“ нечто по поводу балканских событий... и мне опять пришла в голову статья Драгом[анова] о Болгарии... Было бы любопытно и другое: собрать по возможности выходящие книги и брошюры о Болгарии etc., фран[цузские], немецкие, английские, и делать целый обзор этой литературы»³.

¹ Барсков Я. Л. Список трудов академика А. Н. Пыпина. 1853—1903. СПб., 1903; Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук. Пг., 1917, ч. II, с. 72—121; Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.-Л., 1959; Мыльников А. С. Пыпин Александр Николаевич. — В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 286—289, Библиография.

² Отдел рукописей Ин-та русской литературы АН СССР (далее — ИРЛИ), ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, № 26.

³ Там же, № 32.

В 1879 г. выходит первый том «Истории славянских литератур», в котором рассматривается литература южных и восточных славян (за исключением русской литературы). В книге охвачен литературный процесс за тысячелетний период исторического развития этих народов. «История» представляла собой значительно дополненный и переработанный «Обзор истории славянских литератур» (1865 г.)⁴.

Книга нашла горячий отклик в славянских странах. «Искреннейше благодарю Вас с первым томом „Истории славянских литератур“, который прочел с наслаждением... Многие из моих соотечественников желают увидеть этот Ваш труд переведенным на болгарский язык, что надеюсь и будет сделано...», — писал Пыпину 25 ноября 1879 г. М. С. Дринов⁵. Председатель болгарского народного собрания Антим Видинский в телеграмме на имя А. Н. Пыпина от 24 марта 1879 г. сообщал из Тырново: «Вашими трудами по болгарской истории и литературе, защитой болгарского народа перед многочисленными недрузьями, а клеветниками, в печати по вопросам о правах и характере современных болгар, вашим неизменным и бескорыстнейшим сочувствием болгарскому народу — вы приобрели право на глубокое уважение и искреннюю благодарность всех болгар. Исполняя желание болгарского населения в княжестве, народное собрание благодарит вас за все вышепоименованные услуги и приносит вам свои собственные почтения»⁶.

Появление в 1880 г. на страницах «Известий императорского Русского географического общества» записки А. Н. Пыпина «Предложения об историко-этнографическом изучении южно-славянских земель, особенно Болгарии»⁷ и события, связанные с ней, явились заметной страницей в истории отечественной славистики конца 70 — начала 80-х гг. Эта сторона деятельности А. Н. Пыпина специально не рассматривалась, хотя некоторые аспекты ее затрагивались в ряде публикаций⁸.

В конце 1876 г. произошла встреча А. Н. Пыпина с князем В. А. Черкасским⁹, «которого молва уже назначила будущим гражданским правителем Болгарии», — писал в марте 1878 г. А. Н. Пыпин А. Н. Веселовскому, — ...я высказывал кн. Черкасскому свои мысли о том, как необходимо и в высокой степени полезно было бы изучение Болгарии в историко-этнографическом отношении, полезно и для нас, и для освобожденных болгар. Он просил меня изложить эти мысли в записке, что я и сделал в ноябре 1876 года»¹⁰.

В «Записке», направленной кн. В. А. Черкасскому, А. Н. Пыпин доказывал необходимость незамедлительной организации экспедиции, с

⁴ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879, т. I; *и др. же*. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

⁵ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 81; Марин Стоянов Дринов (1838—1906 гг.) — выдающийся славист, болгарин, профессор Харьковского университета. В 1877—1878 гг. входил в состав временной русской администрации, был вице-губернатором Софии; в 1878—1879 гг. исполнял обязанности Министра народного просвещения Болгарии.

⁶ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 54; текст телеграммы опубликован с искажением в «Вестнике Европы», 1879, май, с. 436.

⁷ Пыпин А. Н. Предложения об историко-этнографическом изучении южно-славянских земель, особенно Болгария (1876 г.). — Известия императорского Русского географического общества, 1880, т. XVI, в. 1, отд. II, с. 1—11; то же. Отдельный оттиск, 11 с. (далее — «Записка»).

⁸ Гагин В. Спомена моего живота. Београд, 1930, т. I; Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М.—Л., 1963, с. 167—168, с. 398—399 (комментарий Г. П. Блок); Мельц М. Я. А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян. — Русский фольклор. Народная поэзия славян. В. VIII, М.—Л., 1963, с. 369; Матвеева Т. П. К истории русско-болгарских контактов в области географической науки. — Изв. Всесоюз. географ. об-ва, 1978, т. 110, в. 6, ноябрь, с. 551.

⁹ Князь В. А. Черкасский (1824—1878 гг.) — политический деятель, близкий к либеральной части славянофилов. Деятельный член Московского Славянского общества, он возглавлял устройство гражданского управления Болгарии.

¹⁰ Письмо А. Н. Пыпина А. Н. Веселовскому — Архив АН СССР (далее — ААН), ф. 9, оп. 1, ед. хр. 519, л. 14; Ср.: Черновик письма А. Н. Пыпина А. Н. Веселовскому (1878 г.) — ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 14; см. также: Черновик письма А. Н. Пыпина В. А. Черкасскому. Ноябрь 1876 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 89, л. 1. Письмо К. Д. Кавелина А. Н. Пыпину от 22 ноября 1877 г. — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки (далее — ГПБ), ф. 621, ед. хр. 362, л. 21—22.

ю содействия «историческому и этнографическому изучению родивших южнославянских единоплеменников». Касаясь подбора участников экспедиции, в сопроводительном письме Черкасскому ученый писал: «Выбор людей в экспедицию требовал бы особого внимания. Может быть невелик — экспедиция из трех человек могла бы сделать очень многое... Мне представляется прежде всего лицо Вам уже известное: Дринов — профессор Харьковского университета. Другие лица могли бы быть указаны нашими специалистами, профессорами Бусым в Москве, Срзневским и Ламанским в Петербурге, и также Гичем в Берлине. Ягич, хорват родом, профессор в Одессе, один из этих славянских ученых, мог бы вообще быть очень полезен экспедиции своими советами, если бы он согласился (к нему можно писать русски). Относительно Дринова, быть может, не излишне теперь же отпустить его в отпуск в министерстве народного просвещения, в случае необходимости»¹¹.

Прошло более года, от князя Черкасского известий о судьбе «Записки» не поступало. Возможно, узнав о кончине В. А. Черкасского 19 февраля 1878 г., в день заключения Сан-Стефанского мирного договора, Дринов передал адъютанту Отделения русского языка и словесности профессору Петербургского университета будущему академику А. Н. Веселовскому копию «Записки», которую просил доложить Отделению¹². В сопроводительном письме А. Н. Пыпин сообщил А. Н. Веселовскому: «Не имея сведений о лицах и положении гражданского управления в Болгарии, я не мог бы вновь начать речь об этом предмете, иначе, как приписавши свою записку II Отделению Академии наук... Мне кажется, что ученая экспедиция... не требует поспешности...; первое время после войны еще не совсем удобно для „муз“; не вдруг могут найтись и талантливые люди, и средства для восполнения экспедиции. Но важно, чтобы она могла начать свою деятельность еще во время русской оккупации, чтобы установить свое положение к официальным властям и лучше ориентироваться в стране. Исполнителями едва ли могут быть в эту минуту одни болгары — за недостатком между ними людских и научной специальной подготовкой; но участие болгар необходимо для общей постановки дела, так и для частных исследований, как-то: записывание устных произведений народной словесности, наблюдение местных говоров и т. п. Русские и, может быть, еще другие слабые научные силы, могли бы с великой пользой (и русские должны) принять участие в деле. Общее заведование экспедицией могло бы, без сомнения, с успехом быть предоставлено именно болгарину, или болгарину и русскому ученому вдвоем; болгарский ученый, которого я разумею, есть М. С. Дринов, лучший в настоящее время знаток болгарской литературы и современного быта. В моральном отношении для болгар так назначение было бы, кажется, не лишено важности. Вещественные памятники — возможные собрания рукописей, этнографические предмети, надписи, монеты и проч., — должны быть оставлены в Болгарии (или, разумеется, случаев частного приобретения), где могли бы послужить основанием для Народного музея или книгохранилища, как и сама экспедиция (ее члены из болгар) могла бы стать зародышем такого Дружества... Без инициативы высших учреждений выполнения подобных экспедиций невозможно; но если французское министерство народного просвещения могло дать Огюсту Дозону специальную миссию исследования песен Верковича¹³, то кольми паче — казалось мне — экспеди-

¹¹ ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 89, лл. 2—3. Приводим письмо без указания о сочинениях слов в тексте.

¹² Пыпин А. Н. Предложения об историко-этнографическом изучении южно-славянских земель, особенно Болгарии. — ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 519, л. 1—13; см. Черкасский В. А. «Записки». 1876, ноябрь. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 81.

¹³ Огюст Дозон — французский славист, исследователь фольклора южных славян, ряд работ о народных песнях балканских народов. В начале 70-х гг. выехал на Балканы. С. Веркович — собиратель болгарского народного творчества. Большинство опубликованных им народных песен считались подделкой. О. Дозон в отчете о поездке на Балканы признал собранные Верковичем тексты подлинными.

ция для историко-этнографического изучения Болгарии могла бы быть достойным делом и делом для высшего ученого учреждения в России. Записка предоставляется в полное распоряжение Отделения. Преданный Вам А. Пыпин. Март. 1878»¹⁴.

А. Н. Веселовский весной 1878 г. доложил о предложении А. Н. Пыпина Отделению русского языка и словесности¹⁵, которое постановило «приступить к обсуждению мер для осуществления проекта означенной экспедиции, как скоро положение Болгарии выяснится более определенным образом»¹⁶.

К этому времени был заключен в Сан-Стефано (19 февраля 1878 г.) мирный договор между Россией и Турцией, который предусматривал полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии. Болгария получила широкую политическую автономию в рамках Османской империи, территория нового Болгарского княжества увеличивалась. Однако международная обстановка из-за позиций великих держав, опасавшихся усиления России на Балканах, была напряженной.

А. Н. Пыпин не мог не видеть, что русское правительство неспособно разрешить Балканский вопрос. Россия стояла перед угрозой общеевропейской войны, ее материальные ресурсы значительно истощились. «Славянские дела, конечно, в мудренном положении, — писал Пыпин Ягичу 29 апреля 1878 г. — „Компетентных“ людей, которые знают, что делать и будет делаться в Болгарии, я не знаю; где они, мне неизвестно. „Общество“ и доселе не понимает, в чем дело. Как только кончилась война, в наших газетах о Болгарии ни слуху ни духу, о Сербии и Черногории — также. На первый план выступили наши домашние дела, свойство которых Вы, вероятно, знаете из газет. Утверждают (не знаю правда ли), что эти дела не остались без значительного влияния на нашу тупчивость в высшей политике. Люди рассудительные думали давно, что следовало не „обезоруживать болгар“ (боясь, что они обидят турок, а турки — это тот Кит Китыч в комедии Островского, о котором домашние говорят, что его нельзя обидеть потому, что он „сам всякого обидит“). Их [болгар — С. Л.] надо было, напротив, вооружить, сказать прямо, что народ должен (хоть и с нашей помощью) сам защищаться, что для него добыто. Только этим путем, сознанием дела и собственными усилиями народ может приобрести самобытность. Вооруженный Балканский (т. е. славянский) полуостров заставил бы, например, хоть Австрию держаться поскромнее. Но для этого надо было выставить принцип настоящей народной самостоятельности; а этого, кажется, избегают... Если силы есть в южном славянстве, оно выдержит нынешнюю неумелость и поправится потом; но, к сожалению, нынешняя неумелость может много затруднить и испортить для будущего»¹⁷.

1 июля 1878 г. был подписан новый мирный договор — Берлинский, оставивший в силе решение о независимости Черногории, Сербии и Румынии; автономия Болгарского княжества была урезана, территория его уменьшена. До ратификации Берлинского договора великими державами был установлен срок пребывания русских войск в Болгарии — девять месяцев. На Россию возлагалась организация правительства в новой власти в княжестве и самоуправления на местах.

У императорской Академии наук не было причин откладывать рассмотрение вопроса о болгарской экспедиции, тем не менее дело вперед не двигалось. 12 декабря 1878 г. А. Н. Пыпин направил в Болгарию М. С. Дринову письмо, надеясь узнать о судьбе своей записки¹⁸, но не получил ответа. 4 августа 1879 г. находившийся в Петербурге Председатель Народного собрания Антим Видинский, возглавлявший делегацию

¹⁴ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 519, лл. 14—15 об.

¹⁵ Письмо А. Н. Веселовского А. Н. Пыпину. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 51, л. 11.

¹⁶ ААН, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 166, л. 13 об.; извлечение из протоколов Отделения русского языка и словесности. Сентябрь — декабрь 1879 г. — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (далее — Сб. ОРЯС), Спб., 1881, т. XXV, с. 11.

¹⁷ Ягич В. Op. cit., с. 422.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 621, ед. хр. 8 (Черновик письма А. Н. Пыпина М. С. Дринову).

Болгарского княжества, телеграммой предложил А. Н. Пыпину поехать. В архиве ученого сохранилась фотокарточка Антима Видинского датой «5 августа 1879 года в Лавре», косвенно подтверждающая, что эта встреча состоялась. В делегацию входил и митрополит Климент, впоследствии возглавивший болгарское правительство и одновременно министерство народного просвещения. По всей видимости, во время беседы был затронут и вопрос об экспедиции в Болгарию. Делегация болгаринок приехала в Петербург 8 августа 1879 г.¹⁹

В декабре 1879 г. А. Н. Пыпин, наконец, получил от М. С. Дринова письмо, помеченное 26 ноября: «С Вашею... запискою меня познакомил покойный князь Черкасский... Он относился к Вашему проекту с полным сочувствием и предложил заняться осуществлением его при первой возможности, которая, впрочем, ему не представилась. Вскоре после смерти Черкасского „Записка“ поступила в отдел народного просвещения, которым я заведывал. Императорский комиссар, члены его совета, многие из интеллигентных болгар, которых я не замедлил познакомиться с Вашим проектом, тоже отнеслись к нему (проекту — С. Л.) весьма сочувственно. Ввиду этого я надеялся, что при временном русском управлении в Болгарии удастся приступить к осуществлению Вашей прекрасной мысли... Но эта надежда... в конце концов оказалась ложною. Положение вещей, вопреки моим ожиданиям, до самого конца русского Управления оставалось самым неблагоприятным для ученых занятий и экспедиций. Как русские деятели, так и интеллигенция болгарская оставались все время заваленными массою иных занятий и притом до такой степени, что, при всей своей доброй воле, не могли бы сделать с своей стороны никакого содействия ученым предприятиям, которые без такого содействия не могли бы пойти успешно»²⁰.

Получив письмо М. С. Дринова, А. Н. Пыпин вновь поднимает вопрос об экспедиции на Балканы. Он встречается с Председателем Этнографического отделения Русского географического общества Н. Майковым, которому напоминает, что вопрос об экспедиции ранее обсуждался им перед членами Отделения русского языка и словесности Академии наук. В начале декабря 1879 г. Майков в письме сообщил Пыпину, что переговоры с некоторыми членами Отделения русского языка и словесности убедили его в маловероятности положительного решения вопроса об экспедиции «нынешним составом» Академии. Майков писал об «апатии, которая свойственна академии и будет особенно опасна в настоящем случае (вчера Грот забавно объяснил мне, что академия не может принять деятельного участия в экспедиции, потому что академики все люди „пожилые“), о высказанном рядом академиков удовольствии тем, что предложение об экспедиции вышло не из академической среды». «Итак,— подводил итоги Майков,— ... в Академию дело обращаться... Я бы думал, что пусть на первый раз дело возлагается параллельно в Академии и в Геогр[афическом] обществе. Пусть каждое из учреждений образует свою комиссию, и тогда комиссия, работая самостоятельно, додумаются до чего-нибудь... Совершенно согласен с Вами, что можно предоставить Академии первой печатать Вашу записку...»²¹.

В Отделении русского языка и словесности Академии наук, куда Пыпин вновь обратился в конце 1879 г. принимается такое решение: «передать эту записку на предварительное обсуждение в императорское Русское географическое общество»²².

¹⁹ Телеграмма Антима (Анфима) Видинского от 4 августа 1879 г. А. Н. Пыпину; фотокарточка Антима.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 54.

²⁰ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 81.

²¹ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину—декабрь (начало) 1879 г.—ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, лл. 11—12; см. также: Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину 4 декабря (1879 г.) — Там же, л. 9 — об.

²² Сб. ОРЯС, т. XXI, с. IV.

7 декабря 1879 г. «Записка» Пыпина была прочитана в Этнографическом отделении Русского географического общества. В своем выступлении академик Я. К. Грот «заявил, что предприятие это... встречает полное одобрение со стороны Академии, которая готова оказать ему свою нравственную поддержку». Секретарь императорского Русского археологического общества (в Петербурге) профессор И. В. Помяловский предложил поднять вопрос об экспедиции в Болгарию в обществе, а Председатель предварительного комитета VI съезда русских естествоиспытателей проф. А. Н. Бекетов заявил о своем намерении внести на рассмотрение съезда вопрос об изучении естественной истории Балканского полуострова²³.

Сообщение об упомянутом выше заседании Этнографического отдела Русского географического общества попало в газеты²⁴. В то же время А. Н. Пыпин отправил множество писем с информацией об этом заседании видным деятелям славистики.

М. С. Дринов одобрил передачу А. Н. Пыпиным «Записки» в Географическое общество. Он писал: «Дай бог, чтобы экспедиция осуществилась поскорее и осуществилась бы в тех широких размерах, какие предложены при первом обсуждении вопроса о ней в Географическом обществе... В Болгарии найдут для себя большую поживу как этнографы, археологи, так и натуралисты. Что же касается общественного значения экспедиции... оно окажется, быть может, важнее, чем можно было полагать... Ваша экспедиция в настоящее время могла бы принести болгарам и другую более осязаемую практическую пользу... Не сомневаюсь, что члены экспедиции везде будут встречаемы радушно и легко будут находить усердных и полезных чичероне. Хочется верить, что болгарское правительство найдет возможность прикомандировать к экспедиции нескольких толковых людей для содействия ученым и для научения у них. Желательно было бы, чтобы организаторы экспедиции одновременно вошли в сношения с министром народного просвещения и президентом министерского Совета епископом Климентом»²⁵.

Дальнейшие непосредственные переговоры уже с болгарским правительством вел находившийся в Софии В. В. Качановский. В письме от 27 января 1880 г. он информировал Пыпина о сочувственном отношении членов Народного собрания к идее посылки экспедиции, передавая свои разговоры с митрополитом Климентом²⁶, возглавлявшим правительство Болгарии и министерство народного просвещения: «По обсуждении вопроса совместно с товарищами он (Климент — С. Л.) заявил мне следующее: «Болгарское министерство очень радо русской ученой экспедиции и готово оказать ей полное содействие и в способах передвижения, и в квартирах, и в рабочих руках, и вообще во всех случаях, в каких бы члены экспедиции ни обратились к правительству; он, министр народного просвещения, внесет в смету на расходы по экспедиции до 100 тыс. франков, на ассигнование коих будет испрашивать свое время разрешения Народного собрания, т. е. в марте, апреле...» В. В. Качановский писал: «Мысль пригласить к участию в экспедиции славянских ученых, по моему мнению, блестящая мысль, и не только в интересах науки, но и как в высшей степени полезная политически... Ввиду практической полезности для Болгарии геологических и статисти-

²³ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 4 декабря 1879 года.— ИРЛИ, ф. 25, оп. 3, ед. хр. 151, л. 9; О предполагаемой русской ученой экспедиции в южно-славянские земли.— Журнал министерства народного просвещения (далее—ЖМНП), 1880, ч. СС, август, с. 35 (Современная летопись); см.: Черновик выступления А. Н. Пыпина.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 81, л. 8; записка Пыпина была прочитана также в отделе физической географии РГО.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 28.

²⁴ Научная экспедиция в Болгарию.— Новое время, 1879, 13 декабря, с. 1.

²⁵ Письмо Дринова А. Н. Пыпину от 18 декабря 1879 года.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 81.

²⁶ Климент (Василий Друмев) учился в Киеве. В 1874 г.— епископ в Тырнове, затем митрополит, член Тырновского великого народного собрания (1879 г.); с ноября 1879 г. до марта 1880 г. возглавлял кабинет министров.

ких исследований, покорно прошу при обсуждении программы и при решении экспедиции обратиться на это особое внимание...»²⁷.

Отделения этнографии, физической географии и статистики Географического общества создали для выработки плана экспедиции на Балканский полуостров сводную комиссию под председательством Н. Майкова, в нее вошли: А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, В. И. Лавинский, В. В. Стасов, В. В. Богишич, В. Г. Васильевский, П. А. Сырку, доктор Петербургского университета А. Н. Бекетов и др. В работе комиссии принимал самое активное участие вице-президент общества П. Семенов.

Предложение об организации экспедиции поддерживалось Русским археологическим обществом, от которого в состав комиссии вошли ад. А. Ф. Бычков, И. В. Помяловский и А. В. Прахов. Общество любителей древней письменности изъявило готовность издать «особо значительные рукописи, если таковые будут найдены», а Московское археологическое общество «приняло на себя труд составить полный очерк программы для археологического отдела экспедиции»²⁸. 19 декабря 1879 г. при открытии VI съезда русских естествоиспытателей и врачей председательствовавший на съезде А. Н. Бекетов предложил обсудить вопрос «о снаряжении экспедиции для естественно-научного исследования Болгарии»²⁹.

Таким образом, четыре общественных научных организации России в конце 1879 г. начали работать над предложением А. Н. Пыпина. Академия наук обязалась оказать моральное содействие экспедиции. «Записка» Пыпина была опубликована в «Известиях Географического общества»³⁰, ее отдельные оттиски были разосланы всем ведущим научным учреждениям России, видным отечественным и зарубежным деятелям славистики. «Записку» сопровождала просьба высказать замечания о готовящейся экспедиции. Председатель этнографического отделения Географического общества Л. Н. Майков, согласовывая адреса иностранных славистов, сообщал Пыпину, что он решил отослать «записку» Ф. Рачки (Хорватия), в Югославянскую Академию, в Сербское ученое дружество, Г. Креку (Градецкий университет), А. Лескину (Лейпциг), Д. Даничичу, Мотковичу, Ф. Лайю (Загреб), П. А. Сырку, В. Ягичу и др.³¹.

Посылая в Софию В. В. Качановскому отдельный оттиск своей записки, А. Н. Пыпин в черновике письма от 30 января 1880 г. просил передать ее «преосвящ[енному] Клименту и гг. министрам, а также тем будущим (и будущим) депутатам болгар[арского] собрания, которым записка будет наиболее любопытна», Пыпин подчеркивал: «Относительно результатов экспедиции, если... она состоится, моя мысль была в самом начале та, что археол[огические] памят[ники], ...рукописи, этнографические предметы, приобретенные экспедицией, останутся в Болгарии и послужат основанием Болгарского народного музея, при котором, быть может, основалось бы и Болгар[ское] ученое общество, посвященное изучению своей страны и вообще просвещению»³².

Информация о готовящейся Балканской экспедиции появилась в западной прессе и в самой Болгарии.

²⁷ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 110; см. также: Телеграмма В. В. Качановского Н. Пыпину от 23 декабря 1879 г.— Там же.

²⁸ Архив Географического общества СССР (далее АГО), ф. 1 — 1880, оп. 1, ед. хр. л. 17; Новое время, 1882, 8/20 января, с. 1; ЖМНП, 1880, август, с. 35—36 (Современная летопись); Письма Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 12 и 28 декабря 1879 года, апреля 1881 года.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 7 — об., 14, 25.

²⁹ VI съезд русских естествоиспытателей и врачей.— Новое время, 1879, 21 декабря, с. 3.

³⁰ «Записка».

³¹ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 14 февраля 1880 г.— ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 15, 17; Письмо А. Н. Пыпина И. В. Ягичу от 26 декабря 1879 г.— В кн.: Ягич В. Op. cit., с. 429—430.

³² ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 30 — об.

Весной 1880 г. Л. Н. Майков и П. П. Семенов посетили прибывшего в Петербург болгарского князя Александра Баттенберга³³: «Из сл. его видно, что он, кажется, очень желает привлечения в члены экспедиции М. С. Дринова. Много... говорили о музее, и вообще хоть не обижает ни знания вопроса, ни особенной любви к своей стране, однако... на его правительство, кажется, можно рассчитывать»³⁴. В свою очередь болгарский князь Александр довел до сведения русского императора Александра II о своем желании принять экспедицию русских ученых в Болгарии и получил его одобрение³⁵.

14 мая 1880 г. под председательством П. П. Семенова состоялось общее собрание Русского географического общества, где Л. Н. Майков рассказал «о ходе подготовительных работ по снаряжению экспедиции для исследования южно-славянских земель». «Правительственный вестник» опубликовал выдержки из намечаемой программы будущей экспедиции³⁶.

В августовском номере «Журнала министерства народного просвещения» появилось сообщение об утверждении советом Русского географического общества программы экспедиции, разделенной на две части — этнографическую и археологическую. Этнографическая часть программы состояла из двух отделов: изучение местных языков (наречия и говоры) и исследование быта народов, живущих на Балканах (славяне, румыны, греки, албанцы и турки). Особо отмечалась необходимость изучения памятников «письменности и старопечати», «таких изданий, которые вовсе не известны библиографам»³⁷. Речь шла о комплексной экспедиции в составе 8—10 человек с широкой программой историко-этнографических, фольклористических и статистических исследований.

К маю 1880 г. участвовать в экспедиции и содействовать ее осуществлению изъявили желание многие русские и зарубежные ученые: архимандрит Леонид (Л. А. Кавелин), И. А. Бодуэн де Куртене, Р. Ф. Брандт, А. С. Будилович, Л. Гейтлер, Е. Е. Голубинский, М. С. Дринов, К. О. Иречек, Ф. Каниц, А. А. Кочубинский, Г. Крекш, П. А. Кулаковский, П. А. Лавровский, В. В. Макушев, П. Маткович, Ф. Миклошич, Л. Милковский, Р. И. Недзвецкий, И. И. Первольф, М. П. Петровский, Н. А. Попов, А. А. Потебня, П. А. Ровинский, Я. Яблоновский, И. В. Ягич и мн. др.³⁸.

Характер и задачи экспедиции требовали больших материальных затрат, размер которых определялся в 60 тыс. руб.³⁹. Л. Н. Майков осенью 1880 г. вынужден был констатировать в своем письме А. Н. Пыпину, что «в настоящее время создание Комиссии [по Болгарской экспедиции, — С. Л.] не может иметь практической цели», несмотря на то что совет Русского географического общества одобрил записку Пыпина, «но не решился... ходатайствовать о... субсидии в столь значительных размерах». С другой стороны, Майков отмечал: «Предположим, что деньги у нас есть. Но есть ли у нас люди, которые могут ехать теперь же?». Майков предупредил о возможном отказе от субсидирования экспедиции, если не заручиться «поддержкой некоторых влиятельных

³³ Александр Баттенберг избран в апреле 1879 г. болгарским князем.

³⁴ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 8 марта 1880 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 20. Письмо Майкова Пыпину от 1 марта 1880 г. — Там же, лл. 1, 9.

³⁵ Всеподданнейший доклад Министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева. 1 декабря 1881 г. — АГО, ф. 1 — 1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 23, об. — 24.

³⁶ Правительственный вестник, 1880, 23 мая/4 июня, с. 2—3; Правительственный вестник, 1880, 17/29 мая, с. 2 (сообщение о заседании 14 мая 1880 г. Географического общества).

³⁷ ЖМНП, 1880, август, с. 37—43 (Современная летопись).

³⁸ Правительственный вестник, 1880, 23 мая, с. 2; см. также: ЖМНП 1880, август, с. 36 (Современная летопись); Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 1 марта 1880 г. — ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 19; Письмо А. Н. Пыпина И. В. Ягичу от 8/20 января 1880 года. — В кн.: Ягич И. В. Ор. cit., с. 430; Письмо М. С. Дринова И. В. Ягичу от 14 января 1880 года. — Там же, с. 404.

³⁹ АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 12, 11, 23 — об.; Отчет императорского Русского географического общества за 1880 г., Спб.; 1880, с. 37.

р⁴⁰. В отчете о деятельности Географического общества за 1880 г. оказалось, что у общества нет необходимых для экспедиции средств. И не менее, — говорилось в отчете, — некоторые подготовительные работы уже начались: согласно представлению Отделения этнографии, Общество ассигновало некоторые пособия чл[ену] — сотр[уднику] А. Ровинскому, занимающемуся собиранием этнографического материала в западной части Балканского полуострова; еще ранее того было оказано пособие свыше 350 рублей для приобретения метеорологических инструментов капитану Фрейману, который принял на себя ведение метеорологических наблюдений в Болгарии»⁴¹.

10 октября 1880 г. Генеральное консульство России в Филиппополе (Ловдике — С. Л.) за подписью Генерального консула князя А. Н. Цертелёва запросило у Географического общества программу экспедиции, «бы ко времени прибытия экспедиции в Восточную Румелию Генеральное консульство могло бы собрать сведения по вопросам, помещенным в программе экспедиции, и оказать ей свое содействие при исследовании края»⁴². Секретарь Общества В. И. Срезневский 22 ноября 1880 г. отвечал: «Что касается до времени снаряжения Болгарской экспедиции, то Географическое общество не может еще сообщить о том чего определенного, так как в настоящее время еще недостаточно выяснен вопрос об ассигновании на экспедицию средств в тех размерах, какие требуются ввиду обширности самого предприятия»⁴³. Н. Цертелёв и секретарь Генерального консульства С. В. Арсеньев (оба члены Русского географического общества) просили выслать программы и опросные листы по этнографии и археологии, «дабы к приезду комиссии она нашла бы уже готовый материал, который могла бы поверить». Генеральный консул в Филиппополе заверял Общество, что «местные газеты» напечатают на болгарском языке извлечения из программы экспедиции и прислал Обществу «список населенных местностей, составленный тщательно властями» Южной Болгарии. В конце того письма от 12 декабря 1880 г. Цертелёв указывал: «Обращение ванные коллекции в достояние местных музеев будет принято весьма сочувственно. В Филиппополе уже основан музей, правда еще весьма бедный»⁴⁴.

В конце 1881 г. Александр Баттенберг уведомил Русское географическое общество о предоставлении необходимых 100 тыс. франков «для осуществления экспедиции, с тем лишь условием, чтобы предметы древности и этнографические, которые будут собраны экспедицией, послужили бы для основания национального музея в Софии, а дублиаты означенных коллекций поступили бы в русские музеи». Из доклада Министру внутренних дел Игнатъева от 1 декабря 1881 г. явствует, что подтвержденное 22 ноября того же года «словесное» решение об ассигновании экспедиции Александром Баттенбергом «будет передано через посредство его (болгарского — С. Л.) министерства»⁴⁵ (русский император Александр III разрешил Русскому географическому обществу получить эту сумму). Вице-президент Русского географического общества П. Семенов получил соответствующую инструкцию от 3 января 1882 г. из Министерства внутренних дел «о принятии императорским Русским географическим обществом суммы в 100 000 франков и о принятии в исполнение предполагаемой экспедиции в южно-славянские земли»⁴⁶.

⁴⁰ Письмо Л. Н. Майкова А. Н. Пыпину от 22 октября 1880 года. — ИРЛИ, ф. 250, к. 3, ед. хр. 151, л. 3—4.

⁴¹ Отчет императорского Русского географического общества за 1880 год. Спб., 1880, с. 37.

⁴² АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 13 — об.

⁴³ Там же, л. 14 — об.

⁴⁴ Там же, л. 15—16 — об.

⁴⁵ АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 24 — об.; Тексты телеграмм И. В. Гримма болгарскому князю Александру на французском языке. — Там же, л. 19, 20.

⁴⁶ АГО, ф. 1—1880, оп. 1, ед. хр. 10, л. 22, 23.

«Таким образом,— сообщало в январе 1882 г. своим читателям «Новое время»,— теперь русская ученая экспедиция в Болгарию, так сказать, накануне того, чтобы стать совершившимся фактом. Несколько веков турецкое иго покрывало густою завесой южных славян, скрывая их из вида и делая их недоступными для исследования науки,— до нас не доходили ни человеколюбивые сочувствия, ни историческое знание».

Председатель комиссии Л. Н. Майков более недоверчиво смотрел на будущее экспедиции; он вынужден был признать в письме к А. Н. Пыину от 10 января 1882 г.: «Русских денег все-таки еще нет, и недоуваваю, можно ли начать дело без них. Вот задача, которую предстоит решить нашему совету»⁴⁸.

По всей видимости, деньги из Болгарии не поступили, а ухудшение отношений правительства Александра III с правительством Александра Батенберга⁴⁹ решило исход дела об экспедиции на Балканы.

Вопрос об организации экспедиции на Балканы вновь был поднят в самом начале 1885 г., когда в первом номере «Известий Петербургского славянского благотворительного общества» появился призыв приступить к экспедиции, приурочив ее к 1000-летию юбилею Мефодия⁵⁰.

1885 г. выявил противоречия между Россией и Болгарией, Сербией и болгарская война и вслед за тем перевороты 1886 г., отказ князя Александра от престола, приход к власти С. Стамболова и ориентация его правительства на союз с Австро-Венгрией и Германией привели к тому, что экспедиция была отложена, а затем и забыта. В то же время широкое обсуждение «Записки» А. Н. Пыпина в России и за ее рубежом, составление программы экспедиции, большая организационная работа по проведению в жизнь идей, в ней заключенных, ориентация на совместные исследования русских и иностранных славистов, главным образом болгарских ученых, не пропали даром. Предложение, внесенное А. Н. Пыпиным в 1876 г., события, с ним связанные (середина 70-х — середина 80-х гг.), дали новый толчок к развитию международного научного обмена, углублению связей между славистами многих стран в таких областях славистики, как история, филология, этнография, фольклористика, археология, палеография, музейное и библиотечное дело, география.

⁴⁷ Новое время, 1882, 8/20 января.

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 27.

⁴⁹ Об этом см.: История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 353—362.

⁵⁰ Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1885 № 1, с. 10—14 (Перепечатка сообщения об экспедиции с небольшими сокращениями: ЖМНП, 1880, авг.).

Э. А. Рикман

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТ БУХАРЕСТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Бухарестская социологическая школа (или как ее нередко называют Школа Густы) создана Димитрие Густы (1880—1955 гг.), крупным ученым, организатором науки и общественным деятелем, основателем и руководителем Кафедры и семинара социологии, этики и политики Философско-литературного факультета Университета Бухаресты (с 1920 г.), Румынского социального института (1921—1948 гг.), Музея румынского села (с 1936 г.). Густы внес крупный вклад в мировую науку, и столетие со дня его рождения отмечалось по решению ЮНЕСКО. В буржуазной Румынии Густы проявил себя как ученый-демократ, сторонник социального прогресса. Однако он оставался буржуазным ре-

форматором, мечтавшим устранить пороки современного ему строя посредством деятельности социологов. Густы тщетно надеялся, что результатами социологических изысканий, рекомендациями ученых воспользуются законодательные и административные органы буржуазной Румынии¹.

Школа Густы формировалась под влиянием социологии Германии, Франции, США, а также России. Но она, несомненно, имела свое лицо. В выработке ее теоретических и методологических принципов участвовали сам Д. Густы, К. Брэилоу, В. Бутурэ, С. и А. Голопенция, И. Келча, К. С. Коста-Форю, А. А. Стал, Т. Херсени и др. Социологическая система Школы Густы опирается на идеалистические и метафизические представления о том, что строение общества определяется волей «группировок людей» или даже отдельных индивидов². В то же время методика ее исследований носила прогрессивный характер. Основным методическим принципом было «проследивать социальные феномены как целое, во взаимозависимости и функциональной совокупности»³. По этому поводу Д. Густы также писал в предисловии к одному из изданий Школы: «Каждую деталь связывали с ансамблем..., чтобы определить в комплексном исследовании место, которого... она заслуживает не только сама по себе, но прежде всего как элемент социальной системы»⁴. Из этого основного принципа вытекала концепция соподчиненности теории, методов и техники исследования.

Густы обосновал коллективный характер исследования, ибо, как он писал, «объективностью, как и способностью к более глубокому контролю, обладают скорее группы, чем отдельные ученые». Исследование, с его точки зрения, должно иметь междисциплинарный характер, опираться на эмпирические методы разных наук. Важное значение придавалось тому, чтобы определить границы применения той или иной научной дисциплины и выявить органические взаимосвязи между науками, а также объектами их исследования⁵.

Теоретические и методические принципы Бухарестской социологической школы были закреплены в учебниках для лицеев и высших учебных заведений, руководствах и инструкциях. В частности, были составлены руководства для исследования духовной культуры (И. И. Ионикэ), фольклора (И. Казан) и религии (О. Иосиф)⁶.

В литературе о деятельности Бухарестской социологической школы анализировались и этнографические аспекты ее работы. Так, Н. Дунэре выявил значение исследований в области традиционного земледелия, скотоводства, календарных и семейных обычаев и обрядов, изобразительного, литературного, музыкального и хореографического фольклора⁷. Г. Фокша показал роль этой Школы в создании Музея села в Бухаресте⁸.

Мы обратимся непосредственно к трудам членов Бухарестской школы, в которых затрагивается этнографическая проблематика. Результаты исследований (материалы и теоретические разработки) коллективов ученых или отдельных авторов публиковались в книгах и серийных

¹ Bădină O., Neamțu O. Dimitrie Gusti. București, 1968; Gusti D. Opere. V. 1. București, 1968, p. 20—39.

² Староверов В. И. Бухарестская монографическая школа и социологическая система Димитрие Густы.— Соц. исследования, 1981, № 1, с. 196—198, 201; Lărionescu M. Fundamentarea teoretică a cercetării sociologice în perioada interbelică.— Viitorul social. București, 1979, anul VIII, № 4, p. 750—756.

³ Gusti D. Sociologia militans. V. 2. București, p. 20, 21.

⁴ Nerej. Un village d'une région archaïque/Monographie sociologique dirigée par H. H. Stahl. I. V. I — Les cadres cosmologique, biologique, historique et psychique, p. X; v. II — Les manifestations spirituelles; v. III — Les manifestations économiques, juridiques et administratives, unités, procès et tendances sociales. Bucarest, 1939.

⁵ Gusti D. Îndrumări pentru monografiile de sociologie. București, 1946, p. 12; Староверов В. И. Указ. раб., с. 203, 204.

⁶ Dunăre N. Cercetarea culturii populare în cadrul școlii sociologice monografice.— Revista de etnografie și folclor, București, 1980, t. 25, № 2, p. 148.

⁷ Ibid., p. 150.

⁸ Focșa Gh. Școala sociologică de la București și muzeul satului.— Viitorul social, 1980, anul IX, № 2, p. 227—239.

издания Румынского социального института: «Biblioteca de sociologie etica și politica condusă de D. Gusti. Sociologie României», «Archiva pentru știința și reforma socială» (1919—1944), «Sociologie românească» (1936—1944), «Affaires Danubiennes» (1938—1944), «Atlas Sociological României», и т. д. Перечисленные издания содержат работы по этнографии, не потерявшие своего значения до наших дней. На страницах журнала «Румынская социология» со статьями по этнографической тематике систематически выступали виднейшие деятели Бухарестской социологической школы: сам Д. Густы, И. Коня, А. А. Стал, Т. Херсени и др.⁹ В журнале издавались полевые материалы по материальной и духовной культуре румын и печатались статьи теоретического характера.

Упомянутые ученые пытались обосновать отличия социологии от этнологии и этнографии, а также от социальной и культурной антропологии. Этнология и этнография в свою очередь разграничивались. По мнению Д. Густы и его последователей Т. Херсени и Г. Вылсана, занимавшихся классификацией общественных наук, этнология и этнография, в отличие от социологии, относятся к типу «статичных» социальных дисциплин. Этнография и фольклористика, уделяющие особое внимание традициям и пережиткам, принадлежат к подтипу дескриптивных наук¹⁰. Этнологию, предмет которой составляют этнические феномены, Д. Густы относит к подтипу экспликативных, компаративных наук¹¹. По мнению Д. Густы, этнография лишь упрощенно описывает полевой материал, констатирует факты, а этнология, кроме того, делает обобщения, хотя в отличие от социологии эти обобщения носят поверхностный характер. Таким образом, этнография, по Д. Густы, — описательная область этнологии. Подобные представления распространены среди ученых и в других странах Европы¹². Следует отметить, что румынские социологи считали необходимой дополнительную обработку фактических данных, собранных представителями этнологии и этнографии¹³. Утверждалось также, что и ответвления этнологии: этнопсихология, этноботаника, этнопедагогика, по сравнению с социологией, обладают ограниченными возможностями для познания жизни.

Бухарестская социологическая школа изучала преимущественно румынское село, крестьянство, которому ученые уделяли мало внимания до 20-х годов XX в. Великая Октябрьская социалистическая революция в России привлекла внимание румынской общественности и исследователей к важнейшей социальной роли крестьянства, а с 1922 г. — года начала проведения в Румынии аграрной реформы — крестьянская тематика в научных изысканиях стала центральной. К этой практически актуальной и теоретически значимой теме обратились и Бухарестская социологическая школа¹⁴.

Румынские социологи придавали большое значение правильному выбору объектов для изучения, предпочитая старинные села с архаическими чертами традиционной культуры, расположенные в «этническом, военном и геополитическом» центре бывшей Дакии, где формировались предки румын, активно протекала романизация¹⁵. Такие села интересуют и этнографов. В 20—30-х годах Бухарестская социологическая школа обратилась к изучению горожан, в особенности рабочих.

⁹ Sociologie românească. — Revista secției sociologice al Institutului social român. 1936, anul I, № 1, 4, 5, 7—9; 1937, anul II, № 1—12.

¹⁰ Nerej. Un village d'une région archaïque. V. 1, p. XIII.

¹¹ Herseni T. Teoria monografiei sociologice. — In: Institutul social român. Biblioteca de sociologie, etică și politică condusă de D. Gusti. Seria A. Studii și contribuții. București, 1934, p. 19, 20, 85, 90, 147, 148.

¹² Об этом см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 178—203.

¹³ Herseni T. Op. cit.; см. вводную статью Д. Густы к этому труду, с. 20.

¹⁴ Herseni T. Op. cit., p. 147; Якош И. Крестьянство — фундаментальная сила в истории страны. — Румынские горизонты, 1979, № 8(128), с. 36, 37.

¹⁵ Clopotiva, un sat din Hațeg. Monografie sociologică întocmită de echipa regală studențească 1935 sub conducerea lui I. Conea. — Sociologia României. 3. V. I. — Cadrele, v. II. — Manifestări. București, 1940, p. 535, 536.

Главным методом исследования крестьянства, применявшимся Бухарестской социологической школой, был монографический, т. е. проводилось всестороннее изучение села как взаимосвязанного интегрированного целого; отсюда еще одно название этой школы — Монографическая. В таком подходе проявилось стремление к системному изучению объектов, получившему широкое распространение в современной этнографии¹⁶.

Ранее монографический метод применялся в ряде стран, например в Югославии¹⁷, но наиболее последовательно, широко, планомерно и систематично его использовала Бухарестская социологическая школа, развив это направление социологии, выпустив на основе его применения десятки книг. Бухарестский монографический метод получил международное признание, особенно в западноевропейских странах¹⁸. Об этом, в частности, свидетельствует участие в работах такого плана ученых из Венгрии, Франции, Германии, США и др.¹⁹ Нельзя забывать также, что в 20-е годы сельская социология в Советском Союзе, ставившая перед собой практические цели, широко использовала монографический метод²⁰.

С 1925 г. полевые материалы для монографий в Румынии собирали комплексные бригады специалистов различных отраслей общественных и естественных наук: социологи, историки, географы, биологи, экономисты, психологи, фотографы, кинооператоры и, наконец, этнографы, фольклористы и антропогеографы. Д. Густу придавал большое значение работе именно последних в «монографических бригадах», указывая на важное значение экологии и обоснованно констатируя сходные черты подхода румынской социологии и антропогеографии к изучению человека. «Антропогеография много выигрывает от сотрудничества с социологией», — писал Д. Густу. — Антропогеография постигает культурную реакцию человека в его борьбе с природой. Эта реакция — комплексное усилие, одновременно духовное, экономическое, юридическое, политическое. Оно определяется прошлым и современной психологией, расой и популяцией»²¹.

В бригадах участвовали сотрудники как Бухарестской школы, так и региональных социологических институтов (например, Баната), преподаватели и студенты университетов. «Монографические бригады» подразделялись на группы по специальностям и проблемам. Некоторые группы преследовали только этнографические цели: изучение народных обычаев и ритуалов, изобразительного искусства, литературного, музыкального и хореографического фольклора. Бригады активно участвовали в жизни изучавшихся сел и, используя результаты анализа анкетных данных, принимали конкретные меры (по словам Густу, «социальное действие») для улучшения положения крестьянства.

Одним из основных способов сбора материала для монографий были разнообразные анкеты. Включенные в них вопросы охватывали факторы, формирующие социальную жизнь сел: географический, биологический, экономический, духовный, юридический, политический и т. д., причем эти факторы неправомочно считались более или менее равноценными, существующими независимо друг от друга, но взаимодействующими. В системе Густу экономика не имеет определяющего значения. Использовались также специальные этнологические, антропологические, фольклорные и другие анкеты и вопросники, формуляры и карты для опроса компетентных лиц-экспертов и сбора мнений об определенном социальном факте, для подсчета статистических частот и террито-

¹⁶ Пименов В. В. Удмурты. М.: Наука, 1977.

¹⁷ Губогло М. Н. Путь социологии села в Югославии. — В кн.: Социологическое изучение села: культура, быт, расселение. В. 2. М.: Ком-т по соц. проблемам села, 1968, с. 91.

¹⁸ Староверов Г. И. Указ. раб., с. 196.

¹⁹ Fosça Gh. Op. cit., p. 227.

²⁰ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Сельская социология и историография советской деревни. М., 1969, с. 1.

²¹ Nerej. Un village d'une region archaïque. V. I, p. XII, XIII.

риального распределения фактов и явлений (для установления циркуляции явлений и выявления механизмов их распространения). Густо добывался взаимодействие количественных и качественных методов исследования, причем данные, собранные с помощью вопросников, заполненных неспециалистами, он считал недостоверными, так как материал такого рода не отражает социальной реальности. Характерно, что полевая работа проводилась бригадами обычно после изучения того или иного социального «феномена» по архивным и литературным данным.

Сборщики материала использовали следующие формуляры: по «очагу» (застроенной части) села, демографии, эволюции собственности, пище, уровню культуры, семье. По просьбе исследователей информаторы составляли генеалогии семей, а их члены писали автобиографии.

Некоторые села обследовались повторно с целью выявления произошедших в них экономических, социальных и культурных изменений (с. Дрэгуш-Фэгэраш в Олтении — в 1929 г., а затем в 1932—1933 гг., с. Нереж во Вранче — в 1927 г., а затем в 1934 и 1938 гг.).

От изучения отдельного села Бухарестская социологическая школа переходила к исследованию населения зоны вокруг него. Так, после обследования сел Дрэгуш-Фэгэраш и Нереж ученые обратились ко всей Олтении, всей Вранче, а также к сравнительному анализу сел в разных областях Румынии. По единому плану обследовались типичные для различных географических областей села, чтобы широко отразить жизнь крестьянства как части румынской нации.

«Социальные объединения» (село, город, нация и т. д.) сравнивались с другими социальными феноменами, а материал, собранный с помощью социологических анкет, — с данными, полученными другими методами. Типы социальных феноменов выделялись и картографировались. С 1925 до 1948 г. с применением описанной методики было обследовано более 600 сел в Молдове, Валахии и Трансильвании.

Методические приемы Бухарестской школы: привлечение к исследованиям представителей разных специальностей, широкое применение разнообразных анкет в сочетании с непосредственным наблюдением, проверка полученных результатов различными способами, изучение развития явлений во времени и на широкой территории, попытки типологизации и картографирование, получение массового материала и статистическая его обработка — заслужили признание современных румынских этнографов.

Исследователи Бухарестской школы, так же как и этнографы наших дней, придавали важное значение программам (планам) будущих этнографических работ, которые систематически публиковались. В плане первой такой монографии, посвященной с. Нереж, уже широко представлены этнографические мотивы. Сравнивая этот план с опубликованным позднее планом книги о с. Дрэгуш-Фэгэраш²², можно констатировать, что число этнографических сюжетов со временем увеличилось, как возросла и глубина их разработки. Рассмотрим часть А — «Среда». С этнографическими темами мы сталкиваемся уже в I разделе этой книги. Намечались рассмотрение взаимоотношений «природы и культуры» (тема, особенно актуальная для ученых сегодняшнего дня²³), планировки сел, жилища, демографической структуры и динамики населения, родственных отношений и семьи, традиционной социальной структуры. Этнографичны параграфы «структура коллективного мышления», «конформизм и инновации».

В части В этнографические сюжеты содержит раздел V. Это и вопросы, касающиеся религии, этики, ритуалов, в том числе семейных, концепций относительно сущности мироздания, календарных праздников, способов врачевания. В этом разделе предполагалось также изучение интерьера, костюма, ткани, народного художественного творчества.

²² Drăguș, un sat din Țara Olteului (Făgăraș). Institutul de științe sociale/Herseni T. București, 1944.

²³ Бромлей Ю. В., Бромлей Н. Я. Культура и природа. — Вестн. АН СССР, 1980, № 10, с. 84—91.

В разделе VI внимание этнографа привлекут вопросы, касающиеся сельских ремесел и промыслов, в частности домашних. В раздел VII включен вопрос о традиционном праве.

Проблематика части С почти целиком связана с этнографией. Таковы параграфы раздела IX: семья, домохозяйство, соседство, группировка и игры детей, а также молодежи, объединения девушек и женщин, обычаи как социальные институты, село как социальное объединение. В раздел X также включены проблемы связей между членами семьи, между семьей и посаженными родителями, связи сел с соседним городом, обитателей Дрэгуша-Фэгэраша с покинувшими его жителями. И наконец, в разделе X планируется исследовать эмиграцию и иммиграцию, урбанизацию, трансформацию социальной структуры в пределах села.

Приведенный выше план монографии, посвященной селу, показывает, что авторы учитывали действие на социальные общности, по терминологии румынских социологов, во-первых, «натуральных» — «космических», «биологических» — факторов и, во-вторых, социальных — «исторических» и «психологических». Постоянно действующие факторы обеих категорий, по мысли ученых, образуют экономические, духовные, политические и юридические институты.

Рассмотренный выше план, как я пытался показать, пронизан этнографической проблематикой. В других планах, например книг о селах Копанке²⁴ и Нишканах²⁵, этнографических сюжетов меньше.

План монографии о семье составлен членом Бухарестского социологического семинара К. С. Коста-Фору, которая в 1927—1931 гг. участвовала в создании монографий о селах Нереж, Фундул Молдовей, Дрэгуш-Фэгэраш, Рунку (Горж, 1930 г.), Корнова и т. д. В рамках монографического изучения этих сел К. С. Коста-Фору изучала сельскую семью. В «Плане социологического изучения жизни семьи», приложенном к монографии (с. 297—323)²⁶, семья рассматривается как результат взаимодействия обуславливающих ее формирование факторов: физико-географических (земельные угодья, усадьба и жилище), биологических (пища), исторических традиций, религиозных, законодательных (юридические нормы, регулирующие отношения между членами семьи, владение имуществом и его наследование; обычное право), эстетических, материальной и духовной культуры. Воздействующие на семью экономические факторы, по мнению Коста-Фору, равноценны остальным. Большое внимание в «Плане» уделено анализу бюджета сельской семьи. Важное значение автор придавал изучению родственных отношений и связей в селах. Типы семьи планировалось выявить статистически, а некоторые семьи, относящиеся к репрезентативным типам, были избраны для более глубокого изучения. Предполагалось исследовать поколенный состав семьи, боковые родственные связи. Родственные отношения изображались графически. Автор предусматривал анализ и следующих вопросов: вступление в брак, классификация типов брака и брачных церемониалов; основание новыми семьями хозяйств; усыновление и т. д. В план включалось изучение внутрисемейных отношений: между супругами, между предками и потомками, например, родителями и женатыми детьми, между дедами (бабушками) и внуками, между семьей и боковыми родственниками, между семьей и посторонними, между семьей и отдельными ее членами. К. С. Коста-Фору придавала большое значение исследованию групповых интересов семьи, отношениям между семьей и общественными институтами.

Как видим, и в изложенную выше программу монографии входят этнографические сюжеты. Диапазон тем, освещенных в книгах Бухарестской социологической школы, весьма обширен. Это и планировка,

²⁴ Buletinul Institutului social român din Basarabia. T. 1. Chişinău, 1937.

²⁵ Buletinul Institutului de cercetări sociale al României. T. II. Regionale Chişinău, 1938.

²⁶ Costa-Foru X. C. Cercetarea monografică a familiei. Contribuție metodologică. Bucureşti, 1945.

форма сел как разновидностей поселений, различные схемы группировки в них усадеб (трехтомная монография о с. Нереж, «Румынская социология», монография Л. Аползан). В эти исследования особенно значительный вклад внесли антропогеографы, внимание которых было обращено на «усилия организовать окружающую среду благоприятно для возможностей жизни»²⁷. Большое внимание типологии поселений было уделено в четырехтомнике «60 румынских сел, исследованных студенческими бригадами летом 1938 г.». Здесь рассмотрены типы сел равнинных — земледельческих и горных — скотоводческих, типы сел виноградарей и садоводов, села, где жили главным образом торговцы фруктами, производители вошины и шерсти, огородники и ткачи, бродячие ремесленники, люди, работавшие в лесоперерабатывающей промышленности и в других видах индустрии²⁸.

Таким образом, в качестве критериев типологизации сел использованы топографические (расположение на горах, холмах, равнинах), исторические («старые» и «новые») демографические признаки. Для функциональной типологизации сел применялись широкие хозяйственно-экологические критерии и узкие, связанные с производственной специализацией²⁹.

Изучались также проблемы, касающиеся народного жилища, народная архитектура — техника возведения, конструкция и типы построек, интерьеры («Нереж», «Клопотива», книга Л. Аползан, «Румынская социология» и т. д.). Печатались также исследования о Музее села, где широко представлены румынские усадьба и жилище («Румынская социология»).

Немалое внимание уделялось экономике села — системе земледелия, мукомольному и сукновальному делу, животноводству, рыболовству, лесным промыслам, кузнечному ремеслу, торговле, крестьянскому бюджету, пищевому рациону, ткачеству («Нереж», «Клопотива», «Румынская социология»). Пример плодотворной работы этнографа в рамках Бухарестской социологической школы — исследование Л. Аползан, посвященное домашним текстильным промыслам и одежде в 43 охваченных автором селах в Западных Горах³⁰. В связи с рассмотренными сюжетами затронуты вопросы о границах региона, поселениях и усадьбах, демографическая структура населения, его занятия и т. д. Л. Аползан полагала, что традиционная одежда имеет этнически специфичные художественные особенности и влияет на ряд «социальных ансамблей» — общественное мнение, моду, социальный престиж. В книге выявлена взаимосвязь между падением роли домашнего текстильного промысла и исчезновением традиционной одежды.

Значительное внимание Школа Густы уделяла происхождению, структуре, функционированию сельской общины: действовавшим в ней юридическим и этическим нормам, системе управления, общей социальной организации целой группы сел во Вранче («Нереж»).

Большая полевая работа проводилась по обследованию семьи: внутрисемейных отношений, семейных генеалогий, истории отдельных семей (имущественное положение, труд, потребление и расходы, отношения и связи и т. д.), семейной (свадебная, родильная, погребальная) обрядности, церемоний и обычаев. Эти проблемы затрагивались в монографиях «Нереж», «Клопотива», «Румынская социология». К. С. Коста-Форту обобщила результаты полевых исследований в книге «Монографическое изучение семьи. Методологический аспект», сохранившей научное значение в наши дни. Исследовательница осветила место семьи, родствен-

²⁷ Nerej. Un village d'une région archaïque. V. I, p. 91.

²⁸ 60 sate românești cercetate de echipele studențești în vara 1938. *Sociologia României*, 4. Ancheta sociologică condusă de A. Golopenția și Dr. D. C. Georgescu. I — Populația. București, 1941; II — Situația economică. București, 1941; IV — Contribuție tipologia satelor românești. Sate agricole. Sate pastorale. București, 1943; V — Contribuție la tipologia satelor românești, București, 1942.

²⁹ Nerej. Un village d'une région archaïque. V. I, p. XI.

³⁰ Apolzan L. Portul și industria casnică textilă în Munții apuseni. — *Sociologia României*. București, 1944, № 5, p. 217, 220.

ых отношений и связей в общественной жизни села, изучила несколько типов семей с. Корнова. Она показала также зависимость формы семьи от влияния экономики. Различные стороны румынской семьи конца 20-х — начала 30-х годов предстают перед читателями в таблицах, диаграммах, графиках, отражающих статистически обработанный массивный материал.

В книгах членов Бухарестской социологической школы затронуты проблемы крестьянской групповой психологии и ее происхождения, причем, исследование проводилось на базе теории Э. Дюркгейма о «коллективных представлениях»³¹. Детально изучены народные мифология и положительные знания (астрономические, геологические, система сета, ботаника), литература. Тщательно описаны календарные праздники, в частности новогодние колядки, например Плугушор. Исследованы вопросы соотношения социологии и фольклора, отдельные фольклорные произведения, магические восклицания и заклинания, народные верования, связанные с пшеницей, и др. («Нереж», «Клопотива», Румынская социология»).

Как видим, рассмотренные выше планы этнографических разделов социологических монографий активно выполнялись. В монографиях о селах Нереж, Клопотива содержится ценнейший, зачастую уникальный этнографический материал. Книги о Копанке и Нишканах правдиво отразили тяжелое положение молдавского села Бессарабии, входившей в состав буржуазно-помещичьей Румынии. Исследование о Копанке, к сожалению, не лишено ошибок буржуазно-националистического характера, однако приведенный в нем большой фактический материал позволил советским социологам и этнографам использовать его для проведения сравнительных изысканий³².

В рамках Бухарестской социологической школы решались этнографические проблемы, важные для развития этнографии и в наши дни. При этом в этнографических исследованиях, как мы видели, применялись социологические методы. Взаимодействие с социологией углубило и усовершенствовало содержание румынской этнографии, ее методику, стиль работы. Следует отметить, что румынская этнография развивалась в известной мере под влиянием идей советской этнографии с ее пониманием этнографического явления как социального, как интегративной части социокультурного комплекса, развивающегося в рамках того или иного социального строя. Все это помогло этнографам из Школы Густы после победы в Румынии социалистического строя осуществить переход к методологии исторического материализма.

Однако в рамках Школы Густы объект, проблемы и методы этнографии не были полностью поглощены социологией. Этнография сохранилась как автономная наука, включавшаяся в качестве особой дисциплины в социологическое исследование.

Школа Густы — одно из направлений социологии села, представленной во многих зарубежных социалистических и буржуазных странах. Можно отметить черты сходства и различий между румынской, с одной стороны, польской³³, югославской³⁴ и североамериканской социологией³⁵ — с другой. Так, структура сельских семей, как и сельских общин, привлекает внимание исследователей всех четырех упомянутых стран. Но преобладание коллективных монографических исследований с широким включением в их состав этнографической тематики типично именно для румынской социологии.

Большим достижением Бухарестской социологической школы в области этнографии было создание Музея села (под открытым небом) в

³¹ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высш. школа, 1978, с. 211.

³² Копанка 25 лет спустя. М.: Наука, 1965, с. 22—33.

³³ Кондратьев В. С. Изучение социологических проблем села в Польше. — В кн.: Социологическое изучение села: культура, быт, расселение. В. 2, с. 74.

³⁴ Губогло М. Н. Путь социологии села в Югославии, с. 81.

³⁵ Тютюкин С. В. Панорама современной американской сельской социологии. — кн.: Социологическое изучение села: культура, быт, расселение. В. 2. с. 99, 106.

Бухаресте. Этот музей, существующий и в наши дни, отражает крестьянскую архитектуру, искусство, производство, быт, одежду различных исторически сложившихся областей Румынии. Музей создан социологами в соответствии с принципами этнографического музееведения. В домах на территории музея когда-то жили крестьяне — представители различных историко-культурных зон Румынии, демонстрируя, в частности, национальный костюм.

Перед Музеем села ставились первоначально социологические задачи. Густы называл его «социальным», а не «этнографическим». Так, каталог музея предполагалось использовать как основу для изучения «социологии сельской цивилизации», т. е. «социальных обстоятельств и условий рождения и функционирования каждого объекта в отдельности со всеми техническими, магическими и религиозными применениями, которым он подчинен или служит»³⁶. Целесообразность такого научного подхода Бухарестской социологической школы к изучению этнографического материала не подлежит сомнению.

Ценность наследия Школы Густы для этнографии состоит прежде всего в собранном в течение десятилетий и опубликованном огромном массиве достоверного материала, который служил³⁷ и будет неоднократно использоваться для характеристики культуры восточнороманских народов. Для современной этнографии, имеющей тенденцию к междисциплинарным исследованиям, важно и то обстоятельство, что в Бухарестской социологической школе социологические идеи обогащали этнографию, которая в свою очередь обогащала социологию.

³⁶ *Focșa G.* Etape succesive în elaborarea tematicii. Muzeului satului. Muzeul satului. Studii și cercetări. București, 1970, p. 8—10, 12; *Vulcănescu R., Gusti D.*: Fundațiunea Muzeului Satului.—Bull. UNESCO, 1980, № 3.

³⁷ Молдаване. Кишинев: Штиинца, 1977.

Н. П. Борзых

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ В СССР В СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

В последние годы ученые разных специальностей все чаще обращаются к материалам о межнациональных браках. Это и не удивительно: их изучение позволяет в известной мере судить о таких важных аспектах этнических процессов, как взаимоотношения между этносами, межнациональные установки, взаимовлияние национальных культур и др.¹ Но независимо от угла зрения, под которым рассматриваются межнациональные браки, всех исследователей интересуют ареалы распространения таких браков, их частота и этническая структура, иными словами, «эмпирическая база», являющаяся основой анализа.

К сожалению, эти вопросы изучены пока недостаточно. Поэтому заслуживают особого внимания привлечение этнографами материалов заговов в качестве источника сведений о межнациональных браках², а также разработанная ими специальная методика для анализа таких браков³.

В данной статье мы попытаемся, используя материалы ЦСУ СССР, выявить распространенность межнациональных браков в стране в середине 30-х годов. Нами изучена статистическая отчетность Отдела населения и здравоохранения Центрального управления народнохозяйственного учета СССР за 1936 г.⁴ Первичными документами для составления этой отчетности послужили акты регистрации браков загсами всех союзных и автономных республик, областей и краев страны. Учет браков проводился отдельно для городского и сельского населения. Национальный состав брачащихся представлен очень широко. Напри-

¹ Эта проблематика нашла отражение во многих работах. См., например: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *Козлов В. И.* Национальности СССР. Демографический обзор. М.: Статистика, 1975; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975; Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М.: Наука, 1979; Этнические процессы и образ жизни. Минск: Наука и техника, 1980, и др.

² *Трофимова А. Г.* Материалы отделов загов о браках как этнографический источник. — Сов. этнография, 1965, № 5; *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — Там же, 1969, № 3; *Соловей Л. С.* К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии. — Там же, № 5; *Евстигнеев Ю. А.* Национально-смешанные браки в Махачкале. — Там же, 1971, № 4; *Тер-Саркисянц А. Е.* О национальном аспекте браков в Армянской ССР (по материалам заговов). — Там же, 1973, № 4.

³ *Ганцкая О. А., Дебец Г. Ф.* О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков. — Сов. этнография, 1966, № 3; *Периц Ю. И.* О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности. — Там же, 1967, № 4; *Смирнова Я. С.* Национально-смешанные браки у народов Каракаево-Черкесии. — Там же; *Козенко А. В., Моногарова Л. Ф.* Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе. — Там же, 1971, № 6.

⁴ «Национальный состав брачащихся. Распределение числа браков по национальности жениха и невесты». — Центральный Государственный архив народного хозяйства СССР (далее — ЦГАНХ СССР), ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 14, лл. 1—135; ед. хр. 15, лл. 1—87.

Браки, заключенные в Европейской части СССР в 1926 г. *

Регион	Все население			Городское			Сельское		
	всего браков	из них междунациональных		всего браков	из них междунациональных		всего браков	из них междунациональных	
		число	%		число	%		число	%
Европейская часть РСФСР	747 847	21 687	2,9	158 931	12 278	8,3	588 916	9 409	0,5
Украинская ССР	346 562	24 005	6,1	66 749	13 897	20,0	279 813	10 108	3,6
Белорусская ССР	41 623	2 676	6,4	7 680	1 359	17,7	33 943	1 317	2,9
Европейская часть СССР в целом	1 136 032	48 368	4,1	233 360	27 534	11,6	902 672	20 834	2,2

* См.: Естественное движение населения в 1923 г. М., 1929, с. 148—154.

мер, на Украине, в Белоруссии и в Таджикистане учтены браки у девяти национальностей, в Казахстане — у восьми, в Азербайджане — у 18, в Грузии — у семи, в Армении — у восьми и т. д. Таким образом, материалы отчетности дают достаточно полное представление о межнациональных браках в изучаемый период.

К середине 1930-х годов в СССР, как известно, в основном сформировались социалистические общественные отношения. В ходе социалистических преобразований была ликвидирована экономическая и культурная отсталость народов бывших национальных окраин, укрепилась дружба всех народов — одна из движущих сил развития советского общества. Становление новых отношений между народами происходило в сложных условиях. «Национальные антипатии, — подчеркивал В. И. Ленин, — так быстро не исчезнут: ненависть — и вполне законная — у нации угнетаемой к угнетающей останется на время; она испарится лишь после победы социализма и после окончательного установления вполне демократического отношения между нациями»⁵.

Переход к социалистическим общественным отношениям способствовал преодолению религиозных предрассудков и бывшей национальной замкнутости; он ускорил процесс образования общих черт в культуре и быте людей разных национальностей. Социалистические преобразования затронули и такие институты, как семья и брак, что, в частности, выразилось в росте численности национально-смешанных семей.

В 1923—1927 гг. органы ЦСУ провели учет межнациональных браков на территории Европейской части СССР. В 1926 г. доля таких браков равнялась здесь 4,1%, причем в Европейской части РСФСР она составила 2,9, на Украине — 6,1, в Белоруссии — 6,4% (табл. 1). За период с 1926 по 1936 г. в Европейской части СССР число браков в целом увеличилось на 3,7% (с 1136 тыс. до 1173 тыс.), а межнациональных — в 3 раза, в том числе в городах в 3,2, а в сельской местности в 2,2 раза.

В 1926 г. из зарегистрированных в стране межнациональных браков на город приходилось 57,7%, на сельскую местность — 42,3%. Необходимо отметить, что доля межнациональных браков у основной национальности той или иной республики была меньше, чем в среднем по республике, причем в городах она была выше, а в селах ниже средней величины. Так, в Европейской части РСФСР, где межнациональные браки составляли 2,9%, у русских этот показатель равнялся 3,0 в городах и 1,0% в селах; на Украине у украинцев такие браки составляли 3,0% (в городах — 12,0, в селах — 2,0%) при среднем показателе по республике — 6,1%; в Белоруссии у белорусов — соответственно 2,0% (7,0 и 1,0%) при среднем показателе по республике — 6,4%.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 51.

Несмотря на то, что в общем числе браков доля смешанных была незначительна, по сравнению с началом 1920-х годов она все же несколько увеличилась. Так, в РСФСР у русских мужчин межнациональные браки в 1923 г. составили 0,7%, а в 1927 г. — уже 1,6%. В инонациональной же среде доля таких браков резко повысилась и достигла на Украине у русских мужчин — 30,9%, у женщин — 25,7; в Белоруссии — соответственно 47,3 и 20,7, в РСФСР у украинцев — 14,3, у украинок — 12,7, белорусов — 48,3, у белорусок — 34,5%. Высокий показатель межнациональных браков был у поляков и латышей, проживающих в РСФСР: мужчин — каждый 7—8-й брак, у полячек — 8—9-й, а у латышек — 6-й брак был смешанным. В Белоруссии, где проживала значительная часть поляков и латышей, межнациональные браки составляли у поляков мужчин — 36,2%, у женщин — 45,2; у латышей — соответственно 65,2 и 47,5%⁶.

Число межнациональных браков в последующие годы еще более возросло. В 1936 г. было зарегистрировано 1 462 037 браков, из них 82 360 (или 12,5%) — межнациональных. В семи союзных республиках доля межнациональных браков была выше, чем в среднем по Союзу: в Белоруссии — 19,4%, в Грузии — 17,6, на Украине — 17,3, в Киргизии — 16,4, в Туркмении — 14,4, в Таджикистане — 14,3 и в Казахстане — 13,1%. В четырех республиках уровень межнациональных браков был ниже среднесоюзного: в Узбекистане — 11,9%, в РСФСР — 10,2, в Азербайджане — 9,6 и в Армении — 4,6% (см. табл. 2). Из заключенных в стране межнациональных браков подавляющее большинство их (84%) было зарегистрировано в РСФСР (53,2%) и на Украине (30,8%).

Показатель межнациональных браков в среднем по отдельной республике был выше, чем у коренной национальности республики, причем женщины коренной национальности вступали в смешанные браки реже, чем мужчины (см. табл. 3). Исключение составляли русские женщины в РСФСР и украинки на Украине, вступавшие в межнациональные браки чаще, чем мужчины тех же национальностей.

Относительно низкий по сравнению с городом процент межнациональных браков в сельской местности объясняется более однородным национальным составом населения последней и определенным консерватизмом сельского образа жизни. Во всех республиках свыше половины однонациональных браков было зарегистрировано в городской местности. Исключение составляют четыре союзные республики — Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, где большая часть межнациональных браков была заключена в сельской местности. Это объясняется низким процентом городского населения в них, а в Казахстане, Киргизии и Таджикистане — и значительной долей в составе их сельских жителей русских и украинцев, вступавших в браки между собой.

Частота и структура межнациональных браков были различными в разных регионах страны, что обуславливалось разным уровнем социально-экономического и культурного развития, своеобразием быта, особенностями национальной психологии. Поэтому анализ межнациональных браков в каждом регионе представляет большой интерес.

В Российской Федерации в 1936 г. было зарегистрировано 930 427 браков, из них 94 561 — межнациональных (см. табл. 2), что составило 10,2% всех межнациональных браков страны. Обращает на себя внимание тот факт, что в РСФСР наибольший удельный вес межнациональных браков отмечен в автономных областях (12,9%) и республиках (11,5%); на остальной территории он был несколько ниже (9,7%). Высокий показатель межнациональных браков был в Крыму (35,6%), Северной Осетии (19,7), Якутии (16,0) и в Хакасской автономной области (16,9), сравнительно низкий — в Кировской (2,3), Ивановской (3,7), Северной (4,1), Курской (4,8), Ярославской (4,9), Воронежской (5,1) и Западной (5,5%) областях РСФСР с компактным однонациональным (русские) населением (см. табл. 4).

⁶ См. Национальная политика ВКП(б). М., 1930, с. 41.

Таблица 2

Браки, заключенные в СССР в 1936 г. *

Регион	Все население			Городское			Сельское		
	всего браков	из них межнациональ- ных		всего браков	из них межнациональ- ных		всего браков	из них межнациональ- ных	
		число	%		число	%		число	%
<i>РСФСР</i>	930 427	94 561	10,2	439 112	60 142	14,7	491 315	34 419	7,0
В том числе районы									
Западный	138 889	16 247	11,7	83 066	12 719	15,3	55 823	3 528	7,9
Центральный	201 925	17 753	8,8	124 309	14 194	14,2	77 616	3 559	4,6
Волго-Вятский	58 336	2 898	4,9	18 349	1 600	8,7	39 987	1 298	2,2
Центрально-Черноземный	75 533	3 777	5,0	16 853	1 669	9,9	58 680	2 108	3,6
Поволжский	138 310	10 893	7,8	44 794	4 380	9,8	93 516	6 513	6,9
Северо-Кавказский	123 233	18 882	14,8	52 933	11 919	22,5	70 300	6 963	9,5
Уральский	85 599	7 292	8,5	46 328	4 106	8,8	39 271	3 186	8,1
Западно-Сибирский	55 280	6 131	11,6	23 498	2 787	11,8	31 782	3 344	10,5
Восточно-Сибирский	29 763	4 237	14,5	14 326	2 801	19,5	15 437	1 436	9,3
Дальневосточный	23 559	6 451	27,4	14 656	3 967	27,1	8 903	2 484	27,9
<i>Украинская ССР</i>	315 198	57 704	17,3	131 881	42 935	32,5	183 307	14 769	8,1
<i>Белорусская ССР</i>	36 734	7 130	19,4	15 267	4 638	30,3	21 467	2 492	11,6
<i>Закавказский район</i>	58 350	7 171	12,3	25 925	5 152	19,9	32 425	2 019	6,2
Грузинская ССР	22 173	3 918	17,6	10 572	2 624	23,8	11 601	1 294	11,1
Азербайджанская ССР	31 840	3 055	9,6	13 454	2 367	17,6	18 386	688	3,7
Армянская ССР	4 337	198	4,6	1 899	161	8,4	2 438	37	1,5
<i>Казахская ССР</i>	41 607	5 462	13,1	11 427	2 010	17,6	30 180	3 452	11,4
<i>Среднеазиатский район</i>	79 721	10 332	13,0	23 127	4 623	20,0	56 594	5 709	10,1
Узбекская ССР	52 381	6 224	11,9	15 459	2 685	17,3	36 922	3 539	9,6
Киргизская ССР	8 202	1 352	16,4	1 920	479	25,0	6 282	873	13,9
Таджикская ССР	9 445	1 356	14,3	1 585	397	25,0	7 860	959	12,2
Туркменская ССР	9 693	1 400	14,4	4 163	1 062	25,5	5 530	338	6,1
СССР в целом	1 462 037	182 360	12,5	646 739	119 500	18,4	815 298	62 860	7,8

* ЦГАГК, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 11, л. 1—135; ед. хр. 15, лл. 1—87.

Доля межнациональных браков у основной национальности
союзной республики в 1936 г. (%) *

Национальность	Мужчины	Женщины	Средний показатель межнациональных браков
Русские (РСФСР)	7,7	11,5	10,2
Украинцы (УССР)	10,1	11,2	17,3
Белорусы (БССР)	12,0	10,0	19,4
Грузины (ГССР)	12,4	6,2	17,6
Армяне (АрмССР)	3,8	1,2	4,6
Азербайджанцы (АзССР)	4,0	3,7	9,6
Казахи (КазССР)	4,5	0,8	13,1
Узбеки (УзССР)	6,3	3,3	11,9
Киргизы (КиргССР)	4,2	2,5	16,4
Туркмены (ТССР)	6,0	1,2	14,4
Таджики (ТаджССР)	9,2	5,1	14,3

* ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 14, лл. 1—135; ед. хр. 15, ед. 1—87.

Распространенность межнациональных браков у основной по численности национальности РСФСР — русских, показана в табл. 5. Следует отметить, что 57,2% всех межнациональных браков русских мужчин и 27% аналогичных браков русских женщин были зарегистрированы в СФСР.

В крупнейших городах СССР — Москве и Ленинграде — доля межнациональных браков у мужчин и женщин была примерно одинакова: 15,0 до 17,7%⁷. Главной особенностью этих браков было преобладание браков с русскими. Так, в Ленинграде из 486 украинок, вступивших в межнациональные браки, 404 вышли замуж за русских, из 352 белорусок — соответственно 286, из 480 полячек — 382, из 748 евреек — 610. В Москве из 876 украинок, вступивших в межнациональные браки, 760 зарегистрировали их с русскими, из 209 белорусок — 176, из 848 евреек — 710. Таким образом, доля смешанных браков с русскими колебалась от 79,5% у полячек в Ленинграде до 86,6% у украинок в Москве. Средний показатель межнациональных браков здесь был особенно высоким у украинцев, белорусов, поляков, латышей, финнов (70—96%).

В 1936 г. на Украине было зарегистрировано 315 198 браков, из них 57 704 (или 17,3%) — межнациональных. Их доля была заметно выше среднего показателя по республике (17,3%) в городах — 42 935 (32,5%) и ниже в сельской местности — 14 769 браков (или 8,1%). Большая часть межнациональных браков приходилась на промышленно развитые области со значительной долей городского населения. Так, в Донецкой области было зарегистрировано 18 559 межнациональных браков (32,1% от их общей численности в Украинской ССР), в Днепропетровской — 694 брака (15,1%), в Харьковской — 8593 (14,5%), в Одесской — 7339 (13,2%), в Киевской — 7406 (12,8%). Гораздо меньше смешанных браков было заключено в Винницкой (4625 браков, или 8,0%) и Черниговской (1200 браков, или 2,1%) областях, а также в Молдавской АССР (288 браков, или 2,2%)⁸.

Анализ данных о межнациональных браках на Украине за период с 1927 по 1936 г.⁹ показывает, что, хотя общее число браков сократилось на 31 364, число межнациональных браков возросло на 33 699 (с 24 005 в 1926 г. до 57 704 в 1936 г., т. е. с 6,1 до 17,3%).

За этот же период увеличилось число межнациональных браков украинского населения: у мужчин — в 4,8, у женщин — в 8,7 раза. В общем балансе межнациональных браков в республике браки украинцев составили 51,7%.

⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 14, лл. 1, 5.⁸ Молдавская АССР в 1936 г. входила в состав УССР.⁹ См. Естественное движение населения в 1926 г., с. 152; ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 215, л. 15 и оп. 213, ед. хр. 32, л. 1.

**Распространенность межнациональных браков в РСФСР в 1936 г.
(% к общему числу браков) ***

Автономная республика, область, экономический район	Доля межнациональных браков, %	Автономная республика, область, экономический район	Доля межнациональных браков, %
<i>Северо-Западный район</i>	11,7	<i>Центрально-Черноземный район</i>	5,0
Северная область	4,1	Воронежская область	5,1
Ленинградская »	12,6	Курская »	4,8
г. Ленинград	16,4	<i>Поволжский район</i>	7,8
Коми АССР	17,3	Куйбышевская область	6,0
Карельская АССР	25,6	Саратовская »	8,3
Западная область	5,5	Сталинградская »	6,4
<i>Центральный район</i>	8,8	Татарская АССР	4,7
Ивановская область	3,7	Калмыцкая »	5,3
Ярославская »	4,9	<i>Уральский район</i>	8,5
Московская »	7,5	Удмуртская АССР	9,4
г. Москва	14,7	Оренбургская область	14,6
Калининская область	6,2	Свердловская »	6,4
<i>Волго-Вятский район</i>	4,9	Челябинская »	11,2
Горьковская область	4,4	<i>Западно-Сибирский район</i>	11,6
Марийская АССР	7,0	<i>Восточно-Сибирский »</i>	14,5
Мордовская »	7,2	<i>Дальневосточный »</i>	27,4
Чувашская »	8,4	РСФСР в целом	10,2
Кировская область	2,3		

* ЦГАНХ СССР, ф. 1532, оп. 210, ед. хр. 14, лл. 1—135.

Таблица 5

Межнациональные браки русского населения СССР и РСФСР в 1936 г. *

Национальность	Русские СССР				Русские РСФСР			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Украинцы	37 650	57,0	39 281	52,7	15 772	44,8	19 050	40,8
Белорусы	3 497	5,3	5 096	6,9	2 222	5,9	3 779	8,1
Поляки	2 633	4,0	2 088	2,8	2 094	6,5	1 575	3,4
Немцы	1 851	2,9	2 045	2,7	1 409	3,7	1 572	3,4
Евреи	3 851	5,8	5 603	7,5	2 821	7,5	4 495	9,6
Мордва	1 468	2,2	1 343	1,8	1 371	3,6	1 248	2,7
Татары	1 027	1,6	2 006	2,7	893	2,4	1 640	3,5
Прочие	14 024	21,2	17 025	22,9	11 157	28,6	13 356	28,5
Итого	66 001	100,0	74 487	100,0	37 739	100,0	46 715	100,0

* ЦГАНХ СССР, ф. 1532, оп. 210, ед. хр. 14, лл. 1—135; ед. хр. 15, лл. 1—87.

Структура межнациональных браков украинского населения в СССР и на Украине в 1936 г. показана в табл. 6. В целом по СССР первое место среди таких браков занимали браки с русскими: 79,5% с женщинами, 77,7% с мужчинами; на Украине эти показатели соответственно равнялись 69,7 и 70,4%. На втором месте были браки украинцев с поляками: в СССР—6,1 с женщинами и 6,0% с мужчинами; на Украине—соответственно 11,7 и 10,1%. Третье место занимали браки с евреями: в СССР—3,8 с женщинами и 3,7% с мужчинами; на Украине соответственно 6,3 и 5,7%.

Как уже упоминалось, очень высокими были показатели национально-смешанных браков в городах, особенно в крупных индустриальных центрах Украины¹⁰. В Киеве таких браков было зарегистрировано 27,6%, в Донецкой области—40,2, в городах Макеевка, Мариуполь, Ворошиловград—43,6, в городах Днепропетровской области—29,6 (Днепропетр-

¹⁰ Для сравнения укажем, что процент межнациональных браков в сельской местности здесь был много ниже: в Черниговской области—2,5, Харьковской—5, Киевской—6,8, Одесской—10,2 (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, лл. 55, 51, 44).

Межнациональные браки украинского населения СССР и Украины в 1936 г. *

Национальность	Украинское население СССР				Украинское население УССР			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Русские	39 281	79,5	37 650	77,7	16 921	69,7	19 208	70,4
Поляки	3 016	6,1	2 913	6,0	2 849	11,7	2 763	10,1
Евреи	1 799	3,6	1 811	3,7	1 534	6,3	1 566	5,7
Белорусы	857	1,7	1 142	2,3	—	—	—	—
Немцы	800	1,6	807	1,7	622	2,5	644	2,4
Молдаване	461	0,9	564	1,3	462	1,9	561	2,1
Греки	415	0,8	380	0,8	367	1,5	344	1,3
Болгары	219	0,4	278	0,5	195	0,8	252	0,9
Прочие	2 533	5,4	2 854	6,0	1 315	5,6	1 936	7,1
Всего	49 381	100,0	48 399	100,0	24 265	100,0	27 274	100,0

* ЦГАНХ СССР, ф.1562, оп. 210, ед. хр. 14, лл. 1—135; ед. хр. 15, лл. 1—87.

ровске, Запорожье, Днепродзержинске — 31,8%), в городах Одесской области — 33,7 (в Одессе и Николаеве — по 38,5%), в городах Харьковской области — 31,8 (в Харькове и Полтаве — по 38,4%), в городах Молдавской АССР — 34,6%. В целом по Украине в городах с населением свыше 100 тыс. жителей этот показатель равнялся 35,9%.

Несмотря на высокие показатели распространенности межнациональных браков в городах Украины, отмечается определенное «предпочтение», оказываемое однонациональным бракам. В городах Украины с населением свыше 100 тыс. жителей в 1936 было зарегистрировано 67 886 браков, из них 24 386 (или 35,9%) межнациональных. Это один из самых высоких показателей национально-смешанных браков в стране для данной категории городов. Если же сопоставить показатели фактической регистрации однонациональных браков и их теоретической вероятности, то мы будем иметь следующую картину. Для украинцев теоретическая вероятность — 22 282 брака, фактически зарегистрировано 28 417 браков; для русских — соответственно 3760 и 6487; для евреев — 1364 и 7999; для поляков — 6 и 55 браков и т. д. (при расчете использована методика О. А. Гандкой и Г. Ф. Дебеца)¹¹. Как видим, принадлежность к «своей» национальности играет существенную роль при выборе супруги или супруга.

Значительный рост межнациональных браков был характерен и для населения Белоруссии (табл. 7). За период с 1927 по 1936 г. процент подобных браков у белорусов увеличился: у мужчин с 2,7 до 12,0, т. е. в 4,4 раза, а у женщин — с 4,9 до 10,0. У евреев эти показатели возросли соответственно почти в 6,3 и в 2,2 раза, у поляков почти в 2 и 1,5 раза¹². У семи из девяти рассматриваемых в табл. 7 национальностей смешанные браки превышали 50%, у четырех (русские, украинцы, латыши, литовцы) они составляли $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$ общей численности браков, причем это характерно как для города, так и для сельской местности.

В Белоруссии в 1936 г. было зарегистрировано 19,4% межнациональных браков, а в 1937 г. — 20,4%. Это самый высокий показатель по союзным республикам. Напомним, что в 1936 году средний показатель межнациональных браков в СССР был равен 12,5, а в РСФСР — 10,2%.

Высокий показатель межнациональных русско-белорусских, украинско-белорусских и польско-белорусских браков и в городе, и в селе объясняется устойчивыми историческими связями этих народов, близостью их языка, культуры, традиций, проживанием на общей территории. Из табл. 8 видно, что среди межнациональных браков проживающих в Бе-

¹¹ См. Гандкая О. А., Дебец Г. Ф. Указ. раб., с. 109—118.

¹² См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах; ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, л. 9; оп. 211, ед. хр. 31, лл. 65, 66.

Межнациональные браки в Белорусской ССР в 1936 г.*, %

Национальность	По республике в целом		В селах		В городах	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Белорусы	12,0	10,0	6,5	5,3	23,4	19,8
Русские	69,3	75,2	66,2	73,5	70,6	75,9
Украинцы	77,3	81,8	80,2	83,0	75,3	80,9
Поляки	71,6	67,3	57,3	54,0	89,5	86,8
Латыши	81,2	81,8	71,4	67,7	93,1	94,3
Литовцы	78,4	81,4	63,6	—	84,6	84,6
Евреи	14,6	10,5	21,7	15,4	11,4	9,9
Татары	59,5	68,5	—	—	56,4	65,3
Немцы	52,5	52,9	40,8	47,3	64,5	59,6
Прочие	83,1	88,2	87,5	86,7	81,4	87,6

* ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, лл. 9, 10, 11.

Таблица 8

Браки белорусов с русскими, украинцами и поляками в Белорусской ССР в 1936 г.*

Национальность	Однонациональные браки (n ₁)	Межнациональные браки мужчин (n ₂)	В том числе с белорусами			Межнациональные браки женщин (n ₂)	В том числе с белорусами		
			число	%	отношение n ₂ :n ₁		число	%	отношение n ₂ :n ₁
Русские	687	1553	1258	81,0	1,83	2079	1707	82,1	2,48
Украинцы	217	740	570	77,0	2,62	973	770	79,1	3,5
Поляки	288	726	569	78,3	1,97	592	484	81,7	1,68

* ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, л. 9.

лорусской ССР русских, украинцев и поляков преобладали браки с белорусами (от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$). При этом доля их различалась весьма незначительно, в пределах 5% (наименьший показатель — 77,0% у украинцев-мужчин, наибольший — 82,1% у русских женщин).

В Закавказье межнациональные браки в 1936 г. составили 12,3% всех браков, заключенных в регионе (см. табл. 2 и 9). Самый высокий показатель был в Грузии (17,6%) и самый низкий — в Армении (4,6%). Большая часть межнациональных браков была зарегистрирована в городах (в Грузии — 66,9%, Азербайджане — 77,5, Армении — 81,3%), при этом значительная доля их — в столицах республик: в Тбилиси 1643 брака из 2624 зарегистрированных в городах (62,6%), в Баку 1901 из 2367 (80,3%), в Ереване 102 брака из 161 (64,0%). Процент же межнациональных браков составил в Тбилиси 29,9¹³, в Баку 18,6¹⁴, в Ереване 11,4¹⁵.

В Грузии 82,5% межнациональных браков приходилось на браки грузин, русских, армян, осетин, азербайджанцев. Доля межнациональных браков в городах Грузии была 24,8¹⁶, в селах — 11,1%¹⁷.

В 1936 г. наблюдался своеобразный «всплеск» межнациональных браков у абхазов. Их процент от общего числа браков абхазов составил 50,6 у мужчин и 29,4 у женщин. Однако уже в 1937 г. этот показатель снизился соответственно до 35,1 и 17,6%, а в 1939 г. был равен 28,6 и 20,4%. Поэтому нельзя рассматривать динамику межнациональных браков только как движение по восходящей линии, здесь имеются свои «приливы» и «отливы», как в любом сложном социальном явлении.

¹³ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, л. 4.¹⁴ Там же, л. 60 об.¹⁵ Там же, л. 8.¹⁶ Там же, л. 2.¹⁷ Там же, л. 3.

Таблица 9

Межнациональные браки азербайджанцев, грузин, армян и русских в Закавказье в 1936 г. *

Национальности	Мужчины									Женщины								
	всего браков	из них меж- национальных		в городе			в селе			всего браков	из них меж- национальных		в городе			в селе		
				всего браков	из них меж- национальных		всего браков	из них меж- национальных					всего браков	из них меж- национальных		всего браков	из них меж- национальных	
		число	%		число	%		число	%		число	%		число	%		число	%
Азербайджанцы	19 401	812	4,2	4 299	668	15,3	15 102	144	0,8	19 419	810	4,1	3 987	346	8,6	15 432	464	2,9
Грузины	10 258	699	6,8	3 634	472	13,0	6 624	227	3,4	10 924	1383	12,6	4 004	866	21,6	6 924	517	7,4
Армяне	8 149	954	11,7	4 422	794	18,0	3 727	160	4,5	8 264	1071	12,9	4 466	840	18,8	3 798	231	6,0
Русские	13 217	2615	19,7	10 369	1830	17,6	2 848	785	24,1	12 668	2066	16,3	10 386	1847	17,3	2 282	219	9,6
Прочие	7 325	2091	28,5	3 201	1388	43,4	4 124	703	17,2	7 075	1841	26,0	3 082	1253	40,6	3 999	588	14,7
Итого	58 350	7171	12,3	25 925	5152	19,9	32 425	2019	6,2	58 350	7171	12,3	25 925	5152	19,9	32 425	2019	6,2

* ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, лл. 1—8, 59, 60, 60 об.

Таблица 10

Межнациональные браки армян в республиках Закавказья в 1936 г. *

Союзные рес- публики	Мужчины									Женщины								
	всего браков	из них меж- национальных		в городе			в селе			всего браков	из них меж- национальных		в городе			в селе		
				всего браков	из них меж- национальных		всего браков	из них меж- национальных					всего браков	из них меж- национальных		всего браков	из них межнацио- нальных	
		число	%		число	%		число	%		число	%		число	%		число	%
Азербайджан- ская	2588	400	15,4	1359	369	27,1	1229	31	2,6	2423	235	9,7	1193	203	17,0	1230	32	2,6
Грузинская	2331	431	18,5	1545	384	20,9	786	107	13,6	2694	794	29,5	1825	604	33,1	869	190	23,0
Армянская	3230	123	3,8	1518	101	6,6	1712	22	1,3	3147	40	1,3	1448	31	2,1	1699	9	0,5
Итого	8149	954	11,7	4422	794	17,9	3727	160	4,3	8264	1069	12,9	4466	838	18,7	3798	231	6,0

* ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, лл. 1—8, 59, 60, 60 об.

Доля межнациональных браков в Армении возросла с 1% в 1927 г.¹⁸ до 7,6% в 1937 г.¹⁹ В 1936 г. удельный вес смешанных браков в сельской местности здесь составлял 1,5%²⁰ и был значительно ниже, чем в городах (8,4%)²¹. Относятся к низким показатели межнациональных браков в Армении объясняются прежде всего мононациональным составом населения республики, особенно в сельской местности. В инонациональной среде доля межнациональных браков армян значительно выше: например, у женщин в 1936 г. зарегистрировано в Грузии 29,5, а в Азербайджане — 9,7% подобных браков; у мужчин — соответственно 18,5 и 15,4% (табл. 10).

В Средней Азии и Казахстане в прошлом нормы адата и шариа та являлись правовой и религиозной основой регулирования семейных отношений. Формально коран не запрещал браки с представителями других народов, в частности с женщинами «китаби», т. е. относящимися к народам, в религиозных учениях которых признаются писания и пророки (с христианками и иудейками), однако мусульманское духовенство всегда выступало против подобных браков. Даже в первые годы Советской власти в силу сложившихся исторических условий семейно-брачные отношения по-прежнему регулировались нормами адата и шариа та. Только с укреплением Советской власти, утверждением государственных правовых норм, изменением социально-классовой структуры населения и ростом культуры в этом регионе изменилось отношение к межнациональным бракам.

Как уже отмечалось, большая часть межнациональных браков в Узбекской, Киргизской, Казахской и Таджикской республиках регистрировалась в сельской местности, однако удельный вес их в городах был гораздо выше. Доля межнациональных браков в сельской местности колебалась от 13,9% в Киргизии до 6,1% в Туркмении; средний же показатель равнялся 10,6%. Распространенность межнациональных браков среди различных национальностей Средней Азии и Казахстана показана в табл. 11.

И число и доля межнациональных браков во всех республиках возросли по сравнению с дореволюционным периодом, но тем не менее и в 30-е годы у основной национальности республики доминировали однонациональные браки. Так, доля однонациональных браков в своей республике равна у казахов 95,4%, у узбеков — 93,7, у киргизов — 95,8, у туркмен — 94,0, у таджиков — 91,8%. Этот показатель был еще выше у женщин основной национальности республики: у казашек — 99,2%, у узбечек — 96,7, у киргизок — 97,5, у туркменок — 98,8, у таджичек — 94,9%.

Проживание в инонациональной среде вело к уменьшению доли однонациональных браков. Например, если у казахов в Казахстане она была равна, как уже отмечалось, 95,4%, то в Узбекистане составляла 86,4, в Киргизии — 73,7, в Таджикистане — 84,5 и в Туркмении — 93,5%; соответственно у казашек в Казахстане — 99,2, а в Узбекистане — 90,6, в Киргизии — 71,0, в Таджикистане — 88,2 и в Туркмении — 93,3%.

В структуре межнациональных браков народов Средней Азии и Казахстана прослеживаются тенденции, как обусловленные историческими прошлым этих республик, так и вызванные социалистическими преобразованиями в них. Например, проживающие в Узбекистане небольшие по численности народы — уйгуры, иранцы, арабы, турки, евреи и др., — заключали в основном межнациональные браки, причем, как правило, с представителями более крупных тюркоязычных народов. В городах процент межнациональных браков уйгуров мужчин был равен 76,8, женщин — 43,5, а в сельской местности соответственно — 21 и 24,1. Из 299 браков уйгуров 247 были с узбеками. Следует особо сказать о меж-

¹⁸ Тадевосян Э. В. Дальнейшее сближение социалистических наций. — *Вопр. философии*, 1963, № 6, с. 10.

¹⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 211, ед. хр. 31, л. 90.

²⁰ Там же, оп. 210, ед. хр. 15, л. 7.

²¹ Там же, л. 6.

Таблица 11

Межнациональные браки городского и сельского населения Средней Азии и Казахстана в 1936 г. *

Союзные республики	Городское население			Сельское население			Все население		
	всего браков	из них межнациональных		всего браков	из них межнациональных		всего браков	из них межнациональных	
		число	%		число	%		число	%
Узбекская	15 459	2685	17,3	36 922	3538	9,6	52 381	6 224	11,9
Казахская	11 427	2010	17,6	30 180	3452	11,4	41 607	5 462	13,1
Киргизская	1 920	479	25,0	6 282	373	13,9	8 202	1 352	16,4
Таджикская	1 585	397	25,0	7 860	959	12,2	9 445	1 356	14,3
Туркменская	4 163	1062	25,5	5 530	338	6,1	9 693	1 400	14,4
Итого	34 554	6633	19,2	86 774	9162	10,6	121 328	15 794	12,9

* ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 210, ед. хр. 15, лл. 18—25, 62—68, 86—87.

Таблица 12

Доля этнически смешанных семей по союзным республикам в 1959 и 1979 гг. (%) *

Союзные республики	Все население		Городское		Сельское	
	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.
УССР	8,3	12,0	10,8	13,2	5,6	9,3
Украинская	15,0	21,9	26,3	29,9	5,8	9,3
Белорусская	11,0	20,1	23,7	29,5	5,6	9,2
Узбекская	8,2	10,5	14,7	17,3	4,7	4,7
Казахская	14,4	21,5	17,5	23,9	11,9	18,2
Грузинская ССР	9,0	10,4	16,4	15,5	3,7	4,8
Азербайджанская	7,1	7,6	11,8	12,1	2,0	1,7
Литовская	5,9	11,3	10,4	15,2	3,0	5,6
Латвийская	13,5	21,0	26,9	36,0	9,4	11,3
Эстонская	15,8	24,2	21,3	27,1	9,2	18,0
Киргизская	12,3	15,5	18,1	21,6	9,2	10,7
Таджикская	9,4	13,0	16,7	23,1	5,5	5,9
Армянская	3,2	4,0	5,0	4,9	1,4	2,2
Туркменская	8,5	12,3	14,9	19,9	2,5	3,3
Австрийская	10,0	15,8	14,2	18,6	5,1	9,0

* Население СССР. Справочник, М.: Политиздат, 1983, с. 59.

национальных браках женщин группы «кипчак». Из 245 браков, зарегистрированных с ними, 196 были смешанными: 46 (23,5%) с узбеками, 59 (30,0%) с казахами, 5 (2,5%) с киргизами, 4 (2,0%) с таджиками и 82 (42,0%) с представителями других этносов.

В Узбекистане женщины из числа тюркоязычных народов вступали в межнациональные браки преимущественно с узбеками (68% киргизок, 78,0 казашек, 80,6% туркменок). Переехавшие из других районов в Узбекистан украинцы, поляки, мордва, немцы, евреи заключали браки в основном с русскими. Например, доля межнациональных браков у мужчин мордвы составляла 71,8%, из них с русскими — 56,3; у женщин — 73,4, с русскими — 50,4%. Частыми были русско-украинские браки. Так, в 1936 г. здесь зарегистрированы 697 браков русских мужчин с женщинами других национальностей, из них 379 (54,4%) с украинками, и 696 национально-смешанных браков украинцев мужчин, в том числе 633 брака (91,1%) с русскими.

Все это свидетельствует о большом значении близости языков и культурно-бытовых традиций при заключении межнациональных браков. Но к середине 30-х годов в межнациональных браках Средней Азии и Казахстана появились и новые тенденции, обусловленные в большой степени социально-экономическими преобразованиями, проведенными в этих республиках. В 1936 г. в Узбекистане было зарегистрировано 302 брака русских женщин с узбеками (105 в сельской местности и 197 в городах), что составило 18,6% от общей численности смешанных бра-

ков русских женщин. В Туркмении было заключено 88 браков русских женщин с туркменами, в Казахстане — 272 с казахами, в Киргизии — 10 с киргизами. Значительно увеличилось число таких вариантов межнациональных браков как узбекско-татарские в Узбекистане (645), казахско-татарские в Казахстане (358), туркмено-татарские в Туркмении (71). В целом в 1936 г. для населения Средней Азии был характерен широкий диапазон выбора национальности брачного партнера. Например, в Туркмении зафиксированы 184 сочетания национально-смешанных браков, в Киргизии — 166, а в Узбекистане — 366.

Таким образом, к середине 30-х годов в нашей стране сложились благоприятные условия для увеличения числа межнациональных браков. По сравнению с предыдущим десятилетием удельный вес их повысился, особенно среди лиц, живущих в инонациональной среде.

Война 1941—1945 гг. нарушила естественные демографические пропорции между мужской и женской частями населения страны, вызвала резкое сокращение рождаемости, разрушила миллионы советских семей. Все это сказалось на формировании послевоенной демографической ситуации в стране и повлияло на развитие семейно-брачных отношений (см. табл. 12).

И тем не менее между довоенными и послевоенными тенденциями в заключении межнациональных браков есть определенная преемственность, которую в известной степени помогают выявить приведенные в статье данные.

Г. М. Давыдова

ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПОПУЛЯЦИЙ В АНТРОПОЛОГИИ

Изучение структуры человеческих популяций очень важно для понимания многих проблем биологии человека, а в ряде случаев и этногенетических проблем. Эта отрасль знания все более привлекает внимание антропологов.

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых элементарных вопросах генетической структуры человеческих популяций.

Понятие популяции. Обычно термином «популяция» пользуются, говоря о населении некоего города, местности, среды обитания. Население отдельной деревни, аула, кишлака и т. п. также представляет собой популяцию (как правило, простой структуры). Однако генетика придает основное значение не территориальной близости индивидуумов, а их родственным связям. В имеющихся определениях упор делается именно на генетическую сущность понятия.

Так, Т. Добржанский характеризует менделевскую популяцию как «репродуктивное сообщество разнополых и перекрестно оплодотворяющихся особей, обладающих неким общим генетическим фондом»¹.

Н. В. Тимофеев-Рессовский, А. В. Яблоков и Н. В. Глотов под популяцией понимают «совокупность особей определенного вида, в течение достаточно длительного времени (большого числа поколений) населяющих определенное пространство, внутри которого осуществляется та или иная степень панмиксии и нет заметных изоляционных барьеров, которая отделена от соседних таких же совокупностей особей данного вида той или иной степенью давления тех или иных форм изоляции»².

По мнению В. В. Бунака, «некоторое ограничение круга брачных связей является правилом для всех популяций, больших и малых. Раз-

¹ Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот Н. Биология человека. М.: Мир, 1968, с. 131.

² Тимофеев-Рессовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В. Очерк учения о популяции. М.: Наука, 1973, с. 40—41.

ния в соматических признаках между этническими и территориальными группами существуют постольку, поскольку вероятность браков между уроженцами одной местности больше вероятности браков другого типа»³.

Большинство человеческих популяций состоит из ряда популяций меньшей численности (или субпопуляций). Самая крупная популяция — и различные виды имеют разные генофонды вследствие нескрещиваемости между ними. Нередко в пределах вида выделяются подвиды или расы, которые в свою очередь могут состоять из еще более мелких подразделений. Расы распознаются благодаря генетическим, а также фенотипическим различиям между особями, входящими в их состав.

Для определения границ между расами, популяциями и субпопуляциями прежде всего существенно, насколько они изолированы друг от друга. В качестве изолирующих выступают географические, социальные и религиозные факторы. Изолятами обычно называют небольшие группы; численность их может быть и значительной, однако при условии хранения такой большой частоты внутригрупповых браков, при которой изоляционные процессы преобладают над миграционными. В. В. Бунак считает изолятом малую популяцию численностью до 1000—1200 человек. Для изолята характерно более тесное, чем в неизолированных популяциях, родство между его членами, обусловленное большей частотой изолакальных браков (браков внутри изолята). В далеком прошлом при малой плотности населения именно изоляты составляли, по-видимому, основную структурную единицу человечества. В изолированных популяциях особенно интенсивно протекают генетико-автоматические процессы, что ведет к большому межпопуляционному разнообразию. В этом кроется одна из причин широкой вариабельности человека как вида. В настоящее время такая структура популяций установлена в некоторых малочисленных этнических группах и в замкнутых социальных религиозных общинах.

Иное понимание изолята предлагает Ю. Г. Рычков. Он называет все древнее население Северной Азии гигантским изолятом, существующим в времена неолита⁴. Изолят в обычном понимании — пример простейшей популяционной структуры. Североазиатский изолят, как следует из работ Рычкова, — сложная система соподчиненных популяций с непереносимыми связями между ними и с притоком и оттоком части населения за пределы этого большого подразделения в течение его продолжительного существования. Назовем включение в древности андроновских элементов в юго-западной части этого гигантского изолята, позднее — проникновение на север самоедоязычных, монгольских и тюркских групп из южных областей, переселение тунгусоязычных элементов. Известно обратное движение — проникновение таяжных групп в степную зону. В сравнении с тем, насколько интенсивно и, можно сказать, бурно шли расообразовательные процессы в степной полосе, в Северной Азии они, безусловно, протекали медленно. Учитывая тысячелетия существования североазиатских популяций, можно предположить, что изоляционные процессы здесь преобладали над процессами смешения, и в этом смысле коренное население Северной Азии является изолятом, хотя медленные влияния соседних групп, т. е. миграционные процессы, несомненно, заметны в некоторых группах Северной Азии.

В качестве большого изолята, подразделенного на малые популяции, И. Б. Бёрдсел рассматривает аборигенное население Австралии⁵.

Система браков. Неизбирательные браки. Система браков, для которой характерна равная вероятность любого индивидуума одного поластупить в брак с индивидуумом другого пола, называется панмиксией.

³ Бунак В. В. Изменчивость соматических признаков в малых популяциях и проблемы таксономии. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964, с. 2.

⁴ Рычков Ю. Г. Сравнительное изучение генетического процесса в урбанизированной и изолированной популяциях. — Вопросы антропологии, 1979, № 63.

⁵ Birdsell I. B. Local Group Comparison among the Australian Aborigines. — Current Anthropology, April 1970, v. 11, № 2.

Конечно, это чисто теоретическая вероятность; в действительности существуют известные отклонения от принципа панмиксии, однако мало меняют существа дела, и панмиксия считается брачной нормой для большинства человеческих популяций.

Влияние случайности в подборе пар играет основную роль в распределении частот генов в той или иной популяции. Следствием случайности подбора брачных пар в популяции является сохранение постоянства частот генов и генотипов в смене поколений, генное равновесие (при достаточной численности популяции, отсутствии мутаций и при условии, что генотипы не различаются по жизнестойкости и плодовитости).

Для описания различий между популяциями обычно используются генотипы или фенотипы, а гены (в тех случаях, когда их можно выделить), знание которых необходимо, в частности, для определения частоты гетерозигот некоторых вредных генов. Для системы из двух аллелей (генов) частота гетерозигот при панмиксии равна $2pq$ (p — частота одного гена, q — второго) и наибольшей величины (50%) достигает при $p=q=0,5$. Со снижением частоты одного гена снижается частота только гомозигот по этому гену, но и гетерозигот, т. е. уменьшается разнообразие популяции.

Избирательные браки и их последствия. Отклонения от панмиксии происходят в двух направлениях: люди, состоящие в родстве, могут вступать в браки чаще (инбридинг) или реже (аутбридинг), чем при чисто случайном подборе пар. В некоторой мере аналогична инбридингу система положительного ассортативного скрещивания, когда индивиды, сходные фенотипически, а следовательно, имеющие тенденцию к генетическому сходству, вступают в браки чаще, чем по закону случайности. Например, известно, что существует подбор пар, более сходный по умственному развитию и по длине тела; индивиды с рыжим цветом волос, наоборот, реже вступают в браки друг с другом.

Очень тесный инбридинг (браки сибсов — братьев и сестер) в человеческом обществе известен как редкое исключение. Более частые браки между родственниками, — это браки между двоюродными братьями и сестрами и дядьями и племянницами, однако и они в ряде мест запрещены законом. Во многих западноевропейских странах частота браков между двоюродными сибсами не превышает той, которую следует ожидать при совершенно случайном подборе пар.

При браках между близкими родственниками резко повышается вероятность получения потомками одинакового рецессивного гена, в том числе вредного. Вероятность того, что у определенного индивидуума в данном локусе окажутся два гена, идентичные по происхождению, называют коэффициентом инбридинга (F). Существуют способы вычисления коэффициента инбридинга для отдельных лиц и для популяции в целом. В популяциях западных стран браки между двоюродными сибсами составляют не более 1% всех браков, хотя имеются и исключения: в северных округах Швеции — 6,8%, в высокогорных селениях Швейцарии — 11,5, в некоторых селах Бразилии — почти 20%. Эти чрезвычайно высокие частоты не отражают каких-либо особых обычаев, они скорее являются следствием того, что эти группы населения представляют крайние малочисленные изоляты благодаря своей географической или социальной изоляции либо малоподвижности.

Частота браков между родственниками зависит от размеров изолятов. Если группа населения, в которой надо найти жениха или невесту, очень малочисленна, то относительное число браков между двоюродными сибсами в ней выше, чем в крупных популяциях, и случайный подбор супругов чаще приводит к бракам между родственниками.

Относительно последствий родственных браков имеются подробные и многочисленные данные ряда авторов. Обобщенный вывод встречается у К. Штерна: «...в целом увеличение смертности, начиная с периода непосредственно перед рождением и до взрослого состояния, а также увеличение уродств и других аномалий среди потомков родственных браков».

полной строгостью указывает на существование вредных рецессивных генов. Среди этих генов, по-видимому, имеются и такие, которые усиливают подверженность инфекционным заболеваниям, таким, как туберкулез»⁶. Обычно чем теснее родство, тем большей бывает доля потомства, пораженных аномалиями. Среди признаков, которые исследуют тропологи, особенно подвержена действию инбридинга длина тела; она заметно уменьшена в группах, где встречаются кровно-родственные особи. Инбридинг повышается в группах небольшой численности (изоляция); в них необязательно допускаются близкородственные браки, но вследствие немногочисленности группы и узкого круга брачных связей гены ее оказываются состоящими в родстве той или иной степени. Неизбежно, в тех редких случаях, когда вредные рецессивные гены отсутствуют в популяции в целом, они не обнаруживаются и у потомства от кровно-родственных браков. Этого можно ожидать в экстремальных условиях, когда вредные рецессивы в гомозиготной форме могут элиминироваться под действием жесткого отбора.

Если в больших панмиксных популяциях частоты генов сохраняются постоянными из поколения в поколение, то в малых наблюдается тенденция к изменению частот генов — фиксации одних (т. е. достижение 100% частоты) и устранению других. Такая тенденция характерна для большой популяции, но в ней изменения происходят настолько медленно, что обычно в расчет не принимаются. Этот вероятностный процесс был описан Н. П. Дубининым и Д. Д. Ромашовым в 1932 г.⁷, позже он исследовался другими авторами. По формуле Райта можно предельно определить скорость изменения частот генов в поколениях в зависимости от численности популяции. Вычислено, что в популяции с репродуктивной численностью в 100 человек в порядке случайных колебаний половина локусов перейдет в фиксированное состояние через 139 поколений, т. е. 4—5 тыс. лет, а вторая половина — еще через 139 поколений. Такая же скорость фиксации генов по теоретической модели Райта. Этот процесс можно представить и по-другому. Если мы имеем, например, 100 популяций, где частота какого-то гена равна 15%, то через n поколений в 85 популяциях не будет этого гена, а в 15 популяциях он достигнет 100%.

Скорость генетико-автоматических процессов зависит также от длительности поколения, которая в свою очередь связана с возрастом вступления в брак. Раннее вступление женщин в брак характерно, например, для народов Индии, некоторых мусульманских стран; сравнительно позднее — для многих народов Севера Сибири. К последним относятся исследованные нами северные манси. Мы не смогли точно выяснить возраст вступления в брак, так как браки часто оформляются после рождения детей, но средний возраст родителей при рождении первого ребенка подсчитали: он равен 23,7 годам у матерей и 24,5 годам отцов.

Для примерных подсчетов за длительность поколения обычно берут либо 25 лет (четыре поколения в столетие), либо 33 года (три поколения в столетие). Реальная же длительность поколения, по-видимому, — величина не вполне постоянная.

Длительность поколения можно определять по-разному. Один из способов — анализ родословных таблиц, в которых все население оказывается распределенным по поколениям. Можно подсчитать средний возраст полностью сформировавшегося поколения. Правда, в этом случае происходит наложение поколений, что затуманивает картину. Часть популяции нельзя точно отнести к тому или другому поколению. Например, если рассматривать три поколения в двух семьях (деды-бабки, братья-сестры, внуки), то сибсы могут значительно различаться по возрасту, и вполне вероятен и даже нередок случай, когда младший брат одной семьи будет мужем внучки другой семьи. Их потомство можно

⁶ Штерн К. Основы генетики человека. М.: Медицина, 1965, с. 361.

⁷ Дубинин Н. П., Ромашов Д. Д. Генетическое строение вида и его эволюция. — Мол. журн., 1932, № 3—6, с. 52—95.

причислить к тому или другому поколению только формально. И, следовательно, возраст лиц, которых мы относим к данному поколению, в этих случаях не определяется точно. Более того, эта неточность, по-видимому, имеет направленный характер. Так как сведения о младших поколениях полнее и точнее, то в этих поколениях увеличивается число лиц, которых затруднительно отнести к конкретному поколению. Перекрытие поколений должно уменьшать вычисленную длительность поколения по сравнению с реальной. Ю. Г. Рычков по генеалогическим таблицам определяет длительность поколения у народов Северной Азии в среднем в 25—28 лет⁸; тем же способом полученная величина у манси несколько меньше — 23,5 года.

Иногда за длительность поколения берется средний возраст родителей (или отцов) при рождении первого ребенка, что, на наш взгляд, неверно, так как первый ребенок необязательно доживает до репродуктивного возраста.

Более правильным представляется способ вычисления средней длительности поколения, которым пользуются демографы. Они берут семьи с законченным репродуктивным периодом родителей и высчитывают средний возраст отца и матери и их детей (первого и последнего); разница между этими двумя цифрами и принимается за длительность поколения. У манси она равна 32,5 года, т. е. три поколения в столетие.

Очевидно, в популяциях, для которых характерен ранний возраст вступления в брак, этот показатель ниже.

Длительность поколений, может быть, менялась на протяжении истории человечества, будучи связанной и с продолжительностью жизни человека. Следовательно, и скорость генетико-автоматических процессов, также (при равных других условиях) зависящая от длительности поколений, в действительности величина не постоянная.

Вследствие генетико-автоматических процессов в популяции число гомозигот должно увеличиваться, а гетерозигот — уменьшаться. Имеем ли мы реальные примеры повышения частот гомозигот и уменьшения частот гетерозигот? Обычно приводится пример с дункерами, исследованными Б. Гласс. Популяция дункеров была разделена на три поколения и получены статистически достоверные различия по системе MN; по другим системам подобных различий выявлено не было⁹. В качестве второго примера можно назвать ильменских поозеров, исследованных Н. Н. Чебоксаровым¹⁰.

Данные по дункерам и ильменским поозерам свидетельствуют о существовании генных изменений, но не выявляют причин этих изменений. Долгое время различия по группам крови объясняли случайностью, однако становится все более очевидной справедливость мнения, что одними лишь случайными флуктуациями это явление вряд ли можно объяснить.

Структура человечества в прошлом создавала идеальные условия для генетико-автоматических процессов, но пока не ясно, оказали ли эти процессы влияние на его дифференциацию. Считается маловероятным, что гены и признаки абсолютно нейтральны в селективном отношении. Незначительное селективное преимущество одного гена по сравнению с другим почти невозможно уловить, но его достаточно, чтобы предотвратить случайный дрейф генов.

Большинство специалистов сейчас придерживаются мнения, что генетико-автоматический процесс не оказал серьезного влияния на ход эволюции человека или других организмов.

Однако бывают ситуации, когда случайность оказывается существенным фактором в дифференциации групп. Например: 1) резкие сокра-

⁸ Шереметьева В. А., Рычков Ю. Г. Популяционная генетика народов Северо-Восточной Азии. М., 1978.

⁹ Glass B. and o. Genetic Drift in a Religious Isolate.— Yearbook of Physical Anthropology, 1952, v. 8.

¹⁰ Чебоксаров Н. Н. Ильменские поозеры.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. I. М.— Л., 1947.

нения численности популяции (волны жизни Четверикова), когда утрачивается значительная часть популяции и оставшаяся может существенно отличаться от первоначальной; 2) часть популяции отделяется от основной и начинает самостоятельное существование. Отделившаяся часть может значительно отличаться от первоначальной (эффект родоначальника).

Вторую ситуацию мы наблюдали на Алтае, где две алтайские деревни отпочковались от третьей и утратили связь с нею. Наибольшее расхождение между жителями деревень обнаружилось по группам крови; статистически достоверная разница найдена в системе ABO, MN и Rh. Среди измерительных признаков только по форме головы выявлено существенное различие. При сопоставлении величин различий признаков между элементарными популяциями, которые представляют собой отдельные селения, и более крупными подразделениями — районными группами оказалось, что по мерным признакам районы различаются сильнее, чем отдельные селения, по группам крови — картина обратная¹¹. Вероятно, измерительные признаки, сложные по наследственной структуре, более пригодны в известных условиях для установления сходства и родства популяций.

Надо сказать, что эффект родоначальника существует при дроблении не только изолятов, но и популяций с более широким брачным кругом.

В настоящее время редко можно встретить изолят в строгом смысле этого слова. Основной единицей исследования антрополога является подразделение, более крупное по численности и с более широким кругом брачных связей. В. В. Бунак такое подразделение называет деком¹². По его мнению, дема — это популяция численностью от 1—1,2 до 5 тыс. человек с определенной частотой браков, заключаемых с уроженцами соседних селений¹³. Здесь мы имеем тот случай, когда поток генов в ту и другую сторону влияет на формирование изучаемой группы, а также соседних групп, на распространение признаков по территории.

В обычных условиях население всякого сколько-нибудь крупного района распадается на группы, образующие отдельные круги брачных связей, приуроченные к определенной территории. Таким было еще в прошлом веке сельское население Европейской части России и Сибири, к тому же типу популяций относится современное сельское население Западной и Северной Европы.

В качестве дема в ряде случаев можно рассматривать население нескольких пунктов, расположенных рядом. Именно так В. В. Бунак рассматривает, например, сельское население Серпуховского уезда Московской области второй половины XIX в.¹⁴. Единой популяцией или одним деком мы с полным правом считаем население более десятка деревень Псковского побережья, расположенных в радиусе нескольких километров, и другие, подобные группы деревень на островах Псковского озера.

Основная характеристика подобных популяций — широта круга брачных связей. Некоторые материалы о брачных кругах современного населения приведены в работе В. В. Бунака. В трех селах Новгородской области частота изолакальных браков у лиц старше 40 лет составляет 7%, моложе 40 лет — более чем вдвое меньше. У русского населения деревень по среднему течению Ангары частота изолакальных браков в старшем поколении равнялась в среднем 65,1%, в младшем — 37,3%. Частота браков в пределах селения некоторых алтайских групп состав-

¹¹ Давыдова Г. М. Сравнительная популяционно-генетическая характеристика трех русских деревень Алтая. — В кн.: Антропология и геногеография. М.: Наука, 1974.

¹² Некоторые ученые употребляют этот термин как синоним термина «популяция». М. Меттлер Л., Грегг Т. Генетика популяций и эволюция. М.: Мир, 1972, с. 56.

¹³ Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980, с. 252.

¹⁴ Там же, с. 250—251.

ляет 90—95% ¹⁵. У русских Псковского побережья — 60% в поколении исследуемых, 66,5% у их родителей ¹⁶. Такова картина в северных русских и сибирских группах.

Для некоторых территорий России была характерна такая популяционная структура, при которой основную популяционную единицу составляло население небольшой деревни. Вследствие его малочисленности большее число браков заключалось с уроженцами соседних деревень. Так, в Серпуховском уезде из 349 браков 44% заключено между уроженцами селений, расположенных в радиусе 5 км, 26% — в радиусе от 5 до 10 км, и лишь 18% — далее 10 км ¹⁷.

В Западной Европе изолакальные браки преобладали у сельского населения Западной Германии, Франции ¹⁸, Швейцарии, Польши и других стран ¹⁹. В. В. Бунак полагает, что изолакальные браки в населенных пунктах численностью 2—3 тыс. человек составляли в прошлом веке 75%.

Если между несколькими селениями устанавливаются постоянные брачные связи, то общее число изолакальных браков приближается к некоей средней величине, но колебания числа изолакальных браков в отдельных частях сложного дема могут быть заметными. Такие колебания не лишают дем значения воспроизводительной единицы. В населении даже при одной четверти гетеролакальных браков устанавливается заметное сходство не только по отдельным признакам, но и по их сочетаниям. «Доля местных браков становится показателем гомогенности антропологического типа» ²⁰.

В действительности чаще всего мы наблюдаем ситуацию, когда одно селение связано с несколькими другими, эти другие — с третьими и т. д. т. е. территориальные границы демов не выделяются. Бунак называет такую структуру составным демом. Несколько составных демов образуют фрагмент низшей таксономической единицы — локального зонального антропологического типа или варианта.

Такая популяционная структура ведет к стиранию границ между антропологическими вариантами, при этом показательна та часть ареала, в которой антропологический вариант выражен более ярко (центральная часть ареала антропологического варианта, из которой он как бы растекается по разным направлениям).

Круг брачных связей, или миграционный поток генов, наряду с численностью популяции определяет степень ее однородности, или гомогенности. Очень тесный круг брачных связей сокращает изменчивость в популяции и формирование новых генных сочетаний, что считается неблагоприятным фактором. Однако, по мнению ряда исследователей, частности В. В. Бунака, большое разнообразие сочетаний наследственных задатков также уменьшает вероятность формирования наиболее приспособленных комплексов. Поэтому самой благоприятной для популяции следует признать некоторую среднюю величину брачного круга. Установившаяся в прошлом веке структура популяции с 70—75% из локальных браков отвечает требованиям благоприятной структуры популяции.

Однородность популяций обуславливается средней степенью родства, которая в ней постепенно устанавливается. Наиболее точно средняя степень родства вычисляется при анализе родословных таблиц. В демах средней величины и небольших она будет между 6-й и 8-й степенями, т. е. где-то на уровне троюродных братьев. Средняя степень родства

¹⁵ Давыдова Г. М. Указ. раб., с. 57.

¹⁶ Беневоленская Ю. Д., Давыдова Г. М. Русское население Псковского побережья. В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М.: Наука, 1977, т. 18.

¹⁷ Бунак В. В. Род Homo..., с. 250.

¹⁸ Billy G. La Savoie. Anthropologie physique et raciale.— Bull. et mém. Soc. anthropol. Paris, 11 ser., 1962, 3.

¹⁹ Modrzewski K. Parish Melgibw as a Biological Circle of Isolation.— Ann. Uni Lublin, 1948, Ser. 13, III/3.

²⁰ Бунак В. В. Род Homo..., с. 251.

Район исследования, автор	Признак	Эндогамные браки	Экзогамные браки
Гвейцария (Hulse, 1957)	Масса тела (кг)	72,00	78,25
	Длина тела (см)	166,2	168,5
	Длина головы (мм)	187,5	189,1
Чехословакия (Феррак, 1970)	Длина тела (см)	174,2	176,2
Польша (Volanski, 1970)	Длина тела (см)	170,6	171,1
Швеция, северная часть (Бекман)	Длина тела (см)	170,3	171,8

* Таблица взята из книги: Бунак В. В. Род Номо..., с. 255 (под эндогамными и экзогамными браками здесь понимаются изо- и гетеролокальные браки).

одна из важных характеристик популяции, так как в значительной мере определяет изменчивость признаков в ней.

В настоящее время установлено, что степень однородности популяции, измеряемая долей гетеро- и изолакальных браков, существенно влияет на состав фенотипов в популяции. Если на протяжении длительного времени браки заключаются в пределах небольшого круга, могут возникнуть явления того же порядка, что при кровно-родственных браках, в частности уменьшиться в большой мере признаки продольного роста. Подобные явления рассматривает В. В. Бунак (выше мы приводим таблицу из его книги).

У детей от гетеролокальных браков наблюдается усиление интенсивности роста, особенно продольного, аналогичное тому, что известно под названием гетерозиса. Многие гетерозисные особенности сохраняются и в последующих поколениях. Подобное изменение признаков происходит обычно при слиянии деменов или при установлении между демами, относящимися прежде к различным брачным кругам, тесных брачных связей.

При брачных связях между группами, практически не различающимися по внешним признакам, но принадлежащими к разным брачным кругам, в некоторых случаях возможна, по мнению Бунака, продолжительная однообразная направленность изменений. Именно этим он объясняет возникновение первых древних брахикефальных форм²¹. В. В. Бунак считает, что в таких условиях возникают так называемые эпохальные изменения признаков, например головного указателя, окраски волос и радужины²².

Изменение численного соотношения вариантов в популяции и вопрос о роли естественного отбора. Внутри групп, по-видимому, происходит постоянная перестройка, следствием чего и может быть изменение антропологического типа во времени. В этом плане весьма удачным объектом исследования оказались северные манси, подробно изученные с этнографической точки зрения З. П. Соколовой. По архивным материалам она установила, какие фамилии носили манси в XVIII—XIX вв. и как часто встречались те или иные фамилии. При сопоставлении фамилий населения бассейна северной Сосьвы XVIII—XIX вв., приведенных З. П. Соколовой²³, и современных (посемейные списки, составленные нами на основании хозяйственных книг в 1970 г.) выяснилось, что многие фамилии, широко распространенные в прошлом, утрачены или встречаются в единичных случаях; некоторые, в прошлом редкие, широко распространились и насчитывают сейчас многие десятки и даже сотни (Хозумовы, Сайнаховы) носителей. Изменения численностей генеалогических линий, происшедшие за 2—1,5 столетия, настолько значительны, что не могут объясняться действием генетико-автоматических про-

²¹ Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования. М.: Наука, 1959.

²² Chamla M. C. Note sur l'évolution de la pigmentation des cheveux et des yeux des Français entre 1880 et 1940. — Biotypologie, 1964, 25, № 3/4.

²³ Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. Приложения, табл. 1 и 2, с. 167—175.

цессов. Возможно, изменение происходит вследствие различной плодовитости отдельных частей популяции. Во всяком случае, к такому выводу склоняют нас анализ плодовитости разных генеалогических групп у манси и тот факт, что различия между более и менее плодовитыми частями популяции носят типологический характер (а именно менее плодотворной части популяции в большей мере свойственны признаки древнеуральской расы, которая выделяется в составе манси, восточных финнов и некоторых других групп).

Таковы основные особенности генетической структуры небольших популяций, которые на протяжении существования человечества составляли основную воспроизводящую единицу.

В настоящее время начато изучение больших популяций, представляющих население крупных городов²⁴.

²⁴ Курбатова О. Л. Генетические процессы в городском населении (историко-демографическое исследование популяции г. Москвы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. М.: НИИ антропологии, МГУ, 1977.

А. Мардонова

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА У ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Традиционная обрядность народов Средней Азии и Казахстана, связанная с первыми годами жизни ребенка, — одна из тем, разрабатываемых в плане подготовки историко-этнографического атласа этого региона. В советской этнографической литературе ей посвящен ряд работ¹. Таджикскую обрядность, связанную с детьми, первым описал А. Гребенкин². В 1926—1927 гг. эту обрядность изучала у таджиков верховьев Зеравшана А. Л. Троицкая, работавшая в крупнейших кишлаках Фальгарской (к. Урмитан), Матчинской (к. Мадрушкат) и Искандеровской (к. Шурмашк) волостей, и посвятила ей специальное исследование³.

Данная статья основана на материалах, собранных автором в 1959—1961 гг. (в составе Зеравшанской этнографической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР) в тех же кишлаках, где работала А. Л. Троицкая. Кроме того, сведения получены в кишлаках современных Айнинского и Пенджикентского районов (Рог, Зимтут, Махшевад, Ери, Мазар, Верхний Гезан, Нижний Гезан, Панджруд, Некот, Джик, Парз, Ремонтидр.), а также в г. Пенджикенте. Выбор для обследования районов, изучавшихся более 30 лет назад А. Л. Троицкой, позволил выявить изменения, происшедшие в обычаях и обрядах детского цикла, в отношении к ним населения.

Надо сразу же подчеркнуть, что в 1926—1927 гг. эти обряды еще бытовали, и А. Л. Троицкая могла сама наблюдать все обрядовые действия, выполняемые последовательно чуть ли не с момента зачатия ребенка до достижения им 7—8 лет. Она тщательно проанализировала обряды, выявила связанные с ними представления, магический смысл каждого действия. Мы же застали интересующую нас обрядность на стадии угасания: полностью цикл ее обнаружить не удалось, сохрани-

¹ Библиографию см.: Рахимов М. Р. Рождение и воспитание ребенка. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1976, в. 3, с. 171—172.

² Гребенкин А. Заметки о Когистане. — Туркестанские ведомости, 1872, № 27, 32.

³ Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — Сов. этнография, 1935, № 6, с. 109—135. Далее ссылки на эту работу даются в тексте статьи.

лись лишь отдельные его элементы, многое утрачено или переосмыслено, какие-то действия выполняются чисто символически, в силу традиции.

* * *

Издавна у народов Средней Азии, в том числе у таджиков, многошленное потомство считалось признаком благополучия семьи. Об этом свидетельствуют и некоторые пословицы (например: «Ребенок — мора старости», «Жизнь рыбы связана с водой, а жизнь человека — с детьми»). Однако социально-экономическая и культурная отсталость народов дореволюционной Средней Азии, различные эпидемии и болезни, отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к большой детской смертности. В народном быту широко применялись различные магические обряды, призванные обеспечить детям здоровье и долголетие.

Первые 40 дней (чилла). У таджиков верховьев Зеравшана, как и у других народов Средней Азии, первые 40 дней после родов считались очень опасными для новорожденного и роженицы. Полагали, что некоторые магические обряды могут защитить мать и ребенка от действия злых духов: демонов, дивов, алмасты и др. Так, в течение 40 дней в комнате, где находились роженица и новорожденный, не гасили свет. А. Л. Троицкая отмечает, что это соблюдалось лишь в состоятельных семьях; в семьях же малоимущих огонь оставляли на ночь только пять—семь дней (с. 119). Роженица не должна была выходить на скотный двор, чтобы находящиеся там злые духи не причинили ей вреда; в период чилла запрещалось давать соседям соль, вообще выносить из дома и вносить в дом пищу. Сама роженица считалась ритуально нечистой, ей нельзя было целоваться, замешивать тесто. По обычаю, бывавшему у многих народов Средней Азии, под подушку роженицы и младенца клали лук, нож и хлеб, а на дверную ручку и на потолок вешали красный перец, так как верили, что злые духи не любят острых вещей и резких запахов. На ребенка надевали рубашку, сшитую из старой одежды бабушки или дедушки («чтобы он достиг их возраста»). Табуацию отдельных слов, отмеченную А. Л. Троицкой, мы не зафиксировали (раньше нельзя было произносить в присутствии роженицы и новорожденного слова *калид* — «ключ», *дик* — «котел», *кўза* — «кувшин»; см. с. 118).

Одним из главных обрядов периода чилла было купание младенца. Делали это не часто. В кишлаках Гезан, Некнот, Рашна, Искодар, Матиян и др. в первые 40 дней женщину и ее новорожденную дочь купали четыре раза, а если у нее рождался сын, то всего два раза (полагали, что у женщин грехов больше, значит и мыться им нужно чаще). В семьях, где умирали дети, новорожденного не купали до 40 дней, веря, что это спасет его от злых духов. Обычно же младенцев купали на 20-й день.

В настоящее время такого рода суеверия ушли в прошлое. Теперь ребенка стараются как можно раньше приучить к воде. Молодые родители моют младенца один—два раза в неделю. Обрядовая форма сохранилась в ряде кишлаков лишь в обычае первого «омовения» ребенка в «особой» воде, в которую добавляют немного бараньего жира, закваску для теста, горсточку соли и «наследственное», переходящее из поколения в поколение, кольцо матери, т. е., как пишет А. Л. Троицкая, «предметы, символизирующие богатство, достаток, здоровье и счастье» (с. 120). Считалось, что в этом случае ребенок вырастет упитанным и крепким. Первое омовение обычно совершала *момо* — повитуха. Она раздевала ребенка, сажала его в таз, поливала из кувшина приготовленной водой и приговаривала: «Вода худая — ребенок полненький, горные козлы худые — ребенок полненький, земля худая — ребенок полненький». После мытья младенца вытирали и дули на его щечки, веря, что это обеспечит все ту же полноту. Воду после купания выливали на корни плодового дерева или на кучу бараньего помета, чтобы младенец получил спокойный нрав и упитанность барана.

Обряд первого купания подробно описан А. Л. Троицкой, причём материалы в основном совпадают с нашими. Различия прослеживаются лишь в деталях: в воду клали, по данным А. Л. Троицкой, также кусочек мяса, вату, землю, семь зерен пшеницы, серебряную монету (набор предметов варьировал в разных кишлаках), ребенка сажали прямо в таз, а на ноги матери (или повитухи), которые она, усевшись «на приступочку», держала в тазу; головку ребенка в некоторых кишлаках мыли молоком матери (с. 120—121).

Обряд одевания был довольно сложным. Новую рубашку — *курта чиллаги* предварительно надевали на кол (чтобы ребенок вырос крепким, как кол), потом на собаку, трижды повторяя: «Будь быстроногим как собака», и лишь после этого — на ребенка, приговаривая: «Один надев, сто таких порви, жизнь рубашки коротка, жизнь ребенка пусть будет долгой». По сведениям А. Л. Троицкой, подобные обряды сопровождали и надевание первой рубашки сразу после рождения ребенка или после отпадения пуповины, либо на третий день (с. 121).

В период чилла выполнялся также обряд поздравления с новорожденным; мы не описываем его, так как теперь это просто веселый семейный праздник. Отпадение пуповины, «опасные» ночи (третья, пятая, седьмая — «седьмица» и девятая) не обязательно отмечались специальными обрядами уже в 1926—1927 гг., когда изучала обряды детского цикла А. Л. Троицкая.

Укладывание в колыбель (гаворабандон). Для ребенка раньше как правило, не приобретали новой колыбели, а использовали старую, взятую у многодетных соседей (такая колыбель считалась *бахосият* — «счастливой»). А. Л. Троицкая пишет, что чаще всего «положение колыбель... назначается... через девять дней после рождения ребенка, так как первые девять дней были наиболее опасными для него, и в кишлаках Матчинской волости иногда клали в колыбель на третий, шестой, седьмой день (с. 126). В кишлаках Магиян, Рог младенца клали в колыбель на пятый—седьмой день после отпадения пуповины. Обычно гаворабандон справляли особенно празднично только для первенца либо для ребенка, родившегося после долгого перерыва; для остальных детей этот обряд отмечали менее торжественно. Все детские вещи, прежде всего колыбель, при рождении первенца должны были принадлежать родителям жены. Для укладывания ребенка в колыбель выбирали «счастливый» день (понедельник, среду или пятницу) и «хорошее» место. Обряд гаворабандон бытует в некоторых семьях обследованных кишлаков и в настоящее время. Большое внимание в обрядовом цикле всегда уделялось самой колыбели: уже упоминалось, что она считалась «счастливой», если детей в семье было много, и переходила от одного ребенка к другому. Если же, наоборот, в семье умирал ребенок, «виноватой» в этом считали *бехосият* — «несчастливую» колыбель. На говорили, что ее охотно уносили из дома. Так, в кишлаках Зимту Магиян, Фараб, Некнот был даже специальный обряд (А. Л. Троицкая об этом не отмечает): колыбель умершего ребенка «наряжали», несли к кладбищу и оставляли там, говоря: «Ты убил (забрал) моего ребенка возьми и колыбель». Иногда «несчастливую» колыбель отдавали соседям.

Некоторые из зафиксированных нами названий частей колыбели и ее оснащения отличаются от приводимых А. Л. Троицкой. По ее сведениям, тюфячок, набитый шелухой от проса или мелкой соломой, который клали на дно колыбели, назывался *арзайдон* (с. 125), по нашим данным (к. Рог); широкие ленты для привязывания ребенка к колыбели по данным А. Л. Троицкой — *дасбанд* и *побанд* (с. 125), по нашим данным — *дасранг* и *поранг*. Надо отметить, что названия частей колыбели и ее оснащения значительно варьировали в разных кишлаках: так, отводная трубка, по которой моча стекала в горшочек, в Пенджикенте называлась *сумак*, а в к. Рог — *дуньёяк* и т. д. Различным было и покрытие колыбели — *гаворапуш*. А. Л. Троицкая пишет о ватном одеяле и шерстяном паласе *гилем* (с. 125). По нашим сведениям, покрывала

трасики для младенцев, так же как халатики, рубашки и тюбетейки для детей постарше, часто шили из разноцветных кусков ткани — *куж* (считалось, что это предохраняет от сглаза).

Перед укладыванием младенца колыбель тщательно очищали огнем и окуривали (*алас*), для чего повитуха зажигала тряпку и трижды вводи́ла ее вокруг колыбели, приговаривая: «Пусть моя рука коснет тебя, а не горе; не моя рука, рука святых, рука Фотимы и Зухры, бабушки Хадичи и Кибриё, во имя бога, пусть твой сон будет, как у медведя, а жизнь долгой, как у арчи⁴, покой и благополучие, аминь».

На празднование гавсрабандон приглашали всех женщин кишлака детьми. Им подавали плов, чай со сладями, но основным угощением были лепешки, которые начинали печь в доме еще с утра. А. Л. Троицкая пишет (с. 126), что в к. Шурмашк их называли *нимтуй* (нами это название не зафиксировано). Пекли также, о чем сообщает и А. Л. Троицкая, две очень толстые лепешки — *нони сари гавора* (хлеб для колыбели); их разламывали и давали по кусочку всем присутствующим, кусочек обязательно клали в колыбель, в изголовье (с. 128). По нашим сведениям, специально для колыбели выпекали небольшую лепешку *кулчанун*.

Во время угощения застеленную по всем правилам колыбель ставили на видном месте на шкуру барана («чтобы сон ребенка был крепким, как у ягненка»). Само укладывание ребенка в колыбель совершала многодетная, спокойная и добрая женщина. Но предварительно окуривали ребенка («от сглаза»), для чего повитуха обносила всех присутствующих дымящейся на подносе травой — *испанд*, а гости бросали в огонь по одной нитке от своей одежды. Ребенка трижды обносили вокруг дымящейся травы, а затем клали остатки ее в горшочек од колыбелью.

Прежде чем положить ребенка в колыбель, туда поочередно клали зеркало, гребень, точильный камень, лук, веник и маленькую лепешку *кулчанун*. Каждый предмет трижды опускали в колыбель вместо ребенка, спрашивая: «Так ли положить ребенка?» Два раза все женщины хором отвечали отрицательно, и только на третий раз — утвердительно (точильный камень и веник клали младенцу в ноги, остальное — под подушку). Всякий раз при выпечке в доме хлеба надо было *кулчанун* заменить свежей лепешкой (старую отдавали девочке-сироте, которая, покатав ребенка, съедала ее). Считалось, что зеркало и гребень «округляли» голову младенца. Перец и лук помещали в колыбель, чтобы обезвредить действия ведьмы (*ачина*) и дива, камень — чтобы ребенок вырос крепким; веник по старинным народным представлениям означал чистоту и «спутника» ребенка, якобы отгоняющего злых духов.

Укладывание в колыбель самого ребенка проходило в том же порядке: дважды его клали неправильно, и только на третий раз помещали голову на подушку, приговаривая: «Удовольствуйся доставшимся от бабушки и бабушки, спи спокойно. Не бойся лая собаки, крика осла, не бойся ссоры отца с матерью, не бойся грома и молнии». В Пенджикенте на перекладине колыбели над головой младенца кололи семь орехов, говоря: «Не бойся скандалов, лая собаки, мяуканья кошки, не бойся дивов и пари⁵, не бойся криков людей. Пусть сон твой будет, как у медведя, а жизнь, как у арчи». В к. Шурмашк, как сообщает А. Л. Троицкая, орех разбивали на перекладине колыбели в ногах ребенка (с. 127). В к. Мазар орехи не употребляли в семейной обрядности, так как полагали, что они вызывают скандалы.

После укладывания ребенка повитуха «плевала» ему в рот, произнося: «Сон отдала тебе, жизнь отдала тебе». Затем колыбель с младенцем поверх покрывала гаворапуш накрывали еще шкурой барана, что должно было способствовать спокойствию и здоровью новорожденного, или скатертью — это означало пожелание богатства и изобилия. Родственники осыпали колыбель конфетами и кишмишем, а присутст-

⁴ Арча — древовидный можжевельник.

⁵ Пари — «фея».

вующие, особенно дети, весело их собирали. После этого повитуха кла под подушку ребенка слева зеркало, а справа гребенку (чтобы по кормить ребенка, мать могла сесть и с правой и с левой стороны колыбели). По окончании праздника каждый гость подходил к колыбели и дотронувшись до нее, говорил: «Отдам тебе сон и всю жизнь».

В кишлаках Ёри, Фароб, Нижний Гезаң и в г. Пенджикенте в дереве гаворабандон после угощения пловом исполнялся обряд, о котором мы не нашли сведений в литературе. Он заключался в следующем. Провожая женщин, повитуха становилась у порога с шумовкой (калоа или қошуқи ошқаши) в руке и ударяла ею по спине каждую уходящую, говоря: «Отдай свой сон ребенку». Женщины на это отвечали: «Ваша болезнь и несчастье да перейдут мне, отдала все сны младенцу, пусть ему принадлежит медвежий сон и жизнь его будет долгой, как у аңчи»⁶.

Наречение имени (номгузори). В прошлом этот обряд проводился в различных кишлаках в разное время: на 7, 9 или 13-й день после рождения. Выбор имени зависел от многих обстоятельств: от времени года, месяца и дня недели, в которые ребенок родился, от близости календарного или сельскохозяйственного праздника и пр. В семьях, где часто умирали дети, им давали имена, обозначающие какие-либо прочные предметы: Сангак (букв. маленький камень), Тоштемир (камень-железо), Болта (молоток), Теша (вид топора), Табар (топор) и др. Верили, что подобные имена отпугивали от ребенка злых духов.

В верховьях Зеравшана до наших дней сохранился отмеченный А. Л. Троицкой и бытующий у многих народов обычай давать ребенку имя кого-либо из умерших родственников. В таких случаях мать, обращаясь к ребенку, называет его *оча* («мать»); если он носит имя ее покойной матери, или *додо* («отец»), *биби* («бабушка»), *бобо* («дедушка») и т. д. в зависимости от того, в чью честь ребенок назван. Само имя умершей матери или бабушки может и не произноситься (см. с. 127). Имя давал ребенку один из старших и почитаемых членов семьи или кишлака, человек, проживший долгую жизнь. Полагали, что долголетие и хорошие качества старейшего перейдут к младенцу. Раньше наречение имени происходило следующим образом: старик наклонялся к уху младенца и сначала произносил слово *азон* (мусульманский призыв к молитве), а затем называл имя, выбранное родителями. Считалось, что, если этого не сделать, ребенок не будет мусульманином и даже может стать глухим⁷. Детей, названных в честь предков, старались не обижать, иначе предки могут отомстить. Двойняшек-мальчиков, как отмечает и А. Л. Троицкая, часто называли Хасан и Хуссейн, девочек — Фатьма и Зухра, мальчика и девочку — Хасан и Хусенамо (с. 127). В некоторых кишлаках верховьев Зеравшана (Джик, Панджруд, Ремонт) мальчикам раньше часто давали арабские имена.

За годы Советской власти изменились обычаи, связанные с наречением имени ребенку. В 30-е годы стали давать имена, отражающие социальные перемены, происшедшие в стране: Давлат (государство), Ватан (Отечество), Аскар (солдат), Колхозчи (колхозник), Озод (свободный) и др. Теперь родители, выбирая имя, как правило, прислушиваются к советам старших родственников, друзей. А порой, услышав благозвучные имена по радио или узнав о них из телепередач либо из газет и журналов, они дают их своим детям. Вышли из употребления имена, унижающие достоинство человека (например Кул — раб). В настоящее время часто встречаются имена, начинающиеся словом *гул* — «цветок» (Гулзора, Гулрухсор, Гулбадан, Гулчеҳра, Гулбахор и др.), а также связанные с драгоценными камнями: Ёкӯтоӣ (рубин), Дурдона (жемчужина), Марҷона (коралл), Фируза (бирюза), Зумрад (изумруд), Садаф (перламутр), Гавҳар (жемчужина). Дети

⁶ См., также: Гребенкин А. Указ. раб., № 32.

⁷ Пещерева Е. М. Рождение и воспитание ребенка. — В кн.: Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 185.

ютно называют и именами легендарных и исторических героев: Русам, Сухроб, Чамшед, Абулк, осим, Искандар, Мехрангез, Фарход.

Окончание сорока дней (*чиллагурезон*). Период чилла завершался, как правило, обрядом чиллагурезон (*чилла* — сорокодневье, *гурезон* — рогонять). А. Л. Троицкая отмечала, что иногда этот обряд устранился на 20-й день. По ее мнению, «чилла разделяется ... на первые двадцать дней и вторые двадцать дней, и каждая из половин называется *лла*» (с. 128).

На 40-й день женщина с младенцем впервые выходила на улицу и авещала свою мать. Вместе с нею были свекровь, соседки, подруги; обычно брали с собой небольшое угощение. Мать роженицы осыпала мловку ребенка мукой, приговаривая: «Живи до старости, достигни своего возраста». В к. Покут она на пороге своего дома разбивала чем-нибудь камень («чтобы тело ребенка было крепким, как камень»). Все эти действия относятся к имитативной магии и направлены на то, чтобы ребенок рос крепким, здоровым, спокойным.

Аналогичные сведения о проведении обряда чиллагурезон содержатся и в работе А. Л. Троицкой. Кроме того, она отмечает, что в Исандеровской волости с ребенком заходили в семь домов, и всюду ему авали лакомства, а в некоторых домах дарили материю (с. 128). Но, зафиксированное нами в проведении обряда, заключается в посещении хлева⁸. В кишлаках Фароб и Рашна молодая мать, прежде чемйти в дом своих родителей, заходила в хлев — *оғил*. В к. Рог мать в леву сажала ребенка на барана, приговаривая: «Пусть твои кишкиудут длинными, как у барана, будь спокойным подобно барану, пустьтебя вырастут зубы, мелкие, как у барана». Затем она клала в подолубашки ребенка бараний помет, который сжигала, придя домой, а егоолой смазывала тело младенца. Остаток золы бросали в горшок (*ту-ик*), привязывавшийся под отверстие в колыбели. Если же у молодой матери не было ни матери, ни бабушки, ни сестер, то она шла в хлевоседей или дальних родственников и там совершала эти действия, причем по обычаю надо было обойти семь хлевов.

Первые слова ребенка (*аввалин сухангуи кӯдак*). С 3—4-х месяцев родители и родственники начинают разговаривать с ребенком, чтобы он, слушая речь, скорее научился говорить. Во многих кишлаках иселениях долины Зеравшана (Зимтут, Панджруд, Вору и др.) стараись не пропустить момента, когда ребенок впервые среди своего неонятного лепета случайно назовет отца, мать или кого-нибудь из родых (*додо* — отец, *оча* — мать, *бобо* — дедушка, *биби* — бабушка, *ама* — тетя по отцу, *хола* — тетя по матери). Названный должен былударить ребенку барана или козу. Животное позднее закалывали в«счастливый день» или в день какого-либо праздника (например,первой стрижки волос девочки или обрезания мальчика) и приготавливали угощение. Теперь это делают в день рождения, когда ребенкуисполняется год.

Кроме того, когда ребенок впервые начинает говорить, исполняют и другой обряд: мать замешивает тесто и моет руки в чашке с водой.Этой водой с тестом (*оби-лаққа*), бабушка по отцу кормит ребенка,приговаривая: «Пусть язык у тебя будет острым».

Таджики долины Зеравшана, как и многие другие народы, верили, что если первым ребенок произнесет имя отца, то следующим ново-рожденным будет сын, а если имя матери — дочь.

Если ребенок начинает ходить раньше, чем научится хорошо гово-рить, то берут остатки пищи с тарелки какого-либо очень красноре-чивого гостя и приятного собеседника и кормят ими ребенка. Анало-гичный обряд известен и у киргизов.

Появление первых зубов. До недавнего времени в отдельных семьях бытовал интересный и весьма распространенный у таджиков в про-

⁸ Аналогичный обряд бытовал у таджиков г. Самарканда, см.: Сухарева О. А. Мать и ребенок у таджиков. — В кн.: Иран, III, 1929, с. 153.

шлом обряд *дандонмушак*, связанный как с появлением первого молочного зуба, так и с его выпадением⁹.

Зубы у детей прорезаются в разное время. При нормальном развитии ребенка первый зуб, как известно, должен прорезаться в 6–8-месячном возрасте; более позднее появление свидетельствует о каких-то нарушениях в развитии организма. В народе же позднее прорезание зубов считалось признаком крепких и красивых зубов — *гавҳардандон* («жемчужные зубы»), а раннее, в 3–5-месячном возрасте, обещало в дальнейшем непрочные зубы (*гуҳдандон* — «дрянные зубы» или *сагдандон* — «собачьи зубы»).

При прорезании зубов, как известно, чешутся десны, поэтому ребенку давали очищенную морковь, яблоко или же к его ручке привязывали очищенную косточку — *дандонхораки устухони*. А. Л. Троицкая сообщает, что в этот период на ручку ребенка «навязывается ... браслетик из бус с длинной костяной палочкой», называвшийся *дандон халилак* (с. 130–131). В настоящее время дают ребенку покупные резиновые игрушки или специальные колечки. Они смягчают десны, и зубы быстрее прорезаются.

Обряд, которым отмечалось появление первых зубов, совершался торжественно с участием женщин и детей. Происходило это так: мать с ребенком шла к воротам семи домов, в которых живут многодетные, обеспеченные и счастливые люди, и, подражая детской речи, просила разные продукты. При этом она пела шутиливую песенку:

Мышка-мышкин зуб!
О гумно полное цветов мышки!
Мы пришли издалека
Ради одного зубочка мышонка.

Дайте нам муки испечь лепешек,
Дайте нам пшеницы кашу сварить,
Дайте нам орехов погрызть,
Дайте нам урюк пожевать.

Получив тарелку муки, сушеные фрукты, рис, пшеницу, горох, орехи, она приносила их домой и готовила угощение. Из муки пекли маленькие лепешки *кулча*, из пшеницы варили кашу *оши куча*; готовили также суп с лапшой, иногда плов. Этими блюдами угощали приглашенных гостей. В кишлаках Джик, Такфон после угощения приводили и ставили посредине комнаты ребенка — виновника торжества. Одна из наиболее почтенных и уважаемых женщин осыпала ему головку конфетами и вареными бобами, приговаривая: «Вырастай большим, доживи до глубокой старости, пусть зубы твои прорежутся так же быстро, как быстро всходят бобы, пусть у тебя прорежутся молочные зубы». Присутствующие дети и женщины весело, с шутками собирали сласти. У памирских таджиков в Шугнана при появлении у ребенка первых зубов приготавливали кашу из размельченных пшеничных зерен. Прежде чем взрослые приступали к еде, ребенку мазали губы и десны (давать, он уже «созрел» для пищи взрослых). Иногда мать сажала ребенка на барана, «чтобы зубы были мелкими и красивыми, как у барана».

Цель всех этих магических действий заключалась в том, чтобы обеспечить легкое, без боли, прорезание зубов и дальнейший их рост, прочность и красоту.

В настоящее время обряд *дандонмушак* утратил свой магический смысл и проводится как веселый семейный праздник, символизирующий пожелание долголетия и счастливой жизни ребенку.

Первые шаги ребенка. Обряды, связанные с первыми шагами ребенка, называются *погардак* (к. Рог), *попора* (к. Рарз) и *қадамдодой* (кишлаки Рог, Рарз, Мадрушкат). Считалось, что эти обряды помогут ребенку научиться ходить быстро и легко; и теперь они по традиции соблюдаются в некоторых семьях.

Как только ребенок начинает пытаться ходить сам, исполняется

⁹ Подробнее см.: *Мардонова А.* Обычаи и обряды таджиков верховьев Зеравшана, связанные с появлением и выпадением молочных зубов у детей. — Изв. АН ТаджССР, 1973, № 1 (74), с. 25–31.

ведущий обряд. Двое взрослых берут его под мышки и медленно идут, поливая на землю воду и приговаривая: «Топ-топ ножками». Затем мать или бабушка водит ребенка по этому месту, произнося: «Пойди, как текучая вода бегом-бегом по улочкам». То же наблюдала А. Л. Троицкая; несколько различаются только слова напутствия. Так, «в Матче часто говорят неуверенно ступающему малышу: „Нож-а-ножка, дай-дай красный сапожок“» (с. 32). В к. Зимтут головку малыша при этом осыпают сладостями и вокруг нее обводят камнем, который потом разбивают на куски со словами: «Пусть голова будет крепка, как камень, а жизнь будет долгой». Под ноги идущего ребенка в Парз клали вату, чтобы он в ходьбе был легок, как вата, а в Нижнем Гезане и Магияне — острый нож, чтобы он был ловок и быстр в нем.

Первая стрижка волос (*муйсаргирон*) и ногтей (*нохунгирон*). Церемония первой стрижки волос в кишлаках Гезан, Дар-Даре называется *муйсаргирон*, в Рашне, Магияне — *кокултарошон*.

Первую срезанную прядь волос младенца мать обычно сохраняла; в Матче, как сообщает А. Л. Троицкая, ее зашивали в тумар и вешали на плечо детского халатика или закапывали под плодовым деревом (см. с. 132). При первой стрижке у девочек оставляют немного волос на затылке, а у мальчиков — на висках. Прежде оставленные пряди волос (или одна из косичек) посвящались мазару. Обычно так стригли детей, которых долгие годы ждали в семье, либо часто болеющих. Иногда родители срезали *нарз* — косичку, предназначавшуюся мазару, привязывали ее к арче или другому дереву, поближе к мазару. Верили, что это обеспечит ребенку здоровье. В прошлом бывало, что косички *нарзи* носили юноши до женитьбы, а девушки до замужества до рождения первого ребенка. Отрезали их в момент закалывания бещанного мазару барана.

Сейчас во многих семьях обряд *муйсаргирон* отмечается как день рождения ребенка, когда ему исполняется год. А. Л. Троицкая писала, что в Фальгаре в этот день мальчика «сажали на барана, а затем на ошадь с пожеланиями ему богатства» (с. 132). Нами эта деталь обряда не зафиксирована.

Когда ребенок научится ходить, ему подстригают ногти. В кишлаках Фароб, Махшевад, Искодар и Магиян для этого приглашают почтенного старика, пекут лепешки и приготавливают плов. После угощения старик кладет руку ребенка на лепешку и стрижет ногти, приговаривая: «Доживи до моего возраста, состарься и живи в изобилии». Срезанные ногти выбрасывают в речку, чтобы жизнь ребенка текла так, как вода в реке. А. Л. Троицкая приводит данные по Искандеровской волости, где остриженные ногти ребенка, завернутые в тряпочку, закапывали на берегу реки (с. 132).

Приобщение детей к труду (*дасбандон*). Когда девочка с матерью первый раз выходит на сбивание масла (*дугкаш*), одна из женщин привязывает ее своим платком к маслобойке (*чахдег*); когда девочка впервые подметает двор, ее привязывают к венику, при этом соседка бежит к матери (или бабушке) и говорит: «Поздравляем тебя, дочь у тебя стала помощницей, говори, чем ты нас будешь угощать». И пока она не пообещает угостить каким-то блюдом, они не отпускают девочку. Мать приготавливает обещанную пищу. Обычно это *фатирмаска* (курочки пресной лепешки в растопленном масле) или *оши бурида* (суп-лапша), лепешки. Поев, женщины читали молитву *фотиҳа*, чтобы ребенок вырос здоровым и трудолюбивым.

Первое свое рукоделие — вышитую тюбетейку, связанные носки, косметку *чияк* — девочка дарит хорошей и здоровой мастерице, иногда почитаемой старушке, чтобы стать такой же мастерицей и дожить до старости.

Вообще, если ребенок (и мальчик, и девочка) брался первый раз за какое-нибудь дело, всегда выполнялся обряд *дасбандон*, основная часть которого заключалась в приобщении детей к труду.

Сравнение материалов 1926—1927 гг., собранных А. Л. Троицкой и материалов, собранных нами в 1959—1961 гг., показывает, что обычаи и обряды детского цикла у таджиков Верхнего Зеравшана претерпели существенные изменения. Одни из них исчезли, другие трансформировались, появились и некоторые новые. Так, в сельских семьях еще сохраняется обряд укладывания в колыбель, однако присущая ему ранее религиозность теперь забыта. Он нередко приурочивается ко дню рождения ребенка, на который приходят родственники и друзья с подарками — купленными в магазине кроватками, колясками, детскими игрушками. Обряды, которыми прежде обязательно отмечались появление первых зубов, первые шаги ребенка, первая стрижка ногтей, волос, приобщение детей к труду, также утратили присущий им в прошлом магический смысл. По форме все эти обряды традиционны, при их исполнении по-прежнему произносятся традиционные формулы пожелания ребенку долголетия, здоровья и счастливой жизни, по существу же они являются всего лишь поводом для устройства веселого застолья, встречи родственников, друзей и знакомых.

В наше время получили широкое распространение и новые обряды, связанные с первыми годами жизни ребенка: торжественная регистрация новорожденного, празднование дня рождения, празднование начала первого учебного года и др.

Э. Ю. Джавадова, Г. Д. Джавадов

НАРОДНЫЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ И МЕТЕОРОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX В. *

Земледельческий календарь и связанная с ним система народной метеорологии — область народного быта, этнографически наименее исследованная¹. В полной мере сказанное относится и к Кавказу², в частности к Азербайджану³. Между тем изучение этих проблем весьма существенно, так как дает возможность представить большой и важный пласт народной культуры, проследить и охарактеризовать многовековой хозяйственный опыт народа.

Настоящая статья, основанная преимущественно на полевых материалах, собиравшихся авторами в течение многих лет в различных историко-культурных зонах Азербайджана, — первая попытка характеристики народного земледельческого календаря и метеорологии азербайджанцев. Использованы также довольно редкие в дореволюционной кавказоведческой литературе свидетельства бытописателей XIX — на

* В основу статьи положен доклад авторов, прочитанный на Всесоюзной сессии, по священной итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг.

¹ Из весьма многочисленных работ на эту тему следует назвать: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. М.: Наука (Зимние праздники — 1973; Весенние праздники — 1977; Осенне-летние праздники — 1978); Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

² См., напр.: Трофимова А. Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем. — Сов. этнография, 1961, № 1; Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихаев А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. — VII Межд. Конгресс антропологических и этнографических наук [Доклады советской делегации]. М.: Наука, 1964; Чибарова Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1976.

³ Некоторые сведения о народном календаре содержит работа: Дадашзаде М. А. О двух народных праздниках. Баку: Элм, 1970 (на азерб. яз.).

ала XX в. Из них наиболее ценностью представляются публикации Галанбека Зардаби — видного азербайджанского просветителя⁴.

Используя традиционные хозяйственные навыки и многообразные эмпирические знания, земледельцы определяли время проведения тех или иных сельскохозяйственных работ. Передаваясь из поколения в поколение, эти знания дошли до нас в виде целой системы — земледельческого календаря, наблюдений примет погоды и других природных явлений. Многие из этих наблюдений и поныне используются в хозяйственной практике азербайджанского народа.

Азербайджанцы разделяли год на четыре сезона, по три месяца в каждом⁵. Каждый сезон делился на более короткие периоды, особенности которых во многом отражали своеобразие природных условий и хозяйства различных зон Азербайджана.

Весна. Сельскохозяйственный год у азербайджанцев, как и у многих древнеземледельческих народов, начинался с приходом весны (яз), наступавшей 22 марта по н. ст., т. е. со дня весеннего равноденствия, когда отмечался праздник *Новруз* (Новый год). С началом весны, по народным представлениям, приходили в движение «стоячие воды». Люди внимательно следили за прилетом птиц. Первыми возвращались скворцы, затем ласточки и аисты. С аистами был связан такой обычай. Завидев их, дети бежали к родителям с радостной вестью и получали от них подарки. Важное значение придавалось тому, что дети видели в клюве птицы. Колос или зелень предвещали урожайный год, камень или кость — засушливый и неурожайный. Существовал еще ряд примет, по которым определяли, удачным ли будет год. Стая голубей, опустившаяся на вспаханное или засеянное поле, предвещала хороший урожай. Если же голуби садились на крыши домов, это расценивалось как примета неурожайного года. По расцветке крыльев бабочек определяли, каких сельскохозяйственных продуктов будет больше: преобладание белых бабочек означало обилие молочных продуктов, красных — зерновых культур, зеленых — корма для скота.

До начала пахоты крестьяне старались привести в порядок необходимые орудия, закончить все зимние дела. Так, ткачихи должны были завершить к этому времени изготовление ковров и паласов. Женщин, не справившихся с этими работами, считали нерадивыми. По народным поверьям, об окончании зимы возвещали синицы. Они садились на крыши домов и говорили женщинам, которые не закончили своих зимних дел:

Джэхрэ дарагы яза галанын,
Дили янсын, эли гурусун!

(У тех, кто не завершил зимнюю работу до весны,
Пусть отсохнут руки и язык).

Такое отношение вполне понятно, ибо в цикличности сельскохозяйственного года существовал не допускавший нарушений ритм. Считалось, что своевременное окончание всех зимних дел — залог успеха весенних полевых работ.

Перед наступлением дня весеннего равноденствия было принято отмечать четыре среды (*джемле*)⁶ последнего месяца. В первую среду, по народным представлениям, «обновлялась» вода, во вторую — огонь, в третью — земля. В четвертую среду ветер раскрывал почки деревьев, и наступала весна⁷. В эти дни, особенно в последнюю среду *ахыр* или *гюл*

⁴ Зардаби Г. Б. Предсказание погоды. — Газ. «Каспий», 1900, № 129; *его же*. Влияние фаз луны на органическую жизнь на земле. — Газ. «Каспий», 1900, № 137; *его же*. Гуйруг догду, чиллэ чыхды. — Газ. «Хаят», 1900, № 35 (на азерб. яз.).

⁵ О названиях этих месяцев см.: Абдуллаев Б. А. Юсиф Везир Чемеңземли и фольклор. Баку: Элм, 1981, с. 50 (на азерб. яз.).

⁶ Антология азербайджанского фольклора. Кн. I. Баку: Изд-во АН АзССР, 1968, с. 252 (на азерб. яз.).

⁷ Зардаби Г. Избранные произведения. Баку: Азернешр, 1960, с. 302—303 (на азерб. яз.).

чаршэнбэ («последняя среда года»), по вечерам во дворах разжигали костры; все члены семьи, в первую очередь дети, трижды перепрыгивали через огонь и говорили: «Агрым, угрум, устумдэн, азарым-безарым-бурада галсын» («Пусть все мои беды, несчастья останутся здесь в огне») ⁸. Перепрыгивая через огонь, люди, по поверью, сжигали в нем все несчастья ⁹. Даже дойных коров заставляли перепрыгивать через костер. Считалось, что указанная церемония поможет сделать новый год счастливым для семьи. Обращаясь к огню, люди говорили еще так:

Агрым, угрум токулсун,
Ода душуб, кул олсун,
Янсын, алов сачылсын,
Мэним бахтым ачылсын ¹⁰.

(Пусть все мои беды обратятся в пепел,
пусть этот огонь принесет мне счастье).

В последнюю среду года стреляли также из ружей. Этот обычай назывался *Новрузун топу атылды* («выстрел пушки Новруза»). Сведения об этом обычае имеются у средневековых авторов. Так, участник новгородных церемоний в Шемахе Адам Олеарий писал в 1637 г.: «Астролог часто встает из-за стола и своим гномоном наблюдает высоту солнца, смотрит на свои часы и таким образом ждет момента, когда солнце достигнет точки равнения дня с ночью. Когда наступила ожидаемая минута, он громко объявил: Новый год наступил. Сразу открыли пальбу из пушек. На стенах и башнях города играла труба (гарадай), били в набат, и таким образом начался весенний праздник» ¹¹. В. Ф. Миллер, касаясь этого обычая, писал, что «костры зажигались как символ новой жизни, возродившегося солнца» ¹². Таким образом, древние игры с огнем, с одной стороны, означали окончание зимы, а с другой — были сигналом к началу весенних полевых работ.

Только после новогоднего выстрела и разведения костра в последнюю среду года (*ахыр чаршэнбэ тонгалы*) крестьяне выходили в поле и начинали сельскохозяйственные работы. До совершения этих обрядов вспахивать землю не полагалось, так как считалось, что она еще холодная.

Отмечая Новруз, крестьяне определяли, каким будет год: сухим или дождливым, урожайным или нет. По традиции первый день Новруза считался весной, второй — летом, третий — осенью, четвертый — зимой. Если первый день проходил без осадков, без ветра, то предполагалось, что предстоящая весна будет благоприятной для сельскохозяйственных работ. Наоборот, если в этот день шел дождь, было пасмурно, то и весна ожидалась такой же. Земледельцы говорили: «Яхшы ил, бахырландан бэлли олар» («Хороший год виден по его весне»).

Последующие три дня, по поверью, свидетельствовали, какими будут предстоящее лето, осень и зима. Основу подобных эмпирических наблюдений составляла повседневная хозяйственная деятельность местного населения. Так, земледельцы, начиная цикл полевых работ, знали, что еще до наступления Новруза посевная площадь должна освободиться от снега, иначе посевы затопит талая вода. Чтобы избежать этого на земле, где еще лежал снег, крестьяне выгоняли скот.

С Новруза азербайджанцы и вели отсчет традиционного земледельческого календаря. Знаменательно, что начало года исчислялось в соот-

⁸ Джалал Эфенди. Несколько слов о значении Новруза. — Новое обозрение, 1885 № 415.

⁹ Хатами М. К происхождению праздника Новруз. — Изв. АН АзССР, Сер. литературы, языка и искусства, 1970, № 3, с. 9—15 (на азерб. яз.).

¹⁰ Антология азербайджанского фольклора. Кн. I, с. 31.

¹¹ Олеарий А. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870, с. 548—549.

¹² Миллер В. Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884, с. 36.

тствии с круговоротом солнца, а не луны и ежегодно совпадало с од-м и тем же днем.

Выше отмечалось, что у азербайджанцев четыре сезона года делись на более короткие периоды. Первый период весны (*гараяз*) продолжался 30 дней. Еще до его наступления готовили орудия труда, про-ряли семена, производили расчистку оросительных каналов. Когда на-упал гараяз, начиналась вспашка земли под яровые. Торжественно от-чался праздник первой борозды *гарабас*. Как и другие земледельче-ие народы, азербайджанцы придавали первой борозде большое значе-е. Чтобы год был обильным и урожайным, провести ее доверяли са-му уважаемому и рачительному сельчанину, о котором говорили: «*ли авадан, аягы чорэкли адам*» («человек с легкой рукой»). По обы-ю, и год называли именем этого человека. В случае хорошего урожая на следующий год первую борозду проводил тот же плугарь. Любо-тно, что *коса*, т. е. человек с редкой бородой, не выбирался в плуга-и, ибо считалось, что «в его руках нет урожая». Церемония проведе-я первой борозды сопровождалась исполнением древних земледель-ских песен — *холовар*. В этих торжествах участвовали трудоспособ-е члены семьи и всего селения. Существовала церемония, связанная *кышем* (орудие типа рала) или плугом. Чтобы уберечь от дурного гла-упряжных волов, на их рога надевали специальные амулеты (*гёзмун-гу*), а для защиты земледельцев от злых духов по краю вспахиваемого ля расставляли черепа быков или коз. До начала вспашки одна из-вочек селения преподносила на подносе несколько гранатов плугарю, торому было доверено провести первую борозду. Тот разрезал плоды как залог будущего плодородия бросал их зерна в землю. После это-начиналась вспашка. По народному поверью, начало вспашки имен-21 марта обещало крестьянам богатый урожай¹³.

В соответствии с вековыми традициями до наступления Нового го-и — Новруза во всех семьях в специальной посуде выращивался *сэ-ни* (ростки семян злаковых), считавшийся символом весны и плодо-дия. По обычаю в день первой борозды надо было готовить пшенич-ю кашу — *хэдик*.

В период гараяз завершался сев яровых культур, проводилась при-вка фруктовых деревьев. Скотоводы стригли овец, выгоняли скот на-тные пастбища. У скотоводов гараяз имеет и другие названия — *дана-фран*, *магеррам малгыран* или «давар доймаз, кедэр кэлмэз, ятар дур-аз» («период, когда мелкий рогатый скот не наедается зеленой травой, идет и не вернется [с лугов], а если ляжет, то не встанет»).

Второй период весны *гарангуш палчыг баглаян* («когда ласточка проит гнездо») продолжался с 9 (22 апреля по н. ст.) до 19 апреля (2 мая по н. ст.). Крестьяне занимались строительством, полагая, что заготов-енный в это время саманный кирпич будет особенно прочным. Указан-ое поверье было связано с тем, что в апреле ласточки строили гнезда, звестные своей прочностью. По окончании второго периода говорили: «*зын гырхы чыхды*» («кончились сорок дней весны»). Следует отме-ить, что до истечения этих сорока дней упряжных волов и буйволо в-оле не оставляли, чтобы они не простыли, поэтому в низинных местах-млю обрабатывали лишь частично.

Третий период весны — *котан доври* («период плуга»), продолжался 1 дней. Земледельцы торопились завершить пахоту для озимых куль-р, пока почва еще не засохла. Пахоту полагалось кончить, когда на-начала желтеть трава *пишпийи*¹⁴.

Четвертый период весны — *гызылгюл доври* («период цветения ро-»). Он длился 20 дней и считался самым тяжелым временем для зем-

¹³ Карпович Л. Культура риса в Ленкоранском уезде. — Кавказское сельское хозяй-во, 1900, № 315.

¹⁴ Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX вв. Инографическое исследование по материалам северо-восточных районов: Канд. дис. на-исание уч. ст. канд. ист. наук. Баку, 1967 (Научный архив Ин-та истории АН АзССР, л. д. 6212, с. 179).

ледельца. К этому времени обычно заканчивались все припасы, а до нового урожая было еще далеко. В жаркой зоне Азербайджана начиналась жатва ячменя, поэтому этот период иногда называли «арпая чик чэкилэн довр» («время жатвы ячменя»). В горной и предгорной зонах приступали к сенокосу.

Лето. Самый продолжительный день года — 22 июня (день летнего солнцестояния) считался началом лета (яй). В народных представлениях лето делилось на две половины. Первая — *гора*¹⁵ *бишэн* (время созревания дикого винограда) совпадало с самым жарким периодом года, вторая — *гуйруг догду* или *гузу гарышан* — с появлением на небосводе созвездия Плеяды. Существовала примета, что появление этого созвездия предвещает изменение погоды. Г. Зардаби писал: «Те звезды, которые мы видим на небе, светят не во все времена года. Звезд на небе очень много. Чтобы отличить их друг от друга, эти звезды распределяют по группам и называют именами животных или предметов, похожих на эти группы. Одну из этих групп называют гуйруг — хвост, так как она действительно напоминает хвост животного»¹⁶.

По народным представлениям, с появлением Плеяд наступала середина лета, когда начинались соответствующие сельскохозяйственные работы. В это время воздух ночами начинал остывать, и на землю выпадала обильная роса. Она смачивала солому, делала ее более мягкой и пригодной для транспортировки. Поэтому именно тогда можно было приступать к уборке соломы. С этого же времени в горной и предгорной зонах начинали сев. Существовала народная поговорка: «Летом сеи и летом жни»¹⁷.

По наблюдениям скотоводов Азербайджана, в первую половину лета топленый бараний жир, оставленный на яйлагах на воздухе, не застывал. К концу июля курдюк начинал застывать — отсюда и название этого периода лета, означающее «застывание курдюка». Скотоводы завершали стрижку овец и ягнят, отделяли овцематок от баранов, а ягнят наоборот, соединяли с овцематками. С появлением Плеяд скотоводы постепенно спускались с гор. Овец на яйлагах уже не оставляли, так как они могли заболеть болезнью *санджы* (колики), а лечебные минеральные воды летом теряли свои целебные свойства и поэтому не использовались для лечения. В период гуйруг догду завершался ряд сельскохозяйственных работ и начинались другие. Так, в селах Нахичеванской зоны приступали к летней пахоте под озимые культуры и сбору меда, который ранее считался не готовым к употреблению. Мед по традиции собирали в конце августа и первой половине сентября. Сентябрь даже называл *баллы ай* (месяц меда). Наступление второй половины лета определял также по созреванию ежевики.

Осень (*пайыз, куз*) по народному календарю начиналась 9 (22 сентября по н. ст.) и продолжалась до 9 (22 декабря по н. ст.). В этот период земледельцы собирали урожай, скотоводы устроивали скот на зимовку. Одной из важнейших земледельческих работ осенью был сев озимых, начинавшийся с отлета журавлей в теплые края, в то время как их прилету весной приурочивались начало пахоты и сев яровых. Эти народные фенологические наблюдения отражены в азербайджанской поговорке: «Дурна кетди тума чых, дурна кэлди шума» («Улетели журавли — выходи на сев, прилетели журавли — на пахоту»). Следя за полетом журавлей, люди определяли, какой будет зима. Если они летели высоко, считалось, что зима будет теплой, если низко, это, по народным представлениям, предвещало суровую зиму. Приметами будущей зимы служили и некоторые растения. Так, обилие ягод дикорастущего кизила, а также дубовых желудей расценивалось как признак суровой зимы. Если листья тополя начинали осыпаться с верхушки дерева, ожидали умеренной зимы, если же с нижних ветвей — снежной и холодной.

¹⁵ Гора — дикий виноград.

¹⁶ Зардаби Г. Избранные произведения, с. 302.

¹⁷ Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в. Баку: Элм, 1979, с. 82 (на азерб. яз.).

Вот еще несколько примет связанных с будущей зимой: поздно опали листья с деревьев — к суровой и продолжительной зиме; листья с ивны облетели не полностью — холода будут непродолжительными и быстро потеплеет; аист и ворона строят свои гнезда на вершине дерева — к холодной зиме, пониже — к умеренной; гром в первый месяц осени предвещал теплую зиму, как и осенний снег.

Время осеннего сева связывалось также с некоторыми изменениями в природе. В ряде сел северо-восточных районов Азербайджана сева начинали, когда на деревьях появлялись первые желтые листья. В предгорных районах к севу приступали раньше, чем в низменных, где его начало определялось по созреванию жимолости. Конец осени, как считалось, наступал, когда после уборки проса перепелки покидали поля.

Столь тщательные наблюдения в осенний период не случайны — зима требовала от крестьянина всесторонней подготовки. Бытовала поговорка:

Горх пайыздан, габагында гыш гэлир,
Горхма гышдан, габагында яз гэлир.

(Бойся осени, за которой следует зима.
Не бойся зимы, ибо впереди — весна).

Зима по народному календарю продолжалась с 9 (22 декабря по н. ст.) до 9 (22 марта по н. ст.). Как и другие времена года, ее также подразделяли на периоды — *чилле* (*чила*). Г. Зардаби пишет об этом: «Зиму наш простой народ делит на три части: *беюк-чила*, *кичик-чила*, *мачалпа* (курсив наш. — Э. и Г. Д.). Беюк-чила — большая зима — продолжается 40 дней, кичик-чила — малая зима — 20 дней, алачалпа — короткое время — 30 дней»¹⁸.

Земледельцы особое внимание уделяли зимнему поливу зерновых культур (*чилле сую*), проводившемуся с целью уничтожения сорняков и вредителей полей. Говоря о значении этого вида работ в полеводстве, Г. Зардаби отмечал, что вода, пропитывая кочки полей, на ночь задерживается и таким образом постоянно разрыхляет эти кочки и выравнивает поле. После такой поливки в начале зимы земля в течение всей зимы не высыхает; будет протекать процесс разрыхления почвы и окисления минеральных веществ. Автор пересказывает связанную с этим народную поговорку: кто поливает в большую зиму (*беюк-чила*) — получит и больший урожай, а кто в малую зиму (*кичик-чила*) — должен довольствоваться малым урожаем¹⁹.

Беюк-чилле, продолжавшийся до 2 февраля по н. ст., характеризовался сравнительно умеренными холодами. По многолетним наблюдениям местного населения, в конце этого периода погода резко менялась: это наступал кичик-чилле — малый зимний период. Время их смены азербайджанцы называют *тэхвил-тэслим дэври* (переходный период). К резкой смене погоды готовились заранее. Так, жители с. Айдын-кенд (Курбинский район) определяли время наступления кичик-чилле по движению солнца. В конце беюк-чилле солнце появляется и затем в течение 10 дней восходит со стороны местности Берк Дереве. И эти дни, как правило, самые суровые в течение зимы. Кичик-чилле — вообще самый холодный период зимы. Об этом существует народная поговорка: «Кичик гардаш ковлу олар» («Младший брат [т. е. кичик-чилле] бывает капризным»). У азербайджанцев существует притча об этом периоде: «Встретились когда-то кичик-чилле и беюк-чилле, и первый обиженно сказал второму: Если бы ты не был моим старшим братом и если бы за мной не следовала весна, то я заморозил бы руки женщины в тесте и иссушил жеребенка в утробе его матери». По окончании кичик-чилле погода снова резко меняется.

¹⁸ Зардаби Г. Избранные статьи и письма/Составление, предисловие, комментарии и примечания Геюшова З. Б. Баку: Изд-во АН АзССР, 1962, с. 82—83.

¹⁹ Зардаби Г. Особенности наших озимых посевов.— Газ. «Каспий», 1885, № 14.

Последний период зимы — алачалпа продолжается с 21 февраля по 21 марта по н. ст. Он в свою очередь делится на две части: *чилле-бечэ* (7 дней) и собственно *алачалпа* (23 дня). Последняя часть зимы включала четыре малые чилле, что, как писал Г. Зардаби, соответствует четырём элементам — огню, воде, земле и ветру²⁰.

Таким образом, рассмотренные в статье материалы в какой-то мере позволяют нам реконструировать традиционный земледельческий календарь азербайджанцев, возникновение которого, можно полагать, уходит в глубокую древность. Рациональную основу календаря составили многовековые наблюдения земледельца за природными явлениями, эмпирическим путем накопленные знания о погоде, движении небесных тел, свойствах почвы и т. п. Однако в обычаях и обрядах, сопровождавших весь цикл земледельческих работ, имелось немало и различного рода магических действий (например, разжигание костров, выстрелы и др.), главной целью которых была защита людей, скота, урожая от действия вредоносных сил.

Будучи частью традиционной бытовой культуры определенного этноса, земледельческий календарь обнаруживает значительное единство не только в одном историко-культурном регионе, таком, как например, Кавказ, но и за его пределами, у народов, нередко различных по языку, культуре, религии.

²⁰ Зардаби Г. Избранные произведения, с. 302.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Жельвис

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

[ВОСПРИЯТИЕ СОБАКИ В РАЗНЫХ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ]

Роль собаки в истории человеческого общества слишком хорошо известна и достаточно изучена, однако для носителей европейской этнической традиции небезынтересно узнать, что «статус» собаки у разных народов далеко не одинаков. Изучение в историческом плане отношения к собаке в человеческом обществе позволяет пролить свет на целый ряд этнографических, психологических и лингвистических проблем и может стать стимулом для дальнейших исследований, в частности, в такой новой и бурно развивающейся области, как этнолингвистика. Представляется, что подобные изыскания могли бы содействовать дальнейшему плодотворному сотрудничеству этнографов и лингвистов.

Прежде всего отметим, что дружественные взаимоотношения человека и собаки, характерные для традиции европейского типа, которые, на первый взгляд, представляются очевидными и повсеместными, на самом деле в разных этнических традициях поразительны по своему разнообразию. Особенно ярко это проявляется при рассмотрении вопроса в историческом ракурсе. Приведем только несколько примеров. Уважительное, а порой и сакрализованное отношение к собаке было характерно для многих древних культур и традиций. Известны даже самостоятельные религиозные «собачьи культы». В «Авесте», священной книге зороастризма, говорится: «Человека можно познать, познав разум собаки»¹. В Грузии сохранились развалины храма, посвященного собаке, с фресками и барельефами, воспроизводящими образ этого животного. Изображения крылатых собак найдены на территории Абхазии. Имеются упоминания о культе собаки в Ассирии. Самой высокой жертвой богу войны в Спарте считалась собака. Она могла быть и сюжетом религиозной клятвы. В ряде стран бытовали и поддерживались религией требования относиться к собаке — особенно собаке-пастуху — как к *человеку*, наиболее почитаемому в данном обществе. Разведение и содержание одной из декоративных пород собак — пекинесов — считалось исключительной привилегией китайского императорского двора. Нарушителей этого правила карали смертью². Культ пекинесов в Китае достиг своего апогея, когда один из них был объявлен перевоплотившимся Буддой и ему оказывались высокие почести³. Сходная судьба и у другой декоративной породы собак — японского хина, который считался «любимцем богов» и столетиями разводился в храмах⁴.

Многие мифы прямо указывают на происхождение того или иного героя или целого народа от собаки. Назовем в связи с этим эскимосский миф, согласно которому сначала на земле существовали только эскимос-

¹ Bauer H. Seine Ahnen waren Wölfe. Lpz.: VEB F. A. Brockhaus Verl., 1957, S. 39.

² Op. cit., S. 67.

³ Новотны Н. Атлас пород собак. Прага: Гос. издат. сельхоз. литературы, 1967, с. 174.

⁴ Там же, с. 173.

сы, а другие народы появились от того, что одна эскимоска вступила в связь с собакой⁵. Племя лаланг на о. Ява полагает, что в доисторические времена некая принцесса сочеталась браком с собакой и от их союза родился сын, положивший начало этому племени⁶.

О сакрализованности собаки свидетельствует и то, что, например, эскимосы могут давать собакам имена своих предков и верить, что души предков воплощаются в собаках⁷. Собака является тотемным животным у множества племен и народностей. В большинстве стран на употребление в пищу собачьего мяса накладывается жесткое табу.

Однако вышеприведенным примерам противостоят примеры совершенно иного рода. В Талмуде о собаке говорится как о самом презренном существе, даже как о «враге человека»; там же есть указание, что в городах собак вообще не полагается кормить. Нечистым, «поганым» животным объявляет собаку и Коран. Древние вавилоняне считали, что в собак могут вселяться демоны, насылающие болезни. Людям советовали избегать уличных собак и носить амулеты, предохраняющие от переносимых собаками болезней⁸. В Ветхом Завете собаки слоняются по улицам, питаются падалью, могут пожирать трупы: «Также и о Иезавели сказал Господь: псы съедят Иезавель за стеной Изрееля» (3-я книга Царств, 21, 23). О «нечистоте» собаки особенно ярко свидетельствует следующий текст: «И будете у меня людьми святыми; и мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте; псам бросайте его» (Исход, 22, 31). В несколько более позднюю эпоху первые христиане считали, что гунн Аттила родился в результате преступной связи девушки с собакой. Оскорбительная речь у Овидия именуется *verba canina*, т. е. что-то вроде «собачий разговор». Ср. также цитату из Катуллы:

В час, когда воля народа свершится и дряхлый Коминий
Подлую кончит свою мерзостей полную жизнь,
Вырвут язык его гнусный, враждебный свободе и правде, (...)
Сердце собаки сожрут, волки сглождают нутро.

(Пер. Пиотровского А.)

Все это исторические примеры. Но и в настоящее время невозможно говорить о сколько-нибудь однородном взгляде различных народов на собаку. Представляется возможным выделить по меньшей мере три основные группы современных национально-этнических традиций, резко отличающихся по своему отношению к собаке. К первой группе можно отнести традицию, в соответствии с которой отношение к собаке хорошо выражено словами чехословацкого «Атласа пород собак»: «Собака — старейшее домашнее животное. Много тысячелетий тому назад она добровольно связала свою жизнь с человеком и с тех пор является его другом, помощником и защитником (курсив наш.—В. Ж.)»⁹. В этом атласе можно прочесть такую, например, характеристику ньюфаундленда: «Благодаря своим замечательным свойствам — верности и отваге — он стал частым предметом восхищения многих художников и поэтов. Знаменитый английский художник Лэндзир изобразил на своей картине „Достойный член человеческого общества“ (курсив наш.—В. Ж.) белого с черными пятнами ньюфаундленда, спасающего из воды девочку. Картина эта распространилась в тысячах репродукций по всему миру»¹⁰. Как видим, такая характеристика ставит собаку рядом с человеком в самом буквальном смысле. Эта параллель усиливается за счет существования во многих странах собачьих парикмахерских, собачьих мясных лавок, специальных консервов для собак, магазинов, где продается только одежда для собак и даже драгоценные украшения для них.

⁵ Bauer H. Op cit., S. 187.

⁶ Bettelheim B. The Uses of Enchantment. The Meaning and Importance of Fairy Tales. N. Y.: Vintage Books, 1977, p. 285.

⁷ Bauer H. Op. cit., S. 187.

⁸ Bauer H. Op. cit., S. 40, 41.

⁹ Новотны Н. Указ. раб., с. 6.

¹⁰ Там же, с. 78.

е. Умершим собакам ставятся памятники. В США расходы на собак ежегодно составляют 17 млрд. долларов. В некоторых семьях на содержание собаки тратится ежемесячно до 120 долларов, в то время как на ребенка — всего 70. Существует гостиница для собак стоимостью в миллион долларов и горный лагерь для отдыха собак¹¹. Нельзя, конечно, не учитывать, что подобное, подчас уродливое отношение к собакам, могло сложиться только в рамках капиталистического общества.

Туземцы Новой Гвинеи очень любят собак и постоянно носят их с собой на руках. В ряде стран не считается чем-то необычным зрелище женщины, кормящей грудью щенка. Соответствующие сцены видел известный мореплаватель Кук; аналогичное поведение описано этнографами в более поздние времена в Полинезии, на островах Новой Гвинеи, в Алжире, Тунисе и Бирме¹².

Вторая, противоположная этническая традиция бытует в ареалах, где, например, распространены собаки-парии, отщепенцы, не имеющие хозяина, но живущие вблизи человеческого жилья и питающиеся отходами человеческой кухни или падалью. В такой ситуации к собаке испытывают равнодушие или презрение. Наиболее характерны собаки-парии для Шри-Ланка, Явы, Суматры, Сирии, Судана, стран в Верхнем течении Нила, Индии, Внутренней Африки, Занзибара, Синайского полуострова¹³. К этой группе примыкают ареалы, где не существует табу на употребление собачьего мяса в пищу. Некоторые народы, живущие здесь, специально разводят мясные породы собак. Таковы некоторые племена Африки (азанде, митту и др.), а также племена, обитающие на Гаити, Гавайских островах, на Суматре (батаки) и др. Кулинарные рецепты некоторых племен требуют даже, чтобы животных предварительно замучили до смерти, ибо считается, что мясо в таком случае будет вкуснее¹⁴.

Существует и еще одна, третья группа традиций, в соответствии с которыми собака рассматривается как исключительно *полезное* домашнее животное, заслуживающее — прежде всего в сельской местности — самого высокого уважения именно в этом качестве. Такова, например, армянская традиция. Ни о каком равенстве собаки с человеком нет и речи, но в голодные неурожайные годы собак и детей кормили примерно одинаково, отдавая им последнее. О собаках слагают песни ашуги, бросить камнем в собаку считается серьезным проступком. Больше всего в собаке ценятся ее нужные человеку качества. Поэтому, естественно, хорошая собака — это собака служебной породы. Ср. пословицу: «Если уж быть собакой, то волкодавом!» или отзыв о собаке, исходящий от армянина: «Хоть в царские чертоги посади его (пса. — В. Ж.), корми каждый день курами да куропатками, все равно не удержишь. — И добавил: — Вот что значит собака. Она — вся преданность. Это тебе не женщина...» (Исаакян А. Рассказ «Трубка терпения»). В последнее время и в Армении появились декоративные породы собак, но их разведение все еще рассматривается как причуда. Приблизительно такое же отношение к собаке наблюдается и в других кавказских этнических традициях, например в Азербайджане. Болгарскую традицию, вероятно, можно рассматривать как переходную. С одной стороны, там возможно разведение декоративных породистых собак, с другой — предпочтение явно отдается полезным собакам-сторожам и пастухам. Прогоуливать собак по улицам города в Болгарии стали только в последнее время.

В принципе этнических традиций, в которых отношение к собаке было бы безоговорочно положительным или отрицательным, по-видимому, не так много. В большинстве случаев собака воспринимается носителями каждой традиции более или менее амбивалентно. Это хорошо видно у русских. На протяжении многих столетий собака на Руси была символом родства и отчуждения. Одним из самых унижительных наказаний счита-

¹¹ Акимушкин И. Жизнь животных. Рассказы о домашних животных. М.: Молодая гвардия, 1981, с. 50—51.

¹² Bauer H. Op. cit., S. 123.

¹³ Ibid., S. 134.

¹⁴ Ibid., S. 116—117, 120, 123.

лось избивание дохлой собакой¹⁵. Физический контакт с собакой может вызвать чувство брезгливости. Ср.: «Легче было бы спать не в духоте, на перинах, а на воздухе, под навесом амбаров. Но Настасья Петровна боялась: — Подойдут собаки и голову нанюхают...» (*Бунин И. А. Деревня*). Попытки русских помещиков заставлять крепостных крестьянок вскармливать молоком породистых щенят рассматривались как самое дикое самодурство, как предел издевательства. Существует предположение, что самое грубое русское ругательство («мат») тоже первоначально было связано с наименованием собаки и могло означать примерно: «Твой отец — пес!», т. е. что-то вроде — «Ты — сын пса!»¹⁶ Ср. также:

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный».

(*Толстой А. К. Василий Шибанов*)

Собака в народном сознании могла успешно конкурировать с чертом. Ср.: «Черт с ним!» — «Пес с ним!», «Черт его знает!» — «Пес его знает!» и даже «Ну его к чертям собачьим!».

Но одновременно собака в России ценилась очень высоко за свои полезные качества, в первую очередь охотничьи и сторожевые. К XIX в. укрепилось и чувство этической близости человека и собаки. Ср.: «Нас двое в комнате: собака моя и я. (...) Я понимаю, что в это мгновение и в ней, и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек» (*Тургенев И. С. Собака*). В комическом ключе, но, по существу, о том же говорит герой А. Н. Островского: «Лучшего друга, ма тант... Где пистоletы? (...) Нет, застрелюсь, застрелюсь! (...) Близ города, среди бела дня, лучшего друга... Тамерлана (кличка охотничьей собаки.—В. Ж.)... Волки съели!» («Волки и овцы»). Такой тирады ни в какой ситуации не мог бы произнести, например, монгол, который отверг бы возможность любой дискуссии на тему — «Собака — друг человека».

Амбивалентное отношение к собаке можно проследить в разные эпохи и в других традициях. Вот несколько исторических примеров. Об ассирийском царе Санхерибе (ок. 700 г. до н. э.) в современном ему тексте говорится, что он был «так тщательно воспитан, как молодой пес», из чего можно было бы, казалось, судить о высоком статусе собаки в Ассирии. Однако тот же самый Санхериб не нашел унижения тяжелее для побежденного арабского султана Унити, чем надеть на него собачий ошейник¹⁷. В «Одиссее» есть несколько прочувствованных строк о верных псах. Но из того же источника явствует, что слово «собака» могло служить у древних греков оскорблением: Пенелопа называет свою служанку «дерзкой сукой». Даже происхождение собаки древние греки связывали с Кербером, страшным псом-сторожем адских врат. Ср. подобные же примеры из поэзии Катулла:

...Чтобы вот этот твой кобель потрепанный
За сотней сотню расточал и тысячи?

(*Пер. Анта С.*)

... Как узнать ее, спросите? — По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей. (...)
... Если краски стыдливого румянца
На собачьей не выдавите морде,
Закричите еще раз, второе громче...

(*Пер. Пиотровского А.*)

¹⁵ Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976, с. 153.

¹⁶ Isačenko A. V. Un juron Russe du XVIe siècle. *Lingua viget/Commentationes slavicae in honorem. V. Kiparsky*. Helsinki, 1964, p. 68—70.

¹⁷ Bauer H. Op. cit., S. 36.

Необходимо отметить, что использование названий собаки в качестве бранной лексики — излюбленный вокативный прием почти в любой этнической традиции. Как известно, метафорический перенос названия животного на человека может осуществляться или с целью выражения дружественных отношений, как знак расположения (ср. рус.: «Сокол ты мой ясный!»), или как намеренное оскорбление (рус.: «Змея ты подколотная!»). Число подобных инвективных зоовокативов достаточно велико. В англоязычных традициях исследователи насчитывают их более восьми десятков¹⁸. Вряд ли это число меньше в других регионах. Нетрудно установить, что в списке зоовокативов собаке принадлежит одно из важнейших мест. Языков, совсем не употребляющих название собаки в качестве инвективы, очень мало. Даже в японском языке, почти лишенном оскорбительного вокабуляра, существуют инвективы, означающие «собака» и «волк»¹⁹.

Однако обращает на себя внимание, что *оскорбительная сила* соответствующих инвектив носит выражено национальный характер. В одних традициях — это очень резкое оскорбление, в других они давно превратились просто в своеобразные эмоциональные интенсификаторы разной степени вульгарности.

Очень резкий характер носят оскорбления, связанные с названием собаки, в кавказских культурах, причем мусульманские традиции мало отличаются в этом отношении от христианских. Ср. литературный пример — перебранку и перестрелку хевсура Алуды (христианская традиция) и кистина Муцара (кисти — грузинское название чеченцев и ингушей — носителей мусульманских традиций):

Грянуло ружье Муцара,
Открошился выступ скал. (...)
Крикнул кист: «Эй, пес неверный!
Так в тебя я не попал?» (...)
«Не попала, пес неверный?»,—
Крикнул кист. «Нет, не попала,
Пес неверный! И не наен
Раб Гуданского креста!»
(*Важа-Пшавела*. Алуда Кеталаури. Пер. Державина В.)

Подобные оскорбления могут предполагать смертельный исход и внутри одной этнической традиции. Ср. разговор двух кистин:

Муса: Пока, добравшись до хевсура,
Мы не виним тебя всерьез,
Ты из-за этого гяура
Враждуешь с братьями, как пес.
Джохода: Что? Пес? В тебе ума хватило
Меня собакою назвать? —
И в грудь Мусы он что есть силы
Вонзил кинжал по рукоять.—
Вадись, проклятый пес, в могилу,
Чтобы не лаяться опять!
(*Важа-Пшавела*. Гость и хозяин. Пер. Заболоцкого Н.)

В грузинской и армянской традициях исключительно грубо звучат инвективы типа: «Твой отец — собака!», потому что задевают честь не только того человека, к которому они обращены, но и всего его клана: имя отца как родового символа по-прежнему окружено там чрезвычайным почтением. В этом смысле аналогичное оскорбление «Твоя мать — сука!» воспринимается как значительно более слабое.

¹⁸ Оликова М. А. Обращение в современном английском языке. Львов: Вища школа, 1979, с. 79.

¹⁹ Suzuki T. Japanese and the Japanese. Words in Culture. Tokyo.-N. Y.-San Francisco: Kodasha Int. Ltd., 1978, p. 103.

В армянской традиции существует инвектива, означающая: «Ты вышел из ануса собаки!». Важно, что она воспринимается отнюдь не как пустая, бессмысленная, хотя и оскорбительная фраза. Наоборот, наблюдаются случаи, когда дети, рано услышавшие это ругательство, начинают верить, что и сами они появились на свет через анальное отверстие своей матери.

Достаточно оскорбительны соответствующие инвективы и в других ареалах. По-калмыцки «Собака!» звучит тоже очень резко. Сравнение с собакой — одно из самых оскорбительных у таджиков. Ненец может очень сильно задеть честь противника заявлением, что он «хуже, чем собака!». Особенности ненецкого языка не позволяют возникнуть инвективе типа «Сукин сын!», поэтому соответствующее оскорбление звучит как «Потомок собаки!». Известна грубая китайская инвектива, переводимая обычно как «Разобьем их собачьи головы!» (Более близкий к сути оскорбления перевод звучит приблизительно как «Разотрем в порошок головы этих псов!«).

Еще очень сильное в недавние времена ругательство во французском языке звучит в дословном переводе как «Святая собака!». В немецком языке популярна инвектива, означающая что-то вроде «Собака — отщепенец!», «Глупый пес!», «Кровавый пес!». Если учесть, что инвективная стратегия немцев зиждется прежде всего на скатологизмах, понятна сила инвективного сочетания, которое можно перевести как «Свинья собачья!». И поэтому человек, назвавший другого собакой или присоединивший к его имени прилагательное «собачий», может даже подвергнуться судебному преследованию. Характерно при этом, что даже сравнительно мягкие оскорбления этого типа, такие, как «Щенок!» (Spitzbube), адресованные, например, старику, могут восприниматься как исключительно резкие, так как намеренно снижают социальный и возрастной статус адресата.

Во многих странах инвектива «Сука!» приобрела дополнительный смысл «Проститутка!». Английский эквивалент этого слова долгое время считался наиболее грубым оскорблением женщины²⁰. В настоящее время резкость этой инвективы значительно снизилась. Англоязычный вариант инвективы «Сукин сын!» воспринимается как достаточно мягкий в американском и австралийском ареалах и довольно грубый — в Великобритании. Однако в том же самом ареале грубость соответствующей инвективы может очень сильно варьировать в зависимости от целого ряда обстоятельств. Американский негр может назвать свою жену ласково (в приблизительном переводе): «Ах ты, моя черная сучка!». Но белый назвать так свою жену-негритянку не может ни под каким видом, ибо это будет воспринято как тяжелейшее оскорбление²¹.

Другой социальный статус собаки приводит и к другому истолкованию истинного смысла инвективы. У народности ашанти (Гана) оскорбление «Собака!» вовсе лишено уничижительного значения, характерного для вышеперечисленных этнических традиций, но зато ассоциируется с бездомной, не имеющей хозяина собакой — парией, слоняющейся по африканской деревне.

В то же самое время в некоторых ареалах инвективы, связанные с названием собаки, воспринимаются как весьма мягкие. Таковы русское выражение «Сукин сын!» и польское, дословно переводимое как «Песья кровь!» (т. е. тот же «Сукин сын!»). Однако в русском употреблении «Собака!» сохраняет некоторую инвективную силу. Ср.: — Дай сюда вилы, собака, и отойди от греха. — Я не собака, а хрещеный человек. Вот отвезу — и отойду. И совсем уйду. (Бунин И. А. Деревня).

Представило бы значительный интерес выяснить, почему именно собака занимает одно из ведущих мест в списке инвективных зооэпитетов в столь многих этнических традициях. Возможно, что ответ на этот во-

²⁰ Grose F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. L.: Routledge and Kegan Paul, 1963, p. 37.

²¹ Interview with R. Aman.— In: Maledicta: The International Journal of Verbal Aggression. Waukesha: Wis. USA, 1979, v. III, p. 22.

прос помог бы пролить свет на некоторые общие вопросы инвективной стратегии, которым в современной науке уделяется неоправданно мало внимания. Между тем самоочевидно, что понимание сущности вербальной агрессии, выяснение причин ее распространения и ее специфических национально-культурных особенностей оказалось бы полезным для этнографов, лингвистов, психологов, социологов и физиологов.

Наиболее естественно предположить, что высокая оскорбительная сила «собачьей инвективы» — следствие отрицательного отношения к собаке и приписывания негативных качеств собаки человеку. Однако такому, только на первый взгляд, очевидному выводу противоречит очень высокий статус собаки во многих ареалах земного шара. Странно, что качества животного, стоящего у многих народов выше всех других домашних животных, будучи приписаны человеку, кажутся ему оскорбительнее, чем, например, качества коровы или гуся. Такая стратегия тем более загадочна, если учитывать, что название собаки может применяться и чтобы похвалить человека. Ср.: «Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?» «Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап. — Все, старый собака, знает, а еще и прикидывается». (Гоголь Н. В. Тарас Бульба). Ср. также такие выражения: «Он предан мне, как собака», «я — твой верный пес», «псы господни» (название монашеского ордена), «государевы псы» (самоназвание опричников) и т. п.

Особенно важным представляется то обстоятельство, что не существует зависимости между резкостью «собачьей инвективы» и хорошим или плохим отношением к собаке в данной этнической традиции. В Индонезии, где в связи с сильным влиянием ислама собака считается нечистым животным, она не участвует в создании инвектив. В других же исламских странах (с арабским языком) «Собака!» — одно из самых сильных ругательств. Там оно настолько популярно, что возникло предположение, будто это ругательство пришло в Европу из арабских стран во времена Крестовых походов²². Однако это предположение маловероятно: использование наименования собаки как инвективы было бы невозможно без яркого эмоционального отношения к этому животному. Если бы во времена Крестовых походов отношение к собаке в Европе было глубоко безразличным, никакое иностранное влияние не проявилось бы в виде инвективы. А если такое эмоциональное отношение имело место, тогда необходимости в иностранном влиянии просто не было. Так или иначе, но в настоящее время в европейских странах, где сегодня отношение к собаке самое благосклонное, имеется множество соответствующих оскорблений.

Разгадка этой проблемы видится в том, что превращение того или иного понятия в сюжет оскорбления может вести происхождение из двух диаметрально противоположных источников: из восприятия этого понятия как сакрального и как профанного. Такой подход кажется тем более убедительным, если учитывать, что профанное восприятие понятия вполне может развиться из сакрального — достаточно вспомнить первоначальное и более позднее восприятие мифа о происхождении человека или целого племени от союза человека и собаки. В применении к исследуемой теме это означает, что и обожествление собаки, и резко негативное к ней отношение могут способствовать превращению ее названия в очень резкое оскорбление, сила которого прямо пропорциональна силе поклонения или презрения к ней. Если же отношение к собаке амбивалентно, то возможность возникновения соответствующих инвектив еще более вероятна и оправдана.

Рассмотрим подробнее оба источника инвективизации собаки. Понять, почему инвектива может родиться из негативных чувств, довольно легко. Правда, для представителей европейского ареала труднее представить себе собаку ненавидимым существом и согласиться, что ругательство «Собака!» происходит от отвращения, питаемого к «лучшему другу

²² Medina P. Französisch wie es nicht im Wörterbuch steht. Frankfurt a. M.: Verlag Scheffler H., 1961, S. 159.

человека». Легче представить в роли ненавидимого кого-нибудь из диких родичей собаки — волка, шакала, динго. Волки и динго — заклятые враги скотоводов, и неудивительно, например, что несмываемое оскорбление для монголки — «Волчица!», а одно из самых сильных ругательств у белых австралийцев — «Эй ты, динго!». Показательно, что для австралийских аборигенов, не испытывающих от динго ущерба, это вполне приемлемое животное. Аборигены охотно отлавливают щенят динго и воспитывают их²³.

Однако необходимо признать, что сравнение с собакой считается оскорбительным еще и потому (именно потому!), что во многих традициях собака занимает особое, привилегированное положение среди домашних животных. Собака намного больше других животных связана эмоциональным миром человека и, как уже было показано выше, эмоционально нередко воспринимается человеком как близкое ему существо интеллектуально почти или совсем не уступающее своему хозяину. Ни одно другое животное, домашнее или тем более дикое, по своему статусу в человеческом обществе не в состоянии конкурировать с собакой.

Но в то же самое время в ряде аспектов поведение собаки — этого «почти человека» — находится в грубейшем противоречии с принятыми в человеческом обществе нормами. Собака известна своей агрессивностью, может нападать, даже не будучи на это спровоцированной, она не стыдится собственных отправок и, что особенно существенно, абсолютно не способна соблюдать самое строгое человеческое табу — табу на открытое осуществление интимных отношений между полами. Подобное поведение со стороны «неочеловеченных» животных общество соглашается снисходительно терпеть; но собака в такой ситуации может вызвать резкое осуждение: «Кажется, все понимает, а тут ведет себя, как животное».

Особенно важно, что собака обладает такими благородными, с точки зрения человека, качествами, как преданность и способность к дружбе. В свете таких достоинств нарушение собакой *человеческих* табу кажется особенно постыдным: подразумевается, что тот, кто способен быть другом, должен быть этическим образцом и в других отношениях, и разочарование в этом случае бывает особенно сильным. Как видим, *осуждение* собаки в рассматриваемом случае свидетельствует об очень *высокой* оценке человеком этого животного.

Особую роль в превращении названия собаки в оскорбление может играть табуированность собаки как священного тотемного животного. Вполне вероятно, что наиболее сильные значения всех «собачьих» проклятий и оскорблений идут как раз от нарушения этого жесткого табу. Это естественно: сила кощунственного нарушения табу должна быть прямо пропорциональна силе самого табу. И наоборот, нарушение слабого табу не может восприниматься слишком остро и стать основанием для возникновения чрезмерно грубой инвективы не в состоянии. Несомненно, что для племени, считающего собаку своим предком, покровителем или родственником, сознательное профанирование священного символа считалось очень серьезным проступком, отчего оно и вызывало сильный шокирующий эффект. А сильный шокирующий эффект, как известно, и есть важнейший признак крепости инвективы.

Парадоксальным образом грубость инвективы здесь свидетельствует не только и даже не столько о пренебрежении социальными нормами, сколько о неосознаваемом глубоком пиетете перед поносимым понятием. Перед нами — превосходный пример того, как сакральная и профанная ипостаси одного и того же понятия сливаются в единое амбивалентное понятие.

Такому слиянию в нашем случае как нельзя более содействует то, что само слово «собака» стилистически немаркировано. Как отмечает А. А. Леонтьев, слова такого рода особенно легко могут реализовываться в речи в самых разных, зачастую противоположных смыслах. При этом

²³ Гржимек Б. Австралийские этюды. О животных и людях Пятого континента. М. Мысль, 1974, с. 122.

бразность слова тем сильнее, чем более «не по назначению оно используется»²⁴. Отсюда эмоциональная нейтральность «собаки» в тексте по-обаководству, гораздо бо́льшая выразительность этого слова в комплиментарном смысле («Все, старый собака, знает!») и, наконец, резко гру-ый, шокирующе уничижительный смысл в составе оскорбления («Ах ы, грязная собака!»). В сознании говорящего имеются все функциональ-ые признаки слова «собака», все дифференциальные черты, но в кон-ретном тексте, как правило, на первое место выступает та или другая ерта²⁵.

Процесс образования амбивалентного понятия можно представить в-иде цепочки последовательных превращений, в начале которой стоит-онятие *святого*, непосредственно божественного; в процессе историче-кого развития святое превращается в *священное*, т. е. исключительное-ую важности; священное именно в силу своей исключительной важности-бъявляется *запретным*, неупоминаемым всуе; соблюдение правил за-претности подразумевает попытки их нарушения и наказание за это, т. е.-апретное приобретает свойства *опасного*; в процессе переосмысления-рвенных культов, а также в процессе изменения самой сути понятия-опасного» это опасное начинает (или может начать) восприниматься-как *нечистое*; нечистое же легко переходит в сознании в *непристойное*.-Что очень существенно, в ходе такого превращения все звенья цепочки-полне могут сохранять свое значение, сохраняться в подсознании. От-сюда и проистекает амбивалентность восприятия, когда один и тот же-человек в состоянии относиться к собаке сразу и как к священному жи-ютному, и как к нечистому существу, обладателю многих отвратитель-ных качеств. Таким же образом объясняется и одинаковое отношение к-райностям типа «святой» и «непристойный» — в обоих случаях предп-иявляется необходимость держаться от носителей этих эпитетов подаль-е, хотя внешние мотивы такого отношения могут выглядеть противо-оложным образом.

С другой стороны, если два явления, во-первых, противоположны, а-во-вторых, вызывают одинаковую реакцию (например, воздерживаться-и контакта), это заставляет предположить, что противоположный ха-рактер скорее связывает эти явления, чем их разъединяет.

В интересующем нас плане из сказанного можно сделать вывод, что-одна и та же инвектива может возникнуть из двух кажущихся противо-оложными мотивов: и потому, что собака — это плохое животное, и по-тому, что собака — это почти человек или даже лучше его.

Есть основания считать, что в случаях с другими вербальными-оскорблениями в большинстве случаев дело обстоит приблизительно та-ким же образом, т. е. принципы возникновения инвектив во всех или в-большинстве случаев напоминают те, что привели к превращению назва-ния «собаки» в оскорбление.

²⁴ Леонтьев А. А. Понятия «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий-лингвистики речи. — В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького. В. 73. М.: 1973, с. 49.

²⁵ Там же, с. 50.

РАБОТА ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1983 ГОДУ

1983 год, третий год одиннадцатой пятилетки ознаменован такими важными событиями в жизни страны, как июньский и декабрьский Пленумы ЦК КПСС. В этом же году в связи с 50-летием со времени основания и за заслуги в развитии этнографической науки и подготовке научных кадров Институт этнографии был награжден орденом Дружбы народов¹.

В 1983 г. коллектив Института провел значительную исследовательскую и научно-организационную работу. Завершены пять работ государственного плана, две из них — досрочно. Институт выпустил 27 книг (общий объем 481 п. л.). Вышли в свет также 26 внеплановых книг и брошюр, написанных сотрудниками Института (общий объем 487 п. л.).

В 1983 г. сотрудники Института участвовали в таких важных международных форумах, как XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук (Квебек—Ванкувер, август)², Международный конгресс Тихоокеанской научной ассоциации (Данедин, январь—февраль), Европейский конгресс по социологии села (Будапешт, июль).

Как и в прошлые годы, в научной деятельности Института большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Так, в монографии Ю. В. Бромлей «Очерки теории этноса» (31 п. л.) дана характеристика всех основных функций этносов, проявляющихся в самых различных сферах жизни общества, от экономики до психологии. Автор анализирует недостаточно разработанные аспекты теории этноса — виды и уровни этноса, место этнических образований среди других человеческих общностей, типы этнических процессов, этнические функции культуры и психики (включая самосознание), рассматривает главные этапы этнической истории человечества.

В опубликованном на английском, французском и испанском языках сборнике статей Ю. В. Бромлей «Этнические процессы» (10 п. л.) рассматриваются вопросы генезиса национальностей. Автор предлагает собственную типологию этнических процессов, связанную с формированием буржуазных наций, и анализирует главные направления современных этносоциальных процессов. Специальный очерк посвящен этническим аспектам развития советских наций и национальностей.

Теоретические и методологические проблемы, как и ранее, получили отражение в материалах дискуссий на страницах журнала «Советская этнография», в отдельных статьях, опубликованных в том же журнале и в ежегоднике «Расы и народы», на методологических семинарах Института, в подготавливаемом к печати коллективном труде «Этнография. Основные понятия и термины».

Одна из актуальных проблем этнографической науки — современные культурно-бытовые и этнические процессы у народов СССР. По ней на год ранее срока завершена обобщающая коллективная монография «Социально-культурный облик советских наций» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян). Закончена также авторская работа над коллективной монографией «Этносоциальные проблемы развития советского города» (отв. ред. О. И. Шкаратан) и сборником «Современные этнокультурные процессы в селах Чувашской АССР» (отв. ред. В. В. Пименов). Сдана в издательство работа «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР. Программа исследования». Наряду с обоснованием темы, теоретическими, методологическими соображениями по ее реализации, в работе сформулированы гипотезы и задачи, описаны способы сбора и переработки информации, принципы проектировки выборки, ожидаемые результаты исследования и схема его организационного плана. Вместе с теоретической частью программы публикуется ее инструментарий (вопросники и инструкция по заполнению).

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР орденом Дружбы народов от 3 февраля 1983 г.

² См. Бромлей Ю. В., Тишков В. А. XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук. — Сов. этнография, 1984, № 1.

Этническим и культурно-бытовым процессам за рубежом посвящены четыре опубликованных в минувшем году книги. Изданный совместно с Институтом Дальнего Востока АН СССР монография М. В. Крюкова, Л. С. Переломова, М. В. Софронова, Н. Н. Чебоксарова «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (30 п. л.) представляет собой второй том в серии исследований по этнической истории китайцев (III в. до н. э. — III в. н. э., когда древнекитайский этнос переживал период интенсивной консолидации). Наряду с характеристикой особенностей культуры и этнического самосознания древних китайцев в книге рассматриваются теоретические проблемы типологии этносов.

В статьях сборника «Малые народы Индокитая» (13 п. л., отв. ред. Д. В. Деоник, А. И. Кузнецов) рассматриваются судьбы более чем ста этнических общностей Индокитая. Основное внимание уделено их этнографической и хозяйственно-культурной характеристике, а также месту в современной социально-экономической и политической структуре стран Индокитая.

Коллективная монография «Национальные меньшинства и иммигранты развитых капиталистических стран (1960—1970 гг.)» (30 п. л., отв. ред. А. Н. Шлепаков), подготовленная совместно с Институтом социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, посвящена социально-экономическому положению, этносоциальным процессам, борьбе за равноправие национальных меньшинств и иммигрантских групп в развитых капиталистических странах.

В монографии П. И. Пучкова «Этническая ситуация в Океании» (18 п. л.) рассматриваются этнический состав населения региона, типы этнических общностей, степень развития этнического самосознания, этнические, демографические и миграционные процессы, национально-языковые проблемы, национальная политика, межэтнические отношения. В книге дается также прогноз основных направлений этнического развития Океании.

Подготовлены к изданию сборник «Историческая динамика этнической и расовой дифференциации населения Азии» (отв. ред. М. В. Крюков, А. И. Кузнецов) и монография М. Г. Котовской «Этнические процессы в Бразилии (расово-смешанное население)».

Одним из важнейших направлений научной деятельности Института по-прежнему оставалось изучение этнической истории и традиционных культур народов мира. По этой тематике издан ряд трудов (7 из них — по народам нашей страны).

Коллективная монография «Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры)» (21 п. л., отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян), издана совместно с Институтом философии и права АН Армянской ССР. В ней широкие обобщения сочетаются со сравнительно-типологическим анализом поселения, жилища и системы питания армянского села по трем историко-культурным регионам.

В статьях сборника «На стыке Чукотки и Аляски» (19 п. л., отв. ред. В. П. Алексеев) рассматриваются проблемы физической антропологии коренных народов Чукотки, описываются древние памятники эскимосов, коряков, чукчей и обычаи этих народов.

В монографии А. К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» (11 п. л.) предпринята попытка реконструкции символики традиционного восточнославянского жилища и освоения его пространства на материалах обрядов, верований, фольклорных и мифологических текстов.

Монография Т. А. Бернштам «Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.» (13 п. л.) продолжает вышедшую в 1978 г. книгу «Поморы. Формирование группы и системы хозяйства». Основное внимание в ней уделяется традиционной культуре поморов, которая дается в сопоставлении с общерусскими и севернорусскими традициями.

В книге Г. Н. Грачевой «Традиционное мировоззрение охотников Таймыра» (13 п. л.) на основе главным образом полевых материалов воссоздается традиционное мировоззрение гнанасан.

Монография М. Я. Жорницкой «Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири» (11 п. л.) основана на многолетних полевых материалах автора. Сравнительный анализ позволил автору прийти к ряду этногенетических выводов, которые могут быть использованы в комплексном решении проблем этногенеза народов данного региона. В приложении к книге даны кинетограммы, нотные записи, фотоматериалы.

В книге Я. С. Смирновой «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX—XX в.)» (20 п. л.) исследуются типы семьи, формы брака, права и обязанности членов семьи, семейный этикет и обрядность. Выявляются положительные и отрицательные черты в этнических традициях исследуемых народов.

Подготовлены к изданию коллективные работы: «Культурные традиции народов Сибири» (отв. ред. Ч. М. Такса́м), «Русский Север. Проблемы этнокультурной истории» (отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов), а также монографии Э. Х. Панеш «Этносоциальная история адыгов в предмонгольское время» и Б. А. Калоева «Вторая родина Коста Хетагурова (Опыт историко-этнографического исследования селения им. К. Хетагурова)».

Этнические особенности традиционной культуры зарубежных народов исследуются в шести опубликованных в минувшем году книгах.

Коллективная монография «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев» (19 п. л., отв. ред. С. А. Токарев) — четвертый, последний выпуск серии. В ней освещается история происхождения и развития основных календарных обычаев и обрядов в странах зарубежной Европы.

Книги «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (16 п. л., отв. ред. И. С. Кон) и «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии» (14 п. л., отв. ред. И. С. Кон) — две части коллективной монографии, посвященной новой в советской этнографической науке теме — особенностям социализации детей и подростков в традиционных обществах различных народов зарубежной Азии.

Сборник «Кубинская этнография. Статьи и материалы» (9 п. л., отв. ред. В. В. Пименов) — совместная работа советских и кубинских этнографов. В статьях рассматриваются вопросы истории этнорасовых отношений, современной материальной и духовной культуры населения отдельных районов Кубы.

В книге Д. А. Ольдерогге «Эпигамия. Избранные статьи» (20 п. л.) собраны статьи, опубликованные автором в разные годы, нередко в малозвестных изданиях. В них исследуются различные типы систем родства, формы родовой организации и их соотношения с типами общины, а также проблемы этнической и культурной истории Африки, включая и такой ее этап как колониальное общество.

Ю. Е. Березкин в работе «Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I—VII вв.» (12 п. л.) на основании археологических и этнографических материалов, сведений испанских хроник XVI—XVII вв., публикаций мифологических текстов и др. дает всестороннюю характеристику общества, в котором шел процесс сложения государства.

Подготовлены к печати коллективная монография «Проблемы этнографического изучения семьи у народов зарубежной Европы» (отв. ред. С. А. Токарев, О. А. Ганцкая) и тематические сборники «Американские индейцы в прошлом и настоящем» (отв. ред. В. А. Тишков), «Мифы, культы, обряды у народов зарубежной Азии» (отв. ред. Н. Л. Жуковская).

Проблемам этнического и историко-этнографического картографирования посвящены две публикации. Статьи книги «Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Сборник научных трудов» (15 п. л., отв. ред. Н. И. Толстой), изданной совместно с Институтом языкознания и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, связаны с теорией и практикой тематического картографирования в области языка и народной культуры.

В работе С. И. Брука «Население мира. Этнодемографический обзор» (35 п. л.), опубликованной на французском языке, приводятся новейшие данные по населению в масштабе всего мира: рождаемость и смертность, семейное состояние, браки, разводы, возрастной состав, половая структура, миграции внешние и внутренние, размещение (плотность и т. д.), урбанизация, этнический, языковой и религиозный состав, расовая структура.

Подготовлена к печати книга «Типология и локальные варианты традиционной одежды народов Средней Азии и Казахстана (этнографо-картографические исследования)» (отв. ред. Н. П. Лобачева, М. В. Сазонова).

Опубликована коллективная монография «История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза» (33 п. л., редколлегия: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ю. И. Семенов). В ней на основе синтеза данных этнографии, археологии, антропологии реконструируется древнейшее человеческое общество, показываются основные этапы его развития. Рассмотрены литература вопроса и источниковедческая база.

По этой же проблематике подготовлены к печати коллективная монография «История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины» (редколлегия Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, В. А. Шнирельман) и монография В. Р. Кабо «Первобытная доземледельческая община. Очерки».

В минувшем году опубликован второй выпуск ежегодника «Религии мира» (19 п. л., отв. ред. И. Р. Григулевич), статьи которого посвящены теории и методологии религиоведения, истории религии, ее роли в современном мире. Велась также подготовка к печати третьего выпуска ежегодника.

Вышла в свет книга Г. П. Снесарева «Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии» (13 п. л.), посвященная одному из наиболее распространенных и стойких в условиях Средней Азии религиозных институтов — культу мусульманских святых.

Подготовлена к печати работа А. В. Смоляк «Шаманизм у народов Нижнего Амура».

Опубликован сборник «Фольклор и историческая этнография» (19 п. л., отв. ред. Р. С. Липец), в статьях которого рассматриваются проблемы использования фольклора в качестве источника для изучения этногенеза разных народов и их этнокультурных связей и ряд других вопросов.

Продолжались исследования в области этнической ономастики. Подготовлены к изданию сборник «Ономастика Кавказа», вып. 3 (отв. ред. В. А. Никонов и Б. Р. Логашова) и монография В. А. Никонова «География русских фамилий».

В 1983 г. опубликована монография Г. Л. Хит «Дерматоглифика народов СССР» (26 п. л.). В книге исследованы основные закономерности дерматоглифической дифференциации населения СССР и ряда сопредельных стран.

Подготовлена к печати коллективная монография «Антропология народов Камчатки» (отв. ред. В. П. Алексеев).

Материалы по вопросам борьбы с буржуазной идеологией систематически помещаются в ежегоднике «Расы и народы». В 1983 г. вышел в свет 13-й выпуск ежегодника.

(21 п. л., отв. ред. И. Р. Григулевич). 14-й выпуск находится в печати, 15-й подготовлен к изданию.

В статьях сборника «Пути развития зарубежной этнологии» (15 п. л., редколлегия: Ю. В. Бромлей, И. Р. Григулевич, Э. А. Рикман) рассматриваются работы западных структуралистов А. Р. Рэдклифф-Брауна и К. Леви-Стросса, а также историография исследований этнических процессов в Канаде, Бразилии, Венесуэле, Уганде, Кении и Танзании.

В сборник «Расовая проблема в современном мире» (10 п. л., отв. ред. С. Я. Козлов), переизданный на английском, французском, испанском, португальском языках, вошли работы советских ученых о формах и разновидностях расизма, показывающие его научную несостоятельность.

Подготовлена к печати работа Т. В. Таболиной «Этническая проблематика в современной американской науке. (Критический обзор)».

Три вышедшие в минувшем году книги посвящены истории науки, две из них — публикации классиков этнографической науки в начавшейся серии «Этнографическая библиотека» (Л. Г. Морган «Лига холеносауни, или ирокезов» — 23 п. л., отв. ред. и автор примечаний Н. Б. Тер-Акопян — на русский язык переведена впервые; К. Леви-Стросс «Структурная антропология» — 37 п. л., отв. ред. Н. А. Бутин, В. В. Иванов — также впервые издана на русском языке). Законченная книга «Культура и мир детства. Избранные произведения Маргарет Мид» (составление, вступительная статья и общая редакция И. С. Кона) также впервые делает доступной русскоязычному читателю важную часть научного наследия видного американского этнографа.

Книга Н. Г. Краснодембской «От Львиного острова до Обители снегов (Рассказ о коллекции МАЭ по Южной Азии)» (7 п. л.) — первое монографическое исследование по истории собрания коллекции МАЭ по Южной Азии. В ней приводятся сведения об изучении этнографии этого региона в русской науке, а также основные данные о материальной и духовной культуре народов Южной Азии. Культурной истории этого же региона земного шара посвящена и подготовленная книга М. Ф. Альбедиль «Протоиндийские тексты как историко-этнографический источник».

Значительную работу по освещению важнейших проблем этнографической науки в истекшем году провела редакция журнала «Советская этнография».

Были опубликованы статьи, подводившие итоги этнографических исследований в нашей стране в связи с 50-летием Института этнографии АН СССР и его награждением орденом Дружбы народов (Ю. В. Бромлей — № 2; Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов — № 4; К. В. Чистов — № 3); продолжено обсуждение вопросов этнографического изучения современности (Ю. В. Бромлей — № 6), рассматривалась история формирования важнейших категорий марксистской теории общественного развития (Н. Б. Тер-Акопян — № 4).

Видное место заняли публикации, посвященные теоретическим проблемам развития этнических культур (С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян и Ю. И. Мкртумян — № 2; Б. Х. Бгажников — № 4; М. В. Крюков — № 5), их специфике (В. И. Козлов — № 1), этнокультурным процессам в нашей стране и за рубежом (Ю. В. Арутюнян и А. А. Сусоколов — № 5; М. Ю. Мартынова — № 1).

Были проведены дискуссии по проблемам этнической и национальной психологии (№ 2—4) и о социально-экономической терминологии в понятийном аппарате этнографической науки, начата статья А. И. Першица (№ 5).

Как и ранее, журнал продолжал публикацию статей зарубежных исследователей — Бе Вьет Данг, СРВ (в соавторстве с М. Н. Губогло) — № 3; Г. Штробак, ГДР — № 5.

В 1983 г. в журнале появился новый раздел — «Этнография в музеях».

Важное место в деятельности Института по-прежнему занимали экспедиционные исследования. В 1983 г. состоялось 70 выездов. Экспедиции работали по основным проблемам научно-исследовательского плана Института. Одним из главных направлений в сборе полевых материалов по-прежнему оставалось изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов, выявление соотношения традиционного и нового в современном хозяйстве, семейном быту и культуре народов Советского Союза.

Шесть отрядов Комплексной межинститутской антрополого-биологической и этнографо-социологической экспедиции продолжили сбор материала по изучению этнических групп с повышенным процентом долгожителей.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, в составе которой работало 8 отрядов, продолжила в соответствии со своей многолетней программой изучение археологических памятников в зоне древнего орошения.

Как и в прежние годы, результаты исследований Института нашли применение в практике социалистического строительства. Так, сектор этнографии народов Крайнего Севера направил в государственные органы докладные записки по вопросам современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера, содержащие практические рекомендации.

В Институте продолжалась подготовка научных кадров. В 1983 г. в аспирантуре обучалось 77 человек (54 — в Москве, 23 — в Ленинграде). Тематика работ аспирантов связана с основными проблемами научно-исследовательской деятельности Института этнографии АН СССР.

* * *

Большая работа была проведена специализированными учеными советами Института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях ученых советов состоялись защиты двух докторских и двадцати четырех кандидатских диссертаций.

В связи с 50-летием Института этнографии АН СССР и награждением его орденом Дружбы народов в Москве (в апреле) и Ленинграде (в мае) были проведены торжественные заседания ученых советов³.

Ученые советы Института (в Москве и Ленинграде) рассматривали актуальные проблемы этнографической науки — были обсуждены доклады: В. В. Пименова «Некоторые проблемы методологии и методики этнографического изучения современности (по материалам Урало-Поволжской историко-этнографической зоны)», М. Г. Рабиновича и В. П. Кобычева «Жилище. Культурно-бытовые традиции народов СССР (постановка вопроса)», Э. Г. Александренкова и В. В. Пименова «Проблемы изучения кубинской этнографии (три сезона исследований на Кубе. Результаты и перспективы)», Р. Я. Расудовой «К истории изучения среднеазиатской общины», Н. В. Юхневой «Многонациональные столицы Центральной и Восточной Европы (к постановке вопроса о сравнительном изучении этнической проблематики)» и др.

На расширенном заседании ученого совета, посвященном итогам XI Международного конгресса антропологических и этнологических наук (Канада, август 1983 г.), с докладом выступил глава советской делегации акад. Ю. В. Бромлей и участники Конгресса Л. М. Дробижева, М. В. Крюков, Л. П. Кузьмина, В. А. Тишков.

На заседаниях ученого совета были заслушаны также сообщения Л. М. Дробижевой «О результатах работы научных руководителей с аспирантами за 1975—1981 г.» и Е. В. Ивановой о состоянии подготовки аспирантов в Ленинградской части Института; отчеты Ю. В. Кнорозова о результатах работы Курильской экспедиции в 1982 г. и Л. П. Кузьминой об итогах работы сектора информации и международных связей за 5 лет.

В течение 1983 г. ученые советы провели большую научно-организационную работу, связанную с избранием на новые должности и переквалификацией сотрудников, а также с обсуждением и утверждением к печати трудов Института.

* * *

В 1983 г. сотрудники Института этнографии участвовали более чем в 50 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, для которых подготовили свыше 180 докладов.

Наиболее значительной встречей этнографов в масштабах всей страны была Всесоюзная конференция «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС» (Казань, май—июнь)⁴.

Институт этнографии совместно с Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР и Институтом философии АН Азербайджанской ССР организовал Всесоюзную научно-практическую конференцию «Диалектика национального и интернационального в духовном мире советского человека» (Баку, декабрь). С докладами выступили: Ю. В. Бромлей — «Национальные аспекты изучения человека в исторической перспективе», Л. М. Дробижева — «Личность и среда в межнациональных отношениях», М. Н. Губогло — «Роль национально-русского двуязычия в формировании духовного облика советского человека», А. А. Сусоколов — «Динамика этносоциальной структуры и межнациональные браки в столицах союзных республик», Г. В. Старовойтова — «О типах адаптации личности в иноэтнической среде», Т. В. Таболина — «Основные концепции этнического развития в теоретических работах этносоциологов в США», И. М. Кузнецов — «Об основных концепциях зарубежной этнопсихологии», М. Э. Коган — «Общение в иноэтнической среде».

На юбилейной научной сессии Отделения истории АН СССР, посвященной жизни и деятельности К. Маркса (Москва, март) с докладом «Концепция первобытной истории в произведениях К. Маркса» выступил Н. Б. Тер-Акопян. Им же был сделан доклад «К. Маркс о закономерностях истории и человеческой деятельности» на научной сессии «Учение К. Маркса о социально-экономических формациях» (Москва, июнь), организованной Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой».

На Всесоюзной научно-практической конференции «Теория и практика социального планирования» (Москва, ноябрь), организованной Академией наук СССР, Академией общественных наук при ЦК КПСС, Академией народного хозяйства при Совете Министров СССР, ЦКШ при ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС, О. И. Шкаратан выступил с докладом «Социальное воспроизводство и региональное социальное планирование».

На Всесоюзной конференции «Проблемы сближения города и деревни» (Москва, ноябрь), организованной Институтом истории СССР АН СССР, был заслушан доклад Ю. В. Арутюняна «Национально-региональное многообразие процессов сближения города и деревни».

Институт этнографии принял участие во Всесоюзной научной конференции «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития» (Новосибирск, октябрь), организованной Сибирским отделением АН СССР, Сибирским отделением АМН СССР, Сибирским отделением ВАСХНИЛ, Региональной межведомст-

³ Подробнее см.: Тер-Саркисянц А. Е., Путилова Т. Б. Заседания в Москве и Ленинграде, посвященные вручению ордена Дружбы народов Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. — Сов. этнография, 1983, № 5.

⁴ Подробнее см.: Липинская В. А. Всесоюзная конференция «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС». — Сов. этнография, 1983, № 6.

венной комиссией по координации исследований проблем народностей Севера. С докладами выступили Ю. В. Бромлей и И. С. Гурвич — «Современные этнокультурные процессы», В. И. Васильев — «Основные направления этнических и языковых процессов на Крайнем Севере», А. В. Смоляк — «Современное социальное развитие коренного населения Нижнего Амура и Сахалина», М. Я. Жорницкая — «Состояние культурно-просветительной работы среди коренного населения Севера», Ч. М. Таксами — «Некоторые вопросы современного развития народностей Севера», М. А. Членов — «Концепция развития народов Севера и сфера занятости». При обсуждении докладов выступали С. А. Арутюнов, Е. А. Алексеевко и Г. Н. Грачева.

На организованной Министерством культуры РСФСР с участием Министерства просвещения РСФСР, Министерства местной промышленности РСФСР, Госкомиздата, Союза писателей, Союза композиторов (Москва, ноябрь) конференции по проблемам развития культуры и искусства народностей Севера, сделали доклады И. С. Гурвич — «Интернациональное и национальное в фольклоре и современной культуре народностей Севера» и М. Я. Жорницкая — «Традиции и современность в хореографическом искусстве народностей Севера».

На научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования трудовых ресурсов Архангельской области в свете решений XXVI съезда КПСС» (Архангельск, июнь), организованной Институтом социологических исследований АН СССР и Архангельским облисполкомом, с докладом «Роль коренного населения в развитии производительных сил тундровой зоны Архангельского края (хозяйственно-культурный аспект проблемы)» выступили И. С. Гурвич и В. И. Васильев.

Л. Т. Соловьева прочитала доклад «Этнография Грузии в периодической печати Кавказа XIX в.» на Всесоюзной конференции, посвященной историческим связям русского и грузинского народов и 200-летию подписания Георгиевского договора между Восточной Грузией и Россией, организованной Институтом истории СССР АН СССР и Институтом истории, археологии и этнографии АН ГрузССР (Москва, июнь).

На Всесоюзной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов» (Омск, март—апрель) от Института выступили В. И. Васильев и Г. Н. Грачева⁵.

На межреспубликанском симпозиуме «Проблемы изучения древнего домостроительства VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР» (Рига, май), организованном Институтом археологии АН СССР и Институтом истории АН ЛатССР, М. Г. Рабинович сделал доклад «Особенности древнего московского домостроительства XI—XIV вв.»⁶.

В работе XIV Всесоюзной конференции океанистов и австраловедов (Москва, май), организованной Институтом востоковедения АН СССР, с докладами выступили О. Ю. Артемова — «Элементы индивидуальной специализации в обществе аборигенов Австралии», Н. А. Бутинов — «Раковинные деньги в Меланезии», К. Ю. Мешков — «Остров как сакральное понятие», Е. С. Соболева — «Топассы о. Тимор», Д. Д. Тумаркин — «Из истории „Проекта развития Берега Маклая“ по новым материалам», И. К. Федорова — «Плавания полинезийцев в древности».

Институт этнографии совместно с НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР провел научно-практическую конференцию «Культурно-бытовые процессы в современном селе Чувашской АССР» (Чебоксары, ноябрь). С докладами выступили В. В. Пименов — «Народные традиции и трудовые ресурсы села (некоторые проблемы прикладной этнографии)», В. С. Кондратьев — «Социальные перемещения сельского населения Чувашии на современном этапе (этносоциальные аспекты)», Т. П. Федянович — «Свадебные обряды сельских жителей республик Поволжья (Мордовская, Удмуртская, Чувашская АССР)», Т. С. Гузенкова «Межэтнические контакты в селах Чувашии», А. Е. Пахутов — «Пища как характеристика чувашского этноса», Г. А. Комарсва — «О роли фактора пола в этнокультурных процессах (по материалам Чувашской АССР)» и А. Д. Коростелев — «О языковом и культурном влиянии чувашей на русское сельское население Чувашской АССР».

Институтом этнографии совместно с Институтом истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР было организовано региональное совещание по теме «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана» (Ашхабад, март), на котором с докладами выступили 13 сотрудников и аспирантов Института⁷. В январе в Институте состоялись «Чебоксаровские чтения» на тему «Этногенез и этническая история народов Зарубежной Азии», на которых с докладами выступили 15 человек⁸.

Ленинградской частью Института этнографии совместно с Институтом Африки АН СССР и Научным советом по проблемам Африки Президиума АН СССР в апреле была организована конференция «Проблемы культурного и научного строительства в Африке на современном этапе», приуроченная к 80-летию члена-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге. На ней с докладами выступили Д. А. Ольдерогге — «Африка и древние цивилизации», Н. М. Гиренко — «Критерий времени и общественный процесс», К. И. Поздняков — «Этимологизация лексик в этнолингвистике Западной Африки», С. Б. Чернецов — «Об одной библейской цитате в „Истории галла“», В. А. Попов — «Параполисные общества тропической Африки (объяснение выделения и стадийно-формационной атрибутики)»,

⁵ Подробнее см. сообщение об этой конференции в настоящем номере журнала.

⁶ Подробнее см.: Рабинович М. Г. Симпозиум по древнему домостроительству. — Сов. этнография, 1983, № 6.

⁷ Подробнее см.: Жданко Т. А. Региональное совещание по изучению быта сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. — Сов. этнография, 1983, № 6.

⁸ Подробнее см.: Кузнецов А. И. Чебоксаровские чтения в Институте этнографии АН СССР. — Сов. этнография, 1983, № 3.

В. В. Бочаров — «Обособленности политических культур стран Африки», В. Р. Арсеньев — «Охотничьи союзы и государственное управление в Мали», К. П. Калиновская — «Традиционное скотоводство в Восточной Африке».

В апреле Ленинградской частью Института были организованы также «Пятые Маклаевские чтения»⁹ и очередные «Среднеазиатско-кавказские чтения», а в ноябре там же был проведен симпозиум «Этнические особенности языка культуры», на котором с докладами выступили А. С. Мыльников — «Язык культуры и проблемы этнической специфики систем», А. Н. Анфертьев — «Язык обряда: о границах применимости лингвистических аналогий», А. К. Байбуurin — «О языке ритуала», Я. В. Чеснов — «О языке жестов», Л. В. Маркова — «Знаково-символическая специфика свадебного обряда», Ю. В. Иванова — «Реализация традиций и инноваций в поведенческих стереотипах на примере обряда примирения кровников в горных зонах Кавказа и на Кавказе», Ю. В. Ионова — «Природные символы в ритуалах корейцев», Л. Л. Викторова — «Традиционная культура кочевых народов Центральной Азии, как этнический разграничитель», Г. Н. Грачева — «К проблеме перевода и интерпретации некоторой лексики нагасан из области духовных форм культуры».

В декабре Ленинградской частью Института был организован научный семинар «Этнография Петербурга—Ленинграда», на котором с докладами выступили М. Г. Рабинович — «Об этнографическом изучении города» и «„Домик в Коломне“ А. С. Пушкина как исторический источник», Н. В. Юхнева — «Многонациональность населения Петербурга и других столичных городов Центральной и Восточной Европы (к постановке вопроса о сравнительном изучении)» и «Социально-бытовое районирование Петербурга как основа для выбора объектов музеефикации», А. С. Мыльников — «Зарубежные славяне в Петербурге (конец XVIII — начало XX в.)», А. М. Решетов — «Выходцы из зарубежной Азии в Петербурге», А. Д. Дридзо — «К истории Эстонского просветительного общества в Петербурге», Г. В. Старовойтова — «Этносоциологическое исследование иноэтнических групп в населении современного Ленинграда», М. Э. Коган — «Обособленности современного этнокультурного облика армян в Ленинграде», Н. В. Ушаков — «Крестьянское жилище Петербургской губернии начала XX в.».

На очередной XIII конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Института — «Динамика элементов этнической культуры» (Москва, май) — было прочитано и обсуждено 12 докладов, посвященных современным этническим процессам и традиционной бытовой культуре народов мира.

Сотрудники Института приняли также участие во всесоюзных конференциях: «Город как социальная среда» (Даугавпилс, март), «Проблемы истории и развития народного искусства» (Рига, сентябрь), «Ономастика Кавказа» (Телави, май), «Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири» (Барнаул, апрель), «Проблемы изучения народнопопесного творчества русского казачества» (Ростов-на-Дону, апрель), в конференции фольклористов Сибири и Дальнего Востока (Горно-Алтайск, сентябрь), по историографии и источниковедению стран Зарубежной Азии (Ленинград, апрель), в IV конференции индологов (Москва, февраль), в XIV конференции «Общество и государство в Китае» (Москва, январь), во II конференции востоковедов (Баку, май), в конференциях, посвященных проблемам арабской культуры (Москва, ноябрь) и комплексного изучения ислама и его роли в современной идейно-политической борьбе (Москва, ноябрь), в конференции «Ланьтяньский синантроп и формирование физического и духовного облика человека» (Москва, октябрь) и др.

Принимали участие сотрудники Института и в юбилейном заседании Российского палестинского общества (Ленинград, май), в научной сессии «Становление историографии в странах византийского культурного мира» (Ленинград, июнь), в научно-практической конференции, посвященной истории и современному состоянию холмогорского кустарного промысла (Ломоносово, Архангельская обл., июнь), в конференции работников культуры Поволжья (Пермь, ноябрь), в «Тихомировских чтениях» (Москва, май) «Окладниковских чтениях» (Новосибирск, октябрь), «Кюнеровских чтениях» (Ленинград, октябрь), в VIII Уральском археологическом совещании (Свердловск, апрель), в межреспубликанском семинаре Прибалтийского отделения Советской Социологической ассоциации (Таллин, апрель), в межинститутской молодежной конференции «Подход к изучению города и региона» (Ленинград, декабрь), во II Межреспубликанской школе-семинаре молодых ученых (Архангельск, сентябрь), в отчетно-экспедиционных сессиях Института археологии АН СССР (Москва, апрель) и Института археологии АН Узбекской ССР (Самарканд, март), в заседании круглого стола «Экология, человек, творчество» (Ленинград, апрель) и в других встречах ученых страны.

* * *

Большое внимание в минувшем году по-прежнему уделялось популяризации этнографических знаний. Институт завершил подготовку совместно с Институтом географии АН СССР обобщающей 20-томной научно-популярной серии «Страны и народы». В 1983 г. опубликованы три тома этой серии — «Зарубежная Европа. Южная Европа» (34 п. л.), «Америка. Южная Америка» (33 п. л.), «СССР. Общий обзор. РСФСР» (54 п. л.). В этих томах, наряду с экономико- и физикогеографическими очерками имеются главы по истории, населению и современной материальной и духовной культуре народов.

⁹ Подробнее см.: *Соболева Е. С.* Пятые Маклаевские чтения. — Сов. этнография, 1983, № 6.

Сотрудники Института опубликовали несколько десятков статей в различных научных, научно-популярных и общественно-политических журналах, а также в газетах.

Вышли в свет научно-популярные работы: книги И. Р. Григулевича — «Дорогами Саидино» (14 п. л.), «Пророки „новой истины“» (17 п. л.), Р. Ф. Итса — «Золотые мечи и колодки невольников. Историко-этнографический роман» (11 п. л.), Ю. Б. Симченко, В. В. Лебедева — «Ачайвайамская весна» (10 п. л.), Б. П. Полевого — «Первооткрыватели Курильских островов» (14 п. л.), И. С. Кона — «Открытие „Я“» (14 п. л., на немецком яз.), брошюра Л. А. Тульцевой — «Советские государственные праздники. Истории и интернациональная сущность» (1,8 п. л.), второе издание книги Б. В. Андрианова — «На Великой Русской равнине» (15 п. л.), книги Б. Н. Путилова — «Человек с Луны. Дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая» (19 п. л.).

И. Р. Григулевичем опубликовано вступление к книге А. Кармен — «Огонь Прометея», П. И. Пучковым — послесловие к книге М. Стингла «Очарованные Гавайи», В. В. Покишишевским — раздел в книге «Атлантический океан», А. С. Мыльниковым — глава в учебнике «Новая история. Новый период». Г. И. Анохин — один из редакторов и автор послесловия к книге Б. и М.-Т. Даниэльсонов — «Моруроа, любовь моя», И. С. Вдовин — ответственный редактор и автор примечаний к книге Я. И. Линденау «Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.)».

За рубежом вышли в свет книги: Ю. В. Кнорзов «Иероглифические рукописи майя», Нью-Йорк (20 п. л.), В. П. Алексеев, И. И. Гохман «Антропология Азиатской части СССР», Мюнхен (17 п. л.), В. В. Покишиевский (в соавторстве) «География мирового океана», София (12,5 п. л.), А. Д. Дриздо «Люди и обычаи», Будапешт (10 п. л.), И. Р. Григулевич «История инквизиции», Гавана (27 п. л.), его же «Папство: век XX», Братислава (27 п. л.). В Мюнхене в «Трудах Института всеобщей и сравнительной археологии» опубликована книга «Раннесредневековые погребения в Западной Туве», составленная по работам А. Д. Грача и С. И. Вайнштейна.

Вышли в свет «Нивхско-русский и русско-нивхский словарь» (9 п. л.), составленный Ч. М. Таксами, «Словарь по этике» (издание пятое) (28 п. л.) под редакцией И. С. Кона, учебник по чукотскому языку, написанный И. С. Вдовиным (в соавторстве), (10 п. л.).

Сотрудники Института писали статьи для Большой Советской Энциклопедии, а также для краткого энциклопедического справочника «Народы мира».

По радио выступали — А. Д. Дриздо, Г. В. Лебединская, Ч. М. Таксами, Д. Д. Тумаркин; по телевидению — И. С. Кон, М. В. Крюков, Г. В. Лебединская, Г. В. Рыкушина, С. Я. Серов, Ч. М. Таксами, Г. Г. Шаповалова.

Сотрудники Института прочитали 1150 лекций в Москве, Ленинграде, а также в городах и селах различных республик и областей.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний провел Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. В 1983 г. музей посетили около 250 тыс. чел., для которых было проведено свыше 7400 экскурсий экскурсоводами Ленинградского городского экскурсбюро. Для советских и зарубежных специалистов сотрудники Института провели 127 экскурсий. Экспонаты музея по-прежнему широко демонстрировались и в других музеях нашей страны (Эрмитаж, Государственный музей этнографии народов СССР, Институт театра, музыки и кинематографии, Музей истории религии и атеизма, Зоологический музей АН СССР, Калининградский краеведческий музей и др.).

В истекшем году музей подготовил выставку «Шахматы народов мира», продолжил показ выставки «Традиционное искусство народов СССР» (обе выставки демонстрировались в Елагинном дворце — Ленинград). Были подготовлены и выданы коллекционные предметы для выставок «Традиционная культура народов Передней Азии» (Новосибирск), «К 60-летию Бурятской АССР» (Улан-Удэ), «Мир птиц» (Япония).

В истекшем году Институт был экспонентом двух Всесоюзных выставок АН СССР на ВДНХ СССР («История образования и развития СССР в трудах ученых-обществоведов» и «Древнейшие культуры земледельцев и скотоводов Молдавии»).

В отчетном году деятельность Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в целом, его подразделений и отдельных сотрудников получила высокую оценку.

В соответствии с постановлением Главного комитета Выставок достижений народного хозяйства СССР Институт этнографии был награжден дипломом I степени. Были награждены также следующие сотрудники Института: Ю. В. Бромлей — дипломом Почета, С. И. Брук — серебряной медалью, Л. М. Дробижева, Г. И. Анохин, М. С. Великанова, В. И. Козлов, С. Б. Рождественская — бронзовой медалью. Дипломом Союза архитекторов СССР были награждены М. С. Лапиров-Скобло и Ю. А. Раппопорт.

В связи с 50-летием Института этнографии АН СССР большая группа сотрудников награждена почетными грамотами Президиума АН СССР, Президиума ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а также почетными грамотами Дирекции и общественных организаций Института этнографии АН СССР.

А. Е. Тер-Саркисянц

* * *

В 1983 г. международные научные связи Института осуществлялись и развивались в традиционно сложившихся формах: подготовка и публикация совместных научных трудов; совместные полевые этнографические исследования; участие в деятельности международных научных организаций, обществ и редколлегий международных журналов; организация и участие в международных этнографических и антропологических выставках; информационно-пропагандистская работа; участие в международных научных

мероприятиях (конгрессах, конференциях, симпозиумах); непосредственный обмен опытом исследований между специалистами.

В течение года в зарубежные командировки в 23 страны Европы, Азии, Америки выезжали 63 сотрудника Института (в социалистические страны — 37, в капиталистические — 26). Было принято 86 ученых из социалистических (ВНР, ГДР, Кубы, НРБ, ПНР, СРВ, СФРЮ, ЧССР), а также капиталистических и развивающихся стран (Бельгии, Великобритании, Дании, Индии, Иордании, Канады, Колумбии, Нидерландов, Норвегии, Судана, США, Финляндии, Франции, Японии).

Институт продолжал многостороннее научное сотрудничество с научными центрами социалистических стран по таким темам, как «Общие и специфические черты в народной культуре стран Карпато-Балканского региона», «Этнокультурные процессы в условиях социализма», «Этнография славян», «Этнокультурные традиции народов Центральной и Восточной Европы».

Двустороннее сотрудничество осуществлялось с академиями наук ВНР, ГДР, СФРЮ, Кубы, МНР и с Комитетом общественных наук СРВ. В соответствии с проблемно-тематическими планами разрабатывались следующие темы:

С Венгерской академией наук — «Этнокультурные связи народов ВНР и СССР с древнейших времен до наших дней»; «Методологические проблемы изучения национальных культур».

С Академией наук ГДР — «Методологические проблемы этнографической науки и ее основные категории»; «История, этнография, культура и языки славянских народов».

С Академией наук Кубы — «Этнографический атлас Кубы».

С Академией наук МНР — «Этническая история и современные этнокультурные процессы в МНР».

С Комитетом общественных наук (КОН) СРВ — «Этногенез и этническая история народностей Вьетнама»; «Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма».

Советские ученые продолжали работать в международном реферативном журнале «Демос», издаваемом в ГДР. В 1983 г. для публикации в журнале было направлено 100 рефератов, освещающих изданные в Советском Союзе работы по этнографии и фольклористике.

Успешно продолжалось советско-финляндское сотрудничество в области этнографии и антропологии. В СССР были проведены два мероприятия: советско-финляндский симпозиум по теме: «Развитие и взаимодействие культур города и деревни в период после первой мировой войны у финноязычных народов» (Москва, 18—22 апреля); совместная советско-финляндская антропологическая экспедиция, которая обследовала коренное население Башкирской АССР по медико-биологической антропологической программе.

Достаточно продуктивно осуществлялось научное сотрудничество с американскими учеными (в рамках Комиссии Академии наук СССР и Американского совета познавательных обществ в области общественных наук). Разрабатывались три проблемы: 1. «Взаимодействие культур народов мира. Сравнительное этнографо-антрополого-археологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки»; 2. «Биолого-антропологические и социально-этнографические аспекты в изучении проблем долгожительства»; 3. «Сравнительное изучение этнических процессов: историко-культурные аспекты».

По первой проблеме продолжалась подготовка советско-канадско-американской выставки «Народы Берингоморья». В мае — июне в СССР находилась делегация канадских и американских специалистов, занимавшаяся отбором этнографических и археологических экспонатов для будущей выставки. В связи с работой по второй проблеме в марте 1983 г. в СССР приезжали американские ученые В. Рубин (руководитель темы с американской стороны) и Л. Комитас с целью редактирования сборника статей советских и американских авторов по проблеме комплексного изучения «долгожительства». По третьей проблеме в январе 1983 г. в СССР были проведены рабочие встречи и дискуссии с американскими учеными — Д. Фишером, Г. Липидус и Л. Мюллингом.

Продолжали успешно осуществляться начатые в 70-х гг. советско-французские исследования этнографии народов Крайнего Севера. В мае 1983 г. во Франции состоялся II советско-французский симпозиум на тему «Этнография народов Севера».

Развивались начатые в 1978 г. научные контакты с Британской Академией наук и Королевским антропологическим институтом Великобритании и Ирландии. В мае — июле 1983 г. в рамках соглашения между АН СССР и Британской Академией наук В. И. Козлов работал в Англии над темой «Иммигранты и расовые проблемы в Великобритании».

Продолжало развиваться сотрудничество с учеными Индии: группа сотрудников Института в истекшем году вновь приняла участие в полевых социо-антропологических исследованиях, проводимых совместно с индийскими специалистами. Обследовано около 20 эндогамных групп Южной Индии.

1983 г. был годом проведения международного форума этнографов и антропологов всего мира — XI Международного конгресса антропологических и этнологических наук (МКАЭН). Как и на предыдущих конгрессах, советская делегация, представлявшая советскую антропологическую и этнографическую науку за рубежом, участвовала в заседаниях Исполкома, Постоянного совета и Генеральной ассамблеи МСАЭН, а также в работе 27 симпозиумов и проблемных комиссий. По инициативе советской делегации был принят важный документ «Воззвание против угрозы ядерной войны».

И. Ю. Заринов

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

31 августа 1983 г. в столице МНР г. Улан-Баторе состоялся первый советско-монгольский этнографический симпозиум. Он был проведен в соответствии с рабочим планом научного сотрудничества между АН СССР (Ин-т этнографии АН СССР) и АН МНР (Ин-т истории АН МНР) и был приурочен ко времени работы комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, прежде всего ее этнографического отряда¹.

На симпозиуме были заслушаны 21 доклад и сообщение, в том числе 7 советских и 14 монгольских. Выступавшие представляли Институты этнографии и востоковедения АН СССР, Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, Институты истории и общей и экспериментальной биологии АН МНР, Монгольского государственного университета.

Открывая симпозиум, вице-президент АН МНР, директор Института истории АН МНР акад. Ш. Нацагдорж подчеркнул, что цели совместной деятельности советских и монгольских этнографов четко определены подписанным в Москве договором между АН МНР и АН СССР, а также между Институтом истории АН МНР и Институтом этнографии АН СССР. Особо была отмечена успешная совместная полевая работа монгольских и советских этнографов в текущем году в Убсунурском аймаке. В заключение Ш. Нацагдорж пожелал всем участникам симпозиума новых научных достижений.

Симпозиум открылся докладом С. Бадамхатана (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) «Актуальные задачи этнографических исследований в МНР». Этнография как наука, сказал докладчик, начала формироваться в Монголии уже после победы народной революции и образования республики. Если первоначально исследователи старшего поколения изучали исключительно традиционное хозяйство и культуру, то позднее, особенно после 1940 г., когда страна вступила на путь строительства основ социализма, они обратились к проблемам, имеющим важное практическое значение: рациональные способы ведения хозяйства, формы объединения айратских хозяйств и т. д. Несомненным вкладом в этнографическую науку явились исследования монгольских ученых о месте и роли монгольской кочевой цивилизации в истории Центральной Азии. Начиная с 60-х гг., этнографы МНР систематически изучали различные народности и этнографические группы страны, а с 70-х гг. — такие важные проблемы, как формирование монгольской социалистической нации, нового быта аратов и городского населения. Выросли новые кадры этнографов, причем многие из них подготовлены кафедрами этнографии МГУ и ЛГУ. Докладчик считает особенно актуальными в настоящее время проблемы изучения этнической истории монголов и современных этнокультурных процессов у народов МНР. В этом плане перспективны совместные монголо-советские этнографические исследования, проводимые в рамках советско-монгольского научного сотрудничества.

А. М. Решетов (Ленинград, Ин-т этнографии АН СССР) проанализировал этно-демографическую ситуацию в Монголии в первой четверти XX в. По данным И. М. Майского, сказал докладчик, к началу 20-х гг. XX в. все население Монголии составляло 647,5 тыс. чел., в том числе коренные народы монголо- и тюркоязычные — 542,5 тыс. чел., китайцы — 100 тыс. чел. и русские — 5 тыс. чел. Для монгольских народов в лингвистическом отношении характерной была ситуация взаимопонижаемости, в социально-экономическом — сохранение племенной структуры и феодальных отношений. Последнее, как и существовавшее в тот период административно-территориальное деление, сдерживали процессы этнической консолидации и этнокультурные процессы. Определенное влияние на этно-демографическую структуру общества оказывала также ламаистская религия. По мнению А. М. Решетова, к началу XX в. народы Монголии по уровню этнического развития представляли собой этносы феодальной эпохи, однако в политическом отношении, как и все народы слаборазвитых стран Востока эпохи империализма, они являлись нациями. Именно о такой ситуации писал В. И. Ленин: «...освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую „забывчивость“ значит терпеть шовинизм»².

¹ Подробнее см. в этом же номере: Решетов А. М. Коротко об экспедиции, с. 161—162.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 116.

Вопросы формирования национального самосознания в монгольском обществе в XIX в. были рассмотрены в докладе Л. П. Поповой (Москва, Ин-т востоковедения АН СССР). Эти новые социальные процессы докладчица связывает прежде всего с конкретной социально-экономической и политической ситуацией, сложившейся в стране в рассматриваемый период: развитием товарно-денежных отношений и усилением торговой деятельности монгольского населения, повышением роли поселений городского типа и городского населения в хозяйственной и общественной жизни страны. Факторами, ускорявшими процесс становления национального самосознания монголов при недостаточно развитых экономических отношениях, были господство иноземной маньчжуро-китайской Цинской династии и выступления против него монгольского народа. В этом процессе можно выделить два основных этапа: первый — первая половина XIX в. — характеризовался повышением роли монгольского языка в обществе (попытки введения монгольского языка как предмета в духовных школах, требования перевода религиозных сочинений с тибетского языка на монгольский и т. д.); второй — середина — вторая половина XIX в. — был связан с пропагандой через литературу идеи национальной консолидации; и, наконец, третий — конец XIX — начало XX в. — связан с осознанием необходимости национального освобождения и пропагандой идеи возрождения суверенного монгольского национального государства.

Ряд докладов был посвящен палеоантропологии и этногенезу древних и современных народов Монголии.

Д. Тумэн (Улан-Батор, Ин-т общей и экспериментальной биологии АН МНР) рассмотрела некоторые результаты палеоантропологических исследований в МНР. С середины 70-х гг. благодаря большой работе комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции появилась возможность изучения палеоантропологического материала с территории МНР по единому, принятому в современной антропологии, плану и систематизировать эти данные в хронологическом и сравнительном аспектах. Палеоантропологическая коллекция, которой располагают монгольские ученые, насчитывает около 250 черепов, относящихся к различным историческим периодам, начиная от эпохи неолита до современности. В эпохи неолита, бронзы и раннего железа в западных областях Монголии обитали племена европеоидного типа, а в центральных и восточных — племена монголоидного типа североазиатской расы. С конца эпохи неолита и начала бронзового века уже происходило интенсивное смешение европеоидного и монголоидного населения. На основании имеющихся материалов можно говорить о том, что к началу нашей эры в антропологическом типе населения Западной Монголии преобладали монголоидные черты. В хунсское время (III в. до н. э. — I в. н. э.) на всей территории страны складывался единый хуннский антропологический тип, представлявший один из вариантов центральноазиатского типа североазиатской расы. По мнению докладчицы, формирование антропологического типа, характерного для современного населения МНР, в основном завершилось в начале I тыс. н. э.

В докладе Д. Д. Нимаева (Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) «Основные этапы формирования бурятской народности» были изложены существующие теории происхождения бурят. Сам докладчик считает, что процесс сложения этого народа завершился в XIX в.³

Б. Р. Зориктуев (Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) посвятил свое выступление бурятско-монгольским этническим связям. Основываясь на историко-этнографических данных, он убедительно показал монгольское происхождение бурятского селенгинского рода хухид. Прежде в литературе это бурятское родовое название предположительно связывалось с названием кукушки — хухи. Докладчик же предлагает вести этноним хухид от топонима Хан-хухий. Из местности с этим названием в конце XVII в. под влиянием междоусобных феодальных войн часть населения переселилась в Забайкалье, составив этнографическую группу бурят.

В трех выступлениях были рассмотрены вопросы семейно-брачных отношений, терминология родства. В докладе Г. Цэрэнханд (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) «Современная монгольская семья» трансформация монгольской семьи связывалась с победой народной революции и основными этапами некапиталистического пути развития и социалистического строительства в стране. Это было не спокойное перерастание патриархальной семьи в новую семью социалистического типа. Особенно резкие изменения в семейных отношениях происходили в период коллективизации и ликвидации эксплуататорских классов. Принципиально важным было изменение экономической основы семьи. Докладчица ярко, на конкретном материале охарактеризовала современный этап семейно-брачных отношений у разных этнических групп страны.

К. Д. Басаева (Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) рассказала о формах бытования современной семьи у бурят Хэнтэйского аймака. Ее сообщение было построено на материалах, собранных в августе 1983 г. в сомонах Батширэт, Биндер и Дадал. На основании анализа этих данных выявлено преобладание двухпоколенной отдельной малой семьи, состоящей из родителей и их неженатых детей. Значительный интерес представляют многочисленные неразделенные большие семьи. Докладчица рассказала о родительской семье, состоящей из де-

³ Основные положения доклада изложены в следующих его работах: Нимаев Д. Д. К проблеме этногенеза бурят. — Сов. этнография, 1979, № 4, с. 80—89; *его же*. Проблемы этногенеза бурят: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1981.

яти детей (двое сыновей уже женаты). У второго сына шестеро детей, у второго — двое. Все три семьи, оформленные официально как отдельные малые семьи, фактически живут вместе, ведут общее хозяйство, имеют общий бюджет и т. д. Такой тип, по мнению К. Д. Басаевой, никоим образом не может считаться архаическим. По культуре и быту описанная семья полностью адаптировалась к местным условиям и в этом плане ничем не отличается от других соседних малых семей.

В сообщении С. Цолмон (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) рассматривались некоторые монгольские термины родства, имеющие корень «жи», например жит-гэр, жиценгэр, которые, по мнению докладчика, восходят к единому корню и выражают значение «два». Первоначально это было числительное, превратившееся в термин родства.

В нескольких докладах и сообщениях анализировалась материальная культура монголов и их традиционные и современные занятия. В докладе Г. Батнасана (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) были охарактеризованы преимущественно этнографические аспекты организации труда животноводов СХО. Как известно, в соответствии с традицией формой организации коллективного труда была избрана сурь. И хотя внешне по своей структуре сурь напоминает хотон времен единоличных аратских хозяйств, она принципиально отличается от него, так как является единым коллективом животноводов, размещающимся в определенном месте и совместно использующем пастбища на определенной территории. Размер сури зависит от обеспеченности пастбищами, водой, рабочей силой. В ней содержится скот не только одного вида, но и одной породы, с одинаковой продуктивностью и одного товарного направления. На конкретных примерах докладчик охарактеризовал методы ухода за скотом в сури, основанные на рациональном разделении коллективного труда.

С докладом «Некоторые традиционные приемы земледелия у западных халхасцев» выступил С. Ичинноров (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР). В Западной Монголии, на территории современных сомонов Бэбир, Халиун и Шарга Гоби-Алтайского аймака издавна существовал один из очагов оазисного земледелия поливного характера. Для удобрения обрабатываемых участков на них пасли и оставляли на ночь скот; особенно тщательно старались удобрить более возвышенную часть поля. Вспахку проводили весной деревянным плугом с металлическим наконечником. Для боронования использовали ветки кустарника караган (вербулжья колючка) или специальную доску, на которую становился человек (*илуурдэх*). С помощью оросительных каналов посадки несколько раз поливались. Урожай убирали серпами, а для обмолота зерна использовали коров и лошадей, которых гоняли по току. Семенное зерно хранили особенно тщательно в мешке из козьей шкуры в глубокой яме, специально вырытой на возвышенном месте. Каждая семья зарывала свое зерно отдельно, но для охраны его объединялось несколько семей. Докладчик коснулся и земледельческой обрядности западных халхасцев. В частности, прежде на вершине почитаемой горы ставили столб с изображением солнца, луны и колосьев и просили хозяев гор послать обильный урожай.

На основе сведений из средневековых монгольских уложений XIV—XVIII вв. Т. Мунхцэцэг (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) охарактеризовала традиционные формы охраны окружающей среды у монголов-скотоводов, закрепленные законодательно.

Т. Дисан (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) рассказал об основных инструментах, которыми пользовались монгольские мастера серебряных дел. В народе бытовало мнение, что ювелиры, как и вообще кузнецы, становились настоящими мастерами только тогда, когда сами изготавливали свои орудия. Для закалки раскаленные инструменты последовательно опускали в соляной раствор, холодную воду и в масло, закапывали в навоз и т. д. Докладчик классифицировал инструменты по их назначению: резы, применявшиеся в разных случаях, тиски, формы для литья, наковальни, измерительные инструменты, а также инструменты для проделывания отверстий, обрезания, строгания, точения, полировки, штамповки и т. д. Различия в орудиях и приемах обработки зависели также от локальных и этнических традиций.

Доклад А. Е. Пахутова (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) был посвящен пище монголоязычных народов в начале XX в. Основываясь на монгольских (МНР), а также калмыцких и бурятских (СССР) материалах, докладчик показал зависимость пищи как элемента бытовой народной культуры от конкретных условий экологической среды, уровня социально-экономического развития этносов и их групп, специфики их хозяйственно-культурной дифференциации.

Значительное место в работе симпозиума заняли доклады и сообщения, посвященные духовной культуре монголов.

Н. Л. Жуковская (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Проблемы изучения народной культуры монголов» подняла ряд нерешенных вопросов. В их числе, по ее мнению, структура традиционного мировоззрения и мировосприятия общества монгольских кочевников. Важно сконцентрировать внимание на анализе тех основных категорий или параметров народной культуры, которые хотя и универсальны для человечества в целом, но имеют определенную специфику у отдельных этнических общностей, групп генетически родственных народов или этносов, проживающих в экологически сходных условиях. С этой точки зрения представляет интерес изучение бинарных оппозиций (мужской — женской, правый — левый, жизнь — смерть, старший — младший, свой — чужой, подарок — отдарок и т. д.), образующих основу модели любой культуры, в том числе и монгольской, и проследить в них специфику кочевого мира. К числу важных проблем мировоззренческого комплекса, которые изучались в последние годы этнографическим отрядом комплексной Советско-монгольской исто-

рико-культурной экспедиции, относятся представления о пространстве и времени, соотношении праздников и будней, этнокультурные стандарты общения, т. е. прежде всего этикет и т. д. В этом отношении уже многое сделано монголоведами разных стран, но предстоит дополнить, уточнить ранее собранные сведения и привести их в систему.

А. Очир (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР), опираясь на названия месяцев, проанализировал календарные знания и связанные с календарем обряды у древних монголов. Общеизвестно, что первый месяц весны у монголов называется *цагаан сар* — белый месяц. Это название докладчик связывает с почитанием белого цвета скотоводами-кочевниками Центральной Азии. Сяньбийцы, кидань и монголы в особо важных случаях приносили духам и богам в жертвы животных именно белой масти. Древние монголы совершали жертвоприношения духам, покровителям скота молочными продуктами (*цагаан идээ* — белая пища) осенью, когда праздновался *хуби* — новый год. В XIII в. монголы стали отмечать новый год в первый весенний месяц, получивший тогда название *цагаан* — белый. Теперь, отметил докладчик, у разных групп монголов первый месяц весны (новый год) имеет два названия: перенесенное старое — *хуби сар* и новое — *цагаан сар*. Доклад сопровождался демонстрацией таблицы названий месяцев у разных монгольских народов. Порядок расположения и названия большинства месяцев почти всегда совпадают. По мнению докладчика, наименования месяцев у монгольских народов возникли еще в глубокой древности и связаны с хозяйственно-трудовой деятельностью; основаны они на добуддийских и даже нередко дошаманских представлениях о мире. Отсюда же различного рода обряды, посвященные природным явлениям, небесным светилам, циклическим явлениям, связанным с жизнью местных фауны и флоры в данное время года. Древние приметы и поверья длительное время отражаются в названиях месяцев, как в силу особенностей и своеобразия ведения хозяйства монголами, так и потому, что с глубокой древности этот народ обитал практически в одном культурно-географическом регионе.

Широкий круг вопросов был затронут в докладе Г. Мэнэса (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) «О семантике теонима Ульген». Этот теоним докладчик связывает с почитанием горы, которое в свою очередь является одной из конкретных форм почитания земли. Большинство разновременных поминально-ритуальных и погребальных памятников Монголии расположено, как правило, в непосредственной близости от гор, на которых имеются многочисленные наскальные рисунки. Очевидно, горы с писаницами служили полифункциональными культовыми центрами, где совершались жертвоприношения своей родовой горе, а это в архаическом понимании равнозначно почитанию своей родовой земли. Содержание мифологических представлений, связанных с теонимом Ульген, является общим для монголо- и тюркоязычных народов. В конечном итоге это сложный универсальный традиционный комплекс представлений о матери-земле как прародительнице и покровительнице. Рассмотрев генезис этих представлений, докладчик пришел к выводу, что они восходят к эпохе верхнего палеолита. Длительность их сохранения, с его точки зрения, объясняется существованием общинной собственности на землю.

Доклад Ц. Аюуша (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) был посвящен культу плодородия скота у монгольских скотоводов, уходящему корнями в глубокую древность. Естественно, что древние кочевники-скотоводы придавали большое значение магико-символическим действиям, направленным на умножение плодородности всех видов скота. Интересно, что обряды, связанные с плодородием скота, обычно приурочивались к традиционному празднику нового года (*цагаан сар*), который по воззрениям монголов символизировал также наступление нового цикла жизни, возрождение природы. Во время новогоднего поклонения *обо*⁴ на восточной стороне — стороне восхода солнца — втыкали палочку с привязанными на ней хадаком и волосами или шерстью производителей всех видов скота. Широко было распространено почитание мужских и женских детородных органов скота. Докладчик привел интересные материалы, свидетельствующие о связи культа производителей скота с культом огня и солнца, который также составлял важную часть более широкого культа плодородия.

В сообщении Д. Нансалмы (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) была проанализирована связь монгольских народных песен и обрядов.

Доклад Б. Доржа (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) был посвящен традиционным монгольским системам измерения длины, объема и веса. Все эти единицы измерения докладчик свел в таблицы и предложил их классификацию. Особенность монгольского принципа измерения, например, длины заключается в том, что в основу выделения единицы измерения кладутся характеристики того или иного животного. Так, глубину воды, толщину снежного покрова измеряют по традиции, соотнося их с длиной ноги или высотой скота (говорят, снег выпал не выше копыта). Единицами измерения расстояния становились время прохождения, преимущественно конем, определенного расстояния или пределы видимости человеческого глаза. Таким образом, меры измерения определялись многовековой народной практикой и удовлетворяли каждодневные жизненные потребности людей.

Источниковедческий характер носил доклад Ж. Баясаха (Улан-Батор, Монгольский гос. ун-т), рассказавшего о работе Лувсанчойдона по обычаям монголов. Лувсанчойдон (1878 г. р.), уроженец южного крыла Харчинского хошуна, овладел традиционной монгольской ученостью, получил звание переводчика с четырех языков (монгольского, тибетского, китайского, маньчжурского), работал в Пекине и в Япо-

⁴ *Обо (овоо)* — насыпь из камней на вершине горы, на перевале, в степи, представляющая собой один из видов примитивного жертвенника и одновременно жертвы. Насыпь постоянно увеличивается за счет камней, приносимых верующими.

нии. Когда ему было 40 лет, он написал книгу, по широте и глубине охвата материала представляющую своего рода энциклопедию о жизни монголов. Докладчик охарактеризовал основные разделы этой книги, подчеркнув уникальность содержащихся в ней сведений.

С приветствием к участникам симпозиума обратился второй секретарь Посольства СССР в МНР В. В. Грайворонский.

Итоги работы симпозиума были подведены в выступлении А. М. Решетова. Подчеркнув, что первый опыт совместной советско-монгольской работы в области этнографии оказался успешным, он, в частности, выразил надежду, что в дальнейшем наряду с этнографами, археологами, антропологами, востоковедами в совместные исследования включатся языковеды, фольклористы, литературоведы, искусствоведы, социологи, историки, экономисты и т. д. Необходимо участие специалистов различного профиля в разработке таких общих тем, как этническая история монголов, современные этнокультурные процессы в МНР. А. М. Решетов выразил также уверенность, что совместные советско-монгольские симпозиумы будут проводиться и впредь.

В заседаниях симпозиума также приняли участие инструктор Отдела науки ЦК МНРП тов. Сэджав, представители руководства комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции В. В. Волков и Сэр-оджав, ведущие ученые институтов АН МНР и Монгольского государственного ун-та, журналисты.

К симпозиуму были подготовлены фотовыставка, рассказывающая о работе этнографического отряда в течение полевого сезона 1983 г., и специальная небольшая экспозиция этнографических предметов, собранных членами экспедиции.

Работа симпозиума широко освещалась в монгольской прессе и по телевидению, получила высокую оценку научной общественности⁵.

Принято решение продолжить практику организации подобных симпозиумов в дальнейшем в Улан-Батаре и Ленинграде.

С. Бадамхатан, А. М. Решетов

⁵ См., напр.: Симпозиум этнографов.— Новости Монголии, 6 сентября 1983 г.; Симпозиум этнографов.— журн. Монголия, 1983, № 11, с. 18.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ»

Изучение этногенеза и этнической истории требует интерпретации данных различных наук. Наряду с этнографией, историей, археологией важное значение для исследования этих проблем имеют также фольклорные и топонимические источники, материалы антропологии, генетики, социодемографии.

В связи с заметной активизацией исследований в области этногенеза и этнической истории в последние годы стала ощущаться необходимость организации конференций по проблемам формирования и этнического развития отдельных этнолингвистических общностей и народов с привлечением для их обсуждения специалистов по различным научным дисциплинам. Первую всесоюзную конференцию такого рода по проблемам этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов Сибири организовал в 1979 г. Омский государственный университет¹.

И вот снова Омск выступил инициатором организации Всесоюзной конференции — на этот раз по проблемам этногенеза и этнической истории самодийских народов. Она состоялась 31 марта — 2 апреля 1983 г. В работе конференции приняли участие ученые разных специальностей из многих городов нашей страны — Москвы, Ленинграда, Омска, Томска, Кемерово, Казани, Абакана, Тобольска и др.

Организатор — Омский государственный университет провел большую предварительную работу и к началу конференции опубликовал изложение 45 докладов². Помощь в организации конференции оказывал Сектор этнографии народов Севера Института этнографии АН СССР.

Конференцию открыл профессор Омского университета В. И. Матюшенко.

На шести заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 35 докладов по этнографии, археологии, антропологии, лингвистике и медицине. Большинство докладов было выполнено на высоком научном уровне и содержало теоретические обобщения и фактический материал, позволяющий существенно продвинуться в решении проблем формирования и этнического развития самодийских народов. Доклады вызвали обмен мнениями представителей разных научных направлений. В ходе дискуссии, которой было отведено два заседания, выступило около 20 человек.

¹ См. Васильев В. И., Томчлов Н. А. Конференция «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий». — «Сов. этнография», 1980, № 4.

² Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов по археологии. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1983; То же. Тезисы докладов по лингвистике; То же. Тезисы докладов по этнографии.

Обобщающий характер носили доклады В. И. Васильева (Москва) «Основные проблемы формирования и развития самодийских этносов (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы)» и Е. А. Хелимского (Москва) «Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных», заслушанные в день открытия конференции. В докладе В. И. Васильева были систематизированы достижения разных научных дисциплин и показана их роль в решении проблемы этногенеза самодийских народов. Автор привел новые материалы, свидетельствующие в пользу гипотезы о двукомпонентном формировании всех северосамодийских этносов, сложившихся на основе синтеза пришельцев с юга Сибири — носителей самодийского языка и тундровых аборигенов Заполярья, и наметил основные направления дальнейших работ в области этногенеза самодийцев и их этнической истории. Как считает В. И. Васильев, комплексное археолого-этнографическое исследование селькупов, составление генеалогических семейно-кустовых схем северосамодийских родов и фамилий позволит в недалеком будущем выйти на совершенно новый уровень исследования этнической истории этих народов. В докладе Е. А. Хелимского была сделана попытка выявить на лингвистическом материале хронологические и пространственные рубежи прародины самодийцев. Коснувшись вопроса о субстратных элементах в северосамодийских языках, он справедливо указал на их незначительное присутствие в селькупском языке, связав это с тем, что территория расселения южных (нарымских) селькупов осталась неизменной со времен прасамодийской эпохи.

Ряд докладов был посвящен разработке теоретических проблем этногенеза и этнической истории и методике исследования этих процессов. Н. А. Томилов (Омск) в докладе «О соотношении понятий „этногенез“ и „этническая история“», предложил считать объектом изучения этнической истории весь комплекс этнических и этносоциальных процессов как на стадии формирования этнических общностей, так и на стадии их этнического развития и дальнейшей трансформации. По его мнению, этногенез является неотъемлемой частью этнической истории в широкой трактовке этого понятия.

Живой интерес у аудитории вызвал доклад В. И. Матющенко, в котором шла речь об использовании археологических источников при исследовании процессов этногенеза и методах выделения субстратных этнических компонентов средствами археологии.

Выступавшие по этим докладам археологи и этнографы затронули в ходе развернувшейся дискуссии различные стороны теоретических и методических аспектов исследования проблем формирования и этнического развития самодийской этнолингвистической общности и отдельных этносов, ее составляющих. Н. А. Томилов и В. А. Дремов (Томск) коснулись вопроса о соотношении археологических культур с позднейшими историко-этнографическими общностями. И. Г. Глушков и А. Я. Труфанов (Омск) обратили внимание на разное понимание культурной традиции в археологических и этнографических работах. Г. Н. Грачева (Ленинград) рассказала о методе реконструкции древних форм материальной культуры по данным этнографии при отсутствии археологических материалов.

Активное участие в дискуссии приняли лингвисты, поднявшие в своих выступлениях вопросы, связанные с применением лингвистического и этнотерриториального принципов в исследовании этнолингвистической структуры этносов (Ю. А. Морев — Томск), с возрастанием роли лингвистических данных по мере углубления в незавершенное историческими документами прошлое (Е. А. Хелимский, с методикой изучения древнейших лексических заимствований (В. А. Терентьев — Москва) и с необходимостью учета при проведении такого исследования особенностей этнической истории и хозяйственно-культурного развития носителей данных языков (Т. М. Филиппова — Киев) и др.

Большинство докладов археологов — А. И. Бобровой, Г. И. Гребневой, Л. М. Плетневой (Томск), Т. Н. Троицкой (Новосибирск) и др. было посвящено этногенетическим и культурно-историческим процессам, протекавшим на территории Среднего Приобья в эпохи бронзы, железа и раннем средневековье. Историко-графический характер носил доклад М. А. Демина (Барнаул), избравшего темой своего выступления проблему этнической принадлежности древнего населения Южной Сибири в освещении дореволюционных исследователей.

Большой и разнообразный материал археологического и этнографического характера был приведен Э. Б. Вадецкой (Ленинград) в докладе «Поиски самодийцев на Енисее». Многие из выступавших в прениях (В. И. Матющенко, В. И. Васильев и др.) оценили этот доклад как значительный вклад в изучение истории ранних самодийцев, так как он позволяет вполне обоснованно предполагать их участие в формировании древнего населения минусинской котловины. По содержанию к нему был близок доклад Р. В. Николаева (Кемерово), посвященный выяснению определенных этапов в этногенезе самодийцев путем сравнительного сопоставления и выявления аналогий между древними культурами Сибири и традиционными культурами северосамодийских этносов.

Выявлению самодийского компонента в составе ряда народов Южной Сибири были посвящены и многие антропологические доклады. В. А. Дремов на основе анализа главным образом краниологических материалов пришел к выводу, что нарымские селькупы и особенно нижнеобские ненцы значительно ближе к хакасам, чем обские угры. По мнению докладчика, ненцы по своему антропологическому типу близки к тюрко-монгольским народам. Это сходство, считает В. А. Дремов, свидетельствует не только об участии самодийского компонента в этногенезе народов и этнографических групп Алтае-

Саянского нагорья, но и о давних контактах предков самодийцев с населением Юга Сибири.

Самодийско-тюркские связи по данным одонтологии ненцев и сибирских татар были выявлены в докладе С. В. Ошурковой (Омск) и Н. А. Томилова, Б. И. Захаров, Н. П. Захарова, Е. А. Белявский (Омск) представили на обсуждение доклад «Значение рентгенологического метода исследования в распознавании заболеваний скелета древних людей».

Переходя к лингвистическим докладам, следует отметить, что большинство из них (Л. А. Алиткиной, А. Я. Глухого и Ю. А. Морева, Н. В. Деннинг, Ш. Ц. Купер, Н. П. Максимовой (Томск), Е. П. Болъд (Барнаул), К. Ф. Родионовой (Абакан) и др.), к сожалению, не были связаны с проблемами этногенеза и этнической истории. Исключением явились доклады В. А. Терентьева «Древнейшие заимствования из тюркских языков в самодийские», С. М. Исхаковой (Казань) «Фонетические особенности языка сибирских татар, связанные с этногенезом и этнической историей их носителей», Ю. А. Морева «Особенности развития консонантизма по диалектам селькупского языка» и Т. М. Филипповой «Тюркизмы в южных диалектах селькупского языка», в которых этнические и этнокультурные связи самодийских народов и их соседей анализировались на основании исследования фонетики, морфологии и лексического состава самодийских языков.

Большой интерес у участников конференции вызвали этнографические доклады. Совместный доклад И. В. Белича и А. В. Головнева (Тобольск) был посвящен проблеме проникновения самодийцев на север Сибири и их расселения в таежной зоне Приобья. В. А. Козьмин (Ленинград) выступил с докладом «Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей». Привлекая полевые материалы, характеризующие селькупское оленеводство, он отстаивал точку зрения о позднем заимствовании ими этого хозяйственного занятия у оленеводов Севера Западной Сибири.

Высокую оценку у участников конференции получил доклад Г. Н. Грачевой, в котором была сделана попытка реконструкции средств этнографии старинной одежды нганасан и энцев доолeneводческого периода. Выступавшие в прениях В. И. Васильев, Н. А. Томилов, А. В. Головнев и др. отмечали новаторский характер доклада, новизну предложенной автором методики, ее значение для решения вопросов культурогенеза самодийских народов. Одежде лесных ненцев бассейна реки Пур посвятила свое сообщение И. А. Карапетова (Ленинград), отметившая присутствие в ней ряда архаических черт, а также элементов, заимствованных у хантов. Выступление А. В. Головнева было посвящено выявлению различий в брачно-экзогамных институтах ненцев, энцев и нганасан, связанных со спецификой хозяйственно-культурного развития каждого из этих народов.

В. М. Кулемзин (Томск) рассмотрел в своем докладе отличительные черты погребального обряда северных хантов, не имеющие аналогии у других этнографических групп этого народа и, вероятно всего, по предположению автора, заимствованные ими у самодийцев.

В докладе Ф. Т. и Б. Ф. Валеевых (Казань) анализировались этногенетические и историко-культурные контакты тоболо-иртышских татар. В. П. Кривоногов (Абакан) рассказал об этнической судьбе койбалов, в прошлом самодийскоязычного населения Минусинской котловины, тюркизированного в XVIII в. и вошедшего затем в состав хакасов.

В решении, подытожившем результаты работы конференции, отмечено ее большое значение для разработки кардинальных вопросов этногенеза и этнической истории самодийцев. В нем были намечены пути дальнейших комплексных исследований в этой области и в частности поставлен вопрос об организации комплексных археолого-этнографо-антрополого-лингвистических экспедиций в районы современного и исторического проживания северосамодийских народов. По мнению участников конференции, для организации и планомерного проведения таких экспедиций при Научно-координационном совете по археологии и этнографии Западной Сибири следует создать специальную научную группу, в состав которой должны войти представители всех названных научных дисциплин.

Было также признано целесообразным продолжить практику комплексного обсуждения этногенетических, этноисторических и культурногенетических проблем как наиболее продуктивной формы научных конференций и совещаний. Участники единодушно одобрили инициативу Омского Государственного университета по организации подобных конференций и рекомендовали провести следующую Всесоюзную конференцию по этногенезу и этнической истории самодийских народов через пять лет.

В. И. Васильев, Н. А. Томилов

СОВЕЩАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЮ ПАНИНДЕЙСКОЙ ОБЩНОСТИ В США

В настоящее время в Институте этнографии АН СССР готовится обобщающее коллективное исследование «Американские индейцы в современном мире». Поэтому вполне понятен особый интерес, который авторский коллектив и другие специалисты проявляют к этой хотя и традиционной, но все еще обстоятельно не изученной и злободневной научной проблеме. В июне 1983 г. в институте состоялась встреча с проф. У. Стертвантом, куратором индейского отдела Смитсоновского института в США, главным редактором энциклопедии «Путеводитель по североамериканским индейцам». Ученый выступил с докладом «Паниндеанизм в США: новый этногенез?»

Изучение проблемы паниндеанизма, без сомнения, представляет большую трудность. С одной стороны, считают многие индейские лидеры, осознание общности среди различных племен в настоящее время пока еще не сложилось. «Основной чертой, характеризующей современную жизнь американских индейцев, является их разобщенность, как территориальная, так и культурная. Индейские племена не представляют homogенной группы, они отличаются друг от друга исторически сложившимися культурными традициями», — говорится в заявлении авторитетной организации «Национальный конгресс американских индейцев»¹. Однако с другой стороны, потребность разрешения многочисленных социокультурных и экономических проблем, в той или иной мере стоящих перед каждой индейской общиной, диктует необходимость координации их усилий, что невозможно без «провозглашения некой индейской общности, которая объединила бы все племена США»². В этой связи точка зрения У. Стертванта представляет большой интерес для советских этнографов.

В начале выступления докладчик подчеркнул, что как и ряд его коллег, он считает, что индейцы по-прежнему обладают стойким племенным сознанием. По его мнению, «нельзя быть индейцем, не принадлежа к какому-либо племени», членство в котором определяется по меньшей мере одним из трех нижеследующих условий: происхождение, участие в социальной жизни своего племени или официальный статус индейца.

Однако, несмотря на это, отметил далее У. Стертвант, в настоящее время все же можно говорить о процессе формирования индейской общности. Характерными ее чертами являются: во-первых, наличие у каждого племени собственной земельной базы, во-вторых, юридически зафиксированного особого индейского статуса, дающего всем аборигенам ряд сходных прав, наконец, в-третьих, постепенное преодоление языкового барьера между отдельными племенами, происходящее главным образом за счет вытеснения индейских языков английским³. Перечисленные моменты «осознаются как самими индейцами, так и их этническим окружением», — сказал докладчик, — что по его мнению подтверждает выдвинутый им ранее тезис о начале складывания некой надплеменной общности.

Общендеийское самосознание, считает У. Стертвант, проявляется в ряде сходных элементов духовной жизни американских индейцев, которые в известном смысле могут считаться этноопределителями паниндейской общности. К этим признакам относятся в первую очередь имеющие всеобщий характер ритуальные индейские празднества «пау-вау», которые являются не чем иным, как «способом церемониального подтверждения индейской принадлежности». Во-вторых, это «трудно поддающаяся описанию, но вместе с тем вполне очевидная специфика речевого поведения индейцев и присущее им особое чувство юмора, которые имеют заметные отличия от аналогичных манер других групп населения».

В заключение У. Стертвант отметил, что еще одним признаком роста паниндейского сознания является получивший в последнее время широкое распространение феномен «перехода» (passing), то есть отнесение себя к индейцам лицами, имеющими в действительности весьма отдаленную генетическую принадлежность к индейским этносам, или же скрывавшими ее ранее в силу каких-либо причин. Быстрый рост численности индейцев⁴, превышающий, по его мнению, максимальные возможности естественного прироста населения, связан с отмеченным феноменом и является результатом усиления индейского самосознания, результатом увеличения интереса к своим национальным корням.

Доклад У. Стертванта вызвал большой интерес, что было отмечено в ходе его обсуждения советскими исследователями. При этом Г. А. Агранат, С. А. Арутюнов, Т. В. Гончарова и Ю. А. Зубрицкий отметили, что сходные процессы формирования панаборигенных настроений происходят и в других регионах — Канаде, Индии, в Латинской Америке. Вместе с тем в выступлениях советских ученых прозвучал ряд принципиальных возражений. В частности, Л. А. Файнберг, остановившись на универсальности

¹ Statement of National Congress of American Indians. 1979.— In: Indian Economic Development Programms. Oversight Hearings before the Comm. On Interior and Insular Affairs. House of Representatives, 96 Cong., 1 sess. Wash., 1980, pt 2, p. 65.

² U. S. News and World Report, 1974, 25 Feb., v. 76, № 7, p. 60.

³ В настоящее время почти 67% индейцев США называют в качестве родного английский язык. Существует также ряд англоязычных на протяжении 3-х и более поколений индейских этносов (U. S. Census of Population 1970. Subject Reports. PC(2)—IF, American Indians. Wash., 1973, p. 192).

⁴ По данным последней переписи населения США, численность индейцев на 1980 г. составила 1,4 млн. чел., увеличившись по сравнению с 1970 г. в два раза (Statistical Abstract of the U. S. 1981. Wash., 1982, p. 32).

панабригенных настроений, распространенных среди эскимосов американского Севера и индейцев тропической зоны Бразилии, отметил, что это пока не означает складывания культурного единства паниндейской или панэскимосской общности. Такое единство, по его мнению, быстрее возникает на региональном уровне. Например, подобная локальная общность, включившая в себя ряд индейских племен, сложилась в верховьях р. Шингу в Бразилии. В. А. Тишков указал на необходимость анализа паниндеанизма в широком контексте социально-политической жизни США. Паниндеанизм, подчеркнул он, следует рассматривать в двух направлениях: как политический феномен — создание общиндейских организаций, движений коренного населения за свои права, что является реакцией на маргинальное положение индейцев в американском обществе, и как социокультурный процесс. Изучение политической стороны паниндеанизма требует конкретно-исторического подхода. Общинедейские движения были сильны в США в конце 60-х — начале 70-х гг. В настоящее время они сошли на нет: отстаивая свои права, племена предпочитают выступать как отдельные этнополитические единицы. При изучении его социокультурной стороны следует учитывать факт осознания себя индейцами — гражданами США, правда, имеющими особый статус. Кроме того, в настоящее время не следует преувеличивать значение сложения общих черт индейской культуры, поскольку это вызвано не только логикой ее внутреннего развития, но и рядом других факторов: совместной жизнью в резервациях различных племен, влиянием общеамериканской массовой культуры, стандартизацией продукции традиционного ремесла в связи с возросшим на нее коммерческим спросом. Таким образом, советские ученые считают, что говорить о формировании в Соединенных Штатах паниндейской общности, по-видимому, преждевременно.

В заключительном слове В. А. Тишков отметил важность подобного обмена мнениями по одной из ключевых сторон индейского вопроса.

В. Г. Стельмах

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

По плану научного сотрудничества между АН СССР и АН МНР в рамках комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции был создан этнографический отряд для проведения полевых исследований и написания к 1990 г. обобщающих монографий «Этническая история монголов» и «Современные этнокультурные процессы в МНР». В 1982 г., с 8 сентября по 6 ноября, в целях подготовки этой работы в МНР находились сотрудники Ленинградской части Института этнографии АН СССР А. М. Решетов и Ч. М. Таксами. Они совершили месячную рекогносцировочную поездку в Кобдоский аймак, где работали среди местных групп халха, казахов, торгутов, захчинов, мянгатов, дюрбетов, олетов, тувинцев и чанту, а также ознакомились с музейными этнографическими экспозициями Центрального государственного музея в Улан-Баторе.

С 9 июля по 7 сентября 1983 г. в Монголии этнографический отряд работал в составе А. М. Решетова (нач. отряда), Л. Л. Викторовой (Ленинград) и А. Е. Пахутова (Москва). А. М. Решетов и А. Е. Пахутов совместно с монгольскими коллегами собирали материал по теме «Современные этнокультурные процессы в МНР», Л. Л. Викторова — по теме «Этническая история монголов».

А. М. Решетов и А. Е. Пахутов вместе с монгольскими коллегами С. Бадамхатаном и Г. Батнасаном работали в ряде сомонов Убсунурского и Дзабханского аймаков у дюрбетов, баятов и различных групп халха (эльджигенов, сартулов, харятов). В ходе работы собран обширный материал, характеризующий процессы усиливающегося сближения народов и этнографических групп страны. Эти материалы представляют особую ценность для показа конкретных путей развития современных этно-консолидационных процессов в МНР.

Л. Л. Викторова, работавшая с монгольскими археологами, участвовала в раскопке кургана № 1 могильника в Онгон-сомоне Сухэ-Баторского аймака, датируемого XIII—XIV вв. Его точная хронологическая привязка и письменные историко-этнографические реалии впервые позволяют ввести в научный оборот целый ряд новых памятников культуры монгольского народа, в частности, монгольскую монументальную средневековую скульптуру.

В ходе экспедиции ее участники осмотрели местные (аймачные и сомонные) музеи и ознакомились с их коллекциями. Были засняты наиболее интересные этнографические объекты. Значение собранного материала исключительно велико, т. к.

по комплексной программе советские этнографы работали в этих районах впервые. Для монгольской экспозиции МАЭ в Ленинграде была собрана небольшая этнографическая коллекция, особенно полно характеризующая различные виды пищи монголов. Полевые материалы (записи, фотоленки) после обработки поступят в архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

А. М. Решетов

* * *

Подгруппа этнографического отряда комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции в составе Н. Л. Жуковской (Институт этнографии АН СССР) и Д. Тангада (Институт истории АН МНР) с 6 августа по 14 сентября 1983 г. работала в Баянхонгорском (сомон Баян Булак), Арахангайском (сомон Булган), Гобиалтайском (сомон Бигэр) аймаках МНР. Материалы собирались по следующим вопросам: традиционная система мировоззрения монгольского кочевника, его представления о мире, о месте человека в природе и обществе, его ориентация в социальном пространстве и символическое отражение этой ориентации в материальной и духовной культуре, правила этикета в монгольском обществе, исторические и современные формы его бытования. Кроме того, продолжалось изучение календарной обрядности, связанной с сезонами хозяйственного цикла у кочевников.

Особое внимание было обращено на следующие сюжеты: освоение (или окультуривание) хозяйственного и жилого пространства в обществе скотоводов-кочевников, исторические черты этого процесса и их традиционное сохранение в условиях переустройства быта на базе социалистической экономики. Можно отметить наличие в гобийской и хангайской зонах как ряда общих черт, характерных для всех групп монголов, так и специфических отличий, присущих каждой зоне.

Локальные варианты, отражающие специфику разных районов страны, проявляются, прежде всего, в способе освоения территории вокруг юрты. Маркирующими знаками освоенной территории служат загон для скота, коновязь, склад хозяйственных предметов, склад топлива (*аргала*), их размещение и соотношение по странам света относительно жилой юрты. Отмечены различия в размещении загонов для скота, хозяйственного склада, туалета в гобийской и хангайской зонах.

Второй сюжет, которому было уделено большое внимание — правила монгольского этикета. Наряду с такими крупными комплексами, как этикет свадебный, похоронный, застольный, в которых этнический стереотип и этнокультурные стандарты общения проявляются особенно ярко, не меньший интерес представляет так называемый этикет малых форм (позы, жесты, выражения лица, движение глаз), которые во многих культурах, в том числе и монгольской, несут большую смысловую нагрузку.

Собранные материалы хранятся в Институте этнографии АН СССР.

Н. Л. Жуковская

* * *

В 1982 г. Архангельский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт им. М. В. Ломоносова (АГПИ) начал работы по комплексному изучению Кенозерья (Плесецкий район Архангельской области). Исследования проводятся согласно договору с Управлением культуры Архангельского облисполкома. Целью работ является обоснование возможности создания национального парка в этом регионе. В состав экспедиции вошли отряды преподавателей и студентов АГПИ, изучавшие геологическое строение, флору и фауну региона, современное состояние его экономики, возможность развития туризма. Одним из важных направлений комплексных исследований явилось полевое этнографическое изучение традиционной материальной и духовной культуры населения Кенозерья. Так, в июне — августе 1982 г. на Кенозере работали отряды: фольклорный (руководитель Л. В. Федорова), диалектологический (руководитель Л. П. Комягина) и этнографический (руководитель А. Н. Давыдов). Собранный материал дал представление о современном состоянии фольклорной традиции, особенностях говора, специфике народной культуры Кенозерья.

В составе этнографического отряда работали студенты-историки I—III курсов (актив кружка археологии и этнографии НСО института) и те, кто прослушал специальный курс лекций «Введение в этнографию и основы этнографии Русского Севера», экспедиционная группа Архангельского музея деревянного зодчества (А. Г. Кремлев и В. П. Давыдова), а также исследователь народной архитектуры П. Н. Жолтовский (Львовский музей этнографии и художественных промыслов АН УССР).

Этнографическая информация соби-
ра-ась в Кенорсченском (дер. Першлахта),
Кенозерском (деревни Бухалово, Ведяги-
ю, Вершинино, Горбачиха, Гора, Емелья-
новская, Ершово, Захарова, Зихнова, Кар-
юва Гора, Качикова Горка, Кривцово,
Майлахта, Минино, Мыза, Немята, Печи-
лино, Погост, Рыжково, Ряпусово, Свиное,
Семеново, Спицыно, Тамбичлахта, Тара-
хово, Телицыно, Тырнаволок, Тырышкино,
Федосово, Шишкино, Щаниково, пос. Поча,
Усть-Поча) и Почезерском (деревни Де-
дова Горка, Строева Горка, Погост, Бу-
ылгино, Потеряево) сельсоветах. Были
обследованы также заброшенные дерев-
ни Окатовская и Федоровская на оз. Пор-
женском, опрошено более 160 местных
жителей.

Работа этнографического отряда прово-
дилась на основе плана исследований, со-
ставленного в результате предварительной
поездки разведочного характера неболь-
шой группы специалистов АГПИ и АМДЗ
в июне 1981 г.

В результате полевых исследований
1981, 1982 гг. были разработаны предва-
рительные рекомендации по использо-
ванию в экспозиции будущего националь-
но-го парка этнографических памятников ре-
гиона. Собран обширный материал по хо-
зяйственно-культурному комплексу насе-
ления Кенозерья, описаны земледелие и до-
машнее скотоводство на Кенозере, охо-

га и рыболовство (преимущественно озер-
ное), различные виды промыслов и реме-
сел (резьба и роспись по дереву, изготов-
ление прялок, ткачество, вышивка, обра-
ботка кожи, плетение из бересты, гонча-
рство, кузнечный и бондарный промыслы,
изготовление медных колокольчиков для
пастьбы скота и т. п.); охарактеризованы
типы поселений, крестьянской усадьбы,
жилища, хозяйственных построек, орудий
труда и промысла, одежды, пищи кено-
зерцев. В разделе, посвященном духовной
культуре, описаны обряды календарного
и семейного циклов, традиционные обычаи
населения Кенозерья и специфические чер-
ты бытового православия, культ пелен.
Разработана предварительная типология
часовен и деревянных храмов Кенозера,
Почозера и оз. Порженского. Были состав-
лены списки выявленных во время экспе-
диций мастеров народного творчества
(резчики по дереву, мастера росписи,
мастера по изготовлению лодок — «кено-
зерок» и «каргополок», изготовители кор-
зин, половиков, детской игрушки и т. п.)
и носителей фольклорной традиции, сде-
ланы фотоснимки (отснято 20 пленок).

Материалы экспедиции (127 страниц
машинописного текста) переданы в архив
Проектной группы Управления культуры
Архангельского облисполкома; копии хра-
нятся в библиотеке АГПИ.

А. Н. Давыдов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. С. Мыльников

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Niederhauser E. The Rise of Nationality in Eastern Europe. Budapest: Corvina Kiadó, 1981, 340 p.; Aufklärung und Nationen im Osten Europas/Hrsg. László Sziklay. Budapest: Corvina Kiadó, 1983, 508 S.

Венгерское издательство «Корвина» в серии публикаций по истории культуры выпустило две книги, посвященные проблемам формирования наций на востоке европейского континента, преимущественно в его центральном и балканском регионах. Интерес к этой тематике ученых ряда стран растет; она интенсивно и плодотворно разрабатывается также советскими историками, историками культуры и этнографами. Поэтому новые книги издательства «Корвина» не могут не привлечь к себе внимания.

Первая из них — «Становление наций в Восточной Европе» принадлежит перу известного венгерского историка Эмilia Нидерхаузера, недавно отметившего свое шестидесятилетие, и представляет собой переработанный английский перевод его одноименной монографии, изданной на венгерском языке в 1976 г. Автор наряду с крупнейшим, ныне покойным венгерским историком Эндре Арато внес значительный вклад в сравнительно-историческое исследование проблем истории и культуры восточноевропейских народов эпохи формирования наций. В своих ранее опубликованных работах Э. Нидерхаузер рассмотрел проблемы социально-экономического развития и классовой борьбы в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, роль в этом процессе культуры, а также отдельные вопросы истории русской, украинской, венгерской, чешской и словацкой культуры XIX в. и др. Итоги своих многолетних исследований Э. Нидерхаузер в сжатой форме изложил в рассматриваемой монографии.

Отмечая, что вторая половина XVIII — середина XIX в. в истории народов названного ареала приходится на эпоху перехода от феодализма к капитализму и становления наций, Э. Нидерхаузер стремится выявить черты общего и особенного в этом сложном процессе. Первые три очерка, занимающие приблизительно половину монографии, автор посвятил общим закономерностям формирования наций и национальных культур у народов восточной части Европы. Здесь освещаются экономические предпосылки эпохи национального Возрождения, эволюция социальных структур и изменение в духовной жизни общества, вступившего на путь капиталистического развития. Касаясь указанной проблематики, Э. Нидерхаузер рассматривает роль языковых реформ в этих процессах, место литературы, музыки, изобразительного искусства, науки и народного образования в генезисе национального самосознания. Вместе с тем он подчеркивает стадиальные различия и локальную специфику указанных процессов у народов разных регионов и зон изучаемого ареала. В очерке «Национальность и свобода» (с. 93—145) Э. Нидерхаузер проводит сопоставительный анализ программ освободительных движений, подчеркивая, что мера радикальности или, наоборот, консервативности идеологов этих движений во многом зависела от степени массовости социальной базы (с. 93—94). Исходя из известных положений В. И. Ленина об интернационализации этнических процессов в период утверждения капитализма, автор затронул и такой весьма сложный и до сих пор недостаточно исследованный вопрос, как ассимиляционные процессы в период формирования наций (с. 96). В то же время в монографии отмечается, что существенное значение для сохранения этнической самобытности неполноправных народов имели различные политические, культурные и конфессиональные институты. В книге, например, отмечено необычайно тяжелое положение словацкого народа, испытывавшего двойной национально-политический гнет со стороны австрийских и венгерских правящих кругов.

Во второй части монографии ранее сформулированные автором общие положения конкретизируются на материалах истории и культуры отдельных народов восточноевро-

пелого ареала. Весьма информативен в этой части раздел, посвященный этносоциальному и культурному развитию мадьяр (венгров) — по сравнению с венгерским вариантом книги он существенно дополнен с учетом интересов зарубежных читателей (с. 195—208). Несмотря на отдельные неточности, встречающиеся, например, в разделе о России (с. 164—181), в целом монография Э. Нидерхаузера представляет существенный вклад в историографию славяноведения и балканистики.

Сборник «Эпоха Просвещения и нации на Востоке Европы» под редакцией Л. Сиклаи состоит из трех разделов: первый включает статьи общего характера, а два последующих — статьи о генезисе наций, национальных культур и межэтнических контактах восточноевропейских народов соответственно в эпоху Просвещения и в период распространения национально-романтической идеологии (XVIII — первая половина XIX в.). Это издание имеет международный характер: в него включены работы ученых не только Венгрии, но и других социалистических стран: Болгарии (Н. Андреева-Попова), Польши (З. Либера), Румынии (П. Корня), Советского Союза (Г. Н. Монсеева) и Югославии (Д. Живкович). Основная тема статей этих авторов — показ эволюции идей просветительства и романтизма на материалах соответствующих национальных культур. Не имея возможности в рамках интересующей нас темы сколько-нибудь подробно охарактеризовать все работы, помещенные в сборнике, обратимся к статьям преимущественно венгерских авторов, в которых затрагивается ряд вопросов, касающихся теории этноса и рассматриваются особенности этнонационального развития народов Центральной, Юго-Восточной и отчасти Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Цели и задачи сборника охарактеризованы в предисловии (с. 7—11). Оно написано крупным специалистом в области истории общественной мысли Венгрии Белой Кепеци, подчеркнувшим, в частности, стадийно-типологическое различие процессов общественно-культурного и национального развития на западе и на востоке Европы, которое определяется тем, что в исследуемом ареале становление наций происходило в условиях инационального угнетения большей части проживавших здесь народов и в силу этого сопровождалось подъемом национально-освободительного движения. Поэтому эпоха Просвещения здесь, как указывает Б. Кепеци, с самого начала была связана с так называемым «национальным Возрождением». При этом период от 1790 до 1830 г., несмотря на существование отдельных локальных расхождений, Б. Кепеци рассматривает как переходный этап от идей просветительства к идеям романтизма.

Основное внимание в сборнике привлекают к себе статьи Л. Сиклаи «Истоки „Национального Возрождения“, Просвещение и Романтизм в Центральной и Восточной Европе» (с. 15—49) и Э. Нидерхаузера «Некоторые проблемы движения национального Возрождения в Центральной и Восточной Европе» (с. 50—65). Эти работы носят общетеоретический характер и могут рассматриваться как методологическая основа сборника в целом.

Характеризуя развитие культуры и национального самосознания народов «восточнее Триеста» (в данном случае уместнее было бы употребить известную формулу Ф. Энгельса о зоне «восточнее Эльбы»), Л. Сиклаи определяет XVIII и первую половину XIX в. как время, когда здесь происходило складывание «современных наций в подлинном смысле этого слова» (с. 17). Как и в предисловии, в статье говорится о сложной этнической и государственно-правовой ситуации в этом ареале, где основная часть народов входила в состав многонациональных государств, а генезис капитализма, по сравнению с Западной Европой, начался позднее и протекал замедленными темпами. Одной из причин такого положения Л. Сиклаи считает недостаточную урбанизацию и слабость, а зачастую и отсутствие слоя национальной буржуазии, в связи с чем ее функции могли принимать на себя другие классы и социальные слои: среднее дворянство (в Венгрии и Польше), духовенство и интеллигенция (у ряда славянских народов) и т. п. Детально проследивая историко-литературное развитие эпохи Просвещения, автор обратил внимание на выступления деятелей национальных движений за кодификацию и обогащение литературных языков. Для нашей темы существенный интерес представляют размышления Л. Сиклаи о роли фольклора в культурном строительстве нового времени. Он указывает, что, при несомненном воздействии идей Макферсона, Руссо и Гердера на рост общественной значимости устного народного творчества, в основе обращения к фольклору лежали все же иные побудительные мотивы. В отличие от Запада, пишет автор, «здесь должны были бороться не против „испорченности“ цивилизации, но как раз наоборот, за цивилизацию в современном смысле этого слова» (с. 34—35).

Обращаясь к истории венгерской, сербской, словацкой, чешской, румынской и др. культур народов исследуемого ареала в эпоху Просвещения, Л. Сиклаи подчеркивает жизненность рукописных сборников с фольклорными записями, циркулировавшими в те десятилетия в народной среде; обращается к созданным в этот период произведениям профессиональной литературы национально-патристического и героического характера, отмечает модернизацию преданий и легенд, возникших в далеком прошлом, и т. д. (с. 36—37).

В отличие от Л. Сиклаи, Э. Нидерхаузер акцентирует внимание на исторических и этнокультурных аспектах темы, которые он уже давно и успешно разрабатывает. В начале статьи Э. Нидерхаузер ставит вопрос о правомерности и пределах употребления понятия «национальное Возрождение», широко применяющегося в национальной историографии большей части народов данного ареала. При этом он справедливо подчеркивает, что в конкретно-исторических условиях формирования наций решающим признаком, позволяющим говорить об эпохе «национального Возрождения», является фактор внешнего угнетения и порожденная им как ответная реакция борьба угнетенного народа за свое социальное и национальное освобождение (с. 50—51), Э. Нидерхаузер обращает внимание на различие в стадийных уровнях этого процесса в разных регионах,

приводя в качестве «крайних» примеров социальную ситуацию в середине XIX в. в Чешских землях и в Черногории (с. 51—52). Тем не менее автор считает возможным и желательным выработку историко-логической модели названной эпохи, отразившей процесс буржуазного преобразования общества у народов, находившихся в неполноправном положении (с. 53—58). Приводя некоторые параметры такой модели (выработка единого национального литературного языка как способа этнической дифференциации, создание национально-культурных институций, развитие науки и других звеньев национальной культуры, переход от языково-культурных к политическим действиям и т. п.), Э. Нидерхаузер подчеркивает необходимость учета международного культурно-политического контекста и особенностей восприятия общеевропейских духовных ценностей посредством типологических и контактных связей (с. 58).

Некоторые наблюдения Э. Нидерхаузера получили подтверждение или развитие в статье Эндре Бойтара «Просвещение в Центральной и Восточной Европе» (с. 66—114). Здесь рассмотрены такие вопросы, как запоздалое по сравнению с ведущими странами Западной Европы распространение идей Просвещения и обусловленное этим стилевое смещение литературно-культурного развития, языковые реформы и их роль в общественной жизни. Согласно точке зрения Э. Бойтара, просветительство в странах Центральной и Восточной Европы существенно отличалось от западноевропейского. В Западной Европе главной была борьба за эмансипацию личности и освобождение ее от феодальных пут. На востоке же континента, в условиях существования полонизмических империй и национальной неполноправности угнетенных народов, на передний план выдвигалась борьба за независимость, первоначально в форме утверждения национальных прав.

К группе общетеоретических статей венгерских ученых примыкает интересная в культурологическом отношении работа румынского литературоведа П. Корня «Проблемы эпохи Просвещения в Юго-Восточной Европе» (с. 116—156). В этой статье сделана попытка «горизонтального» и «вертикального» анализа модели культуры просветительского типа. Выступая против универсализации как эталона «англо-франко-немецкой» модели Просвещения, автор высказывает точку зрения, что вопросы взаимовлияния культур в синхронном и диахронном отношениях (это и является смыслом «горизонтального» анализа) целесообразно рассматривать по формуле «передатчик-потребитель» (с. 127). Под «вертикальным» анализом П. Корня понимает выявление социальной структуры потребителей просветительской идеологии. Отметив, что, во Франции, например, просветители XVIII в. обращались не к народу, а к интеллигенции, он указывает, что в Юго-Восточной Европе ситуация была в целом иной. Интеллигенция и формы ее связей с народной массой в западноевропейском смысле отсутствовали, а сама интеллигенция рекрутировалась главным образом из непривилегированных слоев общества, что придавало ей большую демократичность и создавало условия для более тесных связей с народом (с. 143). Вместе с тем в статье П. Корня есть ряд недостаточно обоснованных или дискуссионных положений. К ним, в частности, относится отрицание им связей Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского с просветительским движением, с. 120—121.

В главных чертах позиции венгерских и советских исследователей процессов формирования наций в Восточноевропейском ареале совпадают. Так, социально-экономическое содержание эпохи Просвещения характеризуется как начало периода перехода от феодализма к капитализму. Совпадают в целом и оценка места и роли различных классов и социальных групп общества, трактовка феномена национального Возрождения как специфической формы становления наций и национальных культур у народов, находившихся в неполноправном положении, а также ряда других вопросов. Советским ученым близки взгляды венгерских коллег на типологическую общность культурного развития и национально-освободительных движений в указанном ареале при наличии несомненных региональных различий между ними.

Вместе с тем некоторые положения, выдвигаемые венгерскими учеными, представляются недостаточно аргументированными и спорными. Это касается уже самого понимания границ изучаемых регионов. В одних случаях в понятие «Восточная Европа» они включают все территории «восточнее Эльбы», т. е. Центральную Европу, Балканы и Россию в границах того времени. В других случаях «Восточная Европа» трактуется на одном уровне с двумя другими регионами («Центральная Европа» и «Юго-Западная Европа»), причем Европейская часть России иногда вообще из рассмотрения исключается. Так, Л. Сиклан пишет: «Автор убежден, что русская литература как раз в эту эпоху начинает отделяться от общего для Центральной и Восточной Европы развития» (с. 15). Такой далеко идущий вывод, основанный к тому же на неверной трактовке только литературного материала, представляется не убедительным. Факты свидетельствуют, что именно в XVIII и первой половине XIX в. культурное развитие России во многом сближалось с культурным развитием других славянских и балканских народов, хотя, разумеется, существование России как независимого государства накладывало отпечаток на характер и специфику этого процесса. Между прочим, на это обстоятельство справедливо обращено внимание в статье Э. Нидерхаузера (с. 61). Здесь, отмечая неприменимость к истории русского народа понятия «национальное Возрождение», автор подчеркивает определяющую роль социальных факторов для развития русской общественной мысли и практики культурно-политического развития. Об этом, например, свидетельствует деятельность А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов, а в значительной мере и споры между славянофилами и западниками (с. 62—63). Возвращаясь к статье Л. Сиклан, отметим спорность точки зрения относительно природы фольклоризма в эпоху национального Возрождения. Как убедительно показано историками, фольклористами и этнографами Советского Союза, Чехословакии, Болгарии и ряда других стран, использование, переработка и распространение фольклорных произведений со-

ставляло важнейший элемент строительства национальной культуры. В противоположность этому Л. Сиклаи полагает, что обращение деятелей исследуемого времени к фольклору и легендам из прошлого своих народов «не было продуктом эпохи современного национального пробуждения» (с. 37). Столь категорическое суждение, на наш взгляд, противоречит верному утверждению Л. Сиклаи о том, что фольклор использовался для решения актуальных задач этнонационального развития. Но в таком случае фольклоризм и может рассматриваться как продукт эпохи формирования наций. К тому же наряду с «воскрешением» и модернизацией памятников устного народного творчества и использованием легенд из средневековых летописей (что, разумеется, далеко не одно и то же) в эпоху национального Возрождения продолжалось развитие фольклора, возникали разные его жанры, отразившие реальные условия жизни народа того переходного периода. И наконец, мы не можем согласиться с выводом, которым завершается статья Л. Сиклаи, что сводный труд по истории формирования наций в Восточной Европе должен быть написан литературоведом, поскольку, по его словам, литература играла в этом процессе ведущую роль (с. 43). Наоборот, принимая во внимание сложность, многообразие и многоплановость этого процесса, подобный синтез может и должен быть создан лишь на основе междисциплинарного подхода, который позволил бы показать вклад в формирование наций не только профессиональной, но и народной культуры, сыгравшей огромную, во многом определяющую роль в вызревании национального самосознания. Об этом свидетельствуют, в частности, работы советских исследователей и ряда их коллег из европейских социалистических стран, опубликованные в серии монографий «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры», выпускаемой издательством «Наука» с 1974 г. Среди них, в частности, можно назвать книги «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977), «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980—1981), «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (М., 1981), «Социальная структура общества в XIX в.» (М., 1982). Приходится сожалеть, что в рассмотренных книгах ссылки на эти и другие работы советских ученых, посвященных названной проблематике, практически отсутствуют.

Выпущенные венгерским издательством «Корвина» на английском и немецком языках книги следует признать нужными и полезными. Читатели могут получить достаточно полное представление о современном уровне венгерской историографии проблем этнонационального развития народов восточноевропейского ареала.

Этническая история народов Севера/Отв. ред. Гурвич И. С. М.: Наука, 1982, 270 с.

Рецензируемый труд, выполненный коллективом сотрудников Отдела этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР, посвящен этнической истории народов Севера и Сибири и является непосредственным продолжением изданной в 1980 г. книги по этногенезу северных народов Евразии¹.

Задача этой коллективной монографии — обобщенная характеристика этнического развития всех коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока СССР с XVI—XVII вв. до начала XX в. Такое исследование проводится впервые и является результатом большой длительной работы по изучению этнической истории народов Севера.

В основу рецензируемой работы положены главным образом документальные материалы, многие из которых впервые вводятся в науку. Это разнообразные документы по сбору ясака, ревизские списки, официальные отчеты о численности населения, описания хозяйства и народного быта, церковные метрические книги, исповедные росписи и др. Авторы широко используют и свои полевые материалы — генеалогические и исторические предания, сведения о миграциях, о традиционной культуре и др. Ценность книги в ее энциклопедичности. Она содержит чрезвычайно важный этнографический и исторический материал и сама может послужить источником для будущих исследований.

Понять ход этнических процессов на Крайнем Севере помогают две карты-схемы расселения народностей Севера в XVII в. и в конце XIX в., а также свыше 20 таблиц, освещающих родовой и численный состав населения.

При характеристике этнического и этносоциального развития коренного населения Крайнего Севера Сибири авторы совершенно правильно, на наш взгляд, исходят из того, что предметную область этнической истории составляют процессы становления и развития историко-культурных общностей. Они рассматривают этническую историю не только отдельных народов, но и этнических и этнокультурных групп, а в ряде случаев и историк макроэтнолингвистических общностей.

Убедительным представляется выдвинутое в труде положение о том, что в XVII в. предки всех ныне существующих народов Севера «...представляли собой весьма аморфные образования, состоявшие из малосвязанных между собой племен, больших родов или диалектно-территориальных групп» (с. 264) и что их следует считать макроэтнолингвистическими общностями. Авторы по существу впервые и вполне справедливо отметили, что «процесс формирования северных народностей протекал крайне вяло и к началу XX в. был еще далек от завершения». В XIX в. облик, близкий к народности, приобрели лишь ненцы, чукчи, ханты, нанайцы (с. 264).

Книга состоит из «Предисловия», одиннадцати глав и «Заключения». Значительное внимание в большинстве глав книги уделяется вопросам изменения численности народов Севера, их расселения, этнического самосознания, а также этнокультурного, этноязыкового и этносоциального развития.

В кратком, но содержательном предисловии, написанном И. С. Гурвичем, обоснованы принципы подхода авторского коллектива к решению проблем этнической истории народов Севера в XVI—начале XX в., раскрыты основные факторы, существенно повлиявшие на ход этнических процессов в Сибири после вхождения ее в состав Русского государства и в период освоения сибирских земель русскими. Отмечая своекорыстный, фискальный характер национальной политики царизма, И. С. Гурвич выдвигает как одно из основных положений книги утверждение о том, что усилия местных и центральных властей «... были направлены не на истребление коренного населения, а на превращение его в исправных плательщиков налогов, в поставщиков ценной пушнины» (с. 3).

В «Предисловии» подчеркивается, что при определении общей численности всего населения по числу ясачных плательщиков применялись «разные коэффициенты в зависимости от местных условий» (с. 5). Это привело к выработке более объективных коэффициентов, которые позволили в ряде случаев более точно определить численность отдельных групп и народов Севера.

В первой главе — «Обские угры (ханты и манси)», написанной З. П. Соколовой, восстанавливается картина расселения этих групп в XVI—XVII вв. Бесспорная заслуга автора — выявление процессов этнического взаимодействия манси и хантов друг с другом, а также с коми, татарами, ненцами, селькупам, кетами. Ценными являются материалы по бракам обских угров в XVIII—XIX вв., а также анализ их фамильного состава. Однако отдельные утверждения автора, на наш взгляд, слишком категоричны. Так, с. 37 выдвигается тезис об угорском происхождении барабинских татар, в то время как последними исследованиями выявлена сложность и многокомпонентность формирования разных групп татар Барабинской степи².

Вторая глава — «Ненцы и энцы», посвященная этнической истории двух родственных самодийских народов, итог многолетней работы В. И. Васильева³. Следует отметить строгую документированность выводов автора о смене родовых отношений соседско-территориальными. Однако понимание автором патронимии нуждается в дополни-

¹ Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980.

² Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981, с. 156—167; Богомолов В. Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник. — В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 206—210.

³ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.

тального разяяснения. Так, на с. 60 В. И. Васильев пишет, что «патронимии хантских „самоедов“ ...состояли только из одной большой или даже малой семьи». Складывается впечатление, что В. И. Васильев ведет речь не об определенном виде социальной организации — патронимии, а о генеалогической группе. В данной главе рассматривается и ряд спорных вопросов. Так, например, автор весьма убедительно возражает против существующего мнения, что родовая организация канинских и тиманских ненцев уже к началу XVIII в. была окончательно разрушена, и предлагает временем завершения этого процесса считать середину XIX в.

В третьей главе — «Нганасаны» (автор Ю. Б. Симченко) подробно раскрывается формирование и этническое развитие групп нганасан, их смешение с эвенками, энцами и другими соседними этническими образованиями, усиление контактов с русскими со второй половины XIX в. Автор много места отводит анализу этносоциальных процессов. В заключении он приходит к выводу, что «оформление известной пятиродовой системы у нганасан заняло около 200 лет, то есть жизнь восьми поколений» (с. 99).

Глава «Кеты», на наш взгляд, является одной из наиболее удачных. Е. А. Алексеев сумела поставить и решить целый комплекс вопросов, связанных с этноисторическими процессами на енисейском Севере. Подробно освещает она результаты контактов разных групп кетов с селькупками, энцами, эвенками; рисует общую картину расселения всего коренного населения Туруханского края в начале XX в.; исследует этносоциальные и этнокультурные процессы. Е. А. Алексеев обращает внимание на медленные темпы сближения кетов с русским населением, на отчужденность коренного населения, обусловленную в прошлом «...не только спецификой его культурно-бытового уклада и языковым барьером, но и крайне низким уровнем жизни, бесправным положением изгоев» (с. 114).

В. В. Лебедев и З. П. Соколова в главе «Селькупы» уделяют большое внимание характеристике племенного состава и расселению южных (нарымских) и северных групп селькупов, уточнению их численности в XVII—XVIII вв., выявлению роли этнических связей с хантами, кетами, татарами, энцами. На наш взгляд, следовало бы разъяснить причины раздробленности тазовских селькупов на мелкие «фамильные» группы. Однако в целом авторам удалось убедительно обосновать выдвинутое ими положение о завершении процесса формирования этнографической группы северных селькупов во второй половине XIX в.

Главы «Эвенки» и «Эвены» (автор В. А. Туголуков) посвящены близкородственным народам, широко расселившимся на сибирских просторах. Подробный анализ разных видов источников позволил довольно полно раскрыть картину расселения эвенков по Средней Сибири и Дальнему Востоку. Автор подробно рассматривает процесс растворения эвенков-скотоводов Южного Забайкалья в русском и бурятском населении на протяжении XVII—XIX вв., раскрывает роль эвенков и эвенов в формировании ряда современных тунгусоязычных народов Нижнего Амура, Сахалина и Приморья, скрупулезно исследует проблему этнической истории эвенов-оленьеводов, судьбу пеших эвенов, вливавшихся к началу 1920-х годов в состав русских старожилов и отчасти в состав якутов и коряков.

Большая заслуга в изучении этнической истории народов севера Восточной Сибири и в целом Северо-Востока Сибири несомненно принадлежит И. С. Гурвичу — автору двух книг, специально посвященных этой проблеме⁴. В рецензируемой коллективной монографии ему принадлежат главы «Юкагиры», «Северные якуты и долганы», «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы». В результате обстоятельной характеристики этнического развития юкагиров, исследования процессов слияния разных их групп с якутами, эвенками, русскими, И. С. Гурвич приходит к выводу, что «юкагирская этнолингвистическая общность в течение трех столетий практически распалась, ...и только в бассейне Колымы сохранились два реликтовых островка этого населения» (с. 179). Подробно рассматривает он и процессы формирования из якутов, русских и тунгусов к середине XIX в. этнографической группы северных якутов-оленьеводов, а из якутов, обьякученных эвенков и русских старожилов — новой, близкой по типу к народности, особой этнической общности долган. Обоснованными представляются и выводы И. С. Гурвича о становлении в дореволюционный период народности чукчей, об этническом развитии коряков на уровне локальных, обособленных подразделений, о процессах сближения и слияния народности ительменов-камчадалов с русским старожильским населением Камчатки, об ускорении ассимиляции береговых эскимосов чукчами.

Глава «Народы Нижнего Амура и Сахалина» (автор А. В. Смоляк) посвящена этнической истории нивхов, чейдалцев, ульчей, нанайцев, орочей, удэгейцев, ороков, эвенков и других этнических образований этого сложного по национальному составу региона. В ней прослеживаются процессы формирования амурских народностей, изменения их этнической территории, ассимилятивные процессы, влияние русских на перепрофировку внутри этнических ареалов этого региона.

Завершает работу пространное «Заключение», написанное И. С. Гурвичем. В нем правильно указано, что «значительной спецификой этнического развития отличались не только отдельные общности, но и их подразделения, крупные локальные группы» (с. 262). В связи с этим возникает необходимость более глубокого исследования этнических процессов в отдельных подразделениях этносов и макроэтнолингвистических общностей. И. С. Гурвич приходит к выводу, что процесс формирования многих северных народностей к началу XX века был еще далек до завершения.

⁴ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; *его же*. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.

Рецензируемая монография не лишена, однако, отдельных недостатков. Так, в главах «Ненцы и энцы», «Нганасаны», «Селькупы» слабо освещен вопрос об этническом самосознании. В главах «Нганасаны», «Селькупы», «Эвены» почти не рассматриваются этноязыковые процессы, а в главах «Обские угры (ханты и манси)», «Ненцы и энцы», «Нганасаны» и «Селькупы» недостаточно раскрыт ход этнокультурных процессов. Только в главах «Обские угры», «Нганасаны», «Кеты», «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы», «Народы Нижнего Амура и Сахалина» имеются сведения историографического характера. К сожалению, в работе отсутствует специальная глава о состоянии изученности проблемы этнической истории народов Севера. Глава историографического плана в подобной монографии представляется не только уместной, но и необходимой, так как она помогла бы объективнее оценить достижения современной науки в исследовании данной проблемы. В работе почти не использованы данные археологии и антропологии, хотя их роль в этнической истории XVI—XVIII вв. довольно велика. Непонятным представляется выделение в одном ряду с этнографическими еще диалектными (с. 265) и локальных (с. 263) групп. На наш взгляд, правомернее для периода разложения родового строя и периода патриархально-родового общества употреблять термин «патриархальная семья, либо «семейная община», а не термин «большая семья», встречающийся во многих главах книги. Его, на наш взгляд, правильнее применять в отношении неразделенных семей классового общества.

Рассмотренная нами книга безусловно вносит немалый вклад в освещение неясных или вовсе нерешенных вопросов этнической истории народов Севера. Представляется, однако, что работу по определению типов этнических общностей у каждого этнического образования в разные периоды следует продолжить и углубить.

Обобщающий коллективный труд, посвященный этнической истории народов Севера в XVI—начале XX в., сразу стал заметным явлением в этнографии и в исторической науке в целом. Он, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному и целенаправленному проведению этнографических исследований.

В. М. Кулемзин, Н. А. Томилов

Е. И. Деревянко. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.

Рецензируемая книга посвящена этнокультурной истории мохэ — народа, генетическая преемственность которого прослеживается в истории бохайцев, чжурчженей, а в наши дни — всех тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура. Мохэ стоят первыми в этой генеалогической цепи этносов, о них известно менее, чем о других, и поэтому всестороннее изучение их этнокультурной истории, проведенное Е. И. Деревянко, имеет большую ценность.

Как определила свою задачу Е. И. Деревянко, ей предстояло перейти от исследования конкретных археологических культур и памятников к более высокому уровню обобщения, к воссозданию этнической истории мохэ. И в целом, надо сказать, ей удалось решить поставленную задачу. Для этого потребовалось сопоставить разрозненные данные письменных источников, в основном древнекитайских и отчасти древнеяпонских хроник, с накопившимися за последние годы обширными археологическими материалами, учесть данные палеоантропологии, проследить и проанализировать разнообразные этнографические параллели.

Предшественниками мохэ, как пишет Е. И. Деревянко, были в Приамурье и в Приморье племена урийской и янковской, а позже польцевской культуры. Носителей всех этих культур она считает этнически родственными между собой, но отличающимися от мохэ, которые появляются здесь с IV в. н. э., сменяя и, очевидно, постепенно ассимилируя носителей польцевской культуры. К VII в. н. э. территорию Среднего и Нижнего Амура, а также Приморья занимала этническая общность, которая в течение многих веков развивала и совершенствовала свою материальную и духовную культуру. На ее основе в дальнейшем вырастают первые на юге Дальнего Востока государственные объединения — Бохай и Цзинь (с. 32). Этот этнический массив тунгусо-маньчжурской общности отражен в летописных источниках под именами сушень, илоу, уцзи, мохэ, чжурчжень.

Данные письменных источников о хозяйственной деятельности мохэ и родственных им племен противоречивы, но в сочетании с археологическими источниками позволяют воссоздать достаточно полную картину. Одна из самых важных деталей этой картины — развитие металлургии железа. В предшествующих культурах железо присутствовало, но сосуществовало как материал для орудий с камнем, а с появлением на исторической арене племен мохэ оно становится основным материалом для орудий.

Рассматривая историю земледелия в Приамурье, Е. И. Деревянко подчеркивает, что оно было распространено здесь еще с неолита, а в рассматриваемое время стояло на довольно высоком агротехническом уровне, будучи не подсечным, а пойменным, и возможно, существовал здесь севооборот и были, видимо, распространены зеленые удобрения. Плужное земледелие, по приводимым ею материалам, имеет западные (среднеазиатские) истоки и сменило мотыжное в Приамурье и Маньчжурии раньше, чем в Китае. В скотоводстве у мохэ основную роль играли коневодство и свиноводство, был распространен и рогатый скот. В то же время в хозяйстве продолжали сохранять нема-

ловажное значение охота, рыболовство и ряд лесных промыслов, в частности, добыча женьшеня.

Металлургия и металлообработка у мохэ хотя и велась с помощью довольно примитивных орудий, была достаточно развита для удовлетворения основных потребностей общества. Е. И. Деревянко, анализируя набор изделий из металла и приемов их изготовления, отмечает наличие стандартных предметов, свидетельствующих о серийности ремесленного производства. В то же время металлообработка, как она отмечает, носила, по-видимому, сезонный характер, велась под открытым небом, скорее всего поздней осенью, в свободное от сельскохозяйственных работ время; отсюда напрашивается вывод, имеющий большое значение, но почему-то не сделанный автором, что ремесло еще оставалось у мохэ дополнительным занятием земледельческого населения. Керамическое производство, основанное всецело на лепной технике, по-видимому, должно подтверждать этот вывод.

Интересны данные об обработке дерева и кости, в частности, о распространении роговых мотыжек, употреблявшихся для рытья котлованов и ям, и сохранении, наряду с железными, костяных панцирных пластин. Нами ранее отмечалось, что источником железа, уже на рубеже нашей эры попадавшего на крайний северо-восток Азии, могли быть районы Приамурья и Приморья. Можно предполагать, что и костяные мотыги и панцирные пластины, широко представленные в древнескандинавской культуре, восходят также к приамурским прототипам. Несколько неоправданно, на наш взгляд, в структуре книги то, что глава «Военное дело» оторвана от рассмотренных выше глав материалами о жилище.

Логичнее было бы эту главу, посвященную в основном оружию, доспехам и фортификации, непосредственно связать с главами об обработке дерева и металла. Материал этой главы представляет большой интерес: здесь рассмотрены различные наконечники стрел, дан их функциональный анализ (охотничьи, в частности, связанные с миром степняков свистящие стрелы для снижения лета птичьей стаи, боевые, в том числе броневые, и так далее), изучено рубящее оружие, в частности, прослежен постепенный переход от меча к сабле, вызванный изменением тактики конного боя, в свою очередь, связанной с появлением стремян.

Археологически хорошо документирована глава о жилище. Автор привлекает широкие этнографические параллели по разным формам жилища и приходит к выводу, что сходные формы полуподземного жилища с дымовым отверстием обусловлены сходством климатических условий, тогда как вариации в размерах и числе построек в поселениях связаны с уровнем хозяйственного развития и его направлением, а некоторые детали конструкции жилищ обусловлены контактами разных этнических групп на сопредельных территориях. Не вызывает возражений тезис о том, что наибольшее сходство жилища древних приамурцев с домами позднейших нанайцев и ульчей объясняется их этническим родством. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением, что только участием мохэских племен в формировании некоторых финноугорских народов можно объяснить близкие аналогии в духовной и материальной культуре, в частности в жилище мохэцев и современных им племен нижнего Приобья. На наш взгляд, эти аналогии должны рассматриваться либо как конвергентные (экологически обусловленные) либо, что менее вероятно, но все же возможно, восходить генетически к традициям, общим для исходного региона, логичнее всего — саяно-байкальского, откуда одни племена мигрировали в Приобье, другие — в Приамурье. Однако до тех пор, пока прототипы таких жилищ или переходные формы между ними не обнаружены где-либо посередине между двумя весьма удаленными друг от друга территориями, говорить об этом, пожалуй, преждевременно.

Особый раздел этой главы содержит материал о некоторых сторонах духовной культуры — обрядах, праздниках, поверьях, так или иначе связанных с жилищем, а также другие интересные сведения, заслуживающие более подробного рассмотрения. Е. И. Деревянко упоминает находки в мохэских памятниках антропоморфно орнаментированных лошадиных костей — бабок. По ее мнению, это олицетворение духов-хозяев дома, которых «кормили». «Этнографические параллели», приведенные далее, по-моему, таковыми служить, скорее всего, не могут, так как касаются деревянных или медных антропоморфных изображений, но никак не костей — бабок. Упомянутые бабки вполне могли быть и принадлежностью какой-либо игры, тем более, что не сообщается ничего об обстоятельствах их находки — по одной или по несколько, в каком контексте и т. д., а ниже мы узнаем, что они встречаются не в жилищах, а в погребениях.

С другой стороны, параллели можно было бы привлечь из этнографии монголов, где овечьи бабки служат в основном для игр, но тем не менее некоторая весьма стертая ритуально-магическая символика, связанная с ними, все-таки, несомненно, прослеживается.

Можно согласиться с Е. И. Деревянко, когда она на основании данных разных источников определяет социальные строй мохэцев как военную демократию, на базе которой в дальнейшем складывается государство Бохай. Здесь были бы вполне уместны параллели с древними германцами накануне образования варварских королевств, или с зулусским государством Чаки. Существенное значение для реконструкции социального строя мохэцев имеет проделанная автором типологизация погребений, позволившая выделить три типа могил: рядовых общинников, богатых воинов и военачальников. Детальный анализ различных вариантов погребального обряда, проделанный автором с привлечением широких этнографических аналогов, имеет большую ценность.

Основной пафос книги заключен в ее последней главе — «Некоторые аспекты этногенеза». Ей предшествует ряд теоретических предпосылок, с большинством которых можно согласиться, но некоторые вызывают возражения своей излишней категорич-

ностью. К последним относятся утверждения, что «на ранних ступенях развития чело-веческого общества (до бронзы) археологическая культура и этнос совпадают» (с. 242) и что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки дифференцировались из единой алтайской общности (там же). На самом деле первое в высшей степени спорно, а второе по меньшей мере не бесспорно. Кстати, создается впечатление, что ниже на с. 256 Е. И. Деревянко противоречит себе, признавая, «что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным», но на с. 261 вновь читаем о «древней языковой общности для тунгусо-маньчжурской, монгольской и тюркской групп».

Что касается положений автора собственно об этногенезе мохэ, то они представляются вполне весомыми и убедительными, и значительно существеннее, чем можно было бы полагать по скромности заголовка этой главы. Определяя мохэцев как тунгусо-маньчжурский в своей основе этнос, Е. И. Деревянко с полным основанием видит в нем значительный тюркский компонент.

В отношении шивэй мы принимаем концепцию автора о том, что в разных случаях под именем шивэй понимались племена разной этнической принадлежности. Однако нам представляется, что как и в случае с хамниганами в позднейшее время, мы имеем здесь дело с разными уровнями монголизации (у шивэй — киданнизации) исходного тунгусо-маньчжурского субстрата.

В целом, несмотря на отмеченную противоречивость отдельных частных положений, книга Е. И. Деревянко, бесспорно, вносит весомый вклад в изучение древней истории народов Сибири и Дальнего Востока и поднимает проблему об этнических взаимосвязях древних и современных тунгусо-маньчжурских народов на новый качественно более высокий уровень.

С. А. Арутюнов

Л. И. Тегакко, И. И. Саливон, А. И. Микулич. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981. 286 с.

Рецензируемая книга продолжает серию ведущихся тремя минскими специалистами антропологических исследований населения Белоруссии¹. По комплексности, широте программы, включающей десятки разнообразных признаков и систем, эти монографии, насколько мне известно, не имеют себе равных в нашей литературе.

На этот раз работы велись в самой северной части республики — Поозерье. В 1974—1979 гг. здесь изучено семь сельских и две городские группы общей численностью более 2000 чел.

Книга состоит из четырех глав. В первой из них Л. И. Тегакко суммирует физико-географические, археологические, этнографические и антропологические данные о Поозерье и приводит собственные демографические материалы. Они показывают, что если еще недавно сельское население этого района было малоподвижным (радиус брачного круга не превышал 15 км), то в 70-е гг. браки между односельчанами составляли уже менее 10%. Усилению мобильности способствовало создание здесь двух промышленных центров. Ясно, что времени в распоряжении антропологов оставалось мало.

Вторая глава, написанная И. И. Саливон, посвящена соматическим особенностям поозерцев. Межгрупповая дифференциация коренного населения по традиционным расодиагностическим признакам оказалась слабой. Тем не менее автор выделяет здесь два типа. Первый, локализованный в западном Поозерье, находит аналогии среди литовцев и латышей, и, возможно, связан с дославянским населением; второй, тяготеющий к северо-восточному Поозерью, был, по предположению И. И. Саливон, принесен сюда славянами с севера. Различия между изученными районами в степени массивности скелета вызваны, вероятно, иными причинами. Наибольшая массивность отмечена у жителей бассейна Западной Двины — района с максимальным содержанием макро- и микроэлементов в почвах. Попытка И. И. Саливон отнести своеобразное телосложение местных жителей за счет геохимических факторов выглядит вполне убедительной.

Исключительный интерес представляет исследование потомков межнациональных браков (ПМБ) между белорусами, русскими и украинцами. По ряду соматических признаков ПМБ не попадают в промежуток между двумя родительскими группами: они в среднем выше ростом, имеют более грациальное сложение, более круглую форму головы. Изучены не только взрослые ПМБ, но и дети, что позволило проследить возрастную динамику признаков в смешанных группах.

Обнаружены антропологические различия между горожанами и сельскими жителями: у первых более крупные размеры тела; они относительно более длинноноги и узкогруды. И. И. Саливон считает, что причин может быть несколько: акселерация, проявившаяся в более молодом городском контингенте, влияние пищевого режима, условий труда. По расодиагностическим признакам различий между сельским и городским населением практически нет.

В третьей главе Л. И. Тегакко приводит собранные ею данные по дерматоглифике и одонтологии поозерцев. Наряду с традиционными изучены и признаки, сравнительно

¹ Саливон И. И., Тегакко Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976; Тегакко Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И. Антропология Белорусского Полесья. Минск: Наука и техника, 1978.

редко используемые нашими антропологами — гребневой счет, флексорные линии. Порядку признаков население Поозерья неоднородно. Особенно интересны материалы, показывающие, что одонтологическая характеристика некоторых здешних групп обнаруживает аналогии у балтских народов.

Согласно традиции, сложившейся в дерматоглифической и одонтологической литературе, основное внимание уделено признакам, разграничивающим европеоидов и монголоидов (как уже указывалось, при классификации неметисных групп, в частности белорусских, такой подход не вполне оправдан²). На картах, приводимых в книге, закономерности в распределении «западных» и «восточных» признаков заметить не удается. Различаются ли вообще поозерские группы по общей степени «европеоидности» и «монголоидности»? Для решения этого вопроса обычно подсчитывают коэффициенты межгрупповой корреляции, но в данном случае это нецелесообразно, так как групп, изученных по трем программам (соматологической, одонтологической и дерматоглифической), всего шесть. Я предлагаю использовать в таких случаях простой и эффективный ранговый критерий Фридмана³, и эта идея нашла поддержку⁴. Если ранжировать шесть районов Поозерья по каждому из 14 независимых расовидностных признаков⁵ в порядке усиления «монголоидности», то самым «европеоидным» по сумме рангов окажется Поставский район (42,5), самым «монголоидным» — Ушацкий (63); однако величина χ^2_r совершенно недостоверна — 6,2. И в пределах отдельных систем не обнаруживается межгрупповой связи признаков: соматология — 4,0, одонтология — 5,4, дерматоглифика — 10,5. Районы Поозерья не различаются по соотношению «восточного» и «западного» компонентов!

Л. И. Терако не ограничивается «расовой» типологией, а обращается к новым, почти неизученным проблемам: в частности, ею зафиксированы одонтологические и дерматоглифические различия между городским и сельским населением, между представителями разных поколений. Поскольку о подверженности этих признаков прямому влиянию среды и возрастной изменчивости говорить не приходится, автор с полным правом предполагает, что здесь в той или иной форме участвовали селективные процессы.

Автор 4-й главы — А. И. Микучич — знакомит нас с разнообразными данными о вариациях биохимических, физиологических и некоторых редко используемых морфологических особенностей (оволощенность пальцев рук, форма мочки уха). Здесь же приводятся сведения о цвете глаз. На основании частот генов семи серологических систем вычислены обобщенные генетические расстояния между группами; полученные результаты отражены на графиках и карте. Наиболее трудно поддается объяснению тот факт, что белорусско-русские ПМБ отличаются самым своеобразным сочетанием генных частот и отнюдь не занимают промежуточного положения между белорусами и русскими. Различия между городским и сельским населением, а также между мужчинами и женщинами по изученным признакам невелики; возрастные различия оказались сильнее. Автор интерпретирует их исключительно с популяционно-генетической точки зрения (недифференцированная жизнестойкость носителей разных фенотипов, миграции). Это, безусловно, верно, когда речь идет о группах крови, но в отношении признаков с явно неполной экспрессивностью наследственных факторов — цвет глаз, форма ушных мочек, оволощенность фаланг (а именно по ним возрастные когорты различаются особенно сильно) — истиннее было бы предположить действие обычной возрастной изменчивости.

В тексте этой главы неоднократно встречается утверждение о том, что в результате смешения групп снижается частота рецессивных генов. Однако, как известно, ни изоляции, ни смешение сами по себе не приводят к какому-либо направленному изменению частот. При смешении можно ожидать лишь одной общей тенденции: увеличения доли гетерозигот. При этом, если генетическое равновесие еще не установилось, частоты рецессивных генов могут оказаться заниженными.

Весьма широкий набор характеристик, включенных в программу, позволяет А. И. Микучичу ставить самые разнообразные вопросы, относящиеся к биологии современного населения. Выяснилось, например, что у большинства поозерцев довольно высокое артериальное давление, что, однако, не приводит к каким-либо осложнениям. Этот факт (и многое другое) открывает путь к пониманию процессов адаптации.

В заключении, написанном всеми тремя авторами, суммируются итоги работы — итоги очень существенные как для исследователей, занимающихся этнической историей Белоруссии (и Восточной Европы в целом), так и для специалистов по биологии человека. Хочется поздравить белорусских коллег с выходом еще одной прекрасной монографии.

А. Г. Козинцев

² *Перевозчиков И. В.* Рец. Антропология Белорусского Полесья. — Вопросы антропологии, в. 64, 1980, с. 134.

³ *Козинцев А. Г.* Концепция общего сходства в антропологии. — В кн.: Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980, с. 59, 63.

⁴ *Хитъ Г. Л., Богданова В. И.* Дерматоглифические данные к проблеме происхождения тувицев. — В кн.: Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Листа, 1980, с. 70—72. Выказываемое авторами статьи мнение о недостаточной эффективности опровергается экспериментальными данными М. Фридмана.

⁵ Рост бороды, выступание скулы, высота переносья, складка верхнего века; лопаточность медиальных резцов, бугорок Карабелли, дистальный гребень тригониды, тесибугорковые первые нижние моляры, четырехбугорковые вторые нижние моляры; ельтовый индекс, индекс Камминса, карпальный трирадиус, добавочные межпальцевые трирадиусы, узорность гипотенара. По соматическим и дерматоглифическим признакам заты данные о мужчинах, по одонтологическим — об обоих полах суммарно.

Characteristic Features in the Ethnocultural Evolution of the Population of Voronezh Region

Voronezh Region lies within the wide zone of Russian-Ukrainian contacts. The author reviews the trends in the ethnic and cultural evolution of the area's Russian and Ukrainian population for a hundred years period. The integrative processes between these two ethnic communities are examined. The author demonstrates that, as a result of the interaction of a number of variegated factors in the everyday life of the different ethnic groups, a complex combination of general and of ethnically specific local features came into being; they are expressed in different ways in the various spheres of material and spiritual culture.

Analysis of the data leads to the conclusion that in such important characteristics as ethnic-national self-awareness and language Ukrainian-origin groups show a tendency towards merging with the more numerous Russian population. At the same time, ethnic traditions still survive in ethnonyms, local dialects and in certain cultural components of present-day culture. The integrative processes, which have gained considerable momentum in recent decades, lead to the further ethnic and cultural drawing together of the Russians and the Ukrainians in Voronezh Region.

L. N. Tchizhikova

Folk Constructional and Artistic Methods in the Traditional and the Modern Ukrainian Spring-and-Autumn Outdoor Clothing

The paper deals with the constructional, technological and artistic methods in the modelling and sewing of traditional spring-and-autumn clothing among the rural Ukrainian population in the late 19th and early 20th centuries. Through examination of the fabrics, the cutting, the proportions, colours and ornamentation of the traditional Ukrainian outdoor clothes the author has been able to distinguish the most promising directions for utilizing popular experience in the practical modelling of modern clothing.

T. A. Nikolayeva

Chess in the Bylinas

The author, who specializes in the history of chess in Russia, here offers a new analysis of the many places in the *bylinas* that relate to the game of chess. His analysis is based on modern methods of ethnological and folkloristic research. He reaches the conclusion that in its own distinctive aesthetic style epic poetry has brought down to us the factual elements of the chess of Kiev Russia and given us some idea of the high place it held in the life and spiritual culture of the people.

The author offers his interpretation of the earliest terminology of the game: *shakhmaty* (chess), *shashki* (pieces), *tavlei, velei* (chessboards), *zastup'* (a game), *stupen'* (a move), *peshets'ki* (pawns), *shakhmatchiki* (chess players).

I. M. Linder

Individual Specialization in Australian Aborigines' Society

The facts analyzed testify that there existed in traditional Australian primitive indigenous society of hunters and food gatherers a peculiar form of individual specialization. Under this form there are no actual professionals, i. e. persons who devote all their working time to one kind of work; however, there are people who have achieved singular success in one or another traditional activity and who afford particular, sometimes predominant attention to that one activity. Such partial or incomplete individual specialization

tion is harmoniously inscribed in the primitive system of the organization of production relations and social life of the Australian aborigines.

In the author's view, such individual specialization is a specific feature of primitive society. It comes into being in the early stages of the development of society and is essential to the well-being of small primitive bands.

O. Yu. Artiomoova

Theoretical Problems in the Reconstruction of Earliest Slav Spiritual Culture

Recent years saw a revival of interest in the problem of reconstructing the archaic state of traditional, and in particular of early Slav (Pre-Slav, Proto-Slav) culture. Several dozen articles and a few basic monographic works have been published on the subject, many new ideas (of varying degrees of convincingness) have been promulgated. Unfortunately, the results of these studies are often difficult to compare and are sometimes mutually incompatible. Certain mere suggestions and hypotheses have become generally received in scholarly literature and are sometimes taken to be completely authentic facts. In this situation it appears necessary to discuss not only the results of research but its methodological base, the theoretical perspective in the absence of which concrete studies may lack comparability and cohesion.

Hence the editorial board of the «Sovetskaya Etnografia» has decided to use a questionnaire that had been prepared for the Symposium on «Problems of the Integrated Study of Early Slav Culture (the Ethnogenetic Aspect)» held in Leningrad in June 1981. The questionnaire was closely related to the subjects of the main papers presented at the Symposium. In May 1983 another symposium dealing with the ethnogenesis of the Slavs took place in Moscow; its subject-matter was narrower and the area under study more limited: «Polesye and the Origin of the Slavs». The problems touched upon in the questionnaire were keenly debated at the 9th International Slavic Congress (Kiev, September, 1983). Papers on relevant subjects were presented and discussed in the sections for «Ethnogenesis of the Slavs in the light of Archaeological and Historical Data» and «The Pre-Slav Language within the System of Languages» as well as in a special round table session «Slav Ethnogenesis» with the participation of Slavists of different specialties: archaeologists, anthropologists, ethnographers, historians, linguists, folklore students. All this shows their further discussion to be topical and timely.

Our journal is publishing the questionnaire (compiled by N. I. Tolstoy and S. M. Tolstaya), a document of methodological interest in its own right, together with answers received from linguists, ethnographers, folklore students and archaeologists whom the editors have requested to take part in the discussion. In our current issue we are publishing the replies by B. N. Putilov, A. K. Baiburin, V. Ye. Gushev, Yu. I. Smirnov, and E. A. Rikman. The publication of the replies will be concluded in the next issue of our journal.

Editorial Board

CONTENTS

L. N. Tchizhikova (Moscow). Characteristic Features in the Ethnocultural Evolution of the Population of Voronezh Region. *T. A. Nikolayeva* (Kiev). Folk Constructional and Artistic Methods in the Traditional and the Modern Ukrainian Spring-and-Autumn Outdoor Clothing. *I. M. Linder* (Moscow). Chess in the *Bylinas*. *O. Yu. Artiomova* (Moscow). Individual Specialization in Australian Aborigines' Society.

Discussions

Theoretical Problems in the Reconstruction of Earliest Slav Spiritual Culture. A Questionnaire. Replies by *B. N. Putilov* (Leningrad), *A. K. Baiburin* (Leningrad), *V. Ye. Gushev* (Leningrad), *Yu. I. Smirnov* (Moscow), *E. A. Rikman* (Moscow).

Ethnography in Museums

T. V. Staniukovitch (Leningrad). The Museums of Bulgaria. *R. G. Kuzeyev, A. Kh. Pshenichniuk, N. V. Bikbulatov* (Ufa). The Museum of Archaeology and Ethnography of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences.

From the History of Ethnography

S. B. Lebedev (Leningrad). *A. N. Pypin* and His Plan for a Historical-Ethnographic Expedition to the Balkans. *E. A. Rikman* (Moscow). The Ethnographic Aspects of the Work Achieved by the Bucharest Sociological School between the First and the Second World Wars.

Communications

N. P. Borzykh (Frunze). Inter-Ethnic Marriages in the USSR in the Mid-Thirties. *G. M. Davydova* (Moscow). An Approach to the Study of Populations in Physical Anthropology. *A. Mardonova* (Dushanbe). Childhood Cycle Customs and Rituals Past and Present among the Upper Zeravshan Tajiks. *E. Yu. Javadova, G. D. Javadov* (Baku). The Popular Agricultural Calendar and Meteorology of the Azerbaijanians in the 19th and Early 20th Centuries.

Searchings, Facts, Hypotheses

V. I. Zhelvis (Yaroslavl'). Man and Dog (Ways of Regarding a Dog in Different Ethnocultural Traditions).

Chronicle

A. Ye. Ter-Sarkisyants, I. Yu. Zarinov (Moscow). The Activities of the Order of Peoples' Friendship Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences in 1983.

Academic Life

S. Badamkhatan (Ulan-Bator), *A. M. Reshetov* (Leningrad). The First Soviet-Mongolian Ethnographic Symposium. *V. I. Vassilyev* (Moscow), *N. A. Tomilov* (Omsk). «Problems in the Ethnogenesis and Ethnic History of the Samodic Peoples» — an All-Union Conference. *V. G. Stelmakh* (Moscow). On the Emergence of a Pan-Indian Community in the U. S. A. (a Conference).

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *A. S. Mylnikov* (Leningrad). Problems Relating to the Rise of Nations in Eastern Europe as Viewed by Present-Day Hungarian Historiography. Peoples of the USSR. *V. M. Kulemzin, N. A. Tomilov* (Omsk). The Ethnic History of the Northern Peoples. *S. A. Arutiunov* (Moscow). *Ye. I. Derevianko*. Tribes of the Amur Area in the 1st Millennium A. D. Essays on Their Ethnic History and Culture. *A. G. Kozintsev* (Leningrad). *L. I. Tegako, I. I. Salivon, A. I. Mikulitch*. Biological and Social Factors in the Formation of Anthropological Characteristics (Based on Data from Research among the Population of the Pooziorye Area).

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.04.84 Подписано к печати 28.05.84 Т-13302 Формат бумаги 70×108/16
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 45,1 тыс. Уч.-изд. л. 18,2 Бум. л. 55
Тираж 2883 экз. Зак. 4905

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

321-29
ВОЛОГДА
ПОЧТЕ
70845

2 ЭКЗ

Цена 1 р. 90
Индекс 7084

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» имеются в продаже:

Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «КИТОВАЯ АЛЛЕЯ». ДРЕВНОСТИ ОСТРОВОВ ПРОЛИВА СЕНЯВИНА. 1982. 175 с. 80 к.

Летом 1976 г. на острове Иттыгран в Сенявинском проливе открыт уникальный археологический памятник «Китовая аллея», — комплекс сооружений из длинного ряда вкопанных вдоль береговой линии черепов гренландских китов и параллельного ему ряда столбов 4—5-метровой высоты из челюстей китов. Авторы — участники экспедиции, используя различные данные, смогли разгадать тайны прошлого и реконструировать социальную и культурную жизнь создателей «Китовой аллеи».

Книга иллюстрирована; она будет интересна историкам, этнографам, археологам и широкому кругу читателей.

Малявкин А. Г. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ. 1981. 336 с. 2 р. 20 к.

Монография посвящена исследованию средневековых китайских текстов о расселении народов Центральной Азии в VII—VIII вв. На большом фактическом материале, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот, анализируется административное районирование и уточняется расселение многочисленных племен на обширных пространствах Центральной Азии.

Предназначена для историков-востоковедов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Кушбыв, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.